Исследования по истории русской мысли

STUDIES IN RUSSIAN INTELLECTUAL HISTORY

[12]

Edited
by Modest A. Kolerov

Модест Колеров
Moscow 2016

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

ЕЖЕГОДНИК 2015

[12]

Под ред кцией
М. А. Колеров

Модест Колеров
Москва 2016

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)
С 23

Под редакцией М. А. Колерова

С 23 Исследов ния по истории русской мысли [12]: Ежегодник з 2015 год / Под редакцией М. А. Колерова. М. : Издатель Модест Колеров, 2016. 424 с.
ISBN 978-5-905040-18-4

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-905040-18-4

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Е. Аляев, Т. Н. Резвых. Дружба, испытуемая жизнью: К переписке С. Франка и В. Ельяшевича 7

Переписка С. Л. Франка с В. Б. Ельяшевичем и Ф. О. Ельяшевич (1922–1950). Публикация и комментарии Г. Аляева и Т. Резвых 40

Г. Е. Аляев. Н. О. Лосский. Письма к С. Л. Франку и Т. С. Франк (1947, 1953–1958) 241

* * *

М. А. Колеров. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев о «Народоправстве», Кареев о Сорокине, Аскольдов о Лапшине, Зеньковский (1896–1922) 256

Д. А. Игумнов. Восток в публицистике журналиста газеты «Новое Время» С. Н. Сыромятникова (1893–1904).........................284

М. К. Русские «идейные» сборники: дополнения, 1904–1934.........321

Н. В. Винюков . Русские историки-эмигранты в США в межвоенный период: ожидания и реальность. М. И. Ростовцев и Г. В. Вернадский 332

Мих ил Гершзон. Последний «Иван Грозный» Сталина: проект фильма 1952–1953 гг. 358

М. В. Алекс ндров. Русский военный теоретик Е. Э. Месснер как основоположник концепции сетецентрической (гибридной) войны 399

* * *

Errata 420

Серия «Исследования по истории русской мысли» (1996–2015)....421

Г. Е. Аляев, Т. Н. Резвых

Дружба, испытуемая жизнью: К переписке С. Франка и В. Ельяшевича

Из энциклопедических справок о биографиях великих мыслителей — а к таковым, безусловно, можно отнести Семёна Людвиговича Франка (1877–1950), — как правило, складывается впечатление, что в своей жизни они общались только с не менее великими современниками, думали о ещё более великих предшественниках и влияли на стремящихся быть великими эпигонов. С точки зрения реконструкции логики историко-философского процесса — если исходить из его объективности — такой подход, наверное, оправдан. Однако достаточен ли он с точки зрения задачи понять личность мыслителя в её целостности — в неразрывном единстве творчества идей и реальной человеческой жизни? В этом случае не обойтись без знания конкретных фактов биографии, а также знания о тех людях — может быть, вовсе не «великих» в словарно-энциклопедическом отношении, — которые составляли непосредственный круг общения, жизненное пространство, в котором уже формировалось и развивалось пространство творчества великого мыслителя. В первую очередь тут, конечно, речь должна идти о семье, о любимых и близких людях, а также о тех

друзьях, которые стали в данной биографии реально значимыми, «судьбоносными». Да и сам Франк был убеждён, что ближайшее окружение человека является ничуть не меньшим проявлением того первичного единства «мы», на почве которого рождается индивидуальное «я».

Хорошо известно, что таким другом для С. Франка на протяжении почти всей его жизни был Пётр Бернгардович Струве. Однако были, конечно, и другие, и среди этих других выделяются своей особой, не совсем обычной ролью в его биографии Василий и Фаина Ельяшевичи. Их присутствие в жизни Франка прослеживается с конца 1890-х годов — публикуемые письма отражают лишь более поздний, эмигрантский период их отношений. Поэтому, прежде чем говорить об этих письмах, необходимо рассказать их «предысторию».

Справедливости ради заметим, что Василий Борисович Ельяшевич (1875–1956) и сам является персоналией энциклопедических словарей: уже для Брокгауза и Ефрона он — «видный русский цивилист, профессор гражданского права в петербургском политехническом институте и на высших женских курсах»[1]. Василий был одним из пяти детей военного врача Авраама (Бориса) Акимовича Ельяшевича, происходившего, в свою очередь, из рода раввинов, однако отошедшего от еврейской традиции и в значительной степени интегрировавшегося в русский быт, хотя и не крестившегося[2]. Трое из его сыновей стали профессо-

1 [*С. Л.*] Ельяшевич // Новый энциклопедический словарь / [под общ. ред. К. К. Арсеньева]. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, [1912]. Т. 17: Душевные болезни — Жуки. Стлб. 478.

2 Местом рождения Василия Борисовича в одном из словарей указан «Новогеоргиевск Херсонской губ.» (Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Ред.: Л. Мнухин, М. Авриль, В. Лосская. М., 2008. Т. 1. С. 537). Отец Василия действительно служил военным врачом в Новогеоргиевске, однако, судя по его послужному списку, это было в 1877–1882 годах (и скорее всё-таки это был не городок на Днепре с кирасирскими поселениями, затопленный ныне водами Кременчугского

рами разных отраслей знания. Василий окончил с отличием Иркутскую гимназию и в 1892 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который также успешно — с дипломом первой степени — окончил в 1896 г. Семён Франк учился на этом же факультете, но был младше на два года (с 1894 по 1898 гг.), — можно предположить, что они знали друг друга (или друг о друге) уже во время учёбы (оба на тот момент формально состояли в иудейской вере), но было ли это знакомство уже дружбой — сказать трудно. Франк, по его признанию, первые два года учёбы лекций «не слушал, а занимался кружковыми дебатами по вопросам социализма и политической экономии и — “революционной деятельностью” в конспиративных кругах нарождавшейся тогда социал-демократической партии»[3]. Ельяшевич, хотя и разделял в молодости социал-демократические идеи, очевидно, не манкировал учёбой ради конспиративной романтики.

Дружба, скорее всего, возникает несколько позже, в Берлине, где Василий Ельяшевич работал преподавателем при восточном семинаре Берлинского университета (с 1897 или 1898 по 1903 год)[4], а Семён Франк, ещё не получив диплома

водохранилища, а русская военная крепость на Висле — польский Модлин), в то время как ранее он был в Брест-Литовске, куда был определён на службу во 2-й Брест-Литовский крепостной пехотный батальон 26 января 1875 г. (Ельяшевич, Авраам (Борис) Акимович // Википедия. Свободная энциклопедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Ельяшевич Авраам (Борис) Акимович), — т. е. всего за месяц до рождения (4 марта) Василия. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона пишет, что В. Ельяшевич родился «в семье военного врача Брест-Литовского батальона надворного советника Авраама Акимовича Ельяшевича и его супруги Раисы Абрамовны». Таким образом, местом рождения В. Б. Ельяшевича, очевидно, был Брест-Литовск.

3 *С. Л. Франк*. Предсмертное. Воспоминания и мысли // *С. Л. Франк*. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 45–46.

4 Интерес к России в Германии имеет давние традиции. «В 1887 г. в берлинском университете открылся семинар по восточным языкам для подготовки молодых юристов к работе в качестве переводчиков в посольстве. Этот семинар вскоре преобразовался в “Центр региональных исследований”,

и будучи «выслан на два года без права проживания в университетских городах»[5], слушал лекции по политической экономии и философии в том же университете и писал свою первую — ещё политэкономическую — книгу (с осени 1899 до начала 1901 г.)[6]. Катализатором — своеобразным и небезопасным реактивом — этой дружбы стала молодая жена Василия — Фаина[7], которая только что закончила юридический факультет немецкого университета.

Известно, какую роль в становлении Франка как философа сыграл Фридрих Ницше и его «Так говорил Заратустра» — по словам самого русского философа, он был «потрясён» «атмосферой глубины духовной жизни, духовного борения, которой веяло из этой книги»[8]. Однако почва для этого духовного переворота и превращения в «философа» была подготовлена — по искреннему признанию самого Франка — обстоятельствами его сугубо личной жизни. «Пробуждением духовной жизни и настоящим ин-

---

в котором помимо языковой подготовки уделялось внимание истории, страноведению и экономике Восточной Европы и другим, внеевропейским зонам». В 1892 г. в «Берлинском университете создаётся на философском факультете при кафедре новейшей истории экстра-ординатура по восточноевропейской истории» (*С. В. Бородин.* Институциональное формирование германского россиеведения // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2010. Вып. 3. С. 91).

5 *С. Л. Франк*. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 47.

6 Вспоминая первые встречи со Струве, в частности, во время его приезда в Берлин в конце 1899 г., Франк пишет: «<…> Однажды обедали вместе в ресторане при участии моих товарищей В. Б. Ельяшевича и О. Е. Бужанского» (*С. Л. Франк*. Воспоминания о П. Б. Струве // *С. Л. Франк*. Непрочитанное… Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 406). Тогда же начинается и ещё одна линия отношений — благодаря Франку, Струве познакомился с Ельяшевичем (об этом он упоминает в письме жене 8 января 1902 г. (Письма С. Л. Франка к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) / Публ. и комм. М. А. Колерова // Путь. 1992. №1. С. 306), по инициативе которого (и А. А. Чупрова) он был приглашён позднее в Санкт-Петербургский политехнический институт (*С. Л. Франк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 440).

7 Фаина Осиповна Ельяшевич (урожд. Моргулис, 1877–1941).

8 *С. Л. Франк*. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 54.

тересом к философии во всей полноте и глубине её, как знания сверхнаучного, я ближайшим образом обязан внешнему событию моей жизни — одному неудачному роману, который я начал переживать с лета 1900 г. и который затянулся надолго и заставил меня много перестрадать. Тут на мне обнаружилось углубляющее значение страдания — именно пробуждение через него духовной жизни»[9]. Речь идёт об отношениях с Фаней Ельяшевич. Это увлечение началось в Берлине и продолжилось позднее в Петербурге (куда Ельяшевичи переехали в 1903 г., а Франк — осенью 1905-го) — очевидно, с тем же «успехом», приносившим одни страдания. Лишь в конце 1907 г. Франк прекращает эти отношения — на его пути встречается Татьяна Барцева, с которой он уже не расстаётся более 40 лет счастливой супружеской жизни[10].

Вышеприведённое признание Франка, сделанное в биографических записках 1935 года, находит полное подтверждение в документе, непосредственно отразившем это его «пробуждение», — дневнике, который он вёл с 31 декабря 1901 по 23 июня 1902 года[11]. Дневник был начат явно под впечатлением переживания отношений с Фаиной[12] и является ярким свидетельством тех внутренних страданий, борений и исканий, которые переживал молодой учёный в эти месяцы. Текст писался отнюдь не для печати, и в нём много

---

9 Там же.

10 Татьяна Сергеевна Франк (урожд. Барцева, 1886–1984).

11 Тетрадка с дневником по каким-то причинам была оставлена в 1921 г. Франком в Саратове; она была найдена, идентифицирована и опубликована саратовскими исследователями в 2006 г. (см.: *Е. П. Никитина*. История одной «Тетради» (о судьбе рукописей С. Л. Франка) // *С. Л. Франк*. Саратовский текст / Сост.: А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 16–30).

12 На тот момент заочных — Франк писал дневник в Ялте, но в нём упоминается письмо от «Ф.» и мучительное писание ответа ей (см.: *С. Л. Франк*. Дневник / Публикация Е. П. Никитиной. Подготовка текста: Ю. Н. Борисов, А. А. Гапоненков. Комм. А. А. Гапоненкова // *С. Л. Франк*. Саратовский текст / Сост.: А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 38, 41).

чисто личных, интимных переживаний и эмоций, хотя одновременно дневник для 25-летнего Франка — это, прежде всего, способ внутренней самоорганизации, преодоления душевной и умственной расхлябанности, обретения смысла собственной жизни и выстраивания целенаправленной научной работы. Лейтмотивом звучат в нём пушкинские строки: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

Нужно подчеркнуть, что идея страдания, заложенная опытом личных отношений и отрефлексированная первоначально в формулах Ницше, безусловно, является той нитью, которая связывает «Дневник» Франка 1902 года с его поздними религиозно-философскими работами и его зрелым мировоззрением. Более 30 лет спустя, в «Непостижимом», он напишет о «чистом страдании» — в противовес «бессмысленной мучительности» — как о таком, которое «открывается нам в той форме его преодоления, которая заключается в духовном приятии или претерпевании страдания — в нашей способности выстрадать и перестрадать страдание. Тогда страдание испытывается и открывает себя не как бессмысленное зло, не как нечто безусловно недолжное, даже не как извне наложенная на нас кара, а, напротив, как исцеление от зла и бедствий, как желанный Богу и в этом смысле уже сущностно божественный возвратный путь на родину, к совершенству реальности»[13].

Роман с Фаней Ельяшевич был как раз «бессмысленным мучительством», к тому же отягощённым нерешительностью характера Франка. Из некоторых замечаний «Дневника» можно сделать вывод, что инициатором отношений была Фаня. Переживая в крымском далеке то, что произошло в Берлине (а произошла, в том числе, и попытка разрыва: «Я невольно совершил гнусность, наговорив с ней столько резкостей»[14]), Франк пишет: «<...> Привязанность

[13] *С. Л. Франк*. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М., 1990. С. 551.

[14] *С. Л. Франк*. Дневник. С. 38.

ко мне Ф. меня трогает, умиляет. <...> Как бы много она мне ни принесла горя, я с ней примирён и не могу относиться иначе, как с глубоким чувством благодарности за такую незаслуженную привязанность (если бы я и делал что для неё, так ведь не за это же она привязалась, и слишком это большая награда). Это чувство — трогательности её отношения ко мне — во мне в тысячу раз сильнее и моего собственного чувства к ней, и моих страданий, и всего, что было против неё»[15]. «Примирение» сочеталось, однако, с ясным пониманием того, что «вся её дружба в том, что она не может жить без меня и не может не мучить меня»; желание «выкарабкаться» из этого тупика растворялось в понимании того, что «оттолкнуть её сейчас у меня нет силы»[16]. Ялтинский «Дневник», однако, отражает стремление молодого Франка преодолеть бессмысленность этих страданий, и наоборот — прийти к тому, «чтобы этими страданиями очищаться и научаться истине»[17].

О том, как завершился этот «затянувшийся роман» Франка, повествует уже в своих воспоминаниях его жена Татьяна Сергеевна. Влюбившись в молодого преподавателя Стоюнинских курсов с первого взгляда, но не сразу сумев обратить на себя, юную студентку, его внимание (она была моложе на девять лет), Татьяна Барцева поначалу вынуждена была мириться с тем, что Франк вместо студенческого бала шёл на концерт с другой — «дамой в зелёном платье», что он часто проводил воскресенья «у своих

[15] Там же. С. 37–38.

[16] Там же. С. 39. Через 40 лет Франк воспроизводит эту ситуацию в письме своему другу Л. Бинсвангеру: «В юности я много лет потратил на бессмысленный роман, не имея даже того оправдания, что действительно был ослеплён, потому что прекрасно чувствовал, что я на ложном пути, и не мог набраться смелости свернуть на правильный» (письмо от 28 апреля 1942 г. — см.: *Ф. Буббайер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950 / Пер. с англ. М., 2001. С. 41).

[17] *С. Л. Франк*. Дневник. С. 33.

друзей в Сосновке, у профессора Ельяшевича»[18], и даже ездил «с семьёй Ельяшевича» летом в Швейцарию; наконец, что он просто, разговаривая с ней, нёс коробку конфет — но это были «конфеты не для меня»[19]. «У меня в душу давно уже запало какое-то чувство не ревности, я не имела на это право, а скорее беспокойства, что он кого-то любит и вот сегодня он как раз идёт туда, я даже конкретно отдавала себе отчёт, кто это была, она всегда слушала его лекции, это была жена проф. Ельяшевича, женщина с седыми волосами»[20].

Перелом в отношениях наступил в начале декабря 1907 г., когда Семён Франк признался Татьяне в любви, после чего это трепетное чувство было бережно пронесено ими через всю жизнь. Он не скрывал от неё своего предыдущего восьмилетнего увлечения — как вспоминала Татьяна, «потом он мне сам говорил, что любовь эта была надуманная, или, вернее, выдуманная его потребностью любить, что ни к чему не привела, только измучив его, доказав, что это не истинная любовь»[21]. Дневник Франка, о котором шла речь выше, подтверждает, что он не лукавил и не пытался себя оправдать. Его искренность отражает и такой рассказ Татьяны о первых месяцах их любви: Фаина как раз в это время «ждала ребёнка, и С. Л., уже совершенно отошедший от неё и весь поглощённый своей любовью ко мне, волновался и боялся её родов, думая, что она тяжело перенесёт его уход и его любовь ко мне. Мне это было трудно понять, но, веря абсолютно в его любовь ко мне, меня это

---

[18] Ельяшевичи жили в посёлке Сосновка на окраине Санкт-Петербурга, где располагался Политехнический институт: «Лесн. уч. Сосновка 1–3» (см.: Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. На 1907 г. СПб., 1907. С. 242; Весь Петроград. Адресная и справочная книга г. Петрограда. На 1917 г. Пг., 1917. С. 233).

[19] См.: Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк // *С. Л. Франк.* Саратовский текст / Сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 195–199.

[20] Там же. С. 199.

[21] Там же. С. 201.

ни в какой мере не смущало, а только подчёркивало его благородство»[22]. Тут же мельком Татьяна признаёт и возможность параллельной, хотя бы пунктирной, линии отношений: «Ельяшевич хорошо знал меня по курсам, и я знала, что я ему нравилась»[23]. Однако теперь эти линии однозначно остались в прошлом: «С того момента, как они, т. е. Ельяшевичи, узнали о нашей любви, они как бы раззнакомились с С. Л.»[24]. Подтверждение этому повороту находим в открытке Франка Ельяшевичам от марта 1935 г., где он, между прочим, упоминает, что прошло «более четверти века с конца нашей близости»[25]. Таким образом, примерно с 1908 по конец 1922 года (начало публикуемой переписки) Франки и Ельяшевичи не поддерживали дружеских отношений. Однако и не «раззнакомились» совсем, и не теряли друг друга из виду даже в грозные годы революции, о чём свидетельствуют уже первые из публикуемых писем. Не следует забывать, что до 1917 г. они жили в одном городе, а С. Франк и В. Ельяшевич преподавали в одних и тех же учебных заведениях[26]. Позднее, в Саратове, Франк также общался с братом Василия Александром (и, очевидно, был обязан ему какой-то поддержкой — скорее всего, материальной) и с их отцом Борисом Акимовичем[27].

---

22 Там же.

23 Там же. В 1906–07 годах надворный советник В. Б. Ельяшевич числился преподавателем «СПб. Политехнического института и Женской гимназии Стоюниной» (Весь Петербург. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. На 1907 г. СПб., 1907. С. 242).

24 Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 201.

25 Письмо 7 (здесь и далее указываем номера писем в нашей публикации).

26 Дополнительным «связующим звеном» между ними был Струве. Вспоминая о приезде Петра Бернгардовича на рождественские каникулы 1913–14 года в Мюнхен, Франк пишет: «Мы дружно и весело встретили русский Новый год в моей семье (при участии моего старого товарища, коллеги П. Б. по Политехническому институту, проф. В. Б. Ельяшевича)» (*С. Л. Франк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 471).

27 См. письма 1, 3.

Василий Ельяшевич крестился, ещё работая в Германии, в Веймарском православном храме[28] в 1903 году (Франк — только в 1912), после чего ему открылись возможности преподавательской карьеры на Родине. Ельяшевичи переехали из Берлина в Петербург[29], и с 1903 по 1917 год Василий Борисович занимал должность преподавателя, доцента и экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Санкт-Петербургского политехнического института[30] (Франк преподавал в этом институте в 1914–1917 гг.). По совместительству он работал (как и Франк) в Стоюнинской гимназии и на Высших Бестужевских курсах. В 1910 г. защитил магистерскую диссертацию на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, где состоял приват-доцентом по кафедре гражданского права в 1911–1913 гг. (на университетской кафедре философии с 1912 г. работал и Франк). В. Ельяшевич был произведён в статские советники, и в предреволюционные годы совмещал преподавательскую деятельность с административной — в Министерстве финансов и Министерстве торговли и промышленности («чиновник особых поручений при министре и юрисконсульт правительственного надзора за торгово-промышленными предприятиями»[31]). Фаина Осиповна за-

[28] Церковь Святой Равноапостольной Марии Магдалины в Веймаре, построенная в 1860-е годы, но ведущая свою историю от домовой церкви, устроенной для дочери императора Павла, принцессы Саксен-Веймарской Марии Павловны в 1804 году, в стенах которой часто бывал Гёте, интересовавшийся древнерусской иконописью и церковным пением.

[29] В. Б. Ельяшевич был зачислен в штат С.-Петербургского Учебного Округа 15 мая 1903 г. (см.: Список лиц, состоящих на службе в С.-Петербургском Учебном Округе к 1 апреля 1913 года. СПб., 1913. С. 23).

[30] О работе В. Б. Ельяшевича в институте см.: *Архимандрит Константин*. Памяти Василия Борисовича Ельяшевича // Санкт-Петербургский Политехнический институт. Сборник 2. Париж—Нью-Йорк, 1958. С. 36–39; *П. Е. Ковалевский*. Профессор В. Б. Ельяшевич // Там же. С. 40–42; *Евг. Вечорин*. Надгробное слово // Там же. С. 43–44.

[31] Весь Петроград. Адресная и справочная книга г. Петрограда. На 1917 г. С. 233.

нималась переводами немецкой юридической литературы на русский язык — она перевела, в частности, «Учебник уголовного права» Франца фон Листа (1903) и двухтомник «Английское местное управление» Иосифа Редлиха (1907–08), публиковала рефераты иностранных переводов и рецензии на иностранные книги по праву в «Журнале Министерства Юстиции»[32].

Неприятие Октябрьской революции и служба по ведомству Министерства финансов привели Василия Борисовича в Вооружённые силы Юга России. После ряда серьёзных поражений деникинской армии — и после смерти служившего в ней сына[33] — Ельяшевич эвакуировался из Новороссийска 22 февраля 1920 г. на пароходе-крейсере «Саратов»[34]. Пробыв некоторое время в Константинополе, он с женой и дочкой добрался до Парижа.

В начале эмигрантского периода В. Ельяшевич участвовал в работе «Делового Комитета» по помощи Русской Армии (1920–1921 гг.)[35], однако научные интересы всё-таки

---

[32] См.: *Ф. О. Ельяшевич*. [Из иностранных журналов] // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1911. №2 (Февраль). С. 324–329; *Ф. О. Ельяшевич* [Из иностранных журналов] // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1911. №5 (Май). С. 318–324; *Ф. О. Ельяшевич.* [Из иностранных журналов] // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1912. №9 (Сентябрь). С. 341–343; *Ф. О. Ельяшевич.* [Из иностранных журналов] // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1912. №11 (Ноябрь). С. 327–335.

[33] По свидетельству Е. Миллер, он «умер в Белой Армии от дифтерита» (*Е. Л. Миллер*. Женщины русской эмиграции / Публ. О. Р. Демидовой // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 74). Татьяна Франк пишет в воспоминаниях, что он «был убит, будучи в белой армии» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 188).

[34] Это был один из первых рейсов, эвакуировавший преимущественно гражданских беженцев. На этом же пароходе покидал Россию, например, художник Иван Билибин, а также Донской кадетский корпус. В эти же дни из Новороссийска в Крым эвакуировался Пётр Струве.

[35] В дневнике Веры Буниной есть запись от 1 января (н. с.) 1921 г.: «Вечером у нас был Ельяшевич. […] Струве он считает одним из крупных людей нашего времени. Говорили о “Деловом комитете”. Его формула: “Мож-

[Содержание]

преобладали в нём над военно-политическими. Он стал профессором Парижского университета, где в Институте русского права и экономики при юридическом факультете читал курс лекций «Русское гражданское право». «Основанный в 1921 г. юридический факультет был совершенно исключительным и своеобразным научным центром. Французское правительство пригласило для чтения лекций лучших русских юристов и экономистов, а количество слушателей было ограничено. Их было не тысячи, не сотни, и даже не десятки, как на факультетах всего мира, а небольшая группа, и профессора могли с каждым заниматься почти индивидуально, разрабатывая отдельные вопросы совместно со своей аудиторией в дискуссионном порядке»[36].

Последующее общественное участие тоже было связано, в первую очередь, с научной деятельностью: член Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза, сотрудничество с Экономическим кабинетом профессора С. Н. Прокоповича. В апреле 1930 г. выступал с докладом «Социалистический сектор советского хозяйства» на Экономическом совещании в Париже[37]. Также был почётным членом Общества русских студентов для изучения и упрочения славянской культуры и возглавлял общество выпускников Санкт-Петербургского политехнического института, сотрудничал с Историко-генеалогическим обществом, где выступал с докладами по истории права в России. Главной сферой научных изысканий В. Ельяшевича

но войти в деловой комитет только тем, кто сумеет накормить беженцев, не растратив имущества русского. А то распродадут весь флот и, если падут большевики, не на чем будет перевезти ничего из Крыма в Одессу"» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин. Б. М., 2005. Т. 2. С. 18).

36 *П. Е. Ковалевский*. Профессор В. Б. Ельяшевич // Санкт-Петербургский Политехнический институт. Сборник № 2. Париж — Нью-Йорк, 1958. С. 40.

37 См. также отзыв Франка о выступлении Ельяшевича на Общем съезде русской торговли и промышленности в Париже в мае 1921 г. (письмо 1).

была история поземельного права и земельной собственности, сельскохозяйственной экономики, аграрной государственной политики[38]. Итоговым трудом стала «История права поземельной собственности в России» (тт. 1–2, Париж, 1948–1951; третий том, от Екатерины II до эпохи Великих реформ, остался неопубликованным), которую он посвятил «памяти бесценного друга — жены» (в апреле 1946 пишет Франку о подготовленном 1-м томе: «Это будет мой главный наследник»[39]).

Что касается Фаины, то собственные болезни и хроническое нездоровье дочери поглощали уже всё её основное время и силы[40]. Известно её участие в благотворительной деятельности — с 1929 г. член бюро Комитета помощи русским писателям и учёным во Франции, член правления общества «Быстрая помощь» (1930 г.). В конце 30-х годов Фаина — одна из основательниц кружка «Amaur», созданного под председательством И. А. Бунина с целью оказания материальной помощи русским писателям[41]. В фонде А. М. Ремизова в Доме Русского Зарубе-

[38] См.: *В. Б. Ельяшевич*. Социальные и правовые последствия русской революции // Русская мысль. 1921. Кн. VIII–IX. С. 195–210. См.: *А. А. Семёнов*. Исследование профессором В. Б. Ельяшевичем истории поземельных отношений в России // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб., 2000. С. 183–186.

[39] Письмо 65.

[40] Сообщая о смерти дочери С. Франку, В. Ельяшевич пишет о жене: «Последние десять—двенадцать лет все часы и минуты её жизни были заняты Ирочкой» (письмо 8). Об Ирине упоминает в своих воспоминаниях Татьяна Франк — «дочь полунормальная (тот ребёнок, которого ждали в 1907-м году, и тогда Семёнушка беспокоился, как всё обойдётся)» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214). Е. Миллер пишет, что Ельяшевичи помогали, в частности, русской гимназии, «где училась их дочь, умершая молодой. Она вышла замуж за хорошего человека, но скоро скончалась, будучи всегда слабого здоровья» (*Е. Л. Миллер*. Женщины русской эмиграции. С. 74).

[41] Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Т. 1. С. 537. В биографических справках Елизаветы Миллер читаем о Фаине Ельяшевич: «Она заслуживает особого внимания и памяти. Еврейка по происхождению, она приняла православие и была более православна, чем многие, в этой вере

жья имени Александра Солженицына сохранились расписки писателя «за полученные им от Фаины Иосифовны деньги (почти ежемесячное вспомоществование) в 1936–1939 гг.»[42]. Фаня Ельяшевич была корреспонденткой певицы Н. В. Плевицкой и писательницы Н. А. Тэффи.

Ельяшевичи были хорошо знакомы с Иваном и Верой Буниными[43], в их доме также бывали Борис и Вера Зайцевы, Иван Шмелёв, другие известные деятели русской культурной и научной эмиграции[44]. Очевидно, что материальное

родившиеся, и это было не внешнее отношение к церкви, а глубокое понимание сущности вероисповедания, и без всякого ханжества. У проф. Ельяшевича были средства, и из них много шло на помощь нуждающимся соотечественникам. Многие русские писатели и учёные-эмигранты сильно нуждались, и Фаина Осиповна образовала кружок помощи им. Носил он название AMAUR, сокращённое Amicale des Auteurs Russes, по-русски «Общество помощи русским авторам». Она сумела к этому делу привлечь многих, все вносили свою долю, и это распределялось между нуждающимися писателями и учёными. И делалось это так деликатно, что самолюбие измученных борьбой с нуждой людей не страдало» (*Е. Л. Миллер*. Женщины русской эмиграции. С. 73). И далее: «В Ф [аине] О [сиповне] и её муже не было ни тени какого-нибудь святошества. Были весёлые гостеприимные люди. В их доме можно было встретить весь цвет русской интеллигенции и литературы. И самых учёных православных иереев. Он был в своё время профессором, кажется, гражданского права в СПБ. Политехническом институте, она кончила юридический факультет, кажется, в Германии. Но никакого высокомерного отношения к её менее учёным соотечественницам у неё не было» (Там же. С. 74).

42 *Н. П. Белевцева*. И. С. Шмелёв и Ельяшевичи в Бюси-ан-От (по материалам архива Дома Русского Зарубежья им. Александра Солженицына) // Шмелевские чтения. Алушта, 2013. С. 160.

43 Это знакомство уходило корнями в далёкие дореволюционные времена. В конце января 1941 г. Вера Бунина писала Т. Логиновой-Муравьёвой: «10 января скончалась Фаина Осиповна Ельяшевич, у нас дружеские отношения длились больше сорока лет. У неё было что-то мозговое. Сильно страдала. Муж прислал отчаянную открытку» (Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой: 1936–1961 / И. А. Бунин и В. Н. Бунина. Paris, 1982. С. 37).

44 Вера Бунина пишет в дневнике 6 января 1921: «Вечером пришли Толстые, мы уговорили их пойти с нами к Ельяшевич. Там, кроме нас, Толстых, Ку-

положение Василия Борисовича было достаточно устойчивым — кроме квартиры в Париже[45] у Ельяшевичей было имение на Лазурном берегу (пожить в котором Василий предлагал Франку в 1922 г., но это предложение было отклонено[46]). А в 1935 г. ими было приобретено имение «Вишнёвый сад» в Бюсси-ан-От в Бургундии, в котором уже в 1938–39 годах гостили и Франки, а в летние месяцы 1940–43 гг. жили Зайцевы. В 1946 году, выполняя завещание своей жены, Василий Ельяшевич передал это имение в дар Покровскому женскому монастырю, существующему поныне. «Это было сестричество монахинь, отпочковавшееся в 1938 г. от “Православного дела” м. Марии (Скобцовой) и образовавшего общину в Музене (50 км от Парижа). Её первой игуменьей стала мать Евдокия (Куртен) <...> Мать

приных, были ещё Бернацкие. Его я не узнала. Теперь ни один вечер не обходится без министра, хотя бы одного. Вот время! […] Были разговоры и о Петре Великом, главным образом, между Куприным и Толстым. Куприн нападал на Толстого, что он не так написал Петра. Куприн был сильно на взводе, но всё обошлось благополучно. Была музыка. Бетховен» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Т. 2. С. 18). А 30 января того же года: «Обедали у Ельяшевич. Вас. Бор. развивал планы основания здесь академии для спасения русской культуры в лице писателей и учёных» (Там же. С. 22). Между прочим, находим в этом дневнике и ещё одну запись Веры Буниной (17 марта 1929 г.), крайне интересную в контексте темы нашей публикации: «Завтракали у Ельяшевич. […] Гуляла по Елисейским полям с Ф. О. Она “презирает себя”, что не изменяла мужу. “Было много, много искушений”. […] Мне как-то не представляются искусители. […]» (Там же. С. 162). Вот такие милые женские откровения! Можно небезосновательно предполагать, что среди первых, с кем были связаны столь сложные переживания в душе Фаины (а может, и единственным?), был Семён Франк — неужели и теперь, через 20 лет после разрыва, она продолжала испытывать к нему чувства?

[45] Адреса менялись: первое, несохранившееся письмо Франк писал на rue Taitbout (Paris IX), потом Ельяшевичи живут на Pl. du Panthéon, первые письма Ельяшевича Франку идут с rue du Boccador (Paris VIII), в конце 1930-х — уже с Boulevard Beauséjour (XVIe), а последние письма — crue Cognacq-Jay, VII.

[46] См. письма 2 и 3.

Евдокия была соработницей о. Сергия Булгакова, матери Марии (Скобцовой), иконописца Ю. Н. Рейтлингер (сестры Иоанны)»[47]. Иконостас в церкви Покрова был расписан сестрой Иоанной (Рейтлингер). При монастыре было устроено общежитие для больных русских[48] — там 24 июня 1950 г. скончался Иван Шмелёв.

Следует сказать, что внешнее относительное благополучие эмигрантской жизни Ельяшевичей омрачалось семейными горестями и трагедиями. Публикуемые письма дают представление о той душевной боли, которую переживали Василий и Фаина после гибели сына; о тяготах, связанных со слабым здоровьем Фаины и неполной дееспособностью дочери Ирины; наконец, о мучительном переживании смерти дочери в 1935 году. В предвоенные годы Ельяшевичи, по выражению Т. Франк, «в скорбях доживали свою жизнь»[49]. А 10 января 1941 г., накануне её 64-летия, не стало и Фаины.

Собственно, прежде всего на фоне глубокого душевного сочувствия и сопереживания со стороны Франка этим семейным бедам развивается его переписка с Ельяшевичем в эмигрантские годы, причём, как показал опыт личной встречи в начале 1938 года, в письмах это сопереживание выражалось, может быть, более откровенно[50]. Ельяшевич отвечал Франку таким же искренним участием, равным образом сопереживая его семейным делам, постоянным

---

[47] *Н. П. Белевцева*. И. С. Шмелёв и Ельяшевичи в Бюси-ан-От. С. 164.

[48] См.: *Е. Л. Миллер*. Женщины русской эмиграции. С. 73–74.

[49] Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214.

[50] См. письмо 20. Ещё ранее, в 1936 г., Франк формулировал эту «странность» в письме другому своему другу — Л. Бинсвангеру: «Странно, что в письмах можно быть гораздо откровеннее, чем в разговоре. Для любящих и для друзей расстояние — великое благодеяние, потому что они только тогда и могут действительно высказываться. И требуется много такта, чтобы при последующем свидании промолчать о том, о чём откровенно говорилось в письмах» (*Л. Бинсвангер*. Воспоминания о Семёне Людвиговиче Франке // Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка / Под ред. прот. о. Василия Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 29).

(и особенно обоснованным в период войны) волнениям о детях. И — что было крайне важно — оказывал материальную помощь.

Эмигрантская жизнь для С. Франка была сопряжена с почти перманентными финансовыми трудностями. В 1924–1925 гг. начался резкий отток русских эмигрантов из Берлина, связанный как с ухудшением экономической ситуации, так и с признанием Францией СССР. В 1923 году ситуация была такой, что «обладатели твёрдой валюты, хотя бы в незначительном количестве, могли существовать в Германии сравнительно неплохо, даже при цене буханки хлеба в 430 миллиардов марок, а килограмма сливочного масла — в 6 триллионов <...> Закончилась гиперинфляция — кончилась и роль Берлина в качестве столицы русской эмиграции. После преодоления в конце 1923 года гиперинфляции численность российских беженцев в столице Веймарской республики начинает стремительно сокращаться»[51]. Русская молодёжь массово уезжала во Францию. По словам И. Савицкого, «в 1924–1925 годах в Берлине закрылись почти все из многочисленных русских издательств, оставшиеся — резко сократили деятельность <...> Создаётся впечатление, что в Берлине оставались, кроме отдельных лиц, лично связанных с немецкими академическими кругами <...> только люди без связей и денег <...> Русский Берлин становится малоструктурированным сообществом земляков, тратящих почти все силы на выбивание средств к существованию»[52]. Борис Лосский вспоминал: «Доходили до нас и слухи о трудном материальном положении многих русских берлинцев, в частности Франков и Карсавиных. Известно было речение Льва Платоновича: “Один

[51] *О. Будницкий, А. Полян*. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М., 2013. С. 34.

[52] *И. Савицкий*. Прага и Зарубежная Россия (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага, 2002. С. 66–67.

день я у Семёна Людвиговича взаймы попрошу, другой день он у меня, так и живём..."»[53]. Непостоянный преподавательский, и ещё менее стабильный литературный заработок (случались ещё стипендии от общественных организаций — например, от Всемирного Совета Церквей, благодаря епископу Чичестерскому, — но это также были лишь эпизоды), далеко не всегда позволяли в достаточной мере обеспечить проживание большой семьи (с женой и четырьмя детьми, которые лишь в конце 30-х годов постепенно становятся самостоятельными). Иногда эти трудности приобретали характер жестокого и почти безвыходного безденежья — особенно после 33-го года в Германии, когда исчезла всякая возможность постоянной работы, да и потом, в конце 30-х во Франции; но особенно, конечно, в период вишистского режима и немецко-итальянской оккупации юга Франции, когда Франк с женой укрывались в предальпийской деревушке. Отношение Семёна Людвиговича к таким ситуациям безденежья было, по оценке Ф. Буббайера, «своего рода стоицизмом, правда, добродушным»[54]. А в письме В. Ельяшевичу 31 мая 1938

[53] См.: *Б. Лосский*. Ещё о С. Л. Франке (Что вспоминается младшему современнику о нём и его семье) // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1994. Т. 3. 1939–1966 гг. С. 127.

[54] *Ф. Буббайер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 208. И в относительно лучшие времена Франк никогда не дорожил деньгами ради них самих и не заботился о материальном накопительстве. В письме Татьяне 21 августа 1923 г. он пишет: «Мой принцип всегда один: без лишнего прожить можно и счастья оно не прибавит, но беспокоиться о деньгах и дрожать над ними нельзя и всё, что существенно для жизни, без колебаний расходовать» (Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1). Показательно в этом смысле и его толкование евангельской заповеди не заботиться о завтрашнем дне, с которого начинаются в ноябре 1942 г. его записи «Мысли в страшные дни», — если осмысленная человеческая жизнь и невозможна без материальных забот о будущем, то «евангельская заповедь только напоминает нам, что не следует придавать этой установке безусловное значение, как бы целиком погружаться в неё, а надлежит при всех

Франк даже делает некоторые философско-богословские выводы из подобных ситуаций: «Так со мной бывало в течение всей моей эмигрантской жизни: когда уже совсем не видишь исхода и начинаешь впадать в отчаяние, вдруг, в последнюю минуту, какое-нибудь чудесное избавление. Промысел Божий подтверждается как бы экспериментально»[55]. Однако жить как-то надо было — и тут на помощь приходили друзья.

Таким другом-спонсором для Франка был, например, Людвиг Бинсвангер, не только ссужавший деньгами, но и принимавший Франка в своём санатории. Денежная тема присутствует и в переписке Франка с Фрицем Либом в конце 20–30-х годах[56], или, например, в письме к М. Лот-Бородиной от 23 января 1948 г.[57] В записной книжке 1944 г. Франк тщательно фиксирует денежные поступления: помогал сводный брат Лев Зак, благотворительная помощь поступала от председателя Земгора[58] Николая Долгополова, были и другие кредиторы — например, пастор Турейль[59]. Василий Ельяшевич оказался одним из таких друзей, и его

заботах сохранять лёгкость беззаботности, доверия к Богу» (*С. Л. Франк*. Мысли в страшные дни // *С. Л. Франк*. Непрочитанное… Статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 347).

55 Письмо 23.

56 См.: *В. Янцен*. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа: Н. А. Бердяев, Лев Шестов, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков (1926–1948) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М. А. Колерова. М., 2002. С. 449, 480, 486.

57 Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 2: Cataloged Correspondence. Lot-Borodina, Mirra Ivanovna.

58 Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (1921–1946).

59 Пьер-Шарль Турейль (Toureille) в условиях вишистского режима много помогал подвергавшимся смертельной опасности евреям. Судя по записям Франка в ежедневнике, только в течение 44-го года он получил от Турейля не менее 5 тыс. франков (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank).

[Содержание]

помощь, особенно в годы войны, была для Франков на вес жизни («Ты меня буквально спасаешь»[60]).

Публикуемые письма (как и другая переписка Франка, где всплывает эта тема) показывают его максимальную щепетильность и порядочность в этом вопросе. Вынужденно принимая эту помощь, он не считал её безвозмездной, а надеялся в конце концов рассчитаться со своими друзьями — что и происходило уже в последние годы его жизни в Лондоне, в том числе благодаря помощи детей[61]. Конечно, внутри семьи такое сложное, а временами как бы безнадёжное положение могло вызывать какие-то коллизии, но любовь Татьяны Сергеевны позволяла сохранять душевное равновесие. Её терпение и самоотверженность в этом отношении были почти безграничны, но всё-таки, как женщина и мать, она не могла относиться к житейским проблемам столь же стоически. В воспоминаниях она признаётся, что однажды позволила себе как бы упрекнуть мужа в том, что он не пишет «для денег», — на что Франк «невероятно ласково» ответил, что «он позавидовал П. Б. Струве, что его жена Н. А.[62] никогда бы этого не сделала». Этого было достаточно, чтобы Татьяна устыдилась своей минутной слабости[63].

И всё-таки её отношение к их перманентной бедности не могло, очевидно, быть вполне философским. О каком-то чувстве горделивой, но всё-таки зависти к богатым «товарищам по несчастью» говорит эпизод, рассказанный

[60] Письмо 39. Судя по содержанию писем, а также данным из записной книжки Франка, в течение 1943–1944 годов он получил от Ельяшевича 12 тыс. французских франков.

[61] В июле 1943-го Франк пишет: «Могу тебя только уверить, что в случае моей смерти до конца войны дети мои будут почитать долгом чести добросовестно уплатить этот долг, как я специально прошу их это сделать в отношении всех моих долгов в моём завещании» (письмо 35). Из письма видно, что в этот тяжкий для всех период о помощи для Франка Ельяшевича попросил Струве.

[62] Нина Александровна Струве.

[63] Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 222.

ею в воспоминаниях и касающийся как раз её отношения к Ельяшевичам. В её словах чувствуется также, что и через тридцать лет ею не вполне было изжито, хотя и трансформировано годами и жизненными условиями, старое чувство — «не ревности, а скорее беспокойства»: «<...> Как всегда, в первый же день, когда приехали Ельяшевичи[64], такая каретка приехала со всякими сырами, маслами и т.д. У меня в кармане ничего, больной Семён Людвигович, она [т.е. Фаина. — *Г. А., Т. Р.*] покупает и потом говорит мне: "Татьяна Сергеевна, ну выберите, что хотите, покупайте, вот я уже купила". Ельяшевич стоит в коридоре, вот так вот, целый день. Я к нему подхожу и говорю: "Василий Борисович, какие проблемы вы обдумываете? Что вас так интересует?" Он, вероятно, удивился моей храбрости, мы же бедные, а он богатый, хотя он и друг Семена Людвиговича, но он богатый. Он говорит: "Я обдумываю ваше положение". Я говорю: "Василий Борисович, какое у нас положение? У нас в кармане ни копейки, больной Сеня, как они его называли, я должна его устроить так, чтобы он не волновался, поэтому сообразите, что я никаких денег платить вам не могу". — "Да, я подумаю". Потом он мне говорит: "Татьяна Сергеевна, я обдумал этот вопрос. Хотите на этих условиях? Вы будете топить центральное отопление, кормить уток и кур". Я говорю: "Хорошо". Ну, центральное отопление свелось к нескольким вёдрам угля. А куры, он дал такой корм, так мало, что они у меня мёртвые и мёртвые. Крестьяне мне говорили, что он такой скупой, что обязательно всех своих кур уморит»[65].

64 В Бюсси, где Франки гостили в конце 1938-го года, а хозяева были только наездами из Парижа.

65 Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 192–193. Судя по письмам Ельяшевича (письма 25 и 26), приезд Франков в Бюсси ожидался к 20 сентября 1938 г., но 24-го их ещё не было. Впрочем, в ежедневнике Франка за 1938 г. рукой Татьяны записано на датах 15–16 сентября: «Переехали в имение Ельяшевича в Bussy» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia

Но в целом о жизни в Бюсси «в полном одиночестве» Татьяна Сергеевна вспоминала с большой теплотой — эти три месяца «дали нам опять так много радости и счастья. Когда Семёнушка засыпал, я, облокотясь, лёжа с ним рядом, не спускала с него глаз, с огромной тревогой вглядывалась в дорогое лицо и с трепетом молила Бога, чтобы Он сохранил мне эту, такую дорогую для меня жизнь. В этом покое и одиночестве он отдыхал, креп и набирался сил»[66]. Здесь Франк, оправившись после физического и духовного истощения, связанного с написанием и подготовкой к печати русского текста «Непостижимого», начинает думать о новой книге: «В имении у Ельяшевичей он думал над книгой “Свет во тьме” и читал нам с Наташей, которая гостила у нас, Евангелие от Иоанна, толковал нам слова “свет во тьме, и тьма не объяла его”»[67]. Первая запись плана книги «Свет во тьме» в одной из тетрадей Франка датирована: «Bussy, 13.XII.38»[68].

Между прочим, именно в Бюсси-ан-От состоялась последняя встреча С. Франка с П. Струве, о которой он трогательно пишет в книге воспоминаний о своём друге: «Летом этого [1938] года я пережил на юге Франции довольно тяжёлую болезнь и осенью по приглашению В. Б. Ельяшевича переселился для отдыха <...> в его имение Bussy (в департаменте Yonne), в двух часах по железной дороге от Парижа. П. Б. провёл это лето в Лондоне, работая в Британском Музее. Приехав в Париж на обратном пути в Бел-

University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank). Этот ежедневник, впрочем, довольно хаотичен — можно предположить, что либо было записано позже, под другой датой, либо подразумевались даты старого календаря — тогда это 28–29-е сентября. В Париж они вернулись, по свидетельству Татьяны, в январе 1939-го.

66 Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214.

67 Там же. С. 215.

68 Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank.

град и узнав о моем местопребывании, он по собственной инициативе приехал в Bussy проведать меня»[69]. Встреча трёх близких друзей — В. Ельяшевич тоже в это время был в Бюсси — была наполнена не только личным участием, но и содержательными беседами об экономике, философии, истории религиозных идей в России, истории русского права, и конечно — о приближающейся войне: «Против меня и В. Б. Ельяшевича, считавших войну всё же маловероятной, Струве решительно доказывал её неизбежность; на этот раз он, к несчастью, оказался пророком»[70]. Струве пробыл в Bussy три дня. «Мы особенно нежно простились с ним. В последнюю минуту моя жена накинула на его согбенные старческие плечи плед, чтобы уберечь его от холодной осенней погоды. Больше мне не суждено было его видеть»[71].

Письма В. Ельяшевичу свидетельствуют об искренних дружеских чувствах Франка к Струве, пронесённых через всю жизнь, несмотря на временные разногласия начала 20-х годов, и о желании помочь другу, которого он очень высоко ценил как мыслителя и учёного, — несмотря на собственные тяжёлые житейские условия. В «Воспоминаниях» Франк пишет об организации вместе с Ельяшевичем кампании помощи Струве в 1939 году, которая фигурирует в публикуемых письмах как «дело Струве»[72]: «В мае того же года [1939] мы, друзья П. Б., были встревожены одной фразой его письма. По поводу организованной тогда подписки в пользу престарелого и больного Бальмонта Струве в письме к В. Б. Ельяшевичу написал: “Я жалею, что не разбит па-

---

69 *С. Л. Франк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 528.

70 Там же. С. 529.

71 Там же. По словам Франка, встреча была «в конце сентября 1938 года», но при этом — уже вскоре после «мюнхенского соглашения», — которое, как известно, было подписано 30 сентября. Так что скорее это свидание в Бюсси следует отнести к началу октября.

72 См. письма 29, 30, 31. А в письме 5 находим подобную его инициативу, относящуюся ещё к 1928 году.

раличом, не сошёл с ума — может быть, тогда русская эмиграция вспомнила бы обо мне"»[73]. Дальнейшая переписка засвидетельствовала, что Струве в Белграде жил не только в «моральной заброшенности», но и в крайне сложном материальном положении. «Мы забили тревогу. В. Б. Ельяшевич предложил план — заинтересовать П. Н. Милюкова, несмотря на его давнишнее и постоянное разногласие с П. Б., если Милюков согласится написать в "Последних новостях" статью о П. Б., напомнив о его заслугах, можно будет, опираясь на большую влиятельность Милюкова, успешно организовать сбор в пользу Струве»[74]. План этот, однако, не сработал (Милюков ничего не написал), а на последующих усилиях Франка по сбору средств поставила крест разразившаяся война. Безуспешными были и попытки хоть как-то отметить 70-летие Струве, о чём свидетельствует письмо 32 и о чём Франк также пишет в воспоминаниях[75].

Публикуемые письма 1944-го года отражают также инициативы С. Франка по сохранению памяти о Петре Бернгардовиче Струве, скончавшемся 26 февраля этого года, в том числе — его собственную работу над воспоминаниями о своём друге[76]. Эта работа отражена также в записной книжке С. Франка за 1944 год. Судя по записям, Франк написал эту книгу (увидевшую свет только после его смерти) всего за три месяца — уже 25 мая он записывает: «Наконец, завершил окончательно редакцион<ную> правку воспоминаний и очерк личности П. Б. Не вполне доволен, кое-что многословно и недостаточно энергично выражено, но лучше не могу. Мысленно вторично простился с ним»[77].

[73] *С. Л. Франк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 530–531.

[74] Там же. С. 531.

[75] Там же. С. 535.

[76] См. письма 40, 41, 42, 44.

[77] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank.

Последнее письмо Франка Ельяшевичу датировано 28 июля 1950 г. Примерно через месяц — в конце августа — он окончательно слёг, а врачи, наконец, поставили правильный — страшный — диагноз. Василий Борисович, очевидно, был извещён родными философа о состоянии дел и в октябре приезжал в Лондон. Татьяна Франк записала в своих заметках: «17–10. Был В. Б. Ельяшевич, старый приятель Семёнушки в течение 50 лет. Много с ним говорил. — “Я понимаю, что ты приехал проститься со мной”»[78]. Действительно, эта встреча оказалась последней. Позже было ещё письмо от Ельяшевича — Татьяна читала его Семёну Людвиговичу 30 октября[79] (в публикуемой переписке его нет). На этом, очевидно, их земное общение завершилось.

Василий Ельяшевич, будучи старше Франка на два года, пережил его на шесть лет. Он умер в октябре 1956 г. в 81-летнем возрасте и был похоронен рядом с Фаиной на кладбище Батиньоль (Cimetiere des Batignolles) в 17-м округе Парижа.

Публикуемая переписка представляет интерес, конечно, не только с точки зрения описания внешних обстоятельств жизни выдающегося философа, но и как источник изучения его творческой биографии. Кроме уже упомянутых свидетельств о работе над воспоминаниями о П. Струве, находим в этих письмах и следы работы над книгой, которую в 30-е годы С. Франк считал своей главной и итоговой — «Непостижимое» (уже в 1930 году он называет ещё только задуманную книгу своей «лебединой песней»[80]). Немецкий текст книги был завершён в конце 1935 года, однако невозможность её опубликования стимулировала дальнейшую работу над его совершенствованием, о чём Франк

[78] *Т. Н. Резвых*. «Моя судьба меня не беспокоит…»: С. Л. Франк в оккупированной Франции // «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С. Л. Франка: Сборник научных статей / [Сост. К. М. Антонов]. М., 2015. С. 231.

[79] Там же. С. 232.

[80] Письмо 6.

и пишет в письме Ельяшевичу 18 января 1937 г.: «<...> Т<ак> к<ак> мне не удалось пока пристроить мою новую книгу, то, как водится, за это время она перестала меня удовлетворять, и я принялся заново её переделывать; а так как для меня это — итог всей моей умственной и духовной жизни, и я живу уже в предчувствии конца жизни, то я не могу бросить или отложить эту работу»[81]. Уже в марте — как и рассчитывал, через два месяца, — он снова пишет Ельяшевичу: «Мне удалось закончить философскую книгу, которая — как бы ни оценивать её по существу — будет лучшим и самым глубоким из всего, что я до сих пор написал, и в которой мне удалось выразить последнее из того, чем я духовно живу»[82]. Такая самооценка — связанная, очевидно, и с физическим истощением и реальным ощущением близкой смерти, — будет в дальнейшем пересмотрена Франком в части «итоговости» этой книги — ему удастся начать и частично завершить ещё несколько таких же «итоговых» текстов (прежде всего — «Реальность и человек»). Однако выразить «последнее, чем духовно живу», возможно, Франку действительно наилучше удалось в «Непостижимом».

Вместе с тем письма Франка из Берлина 1937 года исполнены глубокого внутреннего напряжения — находиться в это время в нацистской Германии ему было уже явно небезопасно. В своё время, в начале эмиграции, Франк предпочёл остаться в Берлине и не переехал в Прагу или Париж по причинам, прежде всего, материального свойства («благодаря валютным условиям»[83]), а также рассчитывая на полную языковую интеграцию. Однако после 1933 года условия жизни и работы становились всё более неблагоприятными и рискованными. Он не пишет об этом прямо, однако слова о том, что, хотя «моя семья пустила здесь некоторые корни», «всё же атмосфера здесь становится для меня и моих дру-

[81] Письмо 9.

[82] Письмо 10.

[83] См. письмо 3.

[Содержание]

зей всё более неблагоприятной и духовно томительной», и «уже многие годы я бесплодно мечтаю как-нибудь отсюда выбраться»[84], говорят довольно прозрачно об ощущаемой угрозе. С языковой и культурной интеграцией тоже далеко не всё сложилось — слова о Берлине «как пустыне, очень удобной для отшельничества и “спасения души”», звучат совсем не радостно и как-то двусмысленно, особенно после признания в том, что «русских связей у меня здесь совсем не осталось, есть немногие приятные и утешительные связи с немцами, но — при всём моём европеизме — различие национальности есть всё-таки преграда для настоящей личной дружбы во всей её полноте»[85].

Борис Лосский вспоминал, что «особенно тяжёлым для семьи Франков был 1936 год. Чтобы как-то прийти, по крайней мере, материально, на помощь Франкам, отцу и пребывавшему в Праге философу Сергею Иосифовичу Гессену удалось испросить у чешского комитета помощи русским учёным 12000 крон и, не без труда, переправить эту сумму Семёну Людвиговичу. В это время душевное состояние доводило его до помыслов о самоубийстве, по поводу которых появилась (думается, в парижской газете “Возрождение”) обращённая к нему статья собрата по философии и по высылке, сочувствовавшего гитлеровскому режиму Ивана Ильина под заглавием “Не уходите”. К великому счастью, в 1937 году Семёну Людвиговичу удалось переселиться с семьёй в парижский пригород, кажется Bourg-la-Reine, где я их навестил в конце весны 1939 года...»[86].

В результате вместо запланированной поначалу поездки «в разведку» в Париж[87] получилось практически бег-

[84] Письмо 9.

[85] Там же.

[86] *Б. Лосский*. Ещё о С. Л. Франке (Что вспоминается младшему современнику о нём и его семье). С. 128. Борис Лосский немного ошибся — весной 1939 г. Франки жили не в Бур-ля-Рэн, а в соседнем предместье Парижа Фонтене-о-Роз (Fontenay-aux-Roses) (см. письмо 27).

[87] См. письмо 9.

[Содержание]

ство из Берлина. Татьяна Франк вспоминала: «Он сказал мне, что немцы, какие бы они ни были, они в сочельник отдыхают от своих гадостей всяких, и уехал в сочельник 37-го года, вперёд, кажется, в Париж, а потом к Бинсвангеру, где роскошный санаторий»[88]. Всё-таки Франк сначала, в конце декабря, оказался в Швейцарии у Бинсвангера и только в 20-х числах января 1938 г. приехал в Париж[89]. Ему необходимо было получить вид на жительство во Франции и материальное вспомоществование, для чего он, по словам Ф. Буббайера, «встретился чуть ли не с двадцатью французскими философами»[90].

Невозможность опубликовать немецкий текст «Непостижимого» (а надежда на это теплилась до лета 1938-го[91]) заставила Франка взяться за русский перевод. Возможно, побудили его к этому и советы друзей во время интенсивного двухмесячного общения в Париже — «парижской трёпки»[92] (в ежедневнике Франка за 1938 год в феврале—марте отмечены почти ежедневные встречи с о. Сергием Булгаковым, В. Ельяшевичем, Н. Бердяевым, И. Фондаминским, а также Р. Ле Сенном, Л. Леви-Брюлем, Г. Марселем, Л. Брюнсвиком и другими). Можно предположить и какие-то взятые Франком на себя обязательства по срокам. Во всяком случае, «русскую книгу» (а это вышел вовсе не перевод — «пишу, а не просто перевожу, п<отому> ч<то> мысли со временем всегда немножко меняются и, смею думать, совершенствуются»[93]) Франк «усердно писал» в рекордно короткий срок — с конца марта по август 1938-го, причём условия для работы — в гостях у сына Алексея в Ла-Фавьере, в летнем домике, превращённым на лето в пансионат для отдыхающих (Лазурный берег!), — были далеко не идеальными.

[88] Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 191.

[89] См. письмо 18.

[90] *Ф. Буббайер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 202.

[91] См. письма 22 и 23.

[92] Письмо 20.

[93] Письмо 23.

В результате случился серьёзный физический срыв — «припадок грудной жабы, который мог быть смертельным»[94].

Франку, однако, было отмерено прожить ещё двенадцать лет, и уже через несколько месяцев, едва оправившись, он берётся за новую книгу — «Свет во тьме». А в 1942–1944 годах, в условиях оккупации на юге Франции, он продумывает новые глубокие религиозно-философские идеи, отразившиеся в философском дневнике «Мысли в страшные дни» и в письмах этого времени. В июле 1943 он пишет Ельяшевичу: «У меня намечается работа по чистой онтологии (или метафизике) с учётом всех новейших идей положительной науки»[95]. Записные книжки свидетельствуют, что предварительную работу с естественнонаучной литературой Франк начал ещё в 1939–1940 годах — конспектировал книги по теории относительности, квантовой теории, астрономии, а также лингвистике[96]. Одновременно Франк снова и снова подходит к вопросу о соотношении философии и религии, о внутреннем религиозном опыте как источнике высшей достоверности. Рядом с «Философией творчества», к которой несколько раз собирается приступать уже вполне конкретно в 1944-м году[97], задумывается «Религия в пределах опыта»[98]. В этом новом религиозно-философско-научном синтезе Франк как бы вновь обретает ощущение подлинной духовной глубины: «Только сейчас — занятый сразу

[94] Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214.

[95] Письмо 35.

[96] См.: *Г. Е. Аляев*. «Мысли в страшные дни»: дополнения. Предисловие к публикации фрагментов из записных книжек С. Л. Франка // Соловьёвские исследования. Иваново, 2015. Вып. 4 (48). С. 86–101.

[97] См. письма 44 и 45.

[98] См.: *С. Л. Франк*. <Из записной книжки 1944 года> / Публ. Г. Е. Аляева // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / Відп. ред. Г. Аляєв, Т. Суходуб. Полтава, 2016. С. 517–520; *Г. Е. Аляев* «Религия в пределах только опыта»: ненаписанная книга С. Франка (или написанная?). Послесловие к публикации // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / Відп. ред. Г. Аляєв, Т. Суходуб. Полтава, 2016. С. 521–534.

мыслями в двух направлениях — “философией творчества”, в к<ото>рой я, думаю, уловил самый глубокий секрет бытия, и добросовестной проверкой своих религиозных убеждений и сомнений — я чувствую, что стал, наконец, совсем “самим собой” <...>», — хотя и с горечью предчувствует, что «именно это должно, по-видимому, по физической немощи, остаться в виде заметок в моей записной книжке»[99].

Послевоенные письма также отражают некоторые обстоятельства творческой работы Франка: над переработкой («с рвением и большим одушевлением») книги «Свет во тьме»[100] (стоит отметить «забавное затруднение» — отказ Натальи Даддингтон переводить на английский язык эту книгу, поскольку содержащиеся в ней идеи «противоречат её пацифизму», — над чем от души посмеялся и Ельяшевич[101]); над антологией русской религиозной мысли («эта работа доставляет, по крайней мере, то удовлетворение, что сознаёшь себя ещё кому-то нужным»[102]); над лекциями для BBC на немецком языке («Цель лекций состоит в том, чтобы напомнить немцам, что кроме большевистской России есть ещё другая Россия, дух русского народа, выраженный в русской литературе и мысли»[103]). Наконец, последнее письмо фиксирует завершение работы Франка над его последней статьёй — о духовном наследии Вл. Соловьёва, которой он сам придаёт значение как бы своего духовного завещания: «Цель — сделать нек<ото>рые внушения молодому поколению»[104].

Переписка С. Франка с В Ельяшевичем сохранилась не полностью — особенно в части писем В. Ельяшевича (в письмах Франка, а также в его записных книжках встречаются упоминания о некоторых посланиях, которых в на-

[99] Письмо 40.
[100] Письма 52, 54, 56, 58, 60.
[101] См. письма 64 и 65.
[102] Письмо 60, а также 72 и 74.
[103] Письмо 66, а также 68 и 70.
[104] Письмо 83.

шем распоряжении нет). Письма В. Ельяшевича С. Франку хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. С письмами Франка Ельяшевичу — приключения более необычные, как, пожалуй, и вся история их отношений. Ельяшевич, очевидно, хорошо понимал величину Франка как философа — письма его сохранил и в 47-м году планировал передать их в архив, но... получил решительный запрет автора! Нельзя не процитировать здесь эти слова, которые, честно говоря, смущают сегодня и нас — авторов данного предисловия, как биографов Франка: «Насчёт вопроса о моих письмах. Категорически отказываюсь от чести их сохранения где бы то ни было для назидания потомства. Я не более “биографический” человек, чем ты. А если бы и нашёлся такой потомок, к<ото>рый захочет заняться моей биографией, то хватит с него моего общественного и литературного curriculum vitae. Не желаю, чтобы когда-либо кто-либо копался в интимно-личных обстоятельствах моей жизни, ибо за них не хочу отвечать ни перед кем, кроме Господа Бога. Если тебе лично не нужны эти старые письма, то уничтожь их, пожалуйста, как уничтожил другие. Из того, что ты предлагаешь передать их в какой-то архив, заключаю, что они тебе не нужны, и что поэтому ты можешь исполнить мою просьбу. Во всяком случае, никому и никуда их не передавай, и не давай на будущее прав на них»[105].

Ельяшевич всё-таки не послушал старого друга и сохранил письма, а после смерти Василия Борисовича они попали к Татьяне Франк. Однако в Бахметьевский архив вме-

[105] Письмо 74. Будучи этими самыми «потомками», которые «копаются», можем сказать в своё оправдание, что теперь, через 70 лет, отражённая в этих и других письмах и дневниках биография великого философа — это уже не столько обстоятельства случайной частной жизни, сколько свидетельства духовного пути мыслителя, не только его печатными плодами, но и простыми жизненными поступками и душевными порывами замечательного и «назидательного».

сте с другими бумагами философа, переданными туда его семьёй в 1974–1977 годах, они не попали.

В октябре 2015 г. в переписке с одним из авторов этого предисловия внук С. Франка отец Питер (Пётр) Скорер[106], между прочим, сообщил: «У меня в архиве хранится длинная переписка С. Л. со старым другом, Василием Борисовичем Ельяшевичем. Переписка с 1922 по 1950. Когда бабушка разбирала архив, она решила сжечь все эти письма, так как она была невероятно ревнива к жене Ельяшевича, Фани, которая была влюблена в С. Л. К счастью, кто-то успел переснять переписку... По-моему, никто этот материал никогда не видел». Трудно сказать, было ли у Татьяны Сергеевны действительно такое желание — с одной стороны, практически невозможно представить её уничтожающей какие-либо бумаги мужа, с другой — к Фане она действительно ревновала. У Петра Скорера сохранились фотографии писем — и мы искренне благодарны ему за передачу нам для подготовки к публикации оцифрованных копий. Однако уцелели и оригиналы — благодаря Александру Солженицыну, организовавшему в 1970-е годы в эмиграции Русский общественный Фонд для собирания «всяких личных воспоминаний наших соотечественников». Солженицыны встречались с вдовой Франка во время поездки в Лондон в 1976 г. (их сопровождал Питер Норман — второй муж дочери Франков Натальи, известный славист и переводчик русской поэзии), и она передала им часть бумаг семейного архива, не попавших (очевидно, в силу их преимущественно очень личного характера) в число отправленных в Америку[107]. В 1996 г. эти бумаги были переданы А. И. и Н. Д. Солженицыными в Библиотеку-фонд «Рус-

[106] О рождении которого, кстати, Франк сообщал Ельяшевичу в декабре 1942 г. (письмо 34).

[107] *К. Е. Павловская*. Татьяна Сергеевна Франк и её воспоминания // *С. Л. Франк*. Саратовский текст / Сост.: А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 256.

ское Зарубежье»[108] и составляют ныне фонд №4 архивного собрания Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына в Москве, где и хранятся оригиналы публикуемых писем. На отдельные письма Франка Ельяшевичу ранее уже ссылались исследователи — в частности, Ф. Буббайер, — однако полностью переписка публикуется впервые.

Письма С. Франка В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич (и прилагаемые письма Т. Франк В. Ельяшевичу) публикуются по: Архив Дома русского зарубежья. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 1–3; а также по фотокопиям, предоставленным внуком С. Л. Франка — о. Петром Скорером. Письма В. Ельяшевича С. Франку публикуются по: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 6: Arranged Correspondence. El'iashevich, Vasilii Borisovich.

Благодарим о. Петра Скорера за предоставленные фотокопии писем С. Франка и важные уточнения к отдельным комментариям. Выражаем благодарность Н. Непомнящих и В. Чернышову за помощь в расшифровке и переводе франкоязычных выражений и писем (письма 33 и 34). Благодарим профессора Терезу Оболевич за сделанные и предоставленные в наше распоряжение фотокопии писем В. Ельяшевича. Выражаем признательность куратору Бахметьевского архива Тане Чеботарёвой за оказанное содействие в использовании других материалов фонда С. Л. Франка.

[108] Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Фонд 004. С. Л. Франк: http://www.bfrz.ru/?mod=arhiv&fond_id=5.

[Содержание]

Переписка С. Л. Франка с В. Б. Ельяшевичем и Ф. О. Ельяшевич (1922–1950)

Публикация и комментарии Г. Аляева и Т. Резвых

1. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич

Berlin, 25 октября 1922
Motzstr<asse> 52 bei Gramatke[1]

Дорогие Вася и Фаня, Вы, мож<ет> быть, уже знаете, что я принадлежу к партии высланных из России ученых

[1] Моцштрассе (Motzstraße) — улица, проходящая через берлинские кварталы Шёнеберг и Вильмерсдорф, ставшие центром обитания русской диаспоры (западная часть города). Дом 52 расположен недалеко от площади Виктории-Луизы. Филип Буббайер указывает шесть берлинских адресов С. Франка (см.: *Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. 1877–1950. М., 2001. С. 279), некоторые из них встречаются в последующих письмах, однако этого адреса среди них нет. Борис Лосский предполагал, что после приезда в Берлин «Франки нашли себе кратковременное пристанище (как Бердяевы у нас) в семье Браудо, родителей жены Зака» (*Б. Лосский*. Ещё о С. Л. Франке (Что вспоминается младшему современнику о нём и его семье) // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1994. Т. 3. 1939–1966 гг. С. 126). См. прим. 56 к письму 9. Günter Gramatke — хозяин квартиры, его имя значится в Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft за 1922 г.

и со всей семьей приехал недавно в Берлин. Узнав от Бужанских[2] Ваш адрес, спешу Вам написать. Еще из Саратова, весной 21 года[3], я Вам писал с оказией, получив известие о трагической смерти Жозика[4]; но, по-видимому, Вы письма не получили (я писал на rue Taitbout[5]). Прежде всего, хочу еще раз сказать Вам, что я всей душой сочувствую Вашему тяжкому горю.

Затем имею Вам передать о Ваших. Шура, к<ото>рый теперь уже Александр Борисович[6], профессор, прорек-

---

[2] Осип Евсеевич Бужанский — помощник присяжного поверенного, переводчик, редактор ежедневных кадетских газет «Речь» и «Реформа» и еженедельного художественно-литературного приложения к ним «Иллюстрированная неделя», автор статей по рабочему вопросу, затем секретарь правления Азовско-Донского банка; общий знакомый Франка и Ельяшевича с конца 1890-х годов (см. прим. 6 на стр. 10). Покончил с собой в годы войны в Париже (см.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 229).

[3] С. Франк переехал в Саратов (родной город жены) в сентябре 1917 г. по инициативе Министерства народного просвещения Временного правительства — «мне было предложено стать первым деканом (и ординарным профессором) нового историко-филологического факультета» (*С. Л. Фр нк.* Предсмертное. Воспоминания и мысли // *С. Л. Фр нк.* Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 50), — и прожил там с семьёй до лета 1921 г. (см.: *А. А. Г поненков.* С. Л. Франк в Саратовском университете // Известия Саратовского университета. 2006. Т. 6. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1/2. С. 4–9; *С. Л. Фр нк.* Из писем М. О. Гершензону / Публ. М. А. Колерова // De visu. 1993. № 3/4. С. 23–33).

[4] Уменьшительное от Иосиф — речь идёт о сыне Василия и Фаины Ельяшевич (см. прим. 33 на стр. 17).

[5] La rue Taitbout — улица в 9 округе Парижа.

[6] Александр Борисович Ельяшевич (1888–1967) — младший брат В. Б. Ельяшевича, родился в Иркутске. В годы первой русской революции активно участвовал в легальной и нелегальной политической деятельности партии эсеров, арестовывался полицией. Учился на экономическом факультете Санкт-Петербургского политехнического института, затем на экономическом факультете Мюнхенского университета и в Лондонской высшей экономической школе. Участник Первой мировой войны, кавалер двух Георгиевских крестов. В 1917–1918 годах избирался членом ЦК партии социалистов-революционеров; депутат Учредительно-

тор и фактический ректор Саратовск<ого> инстит<ута> нар<одного> хозяйства, живет в Москве, зарабатывая в качестве специалиста-экономиста по какой-то должности в В. С. Н. Х. (Высш<ий> Совет нар<одного> хоз<яйства>).

го собрания от Самарской губернии. 8 июля 1918 г. был арестован ЧК за контрреволюционную работу и находился в заключении в Бутырской тюрьме до 10 ноября 1918 г. В феврале 1919 г. А. Б. Ельяшевич заявил, что считает необходимым выйти из партии эсеров; он уехал с семьёй из Москвы в Саратов, прекратив всякие связи с эсерами. С марта 1919 г. — профессор Саратовского университета и заместитель директора Института народного хозяйства в Саратове. После завершения процесса 1922 г. над эсерами был приглашён на работу в ВСНХ РСФСР, в феврале 1923 г. переехал в Петроград. В советское время — крупный учёный-экономист, с 1930 г. — зав. кафедрой экономики промышленности Ленинградского инженерно-экономического института. В годы Великой Отечественной войны он с большой группой студентов и преподавателей института оказался в оккупированном фашистами Пятигорске и, исполняя обязанности директора института, сумел сохранить жизнь всем преподавателям и студентам. В сентябре 1949 г. А. Б. Ельяшевич был арестован по так называемому «Ленинградскому делу», осуждён по 58 статье и был отправлен по железнодорожному этапу вместе с уголовниками в Сибирь. Спас жизнь 61-летнему больному отцу его сын Михаил — к тому времени уже тоже заслуженный учёный. Внук Алексей Михайлович вспоминает: «После испытания атомной бомбы отец среди прочих наград (орден Ленина, Сталинская премия "по закрытой линии") получил так называемый "ковер-самолет" — удостоверение, дающее право на бесплатный проезд по территории Советского Союза всеми видами авиационного, железнодорожного и морского транспорта, а также на внеочередное получение билетов. И вот, пользуясь "ковром-самолётом", Михаил Александрович сопровождал своего отца по всему пути от Москвы до Канска. Он прилетал в каждый промежуточный пункт пути и, надев все свои награды (а дважды лауреатами Сталинской премии тогда были единицы), шёл к начальнику местного МГБ, и просил положить Александра Борисовича на некоторое время в тюремную больницу и передать ему продукты. Ни разу он не получил отказа, и дед благополучно добрался до Канска, где жил до своего возвращения в 1953 году после амнистии в Ленинград» (*А. М. Ельяшевич.* Воспоминания старшего сына // Академик М. А. Ельяшевич. Воспоминания учеников и современников, избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. Минск, 2008. С. 86–87). В 1960 г. А. Б. Ельяшевич ушёл на пенсию, а в 1967 г. умер от травмы, полученной в результате трагического случая.

[Содержание]

Одновременно он избран професс<ором> сельскохоз<яйственной> академии в Петербурге. Семья его в Петербурге на старой квартире (В. О. 8 л<иния> д. 21. кв. 20), он не может переселиться в П<е>т<ер>б<ург>, т<ак> к<ак> на профессорское жалованье не проживешь. В Саратов он уже не вернется и сохраняет только номинальную связь с Саратовом. Ек<атерина> Мих<айловна>[7] ждет в скором времени второго ребенка. Ее и Мишу[8] мы видели в Петербурге ~~накануне~~ в день отъезда (мы ехали через Петерб<ург>, Штеттин), 28 сентября[9]. Ал<ександр> Борис<ович> молодец, умный, энергичный и хороший человек, обнаруживает замечательные административные дарования и был неутомим и гениален в Саратове по части изобретения источников дохода для всей саратовской профессуры. Ко мне он относился необыкновенно трогательно и оказывал мне в тяжкие годы такие услуги, которых я никогда не забуду. (Ведь я, в качестве философа, был в России в матер<иальном> смысле в очень трудном положении). В январе он был арестован в связи с процессом эсеров, привезен в Москву и через две недели

---

[7] Екатерина Михайловна Ельяшевич (урожд. Филиппченко) — жена Александра Борисовича Ельяшевича.

[8] Михаил Александрович Ельяшевич (1908–1996) — сын Александра Борисовича Ельяшевича; окончил физико-математический факультет Ленинградского государственного университета, крупный советский и белорусский физик, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, академик АН БССР (1956), профессор и зав. кафедрой Белорусского государственного университета, зав. лабораторией Института физики АН БССР.

[9] С. Франк с женой и четырьмя детьми в составе группы высылаемой интеллигенции (Н. Бердяев, И. Ильин, А. Кизеветтер и другие) отплыли из Петербурга на пароходе «Oberbürgermeister Haken» 29 сентября 1922 г. и через день прибыли в Штеттин. Татьяна Франк вспоминала момент отплытия: «Я нашла Семёна Людвиговича на корме, он сидел и плакал. Я спрашиваю: “Почему?” — “Никогда я больше родину не увижу...”» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк // *С. Л. Фр нк*. Саратовский текст / Сост. А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов, 2006. С. 190).

выпущен, а затем летом выступал свидетелем на процессе, где несмотря на угрозы Крыленко и председ<ателя> суда Пятакова держался с большим достоинством[10]. По его специальному поручению (от исполнения к<ото>рого я отказывался, прося его самого написать Вам об этом, но на чем он настоял) должен Вам передать следующее. Он просит напомнить Вам о тяжком материальном положении Марии Борисовны[11] с девочкой. Она живет в Москве без всякого заработка и существует исключительно на средства Ал<ександра> Бор<исовича>. Он зарабатывает вполне достаточно, чтобы прокормить свою семью, но он должен расходоваться на три дома (сам он в Москве, семья в Петерб<урге> и Мар<ия> Бор<исовна> с девочкой). Из 600 милл<ионов>, к<ото>рые он зарабатывал в сентябре и к<ото>рые составляют удовлетворительный скромный бюджет на одну семью — они по покупательной силе равны примерно 150 довоенным рублям, а потребности наши сократились), он отдает 150 милл<ионов> Мар<ии> Бор<исовне>, и это ему очень трудно, а ей недостаточно. Одна посылка АРА (Гувера)[12] в месяц, или 10 долл<аров> деньгами в месяц были бы ей очень существенной поддержкой (деньги можно теперь посылать на госуд<арственный> банк, выплачивающий их по курсу лишь немного ниже реального биржевого). Ал<ександр> Бор<исович> просит также разрешения продать часть Вашей обстановки, или один из двух роялей, со-

---

[10] В марте 1922 г. А. Б. Ельяшевич был вторично арестован органами ГПУ, привезён из Саратова в Москву, где в течение двух с половиной недель находился под стражей и давал показания по делу партии эсеров. Однако, в числе 30 других бывших членов партии, дело в отношении него было прекращено, и он был привлечён к процессу в качестве свидетеля. Процесс проходил в июне 1922 г.

[11] Мария Борисовна Ельяшевич (1872–?) — дочь Б. А. Ельяшевича, сестра Василия и Александра Ельяшевичей.

[12] American Relief Administration, ARA (Американская администрация помощи); её руководитель — Герберт Гувер (Herbert Clark Hoover), впоследствии — президент США (1929–1933).

хранившихся там, что могло бы тоже на несколько месяцев обеспечить М<арию> Бор<исовну>. Это было бы тем более целесообразно, что вещи все равно в конце концов легко могут пропасть.

Еще живя в России, я прочитал, Вася, твою речь на Торг<ово>-пром<ышленном> съезде[13] и получил от нее большое удовлетворение. Я был поражен, как, живя за границей, можно так метко и тонко понять существо происходящего в России. Большинство эмигрантов совершенно не понимают революции и имеют ложные настроения — одинаково, как контрреволюционеры, так и сменовеховцы. С П. Б. я и все его прежние единомышленники в России имеем очень существенные расхождения[14]. Я был очень рад усмотреть из твоей статьи наше с тобой единомыслие.

---

[13] Общий съезд представителей русской промышленности и торговли в Париже (17–21 мая 1921) был организован Советом Российского торгово-промышленного и финансового союза (председатель — Н. Х. Денисов), членом которого был В. Ельяшевич. Здесь был собран цвет русского торгово-промышленного класса. Этот съезд был фактическим продолжением Учредительного собрания, депутаты его исходили из убеждения, что советская власть скоро падёт; на нём были высказаны соображения по рабочему, аграрному и национальному вопросу в будущей России (*И. С вицкий*. Прага и Зарубежная Россия (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага, 2002. С. 27–28).

[14] Речь идёт о разногласиях по вопросу об отношении к Советской России после революции — они отразились в переписке С. Франка и П. Струве этих лет (см.: Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925) / Публ. М. А. Колерова и Ф. Буббайера // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 115–139), а также подробно проанализированы Франком в воспоминаниях о Струве. Причину разногласий Франк видел, во-первых, во «внешнем различии судеб» — если Струве «уже через год после революции покинул большевистскую Россию и кинулся в Белое движение», то Франку «суждено было в течение ещё пяти лет вывариваться в большевистском котле и близко наблюдать стихийно-народную подоплёку русской революции»; во-вторых, сыграло роль «различие наших темпераментов и духовных натур» (*С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве // *С. Л. Фр нк*. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.,

Я прожил годы революции в России довольно тяжко. Правда, мы не голодали даже в самые тяжкие годы, но искупали это с женой тяжким физическим трудом и скитаниями. С осени 19го по весну 21го года семья моя и, по большей части и я, провели в деревне на Волге, в 100 верстах от Саратова, заведя себе корову, свиней, птиц и живя почти по-мужицки натуральным хозяйством или обменивая последнее платье на хлеб[15]. В 20^{м} году там у меня родился четвертый

2001. С. 492). Если отношение Струве к совершившемуся в России было полностью определено моральным отвержением большевизма и сознанием необходимости активной борьбы с ним, то Франк приходил к выводу, что Белое движение, рекрутировавшееся из представителей прежних господствующих классов, обречено на неудачу, антибольшевистское крестьянское движение также не осуществилось, а потому «оставалось теперь только ждать, что русский народ в медленном процессе внутреннего оздоровления переболеет уродство большевизма и изнутри взрастит в себе начала здоровой демократической культуры» (Там же. С. 494). Это расхождение в оценке происшедшего в России, по словам Франка, «не было принципиально-идейным разногласием, а скорее только разномыслием в теоретическом понимании русской действительности и, в связи с этим, в тактической установке в отношении её» (Там же. С. 500), — однако, судя по всему, оно довольно болезненно и долго переживалось обеими. К тому же оно вело к существенному расхождению интересов и направлений деятельности — Струве в 20-е годы «целиком ушёл в политическую борьбу», в то время как Франк — в научную и преподавательскую работу. См. на ту же тему: *С. Л. Фр нк*. Письмо прот. С. Булгакову. 4 октября 1925 // Братство Святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939. М. — Париж, 2000. С. 224.

15 С. Франк вспоминал: «С осени 1919 г. я переселился в немецкую колонию Ровное (100 вёрст к югу от Саратова на левом берегу Волги), — под видом организации педагогического института для немцев, на самом деле — чтобы в деревне прокормить семью (из трёх детей; четвёртый, Василий, родился в июле 1920 г.)» (*С. Л. Фр нк*. Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 50). По свидетельству Татьяны, «Семён Людвигович получил место библиотекаря и учителя в Ровном, в котором родился Вася, эпизодическое, не постоянное, он должен был наезжать из Саратова. А нас он оставлял в Ровном» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 185). Ровное (Зельман) было уездным центром Трудовой коммуны области немцев Поволжья, и в марте—апреле

ребенок — сынок Васенька, к<ото>рый теперь составляет нашу главную радость, но вырастить к<ото>рого было очень тяжко[16]. Последний год я жил в Москве в очень тяжких квартирных условиях, но имел большое удовлетворение от преподавательской и литературной деятельности[17]. Этой зимой я выпустил небольшую книжку «Методология

1921 стало центром антибольшевистского крестьянского восстания. Неурожай 1920 г. и усиление продразвёрстки привели к активным вооружённым выступлениям — отряды «зелёных» действовали в Саратовской области уже с лета 1920 г. В марте 1921 г. отряды Пятакова напали на Автономную область немцев Поволжья. Центром их действий стало Ровное, где местное население присоединилось к его отрядам, тогда казнили 200 коммунистов и членов их семей. Некоторые немецкие крестьяне скрывали своих коммунистов, но большая часть уездов, населённых немцами, восстала. Красная Армия освободила эту территорию уже в апреле 1921 года (см.: https://vk.com/topic-54343051_28530123). В этих событиях семья Франка, судя по воспоминаниям Татьяны, спаслась чудом: «Приехали “зелёные”, арестовали всех большевиков. (...) Мы уехали во вторник. В четверг меня искали эти “зелёные”, и все мои единомышленники были повешены на нашей площади. Я была бы повешена, и дети были бы брошены» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 187–188). Остановившись ненадолго в селении Куккус (где они уже проводили лето 1919 года), Татьяна с детьми и коровой-кормилицей («я первый раз видела, как кладут корову на сани») на верблюдах («они чудно идут, ровно») перебрались по льду через Волгу («был уже март, и поэтому ехали — сани были почти половину в воде») и добрались до Саратова (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 188; см. также: *Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 133).

16 Василий Семёнович Франк (1920–1996) — младший сын С. Франка, участник Второй мировой войны (в составе английской армии), переводчик, журналист, редактор отдела новостей радиостанции «Свобода».

17 По словам Татьяны, Франк «поступил в какой-то собес — социальное обеспечение, и по этой службе получил две комнаты в большущем доме» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 188–189). Коммуналка располагалась в Медвежьем переулке (*Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 134). Франк активно участвовал в работе Вольной академии духовной культуры, созданной Н. Бердяевым.

общественных наук»[18] и работаю теперь над давно задуманной «Социальной философией»[19]. На этот год (по меньшей мере) остаюсь в Берлине; с 1 ноября мой адрес будет: Berlin-Schöneberg Karl Schraderstr<asse> 1 bei Grothe. До этого — адрес заголовка письма. Крепко жму руку Вам обоим.

Ваш С. Франк.

2. В. Ельяшевич — С. Фр нку

Paris (VIII), 3, rue du Boccador[20]
29 окт. 1922 г.

Дорогой Сеня, еще в прошлом году, в силу разных моментов душевного порядка, меня очень потянуло завязать с тобою отношения. Я знал, что ты в Саратове, и все порывался написать тебе. Меня останавливало то же, что́ останавливает от писем нашему Шуре[21]. Я боялся подвести, скомпрометировать. Прочтя в газете, что ты выезжаешь в Берлин, я решил написать на адрес Бужанских, когда пришло твое письмо.

Начну с того же, с чего начинаешь ты. Твоего письма о Жозике я, к сожалению, не получил. Ты говоришь в твоем

---

18 *С. Л. Фр нк*. Очерк методологии общественных наук. М.: Берег, 1922. 124 с.

19 Речь идёт о работе над книгой «Духовные основы общества» (1930). О том же философ писал жене из Парижа: «начал интенсивно думать о социальной философии и записывать мысли» (*С. Л. Фр нк*. Письмо Т. С. Франк. 25 августа 1923 г. // Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9), а также в письме Струве 7 сентября 1923 г.: «Я здесь тоже, после большого перерыва, снова погрузился в теоретическую работу, именно вернулся к давно задуманной и обдуманной “социальной философии”» (Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925). С. 132).

20 La rue du Boccador — улица в 8 округе Парижа.

21 Александру Борисовичу Ельяшевичу (см. прим. 6 к письму 1).

берлинском письме о нашем тяжелом горе. Это выражение совершенно не соответствует тому, что я переживаю. Горе есть один, и очень сильный, из элементов жизни. Смерть Жозика, со всей ее обстановкой, убила у меня самое чувство жизни. Может быть, это неверное выражение, но я не нахожу другого. Я, который так любил жизнь, для которого жизнь, не только с ее радостями, но со всем ее злом, со всеми ее тяготами и отрицательными сторонами, была так привлекательна, я утратил всякий вкус к жизни. Я никогда не любил и не умел изливаться, не люблю и теперь. Но ты поверишь мне, если я скажу, что не только не боюсь смерти, не только готов к ней каждую минуту, но хочу ее. Хочу настолько, что если бы она пришла, то даже лежащие на мне обязательства пред близкими и любимыми существенно не заставили меня пожелать остаться жить. И время не приносит облегчения. Сейчас я все это переживаю живее, чем в первое время. Я работаю, двигаюсь, борюсь, мучаюсь, но сознания или ощущения важности или нужности этого для меня у меня совсем нет. Я делаю это так же, как отправляю самые элементарные потребности.

Прости, что начал с излияний. Но я ни с кем не говорю об этом, с Фаней, конечно, меньше, нежели с кем-нибудь.

О внешней стороне моей жизни распространяться не буду. Материально жизнь складывалась до последних месяцев благополучно. Несколько времени тому назад произошла ломка — я порвал материальную связь с Банком, который меня главным образом кормил, и стою на распутье. Ищу, барахтаюсь, может быть, устроюсь, а то прийдется[22] совершенно перестраивать жизнь. Сравнительно хорошие до сих пор материальные условия жизни позволили мне перенести удар, на нас обрушившийся, — заболевание Фани прошлым летом туберкулезом легких. Что произойдет это или нечто подобное, в этом я был уверен после смерти Жозика. Лечение

[22] Так в оригинале.

Малухина[23] в прошлом году как будто бы дало хорошие результаты. Но с осени Фаня опять стала кашлять и худеть. — Чтобы покончить с своими делами, дополню, что Ира[24] до сих пор расплачивается за два тифа и дифтерит, перенесенные ею пред нашей эвакуацией из Новороссийска.

Теперь о тебе. Как только мы с Фаней прочли о твоей высылке из России, мы стали рассуждать, как ты с четырьмя детьми устроишься в ужасных условиях эмигрантской жизни. По нашим прежним отношениям ты не сочтешь, надеюсь, бесцеремонностью мое вмешательство в такие вопросы и прямую постановку вопроса. Помочь деньгами я теперь не могу, ибо пока сам проживаю запасы, очень недолговечные. Но у меня на юге Франции — между Тулоном и С.-Рафаэлем[25], есть усадьба, в которую, кстати сказать, я и вложил все бывшие у меня сбережения. Климатические условия там идеальные, дом хороший, жизнь сравнительно дешевая. На эту усадьбу (с небольшим имением) я смотрю как на последнее прибежище, если больше некуда будет преклонить голову. Вот, я был бы страшно рад, если бы Вас с Татьяной Сергеевной в какой-либо мере могло устроить переселение туда, на более продолжительный срок, или на более короткое время, теперь или ближе к лету, всей ли семьей или только ей с детьми. Вообще, я, вернее, мы с Фаней обращаемся к Тат. Серг. и тебе с просьбою при обсуждении вашего устройства учесть эту возможность и смотреть на наш Pugette — имя именья[26], — как если бы он принадлежал вашему брату.

23 Личность пока установить не удалось.

24 Ирина Васильевна Цитович (урожд. Ельяшевич; 1908–1935) — дочь Ельяшевичей (см. прим. 40 на стр. 19).

25 Saint-Raphaël, коммуна в департаменте Вар на побережье Средиземного моря. Между Тулоном и Сен-Рафаэлем много всяких городков (Сен-Тропе, например), в том числе и Ле-Лаванду, где в конце 30-х — начале 40-х жил С. Франк.

26 Из воспоминаний Е. Л. Миллер: «Имение (усадьба) Ельяшевичей Ла-Пюжетт находилось вблизи аббатства Тароне, департамент Вар,

Страшно удивило меня то, что ты написал мне от имени Шуры. С тех пор, как я узнал Манин[27] адрес, я аккуратно посылаю ей Хуверовские посылки, с мая — ежемесячно. Правда, начиная с июльской я ее подтверждений не получал, но по две квитанции (предварит<ельную> и лондонскую) от организаций имею. Неужели июльская до сих пор не дошла, не говоря уже о позднейших?!* (*Не могло ли сыграть роль, что все посылки отправлялись по адресу Юровского[28], т<ак> к<ак> Маня писала, что ее квартира не прочна?)[29] Кроме того, из Берлина я ей перевел деньги марками, о чем писал ей, через Лелю Бужанскую посылал вещевые

там летом 1925 и 1926 гг. жили Зайцевы» (*Е. Л. Миллер*. Женщины русской эмиграции / Публ. О. Р. Демидовой // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 85). 7/20 июня 1925 г. Вера Зайцева писала Вере Буниной из *Домэн де ля Пюжет близ Торонэ (В р)*: «Здесь дивно — не думала, что во Франции будем жить в настоящей деревне. (...) Очень благодарна я Ельяшевич, что они нас пригласили к себе» (*Б. З йцев*. Другая Вера // Новый журнал. 1969. № 95. С. 192–193). А 10/23 сентября того же года, перед возвращением в Париж, делится своими впечатлениями о хозяевах: «Живём пока дивно. В. Б. и Ф. О. к нам страшно милы и предупредительны. При ближайшем знакомстве они гораздо, гораздо симпатичнее. Такие ласковые, отзывчивые. Он мне казался холодноватым, а теперь он такой, скажу, молодой. И Ф. О. очень к нам привыкла, и мы с ней отлично ладим. Она *по-н стоящему* добра. Ирочка поправилась» (Там же. С. 194).

27 Мария Борисовна Ельяшевич — см. прим. 11 к письму 1.

28 Леонид Наумович Юровский (1884–1938) — экономист, в 1917–1921 гг. — профессор по кафедре политической экономии и статистики юридического факультета Саратовского университета, ректор Института народного хозяйства в Саратове; друг С. Франка, Василия и Александра Ельяшевичей. Татьяна Франк рассказывала об отъезде С. Франка из Саратова летом 1921 г.: «Он и Юровский взяли товарный вагон, печурку, самовар и ехали полторы недели до Москвы. И прекрасно ехали» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 188). Был одним из разработчиков денежной реформы 1922–1924 гг. В первый раз арестован в 1930 г. по делу «Трудовой крестьянской партии», два года провёл в тюрьме, а затем в ссылке; после второго ареста в 1937 г. расстрелян на полигоне «Коммунарка».

29 В скобках — сноска В. Ельяшевича внизу страницы.

посылки. Все это очень странно, и особенно странным становится мне после твоего письма следующее обстоятельство. Фаня выслала Мане (уже давно, кажется, в августе) модные журналы для продажи. Я писал Мане (в сент<ябре>), предлагая ей одну деловую комбинацию, которая могла бы ей дать заработок за счет франков, которые бы я вкладывал в Париже. Несмотря на это, никаких известий от Мани, вот уже два месяца, мы не имеем. Не имею я ничего и от Шуры. Даже на Хуверовскую посылку, которую я послал ему в Саратов в конце прошлого года и которая дошла до него, ибо я имею подписанную им квитанцию, он не отозвался. Я приписывал это неудобству для него сноситься со мною. И поэтому на основании <?> я не писал ему. В этой мысли подкрепило меня и то обстоятельство, что очень мне близкий человек из академич<еского> мира не отозвался на мое, очень вызывающее на ответ, письмо. Пишу все это тебе, чтобы ты ответил, могу ли я написать Шуре (кстати, на какой адрес). Тогда бы я снесся с ним и уполномочил бы, кстати, использовать в пользу Мани, да и в его собственную, не только рояль, но и многое другое. Необходимо бы мне было раздобыть из моей квартиры кой какие рукописи и корректуру (единственный уцелевший экземпляр) работы, на которую я потратил 3 года. До сих пор все мои шаги в этом направлении оставались безрезультатными. —

Страшно бы хотелось побеседовать с тобою. У меня ощущение, что я совершенно утратил всякое представление о России и русской жизни. Хотелось бы хоть не обрывать переписки. И это уже не только из-за стремления уяснить себе происходящее в России. — Нет ли у тебя твоей «Методологии»[30]. Пришли, отошлю по прочтении обратно. Шлю сердечный привет Т. С. и целую детей. Фаня всем шлет привет.

Твой В. Ельяшевич.

---

30 См. прим. 18 к письму 1.

3. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Berlin. Schöneberg,
Karl Schraderstr<asse> 1 bei Grothe

11.XI.1922

Дорогой Вася, спасибо за письмо и прости, что я долго не собрался ответить тебе. Мы тут завертелись в вихре всяких дел — хлопот по личному устройству, и по осуществлению планов деятельности, которая в будущем сулит заработок, а пока только изводит бесконечными заседаниями. Кроме того, мы, высланные, здесь пока находимся в положении именинников и завалены приглашениями на обеды, вечера и пр<очее> и у русских, и у немцев. Редко когда полчаса для себя выберешь.

Твое письмо меня обрадовало и тронуло, как проявление давнишней неизменной дружбы. Сильнейшее впечатление произвело на меня то, что ты пишешь о своем душевном состоянии. Зная тебя, я понимаю, насколько это глубоко и сильно в тебе. Тут нечего больше сказать, можно только надеяться, что жизнь возьмет свое и что медленным органическим процессом в тебе снова возродится любовь и интерес к жизни.

Большое спасибо тебе и Фане за тронувшее нас предложение доставить нам приют в Вашем имении. Практически, однако, вряд ли нам придется им воспользоваться. Благодаря валютным условиям, жизнь во Франции настолько дороже немецкой, что переселение, хотя бы даже временное, во Францию для нас совершенно неосуществимо. В настоящее время я здесь не нуждаюсь — продажей остатков имущества и библиотеки я скопил себе немного английской валюты, которой при полном отсутствии доходов мне хватило бы почти на год, а если подрабатывать, то хватит на более долгий срок. Я получил только что приглашение в Прагу — по заведенному там порядку, поступить на иждивение чешского правительства,

с обязательством жить в Праге и читать лекции, но отказался от него (как и остальные мои коллеги по высылке — Бердяев, Ильин; едет туда только Кизеветтер[31]) опять-таки по валютным условиям, и из-за квартирного кризиса[32]. Здесь я получил квартиру в 4 комнаты, после многих лет имею опять уединенный угол для занятий и мечтаю отдаться научной работе. Здесь мы уже организовали с помощью Америк<анского> Христ<ианского> Союза, религиозно-философскую академию[33]. 4 часа лекций в неделю

[31] Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) — русский историк, участник «Союза освобождения», член ЦК партии кадетов. Выслан из России в 1922 г., с 1923 г. до конца жизни — в Праге.

[32] Франк писал Струве 4 ноября 1922 г.: «Я решил отклонить любезное приглашение чешского правительства. Самое основное из многих соображений, склонивших меня к этому решению, опирается на сведения о квартирном кризисе в Праге. Я получил теперь в Берлине квартиру, в которой у меня есть отдельная комната, где я могу сосредоточиться и заниматься» (Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925). С. 126). Н. Лосский в своих «Воспоминаниях» также отмечает, что в Чехословакии был тяжёлый квартирный кризис, найти квартиру было очень трудно. Вместе с тем, по его словам, «“Русская акция” в Чехословакии была в течение лет десяти поставлена очень широко. Несколько тысяч русских молодых людей получили стипендии и поступили (...) в различные высшие учебные заведения. Многие профессора, доценты, писатели, вообще многие русские интеллигенты были обеспечены правильно выдаваемыми ежемесячными пособиями» (*Н. О. Лосский*. Воспоминания: Жизнь и философский путь / Предисл. и примеч. Б. Н. Лосского; Вступ. ст. О. Т. Ермишина. М., 2008. С. 197).

[33] При финансовой поддержке YMCA Н. А. Бердяев в Берлине учредил Религиозно-философскую академию, вместо закрытой в Москве. Задачу Академии Н. Бердяев объяснял так: «Я считаю своей миссией по мере сил отвлекать русских за границей от разъярённой политики и мелкой политической грызни, и обращать их сознание к духовной жизни и духовным интересам» (*Н. А. Бердяев*. Письмо П. Б. Струве. 6 ноября 1922 // Братство Святой Софии: Материалы и документы. С. 170). Торжественное открытие состоялось 26 ноября 1922 г. Ф. Степун писал: «Нами высланными немцы интересуются в высшей степени. Интересуются нами также и американцы. На американские деньги организована здесь во главе с Бердяевым религиозно-философская академия. Природа её

будут давать 8 долларов в месяц, что при переводе на не-

выяснится Вами из прилагаемых газетных вырезок. Лекция оплачивается долларом. На доллар вполне можно неделю не умереть с голоду. (...) Кроме религиозно-философской [института] академии организуется грандиозный русский Институт. Немцы дают помещение и отопление. Но гонорар необходимо получить от валютных стран. Бердяев в центре всех дел и очень хорошо организует вокруг себя все дела. При этом он мне и дружественен. Он крепко спаян с Франком. Ильин с ними, но и против них, я довесок, балансирующий весы блаженного равноденствия. Есть кое-что смешное. Но есть и дело. Кроме этих русских начинаний большого масштаба и связанных с высланными — существует тут ещё “Verein zum Studien Osteuropas”. До нашего приезда он влачил жалкое существование. Теперь надеются, что он оживёт. Этому оживлению способствовало три ужина. На втором присутствовали “очень веские” люди. 4 министра, профессура и всякое иное. 3-й был полуофициальным. Франком, Ильиным и мною были произнесены припугивающие речи на тему сближения России и Германии» (Письмо Ф. А. Степуна О. А. Шор. 19 октября 1922 / Фёдор Степун — Ольга Шор: из переписки 1920-х годов. Подготовка текста, примечания А. Волкова, с предисловием А. Шишкина // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge) 1 (2013). С. 258–259). По словам Н. М. Зернова: «Кульман первый понял значение тех мыслителей, которые в глазах советского правительства были слишком опасны, чтобы оставаться на свободе в России. Ему удалось убедить известного христианского деятеля и филантропа Джона Мотта (1865–1955) найти деньги в Америке для создания Религиозно-философской Академии, куда были приглашены русские изгнанники. Ему же принадлежала идея издательства книг этих авторов (...) Религиозно-Философская Академия сперва была открыта в Берлине. В 1924 г. Франция признала СССР, поэтому в 1925 г. Академия была переведена в Париж. В том же году туда переехал и Кульман. Он быстро занял центральное положение в церковно-общественной жизни русской колонии. Все хотели заручиться его советами и помощью, и Р. С. Х. Д., и Богословский институт на Сергиевском Подворье, и Бердяев, вместе с которым он стал издавать журнал “Путь” (1925–1939)» (За рубежом: Белград—Париж—Оксфорд (хроника семьи Зерновых). Paris, 1973. С. 405). О том же писал Франк Струве 4 ноября 1922: «У нас уже в принципе организована — при поддержке амер<иканского> христ<ианского> союза — религиозно-философская академия и находится в подготовительной стадии “русский институт”, т. е. институт изучения России и русской культуры» (Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925). С. 127).

мецкую валюту покроет около ⅓ месячного бюджета. Планируется «русский научный институт»[34] и есть много литературных предложений.

[34] Немецкое правительство хотело привлечь на свою сторону лучшую часть русской интеллигенции, чтобы иметь на своей стороне тех, кому принадлежит будущее России, «поэтому МИД и МВД центрального правительства основали в 1923 Русский Научный институт в Берлине, выделив в 1923 г. на это 60 тыс. марок, затем — по 75 тыс. в год. Финансирование было прекращено только в 1932 г.» (*И. С вицкий*. Прага и Зарубежная Россия. С. 64). Первый финансовый взнос осуществила Институту Лига Наций — 600 швейцарских франков. «Прусское министерство народного просвещения предоставило Русскому институту возможность пользования свободными помещениями в здании Бауакадемии и частью помещений Немецкого общества по изучению Восточной Европы. Ко дню открытия был разработан устав, правила приёма студентов, программы обучения на трёх основных отделениях: духовной культуры, правовом и экономическом» (Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В. В. Сорокиной. М., 2003. С. 283–307). Бауакадемия располагалась на Шинкельплатц, 6, а Немецкое общество для изучения Восточной Европы — на Луизенштрассе, 31а. Перед институтом стояла задача — давать русской молодёжи не только полноценное высшее образование, но и знания о России. Директором стал В. И. Ясинский. Первое заседание состоялось 19 февраля 1923 г. Франк был членом учёного совета, деканом историко-филологического факультета, членом правления и заместителем ректора в его отсутствие, читал введение в философию. Денег, выделяемых немецким правительством, хватало только на техническую поддержку учреждения и скромные зарплаты профессорам. На финансирование института давала деньги и еврейская благотворительная организация Джойнт — как следует из письма Франка Александру Исаевичу Браудо от 17 августа 1924 г., на 1923–1924 г. Джойнт выделил институту 10 тыс. долл., покрыв ⅔ бюджета (более ⅓ состава преподавателей были евреями: Г. И. Гессен, С. И. Гессен, А. И. Каминка, С. Л. Франк, С. И. Штейн, Ю. И. Айхенвальд, Г. Гурвич, Н. И. Гинзбург). Однако, поскольку вследствие ухудшившейся экономической ситуации, русский Берлин опустел уже в 1923–1924 г., масса беженцев схлынула, количество студентов резко сократилось. Институт не успел сделать ни одного выпуска, и в итоге его пришлось преоб-

Относительно Мар<ии> Бор<исовны> я ничего не могу сказать тебе больше того, что Ал<ександр> Бор<исович> поручил мне передать тебе. Знаю, что однажды она получила от тебя америк<анскую> посылку. По квитанциям ты, конечно, можешь проверить, сколько дошло посылок; по моему опыту, посылки не пропадают. — Письмо о домашних и материальных делах ты, конечно, можешь послать по почте Ал<ександру> Бор<исовичу>, не ставя лучше фамилии отправителя. Его адрес по-прежнему адрес Юровского — Мал<ый> Николопесковский д. 11 кв. 18.

К сожалению, при переезде на новую квартиру я затерял твое письмо и не помню, о чем ты меня еще спрашиваешь. — Бор<иса> Ак<имовича>[35] я часто видел в Саратове зимой 20–21 г., летом 21 г. он уехал в Иркутск. Он, в общем, вполне еще бодр.

Надеюсь, что мы хоть изредка будем переписываться, а м<ожет> б<ыть> и увидимся — по словам Бужанского, ты часто бываешь в Берлине. Обнимаю тебя и жму руку Фане. Т. С. шлет сердечный привет Вам обоим.

Твой С. Франк.

разовать в чисто научное учреждение по изучению новой России. В 1933 г. институт был закрыт (в последний год его существования Франк исполнял обязанности директора). См.: *Р. Гуль*. Русский научный институт // Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В. В. Сорокиной. М., 2003. С. 309–312; *И. С вицкий*. Прага и зарубежная Россия. С. 64–65; *И. В. Гессен*. Годы изгнания. Жизненный отчёт. Париж, 1979. С. 79–84.

35 Авраам (Борис) Акимович Ельяшевич (1849–1934) — отец В. Ельяшевича, военный врач, представитель Хаскалы. Происходил из семьи раввинов, родился в Вильне, но выбрал европейское образование (хотя остался некрещёным). Окончил курс медицинских наук в Московском университете, утверждён в степени лекаря и в звании уездного врача. Служил в Брест-Литовске, Новогеоргиевске, Иркутске. Последние годы прожил у сына Александра в Ленинграде. Награждён множеством орденов (см. прим. 2 на стр. 8).

4. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич[36]

M-r et m-me Eliaschevitsch
Paris VIII Frankreich 3, rue de Boccador

Берлин. 2.III.1926

Дорогие друзья, по приезде домой шлю Вам привет и еще раз благодарю Вас обоих за внимание и гостеприимство, с которым Вы меня принимали[37].

---

36 Почтовая карточка. Штемпель: Berlin. 2.3.26.

37 Франк с 7 февраля 1926 г. и до конца месяца был в Париже, 21 февраля в публичном заседании Религиозно-философской академии он прочёл доклад «Религиозное возрождение и современная наука». К этому времени ситуация в Берлине радикально изменилась: «Я всё больше думаю, что надо бы переселиться в маленький университ<етский> городок Германии, где есть русские. Русский институт всё равно, вероятно, провалится, а YMCA может платить и за деятельность в другом месте» (*С. Л. Фр нк*. Письмо Т. С. Франк. 23 августа 1923 // Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6об.—7), а 6 февраля 1925 г. Франк писал Струве: «Мы живём трудно, во всех отношениях. Берлин опустел, обезлюдел, и вместе с тем за год очень усилились, в разреженной русской колонии, процесс нравственного разложения, яростной взаимной грызни, беспредметной драки или драки за кусок хлеба. Институт наш и материально переживает жестокий кризис, второй месяц мы сидим без жалованья. И материально, и духовно я вижу единственный исход для себя в какой-либо деятельности для немцев, и тут принципиально возможности есть» (Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925). С. 135). Франк пишет Бердяеву 5 января 1926 из Берлина: «Наш Институт кончает своё существование в качестве учебного заведения и преобразовывается в учёное учреждение — нечто вроде русской академии науки. Я стою во главе “философско-исторического отделения”. Наша главная задача — выпустить на немецком языке работы о России и русской духовной культуре. В первую очередь мы задумали выпустить сборник “Russische Denker” и притом, в качестве его первого выпуска “Moderne russische Denker in Selbstdarstellungen”. Вслед за этим пойдёт второй выпуск “Klassische russische Denker”...» (Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) / Сост., публ., подг. текста, коммент. А. А. Гапоненкова // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 139). О сборнике см. в письме о. С. Булгакову: «В нём должны, по нашему замыслу, участвовать все современные рус-

Тат. Серг. благодарит Фаню за подарок.

Резиновое пальто, которое категорически отвергла Фаня, было принято хотя и без особого удовольствия, но снисходительно-благосклонно.

Я остался в долгу у Вашего Егора. Я его не разыскал в момент отъезда — его не было внизу, когда я садился в такси. Хотел передать на вокзале вам для него, но вас не было. Если можно, дайте ему от меня 10 фр<анков>, я присоединю эту сумму к ближайшему платежу.

Всего хорошего. Спасибо еще раз. Привет Ирочке.

Ваш С. Франк.

5. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич

Berlin-Halensee[38],
Joachim-Friedrichstr<asse> 48

1.II.1928

Дорогие Вася и Фаня!

Я прошу, прежде всего, прощения в том, что вовремя не поздравил тебя, Фаня, с днем твоего рождения[39]. С боль-

ские философы, приобретшие имя и выступившие в литературе со своим собственным мировоззрением. Было бы необходимо участие в нём Вас, Бердяева, Лосского, Шестова, Карсавина и меня. Каждый автор должен был бы, в статье размером в 1½ листа, изложить, в форме и под заглавием, по своему собственному усмотрению, центральную идею своего философского мировоззрения» (*С. Л. Фр нк.* Письмо прот. С. Булгакову // Братство Святой Софии. Материалы и документы. С. 231). Проекты не осуществились. В это время Франк всерьёз размышлял о возможном переезде в Париж и об устройстве там в качестве профессора в Свято-Сергиевском православном богословском институте. Поначалу его смущало только экономическая необеспеченность вуза, где, по его мнению, никто не занимался добыванием денег, а позже его неприятно поразила история с непринятием в Институт Л. П. Карсавина.

[38] Халензее — район Берлина.

[39] Фаина Ельяшевич родилась 10/22 января 1877 г.

шим опозданием шлю тебе теперь это поздравление и пожелания всего лучшего.

Пишу вам обоим сейчас по одному делу, которое меня очень заботит. Не знаю, известно ли в Париже вообще и вам в частности — я это знаю из письма Ник<олая> Алекс<андровича>[40], после долгого его молчания — о той совершенной нищете, в которой живут Струве. Доходов у них вообще никаких, и долгов без конца во все лавки. Они, конечно, слишком горды, чтобы сами об этом кому-нибудь сказать. В любой момент может начаться а, м<ожет> б<ыть>, уже начался настоящий голод в буквальном смысле слова. Но неужели русская эмиграция даст погибнуть такому человеку, как П. Б. Струве? Если для писателей, как Куприн или Бунин, нашлись экстраординарные способы материальной поддержки, то, мне кажется, должна найтись такая же возможность для Струве. То, что он потерял политические симпатии многих и может быть — я не имею здесь собственного суждения — отчасти сам виноват во всей истории с «Возрождением»[41] и в ее последствиях, — не может же

[40] Бердяева.

[41] Весной 1925 г. Струве получил предложение от Великого князя Николая Николаевича и А. П. Кутепова возглавить «новую русскую газету “патриотического” направления, которая, как задумывалось, сможет конкурировать с милюковскими *Последними новостями*. Проект являлся составной частью политического плана великого князя Николая Николаевича и Кутепова» (*Р. П йпс.* Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001. Т. 2. С. 463). Он принял это решение по политическим мотивам «ради сплочения эмигрантов для активной борьбы с советским режимом» (Там же. С. 464). Название «Возрождение» отражало его убеждение в том, «что всё случившееся после 1917 года стало разрушением подлинной России и что страна испытывает физическую потребность в возрождении» (Там же. С. 465). По поводу газеты Струве «Возрождение» Франк писал Бердяеву 2 ноября 1925 из Берлина: «П. Б. Струве, внутренно, конечно, неизмеримо глубже и шире своих соратников, но он сознательно окружил себя тупицами и бурбонами и считает своим нравственным долгом перед Россией стараться походить на них (...) Для П. Б. Струве вся эта возня с “Возрождением” и “съездом”, которая, конечно, разлетится как пуф, кончится трагедией; он может погибнуть на этом как чистый Дон Кихот. В отношении

быть препятствием к тому, чтобы лично помочь ему в бедственном положении.

Трудность, как я понимаю, может быть, состоит в том, что он тратит все, что может достать, на «Россию», а давать деньги на это вряд ли найдутся охотники[42]. Но эту трудность, вероятно, можно все-таки как-нибудь обойти, хотя бы заплатив все его личные долги. И вообще тут требуется, конечно, величайшая деликатность, чтобы они не отвергли помощь.

Может быть, я пишу неосведомленно и уже что-нибудь сделано или предпринято в этом направлении. Но я на всякий случай счел нужным осведомить Вас и запросить, потому что нахожусь под удручающим впечатлением письма Н<иколая> Ал<ександровича>. Т<ак> к<ак> я знаю, что вы оба любите и цените П. Б., и близки к центрам возможных действий, то я и пишу вам. А может быть мои сведения и новы для вас.

Хорошо бы, если бы можно было помочь Глебу[43] найти работу, ведь они все вместе потерпели финансовое крушение, и кормятся — или, вернее, не кормятся — сообща.

Я был бы вам очень благодарен, если бы кто-нибудь из вас собрался ответить мне, что́ в этом отношении сделано и предполагается ли что-либо сделать.

лично к нему любовь к его личности преодолевает во мне отвращение к его делу» (Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926). С. 138). Газета «Возрождение» выходила под редакцией Струве до 1927 г.

[42] Газету «Россия» Струве издавал с 1927 по 1928 г. С. Франк вспоминал: «После ухода из “Возрождения” он, правда, некоторое время пытался проводить свою политическую линию в тотчас же основанной им еженедельной газете “Россия”, но было ясно, что прежнему воодушевлению пришёл конец. В мае 1928 года кончилось издание “России”» (*С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 513).

[43] Глеб Петрович Струве (1898–1985) — сын П. Б. Струве, участник Добровольческой армии, уехал из России вместе с отцом в 1919 г. Окончил Оксфордский университет по новой истории. С 1924 по 1932 гг. жил в Париже, в 1932 г. получил место преподавателя литературы в Лондонском университете. С 1947 г. — в США, профессор кафедры славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли.

Мне кажется, что если русские люди заграницей равнодушно дадут погибнуть от нищеты П. Б. Струве, то это будет равносильно моральному банкротству всей эмиграции.

Что касается меня, то у меня ничего особенно нового. С трудом, но все же еще держусь на воде.

Сердечный привет Вам обоим.

Ваш С. Франк.

6. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Berlin-Charlottenburg[44]
Neue Kantstr<asse> 27

5 августа 1930

Дорогой Вася!

Не удивись, пожалуйста, этому письму, после, кажется, 3-хлетнего молчания. Я долго колебался, писать ли тебе или нет, но потом решил, что выказал бы неуважение к тебе и нашей старой дружбе, если бы не решился написать тебе.

Дело вот в чем. Ты вспомнишь, что, когда мы последний раз виделись в Париже, ты на прощанье просил меня, в случае нужды, написать тебе и не стесняться просить у тебя денежной ссуды. У меня бывали за это время моменты тяжелой нужды, но всегда в конце концов какими-то чудесами удавалось извернуться, и я не решался обременять тебя такой просьбой. Теперь у меня такое положение. Хотя я кругом в долгах и живу очень трудно, но положение мое материально не отчаянное. Но есть другое обстоятельство. Здоровье мое пошатнулось, для восстановления работоспособности мне нужно полечиться, иначе я останусь полным инвалидом. Так было со мной

[44] Шарлоттенбург — западный район Берлина, во время начала русской эмиграции был новостройкой.

уже прошлым летом, но тогда мне удалось добыть через американскую YMCA субсидию на лечение[45]. Повторить эту просьбу сейчас невозможно.

И вот, повторяю, после некоторого колебания я вдруг почувствовал, совсем просто, что я, кажется, имею право и даже по старой дружбе как будто должен написать тебе об этом. Морально облегчается мне эта просьба именно тем, что с точки зрения текущих нужд, т. е. куска хлеба на завтрашний день, мне не нужны «до зарезу» деньги. Они нужны мне для лечения, для возможности будущей зимой и зарабатывать, и научно работать, т<ак> к<ак> сейчас, повторяю, я пришел в такое состояние упадка сил, что ничего не могу делать, и в этом году и я, и моя семья совсем лишены были летнего отдыха. Месяц лечения в каком-нибудь дешевом Bad'е[46], с купанием и на свежем воздухе, как я знаю по опыту, меня бы восстановил[47]. Для этого мне нужно иметь 250 мар<ок>, т. е. по вашему 1500 франков. Я и решился написать тебе об этом. Если ты можешь мне их прислать, ты окажешь мне огромную дружескую услугу. Если нет — так нет. Поверь мне, на этот раз в этом последнем случае я нисколько не обижусь, если ты мне только ответишь вообще — потому что на этот раз я сам делаю это, — т. е. пишу тебе, — без всякой нравственной натуги, а попросту, по-дружески.

Ты, конечно, понимаешь, что я не могу обещать тебе к определенному сроку отдать эти деньги, т<ак> к<ак>

---

45 «Помню лето в Ребрюке, когда он дошёл почти до галлюцинаций, когда говорил вслух (удалось наладить ему проезд в Баденвейлер, где он хорошо отдохнул)» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 218). Баденвайлер (Badenweiler) — курортный городок, земля Баден-Вюртемберг.

46 Bad — ванна, здесь — курорт с минеральными источниками (*нем.*)

47 Однако в итоге новой поездки в Баденвайлер не получилось. В сентябре 1930 г. Франк поехал в землю Северный Рейн-Вестфалия читать лекции в маленьких городках и сёлах для крестьян и пасторов (Лемго, Детмольд и др.).

из текущего бюджета это невозможно сделать. Но времена изменчивы — кто знает, м<ожет> б<ыть> еще доведется нам дожить до возвращения в Россию и до условий, при которых я смогу тебе вернуть деньги.

Итак, жду от тебя простого, откровенного и, надеюсь, дружеского ответа на мою просьбу.

Живу я, повторяю, трудно, дети подросли, но никто еще не зарабатывает. Мечтаю еще написать — по-немецки, т<ак> к<ак> по-русски не для кого — большую философскую работу, на которую смотрю, как на нечто вроде «лебединой песни»[48].

Мысли в голове есть, не хватает только времени и здоровья.

Сердечный привет Фане.

Жму твою руку.

Твой С. Франк.

Мой адрес — в заголовке письма.

[48] Имеется в виду будущая книга «Непостижимое», первый немецкоязычный вариант которой был закончен в 1935 г. Судя по записным книжкам С. Франка, с конца 1928 года он начинает записывать нумерованные отрывки под общим названием «Первая философия», тематически подготовляющие содержание будущей книги. Некоторые отрывки, датированные летом 1929 г., указывают на пребывание Франка в Баденвайлере. К августу 1930 г. — времени написания данного письма — относится отрывок XLII с рассуждением о трещине во всеединстве. Следующий отрывок на немецком языке (до этого Франк пишет по-русски) озаглавлен «Das Absolute» — статью с таким же названием Франк опубликует в 1934 г. в сборнике «Idealismus, Jahrbuch für die idealistische Philosophie». Записи «Первая философия» заканчиваются в ноябре 1933 г. отрывком LXXXVII, который содержит «План работы: “Das Unergründliche”» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank. S. Frank. 1928—29–30–31–32. Берлинъ).

7. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич

Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

13 марта 1935

Дорогие Вася и Фаня!

Только что я узнал от Бужанского[49] страшную весть о кончине Ирочки[50]. Какой ужасный удар — тем более ужасный, что он уже второй в вашей семье и отнимает у вас последнего ребенка. Конечно, никакие человеческие слова и утешения помочь вам не могут. Помочь вам и спасти из бездны отчаяния может только Тот, кто есть абсолютная Любовь и совершенное Благо, через Кого и в Ком нет ни уничтожения, ни даже разлуки, и Чья воля свята и благостна даже там, где она бедному земному человеческому сердцу кажется непонятно-беспощадной. Да поможет Он сам вам в последней глубине вашей неизмеримой скорби найти в Нем тихое утешение и прибежище, и ничем не разрушимую близость с живыми в Нем вашими детьми!

Почти десять лет прошло, как мы больше не виделись, и более четверти века с конца нашей близости. Но вы поверите мне, что в эту минуту я всей душой с вами.

Любящий вас С. Франк.

8. В. Ельяшевич — С. Фр нку

4 апр. 1935 г.

Дорогой Сеня,

только теперь начинаю несколько приходить в себя и могу приняться за ответы друзьям, которые отозвались на посланное нам испытание.

---

[49] См. прим. 2 к письму 1.

[50] Ирина Цитович (см. прим. 24 к письму 2) умерла 10 марта 1935 г.

Мы многие — и тяжелые — годы не виделись с тобою, но то, что ты пишешь, вполне соответствует тому, что переживаю я. Я не роптал и не ропщу. Ни на одну минуту не поднялся у меня в душе протест. Я не только верю, но чувствую, но знаю, что у меня с моими детьми разлука временная, и готов терпеливо ждать свидания. И могу сказать, пойду на это свидание не только спокойно, но и радостно. Ты не знал Ирочки взрослой. Но все, кто ее знал, и кто писал или говорил нам о ней, все сходятся в одном: она вся была непосредственность, незлобивость, доброжелательность. А последние пять недель пред смертью, когда она после трех тяжелых недель пришла в сознание и стала «поправляться», по выражению врачей, она вся светилась ласкою и тихою радостью. Невольно все те, кто были около нее или приближались к ней, как-то размягченно улыбались.

Фане тяжелее меня. Последние десять-двенадцать лет все часы и минуты ее жизни были заняты Ирочкой. Они не расставались и не могли расстаться. Но она выявляет теперь великую силу духа.

От всей души желаю тебе и твоим всего лучшего.

Твой В. Ельяшевич.

9. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Берлин. 18.I.1937

Дорогой Вася, твое письмо меня глубоко тронуло и порадовало[51] — тем более, что я за последние годы уже отвык от мысли, что я кому-нибудь в чем-нибудь могу быть нужен (за исключением моей семьи); русских связей у меня здесь совсем не осталось, есть немногие приятные и утешительные связи с немцами, но — при всем моем европе-

[51] Этого письма в нашем распоряжении нет.

изме — различие национальности есть все-таки преграда для настоящей личной дружбы во всей ее полноте. Поэтому я, как и в прошлый раз, с радостью принимаю твое предложение. Ты, конечно, прав: никакого дела, в смысле службы или обязательной работы у меня нет[52]. Но два обстоятельства мешают мне немедленно воспользоваться твоим предложением: 1) т<ак> к<ак> мне не удалось пока пристроить мою новую книгу[53], то, как водится, за это вре-

---

[52] Франк был уволен из Берлинского университета в 1933 г. Оставшись без средств к существованию, предпринимал попытки устроиться в Англии или во Франции. Так, он обсуждает с Глебом Струве возможные перспективы: «Что касается меня, то я также очень признателен тебе за заботу о моей судьбе. Арсеньеву — и м<ожет> б<ыть> Булгакову — я напишу в связи с твоим указанием на комитет, возглавляемый арх. Кентерберийским. Но я думаю, что этот комитет заботится о немецких пасторах, т. е. имеет компетенцию, к к<ото>рой моё дело не подходит. М<ожет> б<ыть>, можно было бы скомбинировать воздействие на арх. Кентерберийского с делом обо мне, находящимся — уже 3 года — в Academic Assistance Council? Дело это лежит без движения, но недавно я имел оттуда письмо, что они меня не забыли и продолжают думать обо мне. В этом смысле я и хочу написать Арсеньеву» (*С. Л. Фр нк*. Письмо Г. П. Струве. 22 августа 1936 // Архив Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 2).

[53] Немецкий текст «Непостижимого» был закончен Франком в конце 1935 г. Первоначально Франк надеялся его издать и вёл переговоры с цюрихским издательством Rascher Verlag: «Вчера был у меня мой редактор (...) Мой редактор очень интересовался книгой, к<ото>рую я собираюсь писать, и хочет меня свести с каким-то новым издательством в Цюрихе» (*С. Л. Фр нк*. Письмо Т. С. Франк. 25 июня 1935 г. Базель // Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 5). Письмо от 27 июня: «Я был у издателя, к к<ото>рому направил меня редактор, — ему очень понравилась моя книга, и в течение получаса мы в принципе сговорились (я, как водится, вероятно, продешевил немного). Он мне даёт 1000 м<арок> за книгу, 400 из них при представл<ении> рукописи, остальные в течение полугода. Письменный договор будет окончательно заключён в октябре — его единств<енная> оговорка, это что если радикально переменится полож<ение> книжн<ого> рынка в Германии, то он может отступиться» (Там же. Л. 8). Письмо от 3 августа: «Вчера был в гостях у д<окто>ра [Л. Бинсвангера. — *Г. А., Т. Р.*], а сегодня он пришёл ко мне в комнату и был очень внимателен и нежен,

мя она перестала меня удовлетворять, и я принялся заново ее переделывать; а так как для меня это — итог всей моей умственной и духовной жизни, и я живу уже в предчувствии конца жизни, то я не могу бросить или отложить эту работу. Но в течение около двух месяцев я надеюсь быть с ней готовым 2) мой младший сынишка[54], к<ото>рому теперь 16 лет, умственно очень одаренный мальчик, благодаря живости своего темперамента плохо учится в школе; я — его ежедневный репетитор, и этого дела я тоже не могу оставить, пока не решится вопрос об его переводе в следующий класс (в середине марта). По этим двум причинам я могу приехать в Париж не раньше, чем через два месяца — скажем примерно — к европейской Пасхе (28 марта)[55]. И если не случится ничего непредвиденного со мной или в моей семье, то я могу тебе твердо обещать это и заранее радуюсь нашей встрече. Все остальные парижские «удо-

говорил, между прочим, что т<ак> к<ак> моя книга ему посвящена, он чувствует, что это его забота — найти издателя (практически, впрочем, это ни к чему не приведёт). Я уже твёрдо решил написать exposé [изложение — *фр.*] своей книги страниц на 100, это я сделаю в один месяц, и издать у Rascher'а» (Там же. Л. 3). Письмо от 11 августа: «Насчёт моей книги поговорим, когда приеду. Беда в том, что ко всем внешним трудностям прибавляется внутренняя — прошло уже много времени, я ушёл вперёд, много нового понял и многим в ней недоволен. Но не стоит этим вообще огорчаться — всё это — дело чисто интимное и духовное, ни материального дохода, ни новых возможностей книга не доставит, значит надо этот вопрос спокойно рассматривать, как чисто внутреннее дело. Я склоняюсь теперь к компромиссному решению — ещё раз переделать книгу, написать энергичнее и короче, но не так, как хочет Рашер — а примерно 150–160 стр. Может выйти первоклассная книга, и м<ожет> б<ыть> ещё найдётся издатель (я буду целиться сначала на Heiler'ова издателя)» (Там же. Л. 9об.). Однако издателя в итоге так и не нашлось, и Франк перевёл её на русский язык, значительно переработав. Опубликована в Париже в 1939 г.

54 Василий Франк (см. прим. 16 к письму 1).

55 Т. е. к католической Пасхе. Православная Пасха 1937 году — 2 мая (19 апреля по ст. стилю).

вольствия» (за исключением встречи с братом[56] и сестрой[57]) меня не соблазняют — ни пушкинские торжества[58], ни выставка[59] и философский съезд[60] — скорее пугают. У меня

---

[56] Лев Васильевич Зак (1892–1980) — художник, скульптор, поэт, иллюстратор; сводный брат С. Л. Франка. Жена — Надежда Александровна Браудо (1894–1976), дочь Александра Исаевича Браудо. В 1920 г. эвакуировался из Ялты в Турцию, жил в Риме, Берлине, Париже. Провёл ряд персональных выставок в Париже, работал для театра Елисейских полей, Русского балета Монте-Карло, балета Бориса Князева (Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 570). См. также: *Б. Лосский*. Ещё о С. Л. Франке (Что вспоминается младшему современнику о нём и его семье). С. 120–131.

[57] Софья Людвиговна Животовская. Замужем за Абрамом Львовичем Животовским. Сразу после революции они уехали в Швецию, потом в Париж. Умерла в июне 1937.

[58] Для того, чтобы отметить столетний юбилей Пушкина в Париже в феврале 1935 г., был создан Пушкинский комитет. Во главе его стоял Президиум: председатель — кадет В. А. Маклаков, товарищи — П. Н. Милюков и М. М. Фёдоров, от деятелей культуры вошёл И. А. Бунин, а генеральным секретарём стал Г. Л. Лозинский. Событие задумывалось не только как культурная, но и как политическая акция. По подсчётам М. Д. Филина, до начала Второй мировой войны эмигранты издали в разных странах около 80 книг о Пушкине, более 1000 пушкиноведческих статей в журналах и огромное число публикаций в газетах (*М. Д. Филин*. От составителя // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). М., 2000. Т. 1. С. 11). Среди торжеств следует назвать выставку «Пушкин и его эпоха» (организатор Серж Лифарь, открыта 16 марта 1937 г.), торжественное собрание памяти Пушкина, 11 февраля 1937 г. в зале Иена, более 40 концертов и вечеров в честь Пушкина и др. (*Сергей Лиф рь*. Всемирный Пушкинский Зарубежный Комитет 1937 года // Там же. С. 51–106). В Пушкиниане принимали участие далеко не только члены комитета. Статьи написали В. В. Вейдле, Г. П. Федотов, Вяч. Иванов, А. Л. Бём, П. Б. Струве и С. Н. Булгаков. Перу Франка принадлежит целый ряд статей о Пушкине, в том числе и статья в однодневной газете «Пушкин» — «Пушкин и духовный путь России».

[59] Всемирная выставка в Париже, проходившая с 25 мая по 25 ноября 1937 г.

[60] IX Всемирный философский конгресс проходил в 1937 г. в Париже. Это так называемый Декартовский конгресс, который был посвящён 300-летию выхода сочинений Р. Декарта «Рассуждение о методе»

в Париже так много старых друзей и знакомых, все будут меня приглашать и обижаться на меня, если я их не навещу — а между тем я, из-за слабости сердца, стал физически столь немощным, что простое хождение в гости, поездку в городе на дальнее расстояние, испытываю как кутеж, расстраивающий мне здоровье; и я могу пребывать в физическом равновесии только при совершенно тихой и размеренной жизни[61]. Но конечно это не есть препятствие для самой поездки в Париж, придется уж наладить какой-нибудь компромисс в этом отношении.

Та же немощность заставляет меня, как мне ни стыдно, просить тебя, если ты хочешь меня видеть, дать мне возможность поехать 2-м классом в скором поезде, в к<ото>ром можно выехавши утром отсюда, вечером быть в Париже — потому что ночная езда для меня слишком утомительна и может угрожать мне рецидивом припадка сердечной слабости, при котором я и тебе буду бесполезен, т<ак> к<ак> в таком состоянии я даже разговаривать не могу. Но так как ты имеешь возможность по немецким законам, посылая мне денежный подарок или вспомоществование, послать его в дешевых для тебя немецких марках, то я надеюсь, что это тебя не разорит. И затем — если не устроится какая-нибудь моя платная лекция, — я должен буду просить у тебя даже карманных денег, т<ак> к<ак> отсюда ведь я не могу вывезти даже суммы, достаточной для этого.

Но все это, сравнительно, мелочь.

и «Геометрия». См.: *С. Н. Корс ков.* IX Всемирный философский конгресс (Париж, 1937 г.) в истории отечественной философии // Философские науки. 2009. № 2. С. 143–155.

61 На сердечную слабость Франк жаловался ещё 6 апреля 1925 г. Бердяеву (см.: Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926). С. 136). Работа над «Непостижимым» сильно подорвала его здоровье. В первые два месяца 1936 г. у него были серьёзные проблемы с сердцем, ставшие, по словам его врача, результатом переутомления от работы над книгой (письма Л. Бинсвангеру 17 января и 23 марта 1936 г. — см.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 200).

В одном отношении твое дружеское предложение — и независимо от радости новой встречи с тобой и Фаней — мне очень кстати. Хотя я привык жить здесь, и моя семья пустила здесь некоторые корни, и для себя я рассматриваю Берлин как пустыню, очень удобную для отшельничества и «спасения души», но все же атмосфера здесь становится для меня и моих друзей все более неблагоприятной и духовно томительной. Уже многие годы я бесплодно мечтаю как-нибудь отсюда выбраться — и естественнее всего именно в Париж. Я, конечно, хорошо знаю всю трудность и всю нужду парижской эмигрантской жизни и не склонен ни к какому оптимизму. Я знаю также, что при безденежьи с относительно максимальным удобством можно жить именно в Берлине. И, тем не менее, мне хотелось бы уехать отсюда. В смысле моей семьи я теперь разгружен в том отношении, что оба мои старшие сына[62], каждый по-своему, самостоятельны и суть уже «отрезанные ломти». Остается только жена, дочь[63] (которая здесь зарабатывает, но с которой мы не можем расстаться) и младший сынишка. Те гроши, к<ото>рые я еще зарабатываю сам здесь случайным литературным трудом, я могу и в другом месте зарабатывать. Остается только решить вопрос, мыслимо ли найти заработок для моей жены (к<ото>рая занимается массажем[64])

---

[62] Виктор и Алексей. Виктор Семёнович Франк (1909–1972) — окончил Пражский университет, во время войны работал на радиостанции BBC, после войны — в русской редакции радио «Свобода», специалист по современной советской истории и литературе (см.: Памяти Виктора Франка. Лондон, 1974). Алексей Семёнович Франк (1910–1969) — танцовщик, выступал в «Балет де Базиль», во время войны участвовал во французском сопротивлении, а потом присоединился к американским частям, в октябре 1944 г. был тяжело ранен, долго лечился и остался инвалидом.

[63] Наталья Семёновна, урожд. Франк, по первому мужу Скорер, по второму — Норман (1912–1999).

[64] «Татьяна вспомнила ремесло массажистки и, закончив в начале 1930-х гг. курсы повышения квалификации, с утра пораньше ходила

и дочери. Словом, поездка в Париж имеет для меня еще смысл разведки в этом вопросе.

Прости, что в ответ на твое письмо я пишу только о внешней стороне возбужденного тобой вопроса. Я хотел как можно скорее ответить тебе положительно на твое приглашение. Но я был бы очень рад, если бы наша переписка по делам «душевным» могла бы наладиться еще до нашей встречи.

Еще раз благодарю тебя и сердечно жму руку тебе и Фане. Фаню почти <?> уже поздравляю с предстоящим днем рождения[65]. О возрасте нашем при этом не будем беспокоиться — надо, наоборот, следуя мудрому правилу Мейстера Экхарта, считать, что каждый духовно сознательно прожитый человеком день делает его моложе[66].

Твой С. Франк.

10. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Берлин, 22 марта 1937

Дорогой друг Вася, спасибо тебе за доброе и откровенное письмо[67]; отвечаю на него тотчас же. Я вполне понимаю и разделяю твое настроение и вкус. Я тоже теперь повторяю себе правило Л. Толстого: «старому врать — чтó богатому красть»[68]. И не только «врать» в буквальном смысле,

---

по вызовам» (*Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 183).

65 См. прим. 39 к письму 5.

66 Ср. слова апостола Павла: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16).

67 Этого письма в нашем распоряжении нет.

68 См., напр., письмо А. В. Жиркевичу 30 июня 1890 г.: «Простите меня, если мои слова оскорбят вас, но старому лгать, как богатому красть, незачем и стыдно. Правда же может быть полезна» (*Л. Н. Толстой*.

но и не быть до конца правдивым или даже говорить, вместо существенного, о пустяках и внешнем. Я поэтому с полной правдивостью отвечу на твой вопрос.

Вообще говоря, и моему духовному состоянию, и состоянию моего здоровья более всего соответствует сидение дома, отшельничество в «келье». Здесь я почти ни с кем не вижусь — да и не́ с кем, — а если изредка где-нибудь засижусь в гостях, то испытываю это, как кутеж, после которого переживаешь «похмелье» — физическое, а отчасти и моральное. Бог дал мне милость, что мои умственные и духовные силы к старости — по крайней мере доселе — не ослабли, а скорее еще укрепились. Мне удалось закончить философскую книгу, которая — как бы ни оценивать ее по существу — будет лучшим и самым глубоким из всего, что я до сих пор написал, и в которой мне удалось выразить последнее из того, чем я духовно живу[69]. Но физически я стал, особенно за последний год, довольно немощным — из-за ослабления сердца. К числу «прытких старичков», каких много в эмиграции развелось, я не принадлежу.

Но я и не «засиделся» в Берлине, как ты предполагаешь. В прежние годы я разъезжал с лекциями очень много — исколесил чуть ли не всю Европу — а последние два года я ездил летом в гости к психиатру Binswanger'у в Швейцарию — человеку, с которым я и духовно, и лично очень сблизился

Собрание сочинений в 22 томах. Т. 19. М., 1984. С. 193). Или письмо Н. Н. Страхову 26 мая 1881 г.: «Богатому красть, старому лгать, — недолго мне осталось жить, чтобы не говорить прямо всю правду людям, которых я люблю и уважаю, как вас» (*Л. Н. Толстой*. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 18. М., 1984. С. 892). В толковом словаре В. Даля фиксировано как народная поговорка под словом «лгать»: «*Бог тому кр сть, ст рому лг ть,* одинаково кстати». В письме к неизвестному другу в августе 1944 г. Франк повторяет эту отсылку: «На старости, следуя чудесной формуле Толстого "старому врать — что богатому красть", я хочу быть абсолютно правдивым и смиренным мыслью» (*С. Л. Фр нк*. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 89).

[69] Речь идёт о немецком тексте «Непостижимого».

[Содержание]

и к<ото>рый управляет хорошей санаторией; вероятно, мог бы поехать туда и в этом году[70].

[70] Людвиг Бинсвангер (1881–1966) — швейцарский психиатр и философ, основоположник экзистенциальной психологии, ученик К.-Г. Юнга и З. Фрейда. Многолетний корреспондент и друг Франка. Они познакомились в начале ноября 1934 г. в Амстердаме на докладе Бинсвангера о Гераклите (сам Франк выступал, кроме того, в Лейдене, Роттердаме и Гааге). «После лекции, — вспоминал Л. Бинсвангер, — в доме нашего любезного хозяина состоялся приём, на котором Франк пополнил мою интерпретацию Гераклита со “стихийной” и мистической сторон, исходя из понятия огня и “сухого блеска” и его причастия божественному Свету» (*Л. Бинсв нгер*. Воспоминания о Семёне Людвиговиче Франке // Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка / Под ред. прот. о. Василия Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 25). В свою очередь, Франк 2 ноября 1934 г. сообщал жене: «Вчера провёл интересный вечер: после доклада одного швейцарского психиатра, был в гостях у местного психолога и хорошо пофилософствовал» (Архив Дома Русского Зарубежья. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 3). Летом следующего года Франк поехал в руководимый Бинсвангером санаторий в Кройцлинген (Швейцарии) отдыхать и читать лекции. 10 июля 1935 г. Франк писал жене: «Вчера сюда приехал и читал лекцию, народу было много, но все студенты, професс<оров> почти не было — жара и конец семестра, все уехали. Богослов Бруннер, у к<от>рого я шесть лет тому назад останавливался, тоже не пришёл, но прислал мне утешительно сердечное письмо. Был мой редактор, он обещал устроить мою статью либо в как<ой>-ниб<удь> журнал, либо в свою газету; мы с ним очень дружны» (Там же. Ед. хр. 12. Л. 17). 13 июля из Кройцлингена: «Сегодня днём, в 3½ я читаю здесь доклад о Достоевск<ом>, съезжаются философы и психиатры; я хорошо подготовился и в грязь лицом не ударю. В Цюрихе я был очень утомлён от езды и жары, и мне казалось, что я не очень хорошо читал, но тамошн<ий> профессор телефонировал Binswanger’у, что мой доклад произвёл сильнейшее впечатление и был лучшим за весь год. Довольно поздно приходит ко мне слава... С доктором очень подружился — он хотя и большой барин и чуть-чуть отдаёт от него снобизмом (богатство не проходит бесследно), но всё же и очень глубокий и умный, и очень хороший человек (м<не> к<ажется> тоже “не-ариец”), и у нас с ним очень много точек соприкосновения» (Там же. Л. 19). Л. Бинсвангер в воспоминаниях о С. Франке пишет о его приездах в санаторий летом 1935 и 1936 годов (*Л. Бинсв нгер*. Воспоминания о Семёне Людвиговиче Франке. С. 26–28).

[Содержание]

Чтобы закончить перечень сомнений, к<ото>рые у меня были по поводу твоего приглашения, повторю то, что уже писал тебе: поездка в Париж пугает меня неизбежностью множества встреч и визитов, к<ото>рые несомненно утомят меня. — Отчасти по этим соображениям, отчасти и для того, чтобы ты не считал себя связанным своим предложением на случай, если ты почему-либо раздумал, я и написал, что отказ от поездки я стал бы рассматривать как «разгрузку».

Несмотря на все это, я принял твое приглашение совсем не поневоле, а с благодарностью и радостью: я рад и возобновить реально дружеские отношения с тобой и Фаней, рад получить возможность встретиться (м<ожет> б<ыть> в последний раз) с братом и сестрой, рад и повидаться со старыми знакомыми и подышать новым воздухом. Поэтому не может быть и речи о том, что я делаю это только для тебя, совсем нет <?>. Этого сомнения у тебя не должно быть, и после твоего сегодняшнего письма я считаю это делом решенным. Особенно мне улыбается, что, пожив недели две в Париже, я смогу действительно отдохнуть у вас в деревне. Время, тобой предложенное — июнь — мне вполне подходит. В данный момент не могу еще — в этих пределах — определить точно срок моего приезда (это зависит от летних планов моей семьи), но это ведь и не существенно.

Ты пишешь, что можно было бы устроить мое выступление на дне русской культуры[71]. Но, как я уже писал, за «славой» я ни в малейшей мере не гонюсь и хотел бы в этом отношении избегнуть всяческих выступлений; единственное, что мне нужно, это — хоть небольшой заработок (хотя бы, чтобы покрыть карманные расходы). Я держусь правила Пушкина: пишу по вдохновению, а печатаю (и читаю лекции) для денег[72]. Вслед за Пушкиным могу повторить: «та-

[71] Имеются в виду мероприятия в Париже в связи с юбилеем А. С. Пушкина.

[72] Подобную мысль Пушкин неоднократно выражал, как правило, в своих письмах. Например, в письме П. А. Вяземскому 8 марта 1824 г.:

ков я в наготе моего цинизма»[73]. Очень прошу вас поэтому иметь это в виду и построить мое «выступление», руководясь только этой одной моей целью.

Ты ничего не пишешь, получили ли Вы посланную мною вам мою брошюрку «Пушкин как политический мыслитель»[74] (я послал ее уже недели две тому назад). Кстати: не могли ли бы вы продать для меня некоторое количество этой брошюры? Я получил за нее гонорар, как теперь водится, натурой, т. е. экземплярами брошюры, к<ото>рые должен сам продавать, а здесь — почти некому. Я рассчитывал бы получить за нее по 1 марке, т. е. примерно 8–10 франков.

«Я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть не для улыбки прекрасного пола» (*А. С. Пушкин*. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М., 1962. С. 92). А в письме А. И. Казначееву в июне того же 1824 г. пишет: «Я уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это, — самый трудный шаг сделан. Если я ещё пишу по вольной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них только как на товар по столько-то за штуку» (Там же. С. 99). Можно добавить и слова из «Разговора поэта и книгопродавца»: «Позвольте просто вам сказать: / Не продаётся вдохновенье, / Но можно рукопись продать».

73 Из письма Л. С. Пушкину (январь—начало февраля 1824 г.): «Mais pourquoi chantais-tu? [Но почему ты пел?] на сей вопрос Ламартина отвечаю — я пел, как булочник печёт, портной шьёт, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма» (*А. С. Пушкин*. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М., 1962. С. 89). Кроме ряда статей о Пушкине, С. Франк опубликовал в изданной к столетнему юбилею поэта однодневной газете «Пушкин. 1837–1937» подборку «Из жизненной мудрости Пушкина. (Избранные афоризмы и мысли)». В одном из блокнотов в архиве С. Франка можно найти подготовительные выписки пушкинских афоризмов (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank. B-26. Афоризмы Пушкина, выбранные С. Л. Франкомъ).

74 *С. Л. Фр нк*. Пушкин как политический мыслитель / С пред. и доп. П. Б. Струве. — Белград, 1937. — 50 с. (Право и свобода. 1-я серия. Вопросы истории и культуры, № 1).

Итак, в апреле я подам прошение о визе; это дело тянется обычно месяц—полтора.

Сердечно жму руку тебе и Фане. Если доживем до июня, то увидимся.

Твой С. Франк.

Моя жена шлет Вам обоим привет.

11. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[75]

S. Frank
Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

Mr. B. Eliachevitch.
Paris 16e Frankreich.
51, Bd. Beauséjour

Берлин, 18 апреля 1937

Дорогой Вася, вчера я подал в здешн<ее> франц<узское> консульство прошение о визе в Париж на 6 недель. Я указал в нем, что в Париже остановлюсь у тебя. Вероятно, к тебе по этому поводу придут справляться. Но для ускорения и благоприятного разрешения дела — которое иногда очень затягивается — было бы хорошо, если бы ты мог зайти в соответствующий отдел мин<истерства> иностр<анных> дел и поддержать там мое прошение — или же, м<ожет> б<ыть>, написать туда. В качестве цели поездки я обозначил посещение родных.

Шлю сердечный привет тебе и Фане.

Твой С. Франк

[75] Почтовая карточка. Штемпели: Berlin—Paris.

[Содержание]

12. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

7.V.37.

Дорогой Вася!

Моя виза во Францию теперь пришла. Так как мне удобнее всего было бы — если это Вам подходит — выехать в конце мая (потому что в первой половине июля я бы хотел уже быть опять дома) и так как получение обратной немецкой въездной визы связано для меня с некоторыми формальными паспортными трудностями, которые могут отнять время, то я бы просил тебя, если ты остаешься при своем желании выписать меня, прислать мне теперь же деньги на билеты и визы. Расходы на путешествие складываются так: билет туда и обратно в скором поезде, в к<ото>ром я могу, выехав утром, быть вечером в Париже, второго класса (3-его класса в этом поезде нет) — 105 мар<ок> и визы (немецк<ая>, франц<узская> и проездн<ая> бельгийская) 26 мар<ок>, итого 131 марка, а присоединяя неизбежные накладные расходы при путешествии — 140 мар<ок>. Если эта сумма покажется тебе слишком большой, то я мог бы, конечно, поехать и в обычном поезде 3-им классом, но только в таком случае с ночевкой в Кельне, т<ак> к<ак> ночного путешествия я не переношу. Тогда общая сумма расходов сократилась бы марок на 25, т. е. мне нужно было бы около 115 мар<ок>. Насколько я знаю, ты имеешь право при посылке денег на такой предмет, как путешествие, получить под каким-то названием дешевые марки. И, надеюсь, тебе известно, что прямая посылка немецкой валюты сюда в письме строжайше запрещена — деньги конфискуются и адресат может иметь неприятности, так что делать это ни в каком случае нельзя.

Затем — опять при условии, что ты остался при намерении выписать меня — повторяю свой вопрос: имеете ли вы

возможность устроить мне платную публичную лекцию в Париже? Я очень просил бы тебя (или Фаню) ответить мне по возможности тотчас, чтобы было время сговориться о теме или чтобы я мог, если вы за это не возьметесь, наладить это через кого-нибудь другого (возможность для этого у меня есть). А подработать хоть немного в Париже мне совершенно необходимо — хотя бы, чтобы иметь карманные деньги.

Если тебе почему-либо удобнее купить и прислать мне билет прямо из Парижа, то мне это, конечно, безразлично. Но только здесь я получаю на т<ак> наз<ываемую> Urlaubszusch<uss>[76] 20% скидки по немецк<им> жел<езным> дорогам, что вряд ли возможно получить при покупке билета в Париже.

Итак, очень жду быстрого ответа от тебя или Фани — чтобы мне знать, worin <?> ich bin[77].

Сердечно жму руку вам обоим. Тат<ьяна> Серг<еевна> шлет привет.

Твой С. Франк

13. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[78]

S. Frank.
Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

Mr. B. Eliachevitch.
Paris XVIe Frankreich
51, Bd. Beauséjour

Берлин, 23.V.37.

---

[76] Urlaubszuschuss — дотация на отпуск (*нем.*).

[77] Worin ich bin — в чём я (*нем.*).

[78] Почтовая карточка. Штемпель: Berlin.

Дорогой Вася, спасибо тебе за письмо[79]. Я был очень огорчен известием о твоей болезни и предстоящей операции. Насколько я знаю, такая операция не опасна, и я верю, что все сойдет благополучно. Я, конечно, хорошо понимаю, что теперь тебе не до меня и моего приезда, и я прошу тебя пока об этом не заботиться. По нек<ото>рым, теперь выяснившимся обстоятельствам, мне самому удобнее несколько отсрочить мою поездку. Только для твоей ориентировки я хотел бы сообщить тебе, что — если моя поездка состоится — мне хотелось бы быть в Париже так, чтобы можно было застать там знакомых, т. е. не в то время, когда большинство разъезжается. Дело в том, что, как я уже писал тебе, мне хотелось бы использовать поездку для того, чтобы ориентироваться в возможностях найти какой-нибудь заработок для жены и дочери — уж очень меня тянет выбраться отсюда. — Моя французская виза, лежащая здесь в консульстве, имеет силу до, кажется, 5 июля. Но, вероятно, не представит трудностей в случае надобности продолжить или возобновить ее. Но, повторяю, обо всем этом тебе нет нужды сейчас беспокоиться.

Сердечно жму руки тебе и Фане и желаю тебе поскорее поправиться.

Твой С. Франк.

14. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич

Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

2 октября 1937

Дорогие Фаня и Вася, простите мне, что я так долго не писал Вам, и особенно прости меня ты, Фаня, что я оставил

[79] Этого письма в нашем распоряжении нет.

доселе без ответа твое доброе письмо о смерти моей сестры, которое меня очень тронуло. Смерть моей сестры[80] — совершенно неожиданную для меня — я пережил и переживаю очень тяжело, в наши года такие события действуют сильнее, чем в юности. А затем у меня было во многих отношениях трудное лето — и волнения, и недомогание, — так что я никак не мог выбраться написать Вам. Впрочем, вы сами не блещете аккуратностью в корреспонденции, и потому по принципу «не судите, да не судимы будете» должны меня простить.

Хотелось бы мне, прежде всего, знать, как обстоит дело с Васиной болезнью, состоялась ли операция или отложена или отменена. А затем — если в этом отношении, как и в других у Вас дела обстоят более или менее благополучно — то, ссылаясь на твое предложение, Фаня, перенести мою поездку на осень, — я хотел бы знать, остались ли Вы при намерении выписать меня в Париж. Мне самому и очень хотелось бы этого, и по разным обстоятельствам и нужно было бы. Недавно вышел французский перевод моего «Предмета знания» (под названием «La connaissance et l'être»[81]), благодаря этому у меня завязались связи в философских кругах Франции, и было бы полезно личными встречами их поддержать[82], чтобы наметить возможность литературной работы во Франции (здесь я и в этом отношении пропадаю). И разные другие соображения заставляют думать о поездке в Париж.

Итак, я прошу вас написать мне, как Вы на это смотрите. Само собой разумеется, Вы не должны считать себя связан-

---

[80] Софьи Людвиговны Животовской (см. прим. 57 к письму 9).

[81] *S. Frank*. La connaissance et l'être. Trad. du russe par Kaffi, Oldenbourg et Fedotoff. Paris, Fernand Aubier, 1937. XV — 320 p. (Philosophie de l'esprit. Collection dirigée par L. Lavelle et R. Le Senne).

[82] Прежде всего речь идёт, очевидно, о Луи Лавеле и Рене Ле Сенне, которые готовили к печати книгу С. Франка. Рене Ле Сенн — один из редакторов изд-ва «Montaigne», издававшего по-французски, в частности, книги Бердяева. О встречах Франка в Париже см. письмо 20.

ными раз сделанным предложением, а решить вопрос заново и вполне свободно.

Но только я очень просил бы — предполагая, что у вас все благополучно и вы свою жизнь на ближайшие месяцы обозреваете — не задерживать ответа, а ответить мне поскорее. Мне было бы удобнее всего приехать месяца через 1½ — во второй половине ноября. Но по разным обстоятельствам — и лично моим, и семейным — мне необходимо решить вопрос о поездке заблаговременно, по возможности теперь же. И вопрос о визе надо ведь ставить заново[83].

Итак, я жду Вашего ответа. Сердечно жму руки вам обоим и очень рад был бы, и независимо от вопроса о моей поездке, иметь скоро весть от вас. Моя жена шлет сердечный привет.

Искренне любящий вас

С. Франк.

15. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

9 октября 1937

Дорогой Вася, большое спасибо за скорый ответ[84] и за готовность помочь мне. Тотчас же по получении твоего письма, я посоветовался с юристом, опытным в этих делах, и он мне дал следующие указания.

---

[83] «Франция соглашалась дать въездную визу, если они [Франки] докажут, что смогут вернуться в страну, откуда приехали, а Германия давала выездную визу только при условии, что они никогда не вернутся. Кульман, бывший сотрудник ИМКА, работал теперь в Лиге Наций и воспользовался своим влиянием, чтобы добыть для них визы» (*Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 185).

[84] Этого письма в нашем распоряжении нет.

Так как твои деньги лежат здесь давно — до издания соответствующих ограничительных законов — то есть все шансы надеяться, что дело удастся. Для этого ты должен сделать следующее: 1) написать в Deutsche Devisenstelle[85] (особое правительственное место, к банкам не имеющее отношения и дающее такие разрешения) прошение о разрешении тебе из сумм, лежащих у тебя там-то, выдать мне, твоему старому другу, Unterstützung[86], определ<енный> размер, в виду того, что я notleidend[87]. Больше ничего. 2) одновременно пришли мне полномочие в Deutsche Bank, чтобы мне там выдали справку о том, какая сумма у тебя там лежит, с какого времени и когда была обращена в деньги (или — если у тебя уже есть такая бумага из Банка — то просто пришли ее мне). С этой бумагой из Банка я сам пойду

[85] Deutsche Devisenstelle — валютно-контрольные органы в нацистской Германии. Свободный оборот капитала в Германии был ограничен ещё до прихода к власти нацистов. Однако при Гитлере эти органы расширили свои полномочия и играли важную роль в государственном ограблении евреев. Они участвовали в процессе лишения гражданства с последующим отнятием имущества, проверяли имущество собирающихся эмигрировать и лишали их возможности им распоряжаться. Согласно закону об отказе в предоставлении гражданства и лишении гражданства от 14 июля 1933 г., немецкие граждане, которые жили за границей, могли лишиться гражданства, а закон о гражданстве 1935 г. признавал гражданином только немцев. Согласно тайному указу Гиммлера от 30 марта 1937 г., неуплата налогов беглецом-евреем также должна была вести к лишению гражданства. При обмене валют государство забирало до 96%. До конца 1933 г. эти органы ещё разрешали брать с собой наличные суммы до 15 тыс. марок, для большего имущества требовались особые решения, но с октября 1934 г. разрешение на вывоз денег больше не давалось, при выезде с собой можно было взять только 10 рейхсмарок (см.: «Ich kam als wohlhabender Mensch nach Erfurt und ging als ausgeplünderter Jude davon». Schicksale 1933–1945 / Verfasser Monika Gibas. Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2008).

[86] Unterstützung — поддержка, пособие (*нем.*).

[87] Notleidend — бедствующий (*нем.*).

в Devisenstelle и получу решение прямо на месте (решение все же зависит от свободного усмотрения чиновника). Если решение будет благоприятное, я тебя уведомлю, и ты должен будешь мне или Банку послать поручение получить там соответствующую сумму. Для того, чтобы содействовать благоприятному решению, лучше предложить выплатить мне какую-нибудь круглую сумму — скажем, 125 марок. Если разрешение последует, я должен буду удостоверить, что я ни в какой форме не возвращу тебе этой суммы — что, конечно, и соответствует истине. — Обе бумаги (прошение в Devisenstelle и полномочие мне получить справку при Банке) пришли мне.

Если ты не задержишь присылку этих бумаг, то дело может решиться очень скоро, в ближайшие же дни.

Еще раз спасибо тебе. Жму руку тебе и Фане.

Твой С. Франк.

16. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[88]

S. Frank.
Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

Mr. B. Eliachevitch.
Paris XVIe Frankreich
51, Bd. Beauséjour

1 ноября 1937

Дорогой Вася, сегодня я на основании твоих бумаг получил от Devisenstelle[89] разрешение на получение 125 м<арок>. Будь добр, пошли теперь приказ банку выдать мне эти

88 Почтовая карточка. Штемпель: Berlin.
89 См. прим. 85 к письму 15.

деньги, с указанием моего адреса. Напиши: die Auszahlung ist von der Devisenstelle der Finanzamts Berlin genehmigt worden, der Genehmigungsbesucht befinden sich in Händen von Prof. S. Frank[90]. Разрешение имеет силу на 1 месяц, если пропустить этот срок, то теряет силу.

Я получил впечатление, что, на основании закона, ты имеешь право или истратить сам в Германии, или подарить кому хочешь в Германии всю принадлежащую тебе сумму, из «Altbesitz»[91] — всего 207 м<арок> с чем-то. Кроме того, у тебя есть еще какие-то 47 м<арок>, но это какой-то более новый счет, выдача которого нормируется иначе.

Уведомь меня открыткой, когда напишешь банку.

Сердечно жму твою руку. Привет Фане.

Твой С. Ф.

17. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[92]

S. Frank.
Berlin-Halensee
Nestorstr<asse> 11

Mr. B. Eliachevitch.
Paris XVIe Frankreich
51, Bd. Beauséjour

Берлин, 21.XI.37

Дорогой Вася, сердечное спасибо за письмо и распоряжение[93]. Теперь все в порядке и я начинаю действо-

---

90 «Выплата была утверждена валютным учреждением Берлинского финансового отделения, разрешение на получение имеется у профессора С. Франка» (*нем.*)

91 Букв. — «старое владение», старый счёт (*нем.*).

92 Почтовая карточка. Штемпели: Berlin—Paris.

93 Этого письма в нашем распоряжении нет.

вать. К сожалению, мой приезд все-таки немного откладывается по двум непредвиденным обстоятельствам: 1) на меня неожиданно свалился судебный процесс — владелец дачи, в которой я жил летом, оказался вымогателем. Дело не серьезное, обстоит вполне благоприятно для меня, и даже на худой конец — с неимущего взятки гладки. Но я должен пробыть здесь до середины декабря[94]; 2) я получил приглашение в середине января прочитать лекцию в Цюрихе. Гонорар ничтожный, и я мог бы пренебречь этим приглашением, но т<ак> к<ак> с этим связана для меня возможность недели 3 отдохнуть в санатории моего приятеля[95], — а состояние моего здоровья, к<ото>рое этой зимой все не ладится, очень того требует — то я его принял. Таким образом, к Вам я попаду в конце января. Никаких дальнейших отсрочек быть не может — мой приезд столь достоверен, сколь достоверно вообще что-либо на нашей шаткой земле. Если почему-либо этот срок вас не устраивал бы, то я могу сначала пожить у моего брата[96] или поблизости от него.

Не сердись на меня за эту невольную отсрочку. Повторяю, если только буду жив, в январе буду с Вами.

Еще раз благодарю тебя и сердечно жму руку тебе и Фане.

Твой С. Ф.

---

[94] «Летом 1937 г. Франки сняли дом за городом и дали в еврейские газеты объявление о сдаче комнат дачникам. Это был один из способов, которыми Татьяна добывала деньги. Хозяйка обвинила их в том, что они задерживают оплату, и подала в суд. Судье она заявила, что её деревню наводнили евреи. Дело тянулось два или три месяца, и Франк его выиграл» (*Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 185).

[95] Людвига Бинсвангера.

[96] Льва Зака.

18. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич[97]

Mr. B. Eliachevitch.
Paris 16e Frankreich
51, Bd. Beauséjour

Kreuzlingen a/Bodensee, Suisse.
Kurhaus «Bellevue»[98]. 6.I.1938

Дорогие друзья, Вася и Фаня, шлю Вам прежде всего — хотя и с постыдным опозданием — сердечный привет и лучшие пожелания к новому году. Как вы усмотрите из моего адреса, я нахожусь уже по пути к Вам. Здесь я пробуду

[97] Почтовая карточка. Штемпель: Kreuzlingen, 6. I.38.

[98] Санаторий Бельвью (Sanatorium Bellevue) в Кройцлингене (Швейцария, кантон Тургау, на Боденском озере) был основан как частная психиатрическая лечебница в 1857 г. известным психиатром Людвигом Бинсвангером (старшим) и просуществовал до 1980 г., принадлежа нескольким поколениям его потомков. Людвиг Бинсвангер (младший) получил это наследство в 1910 г. от своего отца Роберта и владел санаторием до 1956 г. (при этом экономические и хозяйственные вопросы лежали на его младшем брате Отто, что позволяло Людвигу в качестве главного врача заниматься прежде всего наукой). Кроме Франка, пациентами санатория были, например, танцовщик Вацлав Нижинский, художник Эрнст Кирхнер, культуролог Абрахам Варбург. Санаторий был продан сыном Людвига Бинсвангера Вольфгангом в 1980 г. Сегодня бывшее основное здание занимают различные офисы; одно из зданий занимает венозная клиника «Venenklinik Bellevue». Из воспоминаний Л. Бинсвангера о Франке: «Под 6 января 1938 г. я снова нахожу запись в нашем альбоме — стихотворение Вл. Соловьёва — особенно характерное для нашего друга, в последней строфе которого опять содержится свидетельство о нашей главной теме, теме о “Я” и “Ты”, о явлении “Мы”, о его подлинной реальности» (*Л. Бинсв нгер.* Воспоминания о Семёне Людвиговиче Франке. С. 28). Речь идёт о стихотворении Соловьёва «Милый друг, иль ты не видишь...».

до 19 янв<аря>, когда я читаю в Цюрихе лекцию[99]. Затем остановлюсь еще в Базеле дня на два[100], и числа 21–22 приеду в Париж (как уже теперь знаю, с поездом, который приходит на Gare de l'Est[101] в 18.06 вечера). О точном дне прибытия я Вам еще напишу. Я не имею от Вас известия в ответ на мое последнее письмо (с извещением, что я прибуду во второй половине января), но я надеюсь, что я не буду для Вас в это время незваным гостем. Если бы что-либо помешало Вам приютить меня к этому времени, будьте добры написать мне, тогда мой брат меня устроит. — Прошу Вас также подумать, нельзя ли мне устроить какую-нибудь доходную публ<ичную> лекцию (самая «ходкая» тема из множества, к<ото>рые могу предложить: «Религиозная трагедия русской мысли» (о духовных истоках русской революции)[102].

Сердечно жму руки Вам обоим. До скорого свидания.

Ваш С. Франк.

---

[99] Франк прочёл лекцию в философском обществе в Цюрихе под председательством Гризебаха на тему «Я и Ты» (*Л. Бинсв нгер*. Воспоминания о Семёне Людвиговиче Франке. С. 28).

[100] Франк писал Глебу Струве: «В Лозанне у нас знакомых нет, но в Базеле есть очень милая и услужливая русская — Эльза Эдуардовна Малер, лектор базельск<ого> университета» (*С. Л. Фр нк*. Письмо Г. П. Струве. 22 августа 1936. Берлин // Архив Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 2). Известно письмо С. Франка Фрицу Либу, написанное 21 января 1938 г. в Базеле с предложением о встрече («здесь я останусь лишь на пару дней») (см.: *В. Янцен*. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа: Н. А. Бердяев, Лев Шестов, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков (1926–1948) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы. Под редакцией М. А. Колерова. М., 2002. С. 518).

[101] Восточный вокзал Парижа.

[102] 24 февраля Франк читал доклад «Духовные истоки русской революции. Трагедия русской мысли». Председатель собрания — Н. А. Бердяев. В прениях участвовали Н. Н. Алексеев, Б. П. Вышеславцев, Г. П. Федотов (Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред Л. А. Мнухина. М., 1996. Т. 3. С. 419).

19. В. Ельяшевич — С. Фр нку[103]

28 марта 1938 г.

Дорогой Сеня,

К твоему вероятному удивлению, но к еще большему моему собственному, пишу тебе письмо. Объясняется это тем, что имеется дело. С него то и начну.

Вчера я был по поводу твоего дела у г-жи Пети[104]. Разговор был слишком длинный. Существенны в нем нижеследующие пункты.

Прежде всего, чрезвычайно отрицательный отзыв об обоих Бруншвигах[105]. Люди неискренние, недоброжела-

---

[103] Письмо напечатано на машинке, в правом верхнем углу листа штамп: «51, Boulevard Beauséjour (XVIe) tel. auteuil 57–74».

[104] Софья Григорьевна Пети (урожд. Балаховская, 1870–1966) — родилась в Киеве, юрист, литератор, меценат. Окончила юридический факультет Парижского университета в 1892 г. В университете познакомилась с Эженом Пети (Petit, 1871–1938), вышла за него замуж (позднее он был близким сотрудником президента Мильерана). Она была первой женщиной, записанной в сословие французских адвокатов, но выступала лишь несколько раз во французском суде, отдавая свои силы франко-русскому сближению вместе со своим мужем, который хорошо говорил по-русски и любил русскую литературу (русские называли его Евгением Юльевичем). Софья Григорьевна и её муж занимались также литературным трудом. Их дом в Париже (6 rue de l'Alboni, Paris-16) был культурным центром. Они имели широкие знакомства среди французских и русских писателей. Среди постоянных участников завтраков по четвергам у Эжена и Софьи Пети — М. А. Алданов, А. Ф. Керенский, А. И. Гучков, М. В. Бернацкий, И. П. Демидов, В. А. Маклаков, В. М. Зензинов, И. И. Фондаминский, а также по приезде — И. А. Бунин, П. Б. Струве, В. В. Набоков-Сирин (см.: *О. Будницкий*. 1945 год и русская эмиграция: из переписки М. А. Алданова, В. А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio, 3/2011. С. 247–248; *Rosina Neginsky*. Письма Зинаиды Афанасьевны Венгеровой к Софье Григорьевне Балаховской-Пети // Revue des études slaves. Année 1995. Vol. 67. Numéro 1. P. 192). «Дело» Франка, очевидно, — попытки получить помощь от Национальной кассы научных исследований (см. прим. 116 к письму 20).

[105] Леон Брюнсвиг (Brunschvicg, 1869–1944) — французский философ, отстаивавший антисубстанциалистские и антиметафизические позиции; с 1909 г. — профессор Сорбонны. Его жена — Сесиль Брюнсвиг

тельные, думающие только о своих собственных интересах и притом очень большевизанствующие. Рассчитывать на них можно только в чрезвычайно малой степени. Из остальных лиц, причастных к делу, г-жа Пети лично никого не знает. Но она мне сразу, без всякого намека с моей стороны, назвала Маритена[106], который по ее словам, чрезвычайно доброжелательный и очень в этом деле мог бы помочь. Лично с Маритеном она знакома довольно отдаленно, но сказала, что с ним близок, как впрочем и ты знаешь, Бердяев. Несмотря на то, что прямо у нее никаких отношений нет, она все-таки просила меня, чтобы я дал ей твой curriculum vitae. Она совершенно резонно говорит, что никогда не знаешь, кто может в деле помочь. Она обратится с этим к самым разным лицам, может быть у кого-нибудь найдутся надлежащие связи. Дело мое заключается в том, чтобы ты мне выслал твой curriculum vitae. У тебя должна была остаться копия, которую напечатала М. К.[107] Сделай это, не откладывая.

Очень рад был твоим аккуратным и подробным письмам. Если бы только не ждал от меня ответов, то это была бы самая приятная форма переписки: ты бы писал, а я бы читал и сочувствовал. Рад я и тому, что первое твое впечатление такое хорошее и что вы все чувствуете себя хорошо. Это на три четверти залог успеха.

Фаня чувствует себя скверно и, если она в ближайшие дни не поправится, я буду настаивать, чтобы она уехала в санаторий. Это то, что я всегда считал правильным и против чего она восставала всеми силами.

(Cécile Brunschvicg), французская феминистка. В ежедневнике С. Франк за 1938 год есть записи о встречах с Брюнсвигом в Париже: под 20 февраля — «утром — у Бруншвика»; там же под 14 марта: «6 час. у Brunschvicg».

106 Жак Маритен (Maritain, 1882–1973) — французский теолог, основатель неотомизма, друг Н. А. Бердяева.

107 Марья Казимировна — очевидно, машинистка, услугами которой пользовался В. Ельяшевич (см. письмо 25).

Обнимаю тебя и шлю самый сердечный привет Татьяне Сергеевне и Наташе. Несмотря на то, что Татьяне Сергеевне придется, конечно, очень много работать, я думаю, что теперь эта форма труда будет для нее отдыхом, по крайней мере, душевным, а физический отдых можно будет устроить потом.

Твой В. Ельяшевич[108].

При сем полученное только что для тебя письмо, которое мы согласно твоим, данным Фане, инструкциям вскрыли.

20. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

La Favière par Bormes (Var).
Villa Coq-d'or[109]. 31.III.38

---

[108] Подпись и приписка — от руки.

[109] В марте 1938 г. Франк с женой уехали из Парижа на юг Франции, в местечко Ла-Фавьер (департамент Вар, коммуна Борм-ле-Мимоза), где уже жил их сын Алексей с женой. К тому времени Ла-Фавьер пользовался популярностью у русских эмигрантов. После Первой мировой войны, по словам К. А. Куприной, местные жители «стали продавать лишнюю землю по баснословно низкой цене, так как туда не вела ни одна дорога, не было ни канализации, ни электричества, ни лавок, ни вообще какого бы то ни было признака цивилизации» (*А. К. Куприн* . Куприн — мой отец. М., 1971. С. 215). Русская колония Ла-Фавьера началась с домика сибирского писателя Г. Д. Гребенщикова, где позже жил Саша Чёрный. См. описания Ла-Фавьер: Георгий Гребенщиков: письма из Ля Фавьера / Публ. В. А. Росова // Алтайский текст в русской культуре. Материалы четвёртой межрегиональной научной конференции 4–5 мая 2008. Выпуск 4. Барнаул, 2008. С. 169–194; *Г. Д. Гребенщиков*. Прованс (из дневника) / Публ. А. А. Санниковой // Там же. С. 185–194). До того, как Алексей Франк приобрёл дом в 1937 г. (и окрестил его «Coq-d'or» — «Золотой петушок», в память о Римском-Корсакове), это была дача баронессы Людмилы Врангель (см.: Les Russes de La Favière. P. 13 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.reseaulalan.fr/telecharg/livreRusseFav.pdf). Летом 1935 г. на Villa Wrangel жила Марина Цветаева с мужем. В письме А. Э. Берг

Дорогой Вася, для меня твое письмо было еще бо́льшей неожиданностью, чем для тебя самого. Зная твою занятость и твою нелюбовь к корреспонденции, я не надеялся иметь от тебя весть, и тем более был ей рад. В принципе охотно иду на твое предложение — писать тебе, не ожидая от тебя ответа. Но и ты не должен ждать от меня слишком часто писем: у меня опять целые залежи корреспонденции — и личной, и «деловой» (пропаганда нашего пансиона), и на совести по-прежнему еще лежат заказанные статьи, не говоря уже о писании русской книги[110]. А физически я только понемногу начинаю отходить от парижской трепки и с наслаждением предаюсь dolce far niente[111].

Спасибо тебе не только за письмо, но и за визит к m-me Petit[112]; я особенно ценю последнее, зная, как тебе трудно оторваться от текущих собственных дел. Сообщаемые тобой сведения совпадают с моими впечатлениями; я чувствую, что шансов у меня мало. В комиссии мои интересы будет защищать только Bréhier[113], Brunschwicg будет в лучшем слу-

---

4 июля она так описывает это место: «Фавьер — несколько русских вилл и французских ферм, без улицы и почтового ящика. Огромный пляж (...). Виноградники подходят прямо к морю, уступая последнюю близость — соснам. (...) Жизнь здесь трудная, густо-хозяйственная, всё нужно добывать — и весьма в поте лица» (*М. И. Цвет ев* . Собрание сочинений в 7 томах. Т. 7. М., 1995. С. 486). В другом письме Вере Буниной (8 июля): «Дом — дико беспорядочный, сад в ужасном виде — настоящее “дворянское гнездо” (хотя здесь — баронское. А вдруг — я напишу повесть — Баронское гнездо??» (Там же. С. 291–292). С. Франк в письме Л. Бинсвангеру описывал жилище как «кукольный домик из четырёх комнат и ещё один из двух комнат»; в доме было электричество, но не было водопровода (см.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 202).

[110] Речь идёт о русской версии книги «Непостижимое».

[111] Dolce far niente — приятное безделье (*ит.*).

[112] См. прим. 104 к письму 19.

[113] Эмиль Брейе (Bréhier, 1876–1952) — французский философ и историк философии. Запись в ежедневнике Франка 6 марта 1938 г.: «Brehier 10 ч. утра».

чае равнодушен, а Gilson[114] — решительно отклонять мою просьбу. От Маритэна письмо будет (его просил об этом и Бердяев, и Gaston Fessard[115]); но я уже читал тебе письмо Бердяева о том, что Маритэна не любят в официальных философских кругах и что он там не пользуется ни малейшим влиянием. Ну, что Бог даст. Я начинаю даже сожалеть, что затратил столько сил — и почти последних сил — на довольно безнадежное дело[116]. Жаль, что Кульман[117] молчит — на-

[114] Этьен Жильсон (Gilson, 1884–1978) — философ-неотомист, преподавал в Сорбонне (1926–1932), с 1929 организовал и возглавил Папский институт средневековых исследований.

[115] Гастон Фессар (Fessard, 1897–1978) — французский богослов, иезуит, сторонник Сопротивления (см.: *П. Б. Мих йлов.* История как предмет богословия // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. № 44 (6). С. 30–40). В ежедневнике Франка — записи о посещении им pére Fessard 8 и 21 марта.

[116] Ф. Буббайер, ссылаясь на письма С. Франка Л. Бинсвангеру, пишет: «Будучи в Париже, Франк пытался раздобыть денег и как-то устроить свою новую жизнь. Он все ещё являлся обладателем советского паспорта, хотя в действительности был лицом без гражданства. Хлопоча о виде на жительство во Франции и о материальном вспомоществовании для себя и своей семьи, он встретился чуть ли не с двадцатью французскими философами. Бердяев, используя свои обширные связи, пытался помочь ему и просил у разных людей письменные рекомендации. Наконец, в мае Франк получил вид на жительство и стипендию на 1938–1939 г. от Национальной кассы научных исследований в размере 10 000 французских франков» (*Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 202).

[117] Густав Густавович Кульман (Gustave Gerard Kullmann, 1894–1961) — один из основателей Религиозно-философской академии в Берлине (1922), Русского студенческого христианского движения и издательства «YMCA-Press» (Париж). После развода и женитьбы на Марии Михайловне Зерновой Кульман перешёл в православие и отошёл от экуменической работы и занимал последовательно должности: Директор института международной студенческой помощи в Дрездене (1929), секретарь Лиги Наций в отделе интеллектуального сотрудничества (1931), представитель генерального секретариата Лиги Наций для связи с Верховным Комиссаром по делам беженцев в Германии (1936), представитель комиссариата Объединённых наций при английском правительстве (1953).

верно, в отъезде; его письмо к какому-нибудь влиятельному лицу, с которым он близок и которое м<ожет> б<ыть> ему обязано по cooperation intellectuelle[118], могло бы быть решающим.

Я живу здесь уже почти неделю, и по-прежнему наслаждаюсь здешним земным раем. Говорят, однако, что этот рай превращается в ад в июле—августе, когда при тропической жаре все кишит голыми человеческими телами и стоит такой шум и крик кругом, что о послеобеденном отдыхе нельзя и думать. Но пока мы тут одни, втроем, хозяйство маленькое — главный труд — над домом и садом, утомительный, но приятный. Были тут на сутки Алеша и Бетти[119], и Тат<ьяна> Серг<еевна> и Наташа впервые познакомились с Бетти. Бетти очень озабочена хозяйством, но больше с эстетической стороны — цвет мебели, занавески — а в существе дела мало что понимает, и, кажется, на свой лад тоже неряха и богема. Гостила здесь (до меня) и «мамаша», которая очаровала моих дам сердечностью и добротой.

Посылаю тебе требуемое curriculum vitae. Рискуя снова заслужить от тебя репутацию «истинного философа», должен сказать, что curr<iculum> vitae, посланное Lévy-Bruhl[120], я затерял. Восстановил его по памяти, скомбинировав с текстом прошения в министерство. Не откажи в дружеской услуге — улучи 10 минут, чтобы поправить грамматику и орфографию (а, м<ожет> б<ыть> и суще-

---

[118] Интеллектуальное сотрудничество (*фр нц.*)

[119] Бетти Скорер — жена Алексея Франка, англичанка, с которой Алексей познакомился во время концертного турне по Австралии (см.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 202). После войны они разошлись. Этим летом приезжал гостить Пол Скорер, брат жены Алексея. Здесь он познакомился с Наталией Франк и через полгода, в марте 1939 г., женился на ней в Париже, после чего они сразу уехали в Лондон.

[120] Люсьен Леви-Брюль (Lévy-Bruhl, 1857–1939) — французский антрополог и философ, профессор философии Сорбонны (1899–1927).

ство дела), и попроси Мар. Каз.[121] от моего имени выстукать на машинке. Передай ей от меня, что я не забыл, что я ее должник.

Очень я удручен ухудшением состояния здоровья Фани. Не только для меня, но и для моих дам ее приезд сюда был бы большой радостью — и, конечно, не только потому, что «долг платежом красен». Здесь рассказывают чудеса про действие здешнего климата и образа жизни — истощенные, падающие в обморок люди превращаются в здоровяков. Одного только я боюсь — «толстовских» условий жизни, к которым она не привыкла и которые могут ее утомлять и раздражать. И поэтому, как мне ни жаль, но твой совет ей поехать в санаторию я нахожу вполне разумным и наиболее целесообразным.

В заключение — только два слова интимного характера. Я все время хотел поговорить с тобой «по душам», т. е. подойти поближе к твоей потаенной душевной жизни; это удалось только один вечер, когда ты мне рассказывал о смерти детей. Несмотря на то, что долгий опыт меня научил, что из двух рисков — быть неделикатным и насильно залезать в чужую душу, или не оказать участия затаенным нуждам чужой души — надо по общему правилу идти на первый — люди часто только ждут этого — я все же по застенчивости не решался в отношении тебя быть активным и ждал инициативы с твоей стороны. Пишу это только для того, чтобы ты знал, что в доброй воле с моей стороны недостатка не было. Сердечно тебя обнимаю и целую ручки Фане.

Мои дамы шлют самый сердечный привет.

Твой С. Ф.

---

[121] См. прим. 107 к письму 19.

21. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[122]

S. Frank.
La Favière par Bormes (Var)
.
Mr. B. Eliachevitch.
51, Bd. Beauséjour.
Paris (16e)

7.V.38

Дорогой Вася, я очень тронут твоим беспокойством обо мне. Конечно, не я виноват в отсутствии писем от меня, а либо почта, либо кто-нибудь, кому я передал письмо, чтобы опустить в ящик. Я написал вам обоим, кажется, во вторник на пасхальн<ой> неделе[123] обширное письмо с описанием нашей жизни и наших приключений в ночь пасхальн<ой> заутрени (неудачная попытка съездить ночью в Тулон в церковь). Содержало письмо и разные просьбы, и мне очень досадно, что оно пропало. А третьего дня я написал еще письмо Фане — надеюсь, что, по кр<айней> мере оно дошло[124]. Мы живем относительно благополучно, без всяких особых событий, но с всякими трудностями: 1) «si jours baise gros chat» (прочитай эту «французскую» фразу по-русски вслух, и ты ее поймешь)[125]. Пансионеров нет и в помине, и возможно, что до июля не будет. Пока еще мы как<-то> <?> изворачиваемся, что дальше будет, не знаю. А сейчас еще пришло наконец разрешение на жительство нам троим[126], и надо

---

[122] Почтовая карточка. Штемпель: Le Lavandou.

[123] Т. е. 24 апреля — это письмо, очевидно, не сохранилось.

[124] Это письмо, очевидно, также не сохранилось.

[125] «Six jours baisent gros chat» — русское выражение «сижу без гроша», транскрибированное с помощью французских слов (букв.: «шесть дней целуют большого кота»).

[126] См. прим. 116 к письму 20. Речь идёт о Семёне и Татьяне Франк и их дочери Наталье.

платить некую астрономическую цифру за carte d'identité (очевидно, уже по новому закону). Поэтому в пропавшем письме я просил вас и в особенности Фаню (т<ак> к<ак> предполагаю, что тебе некогда об этом думать) а) стараться посылать нам гостей — уже 2 человек достаточно, чтобы мы могли существовать, в) попытаться связать меня с Карташевым на предмет прочтения лекции в Ницце[127]. 2) Вторая трудность была последние дни — холодная и особенно дождливая погода (без дождя тут днем всегда тепло). Несколько дней тут лил беспрерывный дождь (сегодня уже опять хорошо), и так как наш дом к такой погоде не приспособлен (нет внутреннего сообщения между комнатами, все комнаты выходят прямо наружу) и у нас нет ни соответствующ<ей> обуви, ни теплых пальто, то мы пребывали в состоянии «анабиоза» — сидели запертые в комнатах и промокали насквозь уже по пути из кухни в комнату. Ну, последнее есть случайное бедствие, теперь уже несомненно близко лето и жара. Вот вкратце наши «новости». Как теперь здоровье бабушки, надеюсь, что теперь опасность миновала, но я понимаю, что теперь конец уже не так далек, и Фане надо к этому готовиться. Надеюсь, что вы оба теперь сносно себя чувствуете. Очень мы были бы рады, если бы Фаня собралась, наконец, к нам — торжественно обещаю ей хорошую погоду, и тогда тут рай земной. Обнимаю тебя, целую руку Фане, Т. С. и Наташа шлют привет.

Твой С. Ф.

[127] Антон Владимирович Карташёв (1875–1960) — русский государственный, церковный и общественный деятель, историк церкви, профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960). С Франком был знаком с 1904 года. Возможно, речь идёт о связях Карташёва с архиепископом Ниццким и управляющим викариатством Южной Франции русского Экзархата Вселенского Патриархата Владимиром (Тихоницким).

22. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич[128]

S. Frank.
La Favière par Bormes (Var).

Mr. et m-me Eliachevitch.
Bussy-en-Othe (Yonne)[129].

25.V.38

Дорогие друзья мои, где вы теперь и как живете. Ты писала мне, Фаня, что вы едете в Bussy, но я не понял, на weekend ли, или на более продолжительное время; пока я не знаю, куда вам писать, как-то неохота подробно писать — поэтому жду вести. Как здоровье каждого из вас? В нашей жизни — после «анабиоза» от дождей, холода и безденежья, неожиданная благоприятная перемена: чудесная, сияющая, жаркая погода и довольно большое количество гостей (впрочем, только частью «настоящие», т.е. доходные; есть еще голландская чета моих друзей, у к<ото>рых я в долгу и с к<ото>рой поэтому счета особые[130]). Для Т. С., конечно, вместе с этим наступила страдная пора, особенно в связи со всеми трудностями здешнего хозяйства. — С удовольствием узнал из «Посл<едних> Нов<остей>»[131], что «Русск<ая> Научн<ая> Библиотека»[132]

---

[128] Почтовая карточка. Штемпели: Le Lavandou — Bussy-en-Othe.

[129] В Бюсси-ан-От (160 км от Парижа, департамент Йонна) находилось имение Ельяшевича «Вишнёвый сад».

[130] В ежедневнике С. Франка за 1938 г. под 25 мая читаем: «Энгбертсены приехали утром».

[131] «Последние Новости» — одна из самых популярных газет русской эмиграции, издавалась в Париже с 1920 по 1940 год, с 1921 г. — под редакцией П. Н. Милюкова.

[132] «Русская научная библиотека» — книжная серия, в которой, как «Книга 1-я», вышло в 1939 г. русское издание «Непостижимого» Франка. Второй книгой, изданной по инициативе С. Франка в этой серии, стала книга Д. Чижевского «Гегель в России» (см.: *В. Янцен*. Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С. Л. Франка

есть действительная реальность. Я уже примерно работаю над русским текстом моей книги (параллельным образом я получил от австрийского издателя известие, что дело об издании моей книги по-немецки хотя еще не решено положительно, но совсем не безнадежно — окончательно должно решиться на этих днях[133]). Или получу рукопись обратно, то я дал для этого ваш парижский адрес — т<ак> ч<то> не удивитесь пакету; тогда сохрани его пожалуйста, Вася. Я так жду вестей от вас и соскучился по более обстоятельным известиям от Вас. Обнимаю тебя, Вася и целую твою руку, Фаня, все мои шлют самый сердечный привет.

Ваш С. Франк.

и Д. И. Чижевского (1932–1937) // Русский Берлин 1920–1945: Международная научная конференция / Ред. Л. С. Флейшман. М., 2006. С. 313). Из письма Д. Чижевского Татьяне Франк 1 мая 1966 г.: «Книги “Русской научной библиотеки” действительно пропали (они были “на складе” у еврея, который был немцами “ликвидирован”), — остались те экземпляры, что были в руках книготорговцев, в частности в Америке. Пропали и рукописи: Н. С. Трубецкого лекции о древнерусской литературе (то, что выходит сейчас под его именем, его недостойно: это его записи фактического материала для лекций в Вене; теоретические разборы произведений, мне известные из его докладов в Праге и из разговоров с ним, исчезли), пропала и моя рукопись небольшой (в 80–100 страниц) книги о Тютчеве. Частично сохранилась “История русского хозяйства” П. Б. Струве, — она даже напечатана после войны. Первая книга серии была как раз моя — “Гегель в России” — её там устроил как раз Семён Людвигович» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 1. Cataloged Correspondence. Chyzhevs’kyi, Dmytro; см. также: *В. Янцен*. Об иррациональном в истории. С. 324–325).

[133] «В 1938 г., когда он [Франк] уже был в Париже, швейцарский издатель Фриц Каргер заинтересовался книгой, но, узнав, что автор — не ариец, решил, что издание в финансовом отношении не окупится. Для него просто не будет рынка сбыта ни в Германии, ни в Австрии» (*Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 184 — со ссылкой на письмо Ф. Каргера Л. Бинсвенгеру от 12 августа 1938 г.).

[Содержание]

23. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

31.V.38

Дорогой Вася, только из последнего письма Фани я узнал, что папиросы, к<ото>рые я получил — я просил Соф<ью> Дм<итриевну>[134] мне их послать — есть твой подарок мне. Спасибо тебе, я очень тронут твоим вниманием.

Фаня мне писала, что ты болел это время, но теперь уже начинаешь оправляться. Надеюсь, что поправка будет основательной.

Мы здесь одно время переживали большие трудности от безденежья — спасал меня один мой голландский друг, самоотверженно меня кредитовавший (без отдачи). В трудностях этих здешнее место и условия жизни ничуть не повинны — во всяком другом месте было бы не легче, а хуже — а суть только в том, что сезон гостей и, значит, заработка, тут обычно начинается только с июля и продолжается не больше 6 нед<ель> — 2 месяцев. В остальное время — лишь случайные гости. К счастью, нам повезло. Уже больше недели, как у нас появились платные гости — сейчас целых 5 человек. Кажется, будут и в июне, так что, по-видимому, выкарабкаемся. Так со мной бывало в течение всей моей эмигрантской жизни: когда уже совсем не видишь исхода и начинаешь впадать в отчаяние, вдруг, в последнюю минуту, какое-нибудь чудесное избавление. Промысел Божий подтверждается как бы экспериментально.

Есть другая сторона дела — Тат<ьяне> Серг<еевне> ведение пансиона в здешних условиях — маленькая кухонька, жара, неудобства в доставке провизии — очень трудно и утомительно. Так что, если вы не передумаете, мы уже мечтаем на будущий год (поскольку в нашем возрасте вообще можно мечтать о будущем годе!) не ехать сюда, а остаться у вас в Bussy. Но до этого еще далеко, там видно будет.

[134] Установить личность пока не удалось.

Я усердно пишу ежедневно свою русскую книгу — пишу, а не просто перевожу, п<отому> ч<то> мысли со временем всегда немножко меняются и, смею думать, совершенствуются. Надеюсь к 1 сентября иметь готовую рукопись. Кстати, парадоксальным образом австрийский издатель, у к<ото>рого лежит моя книга по-немецки, еще не отказался доселе от мысли издать ее, а просит у меня еще короткий срок на размышления.

Сердечно обнимаю тебя. Тат<ьяна> Серг<еевна> и Наташа шлют Вам обоим самый сердечный привет.

Твой С. Ф.

24. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

12.VI<?>.38[135]

Дорогой Вася, хочу тебя просить дать мне совет по следующему делу.

Я получил уведомление от huissier[136] из Тулона, что, не застав меня в Favière'е, он положил бумагу о приговоре по моему делу (очевидно, о нарушении обяз<ательного> постановл<ения> о пансионах) в мэрии в Bormes. Спрашивается: должен ли я заботиться о том, чтобы узнать приговор, т. е. просить мэрию Борма прислать его мне сюда, или в моих интересах затянуть это дело, т. е. оставить приговор лежать в Bormes'е и ждать событий? Я сам рассуждаю так: заказное уведомление huissier равносильно юридически объявлению

---

135 В рукописи читается «XI», т. е. ноябрь. Однако содержание письма указывает на обстоятельства летних месяцев 1938 г., когда Франки жили в Ла-Фавьере в доме сына Алексея и организовали пансион для отдыхающих (см. письма 22, 23). В ноябре Франки уже переехали в имение Ельяшевичей Бюсси в Бургундии (см. прим. 139 к письму 26, а также прим. 65 на стр. 27–28). Это даёт нам основание считать дату в рукописи опиской — письмо написано не 12 ноября, а, скорее всего, 12 июня 1938 г.

136 Судебный пристав (*фр нц.*)

приговора. С этого момента я обязан его исполнить, т. е. заплатить штраф, иначе могут грозить еще неприятности. — Но я сам не доверяю своему суждению, и прошу тебя хоть коротко ответить мне, как ты советуешь мне поступить.

Еще другой вопрос, по совсем другому делу. Фаня както писала сюда, что лучший способ получить сюда пансионеров, это — объявление в Посл<едних> нов<остях>. На случай, если мы решим так поступить, хочу иметь твое разрешение. Имеешь ли ты что-нибудь против помещения объявления — без указания адреса (Bussy), но с сообщением твоего телефона? (Другого телефона, куда бы я мог направить интересующихся, у меня, к сожалению, нет).

Мы сейчас здесь наслаждаемся чудесной летней погодой.

Жму твою руку. Привет Фане.

Твой С. Ф.

25. В. Ельяшевич — С. Фр нку

Париж, 20-го Авг. 1938 г.

Дорогой Сеня, приехали сюда на один день, если хочешь, случайно: чтобы повидаться с одним американцем и просмотреть корреспонденцию, т. к. Марья Казимировна в отпуску, и первое, что увидели — это извещение из Caisse Nationale[137]. Обрадовался страшно — и протелеграфировал тебе. Самую бумагу при сем посылаю. По моему разумению, это упрощает разрешение стоящих перед вами вопросов, вернее, способствует их разумному, с моей точки зрения, разрешению. Ну, об этом успеем поговорить на досуге у нас

[137] Национальная касса научных исследований — Caisse nationale de la recherche scientifique, создана в 1935 г. в результате слияния двух других подобных учреждений, возглавлялась Жаном Перреном (Jean Baptiste Perrin). См. прим. 116 к письму 20.

в Bussy, куда вас ждем непременно к 20-му Сент<ября>. Не задерживайтесь! Убежден, что Татьяне Сергеевне отдых абсолютно необходим, а всякое решение надо принимать, непременно предварительно отдохнувши. Скажу более того. Отдых есть первое условие правильного подхода к решению вопроса, и потому самое практичное — начинать с отдыха.

Обнимаю тебя и целую руку Татьяне Сергеевне.

Твой В. Ельяшевич.

26. В. Ельяшевич — С. Фр нку

Bussy-en-Othe (Yonne)

24.IX.1938 г.

Дорогой Сеня, трудно приниматься мне за это письмо. Мне надо найти какую-то среднюю линию между двумя противоположными чувствами. С одной стороны, страшно неприятно вмешиваться в чужие дела, давая непрошенные советы, давя на чужие решения, принимая на себя ответственность за последствия. С другой — желание, чтобы близкие люди не делали ошибок, не делали неосторожных шагов.

Положение у нас сейчас таково: П. Л.[138] несколько лучше. Прогноз врачей, что дело идет о нескольких («двух—трех») неделях, оказался неверным. Ей сейчас несколько лучше, и можно надеяться, что положение стабилизируется и, может быть, на многие месяцы, так же ее уже скоро можно будет перевезти в город. Перебитая жизнь, которую мы сейчас ведем, оказалась одинаково мучительной и для Фани, и для

[138] Речь идёт о матери Фаины: Полина Львовна Моргулис (1850 — 8 октября 1938) — похоронена в Бюсси-ан-От (Незабытые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997. В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2004. Т. 4. С. 635).

меня. Необходимость ради работы проводить большую часть времени в городе, неорганизованность моей жизни там и утомительность еженедельных поездок сразу же стали сказываться на мне. Ввиду этого мы решили, если не произойдет ничего неожиданного, 1-го или 9-го окт<ября> перевезти П. Л. в город, и перевести, конечно, туда весь хозяйственный аппарат.

Для вас, конечно, приезд сюда, когда нас здесь не будет, гораздо затруднительнее и неприятнее, чем при нас. Приспособление к новому месту, налажение жизни, не говоря уже об обсуждении всех связанных с этим вопросов, если вы приедете даже за три дня до нашего отъезда, пройдут гораздо глаже, чем без нас. Тем более, если вы приедете без нас, неизвестно, когда сможет приехать сюда Фаня — это будет зависеть от состояния П. Л. Я же, вообще, могу приехать сюда только на субботу и воскресенье.

Вывод как будто бы напрашивается сам собою. Но сделать его, конечно, должны вы сами.

Одно да позволено мне будет сказать. Уже три недели, как я по четыре—пять дней провожу в Париже. Должен сказать, что после деревни там утомителен даже самый воздух. Я очень поправился, но Париж утомляет меня до чрезвычайности. Не думаю, что польза от поездки твоей туда хотя бы для совещания с первой знаменитостью мира превысила бы тот вред, который такая поездка и пребывание в Париже может тебе принести. Если тебе нужен отдых и покой, то никакой профессор ничего лучшего чем Bussy указать не может[139].

[139] Задержка с приездом Франков в Бюсси была связана, очевидно, с болезнью С. Франка. Татьяна Франк вспоминала: «До войны в 38-ом году на том же юге у Алёши в доме у Семенушки приключился припадок грудной жабы, который мог быть смертельным. В течение нескольких дней врачи боялись повторения припадка, тогда это грозило смертельным исходом. После того как он встал, нас пригласили в своё имение те же Ельяшевичи, которые в больших скорбях доживали свою жизнь» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214). В ежедневни-

Обнимаю тебя и шлю привет Татьяне Сергеевне.

Твой Вася.

Считаете ли вы, что на случай военных осложнений побережье Средиз<емного> моря удачное местопребывание (Италия!)?

27. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

Fontenay-aux-Roses (Seine)[140]
37, rue de Fontaine

6.III.1939

Дорогой Вася, так и не удалось нам повидаться. Я уже давно мечтаю об этом. Но я по-прежнему пребываю в инвалидном состоянии — и никак не могу наладить разумной медицинской помощи — а, может быть, таковой вообще для меня не существует. Отсюда мне, во всяком случае, будет очень трудно выбираться в город, пока я не оправлюсь окончательно.

Посылаю тебе при сем отдельно просьбу — к Издат<ельскому> комитету или «Дому книги» о рассылке рецензионных экземпляров[141]. Кто-то в «Доме книги», когда

ке С. Франка за 1938 г. рукой Татьяны записано под 18 августа (скорее всего — 31 августа, см. прим. 65 на стр. 27): «Припадок грудной жабы у Сем<ёнушки>».

[140] Фонтене-о-Роз — юго-западный пригород Парижа, департамент О-де-Сен (Hauts-de-Seine). Татьяна Франк вспоминала: «В январе 39-го года мы переехали в Париж, и после месяца всяких квартирных неудач мы прекрасно устроились в предместье Парижа Fontenay-aux-Roses, мы считали с Семенушкой, что это был один из самых счастливых периодов нашей жизни»; «... Я сняла тоже чудом дивный дом совсем на краю поля» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214–215, 193).

[141] Речь идёт о «Непостижимом». Книга Франка вышла совместным изданием «Дом книги и Современные записки». Издательством «Дом книги» в Париже владел М. С. Каплан.

туда зашел за моей книгой мой сын, ввел меня в заблуждение, обещав некоторое большое количество экземпляров, и поэтому я не вполне целесообразно распорядился теми 10 экз<емплярами>, которые я получил. Конечно, вы теперь мне уже не можете в этом помочь, но мне было бы очень досадно, если бы нельзя было послать книгу, по крайней мере, Лосскому (к<ото>рый наверное где-нибудь будет писать о ней!) — тем более, что я получил от него его книгу[142].

Надеюсь, что Фаня опять оправилась. Сегодня Тат<ьяна> Серг<еевна> должна заехать к Вам.

Сердечно жму руку вам обоим.

Ваш С. Франк.

28. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич

37, rue de Fontaine
Fontenay-aux-Roses (Seine)

9.III.1939.

Дорогие друзья, Вася и Фаня!

Завтра — годовщина смерти Ирочки[143]. Я знаю, как тяжело Вы переживаете этот день.

К сожалению, я все еще не настолько оправился, чтобы быть в состоянии быть на панихиде и навестить Вас. Я могу только издали мысленно сердечно пожать Вам руки и сказать, что я душевно с Вами.

Ваш С. Франк.

---

[142] Видимо, имеется в виду: *Н. О. Лосский*. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Париж, 1938.

[143] См. прим. 50 к письму 7.

29. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[144]

S. Frank.
37, rue de Fontaine.
Fontenay-aux-Roses (Seine)

Mr. B. Eliachevitch.
5, Bd. Beauséjour.
Paris (16e).

13.V.39.

Дорогой Вася, спасибо за письмо[145]. Паниной[146] я уже написал — через А. М. Петрункевич[147] узнал хотя бы не ее адрес, но адрес, по к<ото>рому ей можно писать. Кроме

[144] Почтовая карточка. Штемпель: Fontenay-aux-Roses.

[145] Этого письма в нашем распоряжении нет.

[146] Софья Владимировна Панина (1871–1956) — общественно-политический деятель, член ЦК партии кадетов, товарищ министра государственного призрения во Временном правительстве. С начала 1920-х — в эмиграции, председательница Фонда помощи Масарика, с 1939 — в США. Член комитета по созданию Толстовского фонда (см.: *Т. И. Ульянкин* . «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 473). С. В. Панина создала в Праге центр русской культуры — «Русский очаг», где была русская библиотека. «На “Очаг” базировались многочисленные общественные организации, из которых самыми заметными были Главный комитет по организации Дней русской культуры за рубежом, сделавший чрезвычайно много для поддержания русского национального самосознания и эмигрантского оптимизма вне России, и Русское Историческое общество в Праге» (*Н. Андреев*. «Блуждающая судьба» (Памяти Виктора Франка: 1909–1972) // Памяти Виктора Франка. Лондон, 1974. С. 27). Её мать вторым браком была замужем за И. И. Петрункевичем.

[147] Александра Михайловна Петрункевич (1873–1965), историк-медиевист, дочь депутата 1-й Государственной Думы Михаила Ильича Петрункевича и племянница одного из основателей партии кадетов Ивана Ильича Петрункевича. Член правления Русской академической группы по Франции, преподавала в Институте по изучению русской культуры XIX столетия при Католическом институте в Париже.

[Содержание]

того, по совету Глеба[148] я написал в Англию Коновалову[149] и Пэрсу[150] — там мыслимо приглашение Gast-professor'ом[151]. И написал еще Геффдингу[152] в Берлин с просьбой осведомить меня, где еще живут какие ученики и друзья П. Б., а также помочь английскими и американскими связями, к<ото>рые у него есть[153]. Кстати — через полгода — 7. II.40 по нов<ому> ст<илю> — П. Б. исполняется 70 лет; это нужно было бы ознаменовать как-нибудь, даже если бы он не нуждался. Но это может быть и хорошим поводом для денежного подарка путем сбора среди друзей и почитателей; и поднести это можно было бы и не дожидаясь дня юбилея. — Нам нужно как-нибудь согласовать наши действия. Не откажись, пожалуйста, уведомить меня, что ты предпринимаешь и что тебе удается.

---

[148] Глеб Струве — см. прим. 43 к письму 5.

[149] Сергей Александрович Коновалов (1899–1982) — сын депутата IV Государственной Думы и министра Временного правительства Александра Ивановича Коновалова. Русский историк, литературовед, экономист, учился в Оксфорде вместе с Глебом Струве, профессор Бирмингемского и Оксфордского университетов. Основал в Оксфорде ежегодный научный журнал «Oxford Slavonic Papers», где публиковались Николай Бахтин, Роман Якобсон, Виктор Жирмунский. Много сделал для британо-советских культурных связей, в частности по инициативе Коновалова степень Почётного доктора Оксфорда была присуждена А. Ахматовой, Д. Шостаковичу, В. Жирмунскому, Д. Лихачёву и др.

[150] Бернард Пэрс (Sir Bernard Pares, 1867–1949) — британский журналист и историк, автор ряда книг по истории России, основатель (1919 г.), а потом и директор (до 1939 г.) School of Slavonic and East European Studies при Королевском колледже Лондонского университета; под его редакцией с 1922 г. начал выходить «The Slavonic Review» (с 1928 г. и до сих пор — «The Slavonic and East European Review»); по его предложению в 1923 г. Н. Лосский начал писать статьи о Вл. Соловьёве и его последователях, вылившиеся, в конечном счёте, в его «History of Russian Philosophy» (см.: *Н. О. Лосский.* Воспоминания. С. 199).

[151] Gastprofessor — приглашённый профессор (*нем.*).

[152] Владимир Фёдорович Гефдинг (1887–1979) — экономист и публицист, в эмиграции — сотрудник всех изданий Струве. В 1945 г. был арестован в Потсдаме, бежал из тюрьмы. Умер в США.

[153] Речь идёт о хлопотах Франка по организации помощи Струве (см. С. 29–30).

Моя первая лекция будет в ближайший вторник 16-го, в 8½ ч. на rue <de> Lournel[154]. До этого в Париже я уже не буду.

Жму руку. Сердечный привет Фане.

Твой С. Франк.

30. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[155]

S. Frank.
37, rue de Fontaine.
Fontenay-aux-Roses

Mr. B. Eliachevitch.
51. Beauséjour.
Paris (16e).

22.V.39

Дорогой Вася, спасибо за письмо[156]. Я ждал тебя и Фаню вчера к нам, но вы не приехали. Рискуя, что эта открытка запоздает, спешу тебя уведомить, что завтра, во вторник,

---

[154] Татьяна Франк вспоминала: «Самое главное — это то, что он так окреп, что смог по просьбе Бердяева прочитать несколько лекций, правда, это мне стоило огромных волнений, я пишу — мне, а не Семенушке, потому что он, чувствуя себя хорошо, не волновался, а я, которая была ещё полна воспоминаниями и тревогами за него, не могла спокойно видеть его» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 215). 16 мая в Религиозно-философской академии, на rue de Lournel (15^{e}) Франк прочёл лекцию из цикла «Личность и мир. Основная проблема жизнепонимания» на тему «Понятие личности. Личность и духовная жизнь». 23 мая вторая лекция цикла — «Положение личности в мире и правда о неверии», 30 мая — третья лекция цикла «Онтологические основы личности и смысл веры» (Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина. М., 1996. Т. 3. С. 570, 573, 575).

[155] Почтовая карточка.

[156] Этого письма в нашем распоряжении нет.

я к вам приехать не смогу: я еще недостаточно окреп, чтобы сочетать лекцию[157] с поездкой в другое место — максимум, что я могу себе позволить, это поездка в одно место. Если ты или Фаня или вы оба будете на моей лекции, то можно будет условиться о дне и часе встречи.

Что касается «совещания» группы лиц о деле П. Б., то я мыслил его именно как не требующий никакой подготовки предварительный обмен мнений между несколькими людьми, сочувствующими делу — «ум хорошо, а два—три—четыре — лучше».

Привет Фане.

Твой С. Франк.

31. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[158]

S. Frank,
37, rue de Fontaine.
Fontenay-aux-Roses (Seine).

Mr. B. Eliachevitsch.
51. Beauséjour. Paris (16e).

16.6.39.

Дорогой Вася, А. Л. Животовскому ты можешь написать по адресу его сына (Л. А. Животовского[159]), где он бывает

[157] См. прим. 154 к письму 29.

[158] Почтовая карточка. Штемпель: Fontenay-aux-Roses.

[159] Абрам Львович Животовский, муж сестры С. Франка Софьи. Личность, овеянная сомнительными легендами о слишком быстром обогащении, связанном с торговлей оружием, близости то ли к масонам, то ли к английской разведке, и о финансовой помощи большевистскому режиму. Фактом является то, что через свою сестру А. Животовский прихо-

ежедневно: 9, rue de Midi, Neally S/Seine. Тел. Mai. 21–35 (он там всегда в час завтрака).

Я получил из Риги письмо от Г. А. Ландау[160] с откликами его и А. И. Каминки[161] по делу Струве. Каминка берется осенью кое-что сделать в русской среде и имеет нам сделать по этому делу одно предложение (он предлагает нам составить меморандум, к<ото>рый можно было бы показывать). А<вгуст> И<саакович> будет в недалеком будущем в Париже; я его попрошу тотчас по приезде связаться с то-

---

дился дядей Льву Давидовичу Троцкому. Погиб в немецком концлагере. Леонид Абрамович Животовский — племянник С. Франка; как и отец, погиб в немецком концлагере. Некоторое время перед замужеством в 1939 г. дочь С. Франка Наталья «жила у своего двоюродного брата Лели Животовского, сына Софьи Людвиговны, которого немцы погубили, и его, и его отца» (Воспоминания Татьяны Франк. С. 193).

160 Григорий Адольфович Ландау (1877–1941) — журналист и политический деятель, автор книги «Сумерки Европы» (Берлин, 1923), с 1933 г. жил в Латвии, был арестован в 1940 г. и погиб в Усольлаге. Письмо Г. Ландау С. Франку от 10 июня 1939 г. сохранилось в фонде Франка Бахметьевского архива. В частности, Ландау писал: «Очень печально было читать Ваше письмо относительно Петра Бернгардовича. Грустно, что нет никакого соотношения между заслугами (и даже просто значительностью) личности и ответом на это общества. В данном случае даже произошло обратное — именно достоинство личности, индивидуальность исканий без оглядки на практические последствия и притом как раз в сфере конкретной общественности в связи с идеалистической непрактичностью как раз и содействовало общественной изолированности, — конечно, особенно в обстановке жалкой эмиграции». Шансов на получение помощи из Риги, судя по этому письму, было очень мало.

161 Август Исаакович Каминка (1965–1941) — юрист, общественный деятель (член ЦК партии кадетов и один из её организаторов), публицист, издатель, один из основателей и руководителей газеты «Руль» (1920–1931), председатель Русской Академической группы в Берлине. В последние годы жизни жил в Риге, работал в Русском юридическом обществе, был главой редакции журнала «Закон и суд». Погиб в результате уничтожения населения Рижского гетто осенью 1941 года (см.: *В. А. Томсинов*. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества. М., 2007. Т. 2. С. 253–278).

бой. А тебя я прошу, когда Каминка приедет, устроить с ним и со мной совещание[162]. Жму руку. Сердечный привет Фане.

Твой С. Франк.

32. С. Фр нк — В. Ельяшевичу и Ф. Ельяшевич[163]

S. Frank.
Villa «Le bon pin». Le-Lavandou (Var)[164].

Mr. et. m-me Eliachevitsch.
51. Beauséjour. Paris (16e).

24.IV.40

Христос воскресе!

Шлю вам обоим привет к Светлому Празднику. Хотели бы иметь весть, как вы себя чувствуете и как здоровье каждого из вас.

По получении твоего письма[165] о деле Струве, Вася, я тотчас же написал и послал в «Посл<едние> Нов<ости>» —

---

[162] В упомянутом выше письме С. Франку Г. Ландау писал: «Когда думаете Вы начать эту акцию? Здесь это нужно делать только когда Авг<уст> Ис<аакович> здесь — я для этого мало пригоден. Сейчас он некоторое время ещё собирается пробыть здесь, потом думает уехать в Париж, потом опять собирается вернуться сюда. Но мне думается, что сейчас не время для этого, так как “вся Рига” на лето разъезжается (...). Правильнее было бы отложить на осень» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 2. Cataloged Correspondence. Landau, Grigorii Adol’fovich).

[163] Почтовая карточка.

[164] Осенью 1939 Франки вернулись из Парижа на юг Франции, к Алексею. «На зиму переселились в соседний с Ла-Фавьер городок Ле-Лаванду, где было больше удобств» (*Ф. Бубб йер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 205). В Ле-Лаванду Франки оставались во время оккупации юга Франции до лета 1943 г.

[165] Этого письма в нашем распоряжении нет.

с ссылкой на твое сообщение — юбилейную заметку, которую старался написать так, чтобы она не шокировала ни в чем редакцию «П<оследних> Н<овостей>». Заметка все же помещена не была — очевидно, пришлась не по вкусу[166]. Не судьба!

Теперь уже, конечно, поздно пытаться что-нибудь сделать.

Жму руку вам обоим.

С. Франк

33. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[167]

Frank.
Villa «Le bon pin».
Le Lavandou (Var)

Mr. B. Eliachevitch.
Bussy-en-Othe (Yonne)[168].

30.XII.41

---

166 В воспоминаниях о П. Струве Франк писал: «8 февраля (26 января старого стиля) 1940 года П. Б. исполнилось семьдесят лет. Мне очень хотелось, чтобы этот его юбилей был, несмотря на военное время, хоть как-либо отмечен в русской эмигрантской печати. Не имея прямого отношения к редакции “Последних Новостей”, я просил В. Б. Ельяшевича побудить редакцию поместить к этому дню юбилейную статью. Ельяшевич отвечал мне, что редакция на его запрос выразила готовность поместить мою статью о нем — все равно, за моей ли подписью или без подписи. Я тотчас написал краткую заметку, умышленно составленную в сдержанном тоне, приемлемом и для политических противников Струве, предоставляя самой редакции решить, предпочитает ли она поместить заметку за моей подписью или как редакционную. Несмотря на данное обещание, заметка не была напечатана, и юбилей П. Б. прошёл не отмеченным в печати» (*С. Л. Фр нк*. Воспоминания о П. Б. Струве. С. 535).

167 Почтовая карточка. Штемпель: Lavandou.

168 Перед «Bussy-en-Othe» дописано другой рукой и другими чернилами: «au village».

[Содержание]

Cher ami, je t'envoie mes meilleurs voeux pour la nouvelle année et aussi mes condollances les plus cordiales pour l'anniversaire de décès de Fania. Comment vas-tu? C'est déjà très longtemps que je n'ai pas eu de tes nouvelles. Je ne sais même pas où tu habites. Quant à moi, tout va passablement bien, et tous les miens sont, Dieu merci, en bonne santé.

Je serais heurex d'avoir de tes nouvelles. Ma femme t'envoie ses amitiés.

Je t'embrasse cordialement.

S. Frank

Дорогой друг, посылаю тебе мои наилучшие новогодние пожелания, а также искреннейшие соболезнования к годовщине Фаниной[169] кончины. Как твои дела? Уже давно я не получал от тебя вестей. Я даже не знаю, где ты обитаешь. Что касается меня, то все достаточно сносно, и все мои, слава Богу, в добром здравии.

Был бы рад получить от тебя весточку. Моя жена передает тебе привет.

Сердечно тебя обнимаю!

С. Франк

34. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[170]

Frank.
Le Lavandou (Var).

Mr. B. Eliachevitch.
Bussy-en-Othe (Yonne).

30.XII.42

[169] Фаина Ельяшевич умерла 10 января 1941 г.

[170] Почтовая карточка. Штемпель: Lavandou.

Cher ami, j'étais heurex d'avoir de tes nouvelles. Ta carte ne m'est parvenue que hier. Je crains, que la mienne va arriver après ton départ, mais comme je ne sais pas ton autre adress, j'écris à Bussy, en espérant que la carte te sera reexpédiée. Nous sommes tous en bonne santé. Nous vivons avec Alexis, dont la famille est partie. Natacha a eu un deuxième fils. Nous avons voulu assister à son baptême, mais n'avons pu accomplir ce désir. Je suis heureux de savoir que tu travailles scientifiquement; quant à moi, il me manque ici des livres.

Réponds moi, je te prie si cette carte te parviendra. Vois-tu Pierre?

Je t'embrasse, ma femme t'envoie ses amitiés.

Дорогой друг, был счастлив получить от тебя весточку. Твоя открытка пришла ко мне лишь вчера. Боюсь, что моя <открытка> прибудет после твоего отъезда, а поскольку я не знаю другого твоего адреса, то пишу в Бюсси, надеясь, что тебе ее переправят. Мы все в добром здравии. Живем с Алексеем, семья которого уехала. У Наташи появился второй сын[171]. Мы хотели присутствовать при его крещении, но не смогли исполнить это желание[172]. Рад узнать, что ты занялся научной работой; что же касается меня, то мне недостает здесь книг.

Ответь мне, если получишь эту открытку, прошу тебя! Видишь ли ты Пьера[173]?

Обнимаю тебя, а жена шлет привет!

---

[171] Питер Скорер (р. 1942) — в настоящее время — диакон храма пр. Ильи в Девоншире в юрисдикции православных приходов русской традиции Вселенского Патриархата.

[172] В 1942 г. Франки пытались выбраться в Англию через Португалию. Была получена английская виза, куплен билет на самолёт из Лиссабона, но португальская транзитная виза пришла слишком поздно, и выехать не удалось (см.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 206).

[173] Петра Струве.

35. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

15.VII.43[174]

Дорогой Вася, бесконечно давно не имел от тебя вести. Я тебе в свое время тотчас ответил в Bussy на твою открытку оттуда в надежде, что если ты оттуда уехал, тебе перешлют; но после этого не имел ничего от тебя, и даже не знал, сохранил ли ты прежний парижский адрес; а при здешних почтовых порядках как-то не хотелось писать наугад. Но от П<етра> Б<ернгардовича> узнал, что ты благополучен.

Я живу на старом месте, и, хотя мы теперь получили свободу передвижения и строим постоянно планы передвижения, но реально их трудно осуществить, и не знаешь, где найдешь, где потеряешь[175].

Я продолжаю понемногу работать. П<етр> Б<ернгардович> вероятно тебе рассказывал о моих научных планах. У меня намечается работа по чистой онтологии (или метафизике) с учетом всех новейших идей положительной науки[176]. Но я очень страдаю от отсутствия нужных книг. Физически чувствую себя относительно сносно — организм

[174] В верхнем левом углу приписана другой рукой дата получения или ответа — «28. VIII».

[175] Режим Виши, который контролировал южную Францию с июля 1940 г., сотрудничал с нацистами в преследовании евреев. «Объявлена война против евреев, вернее не война, а подлое отвратное уничтожение, ловля как диких зверей. Жизнь Семенушки была в опасности, в опасности непосредственной, реальной, его могли арестовать каждое мгновение и услать в лагерь, чтобы никогда не вернуть» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 216). Но в ноябре 1942 г. юг Франции был оккупирован немцами и итальянцами, причём департаменты Прованса, прилегающие к Средиземному морю (в том числе Вар, в котором жили Франки), оказались в зоне итальянской оккупации, ставшей своеобразным убежищем для евреев, спасавшихся от нацистских преследований на других территориях Франции. Эта относительная свобода продолжалась до начала сентября 1943 г., когда итальянская оккупация сменилась немецкой.

[176] С ноября 1942 г. Франк начал записывать «Мысли в страшные дни».

кое-как приспособился к недоеданию; к тому же теперь, летом, у нас питание относительно сносное.

П<етр> Б<ернгардович> писал мне, что обратился к тебе с просьбой помочь мне в материальном затруднении. Я сам не решался обратиться к тебе с такой просьбой потому что думал, что ты сам страдаешь от того же самого затруднения, что и я. Но раз это уже сделано, то я хотел бы только сказать, что — само собой разумеется — если бы тебе удалось оказать мне услугу, условия были бы такие, что ты не пострадал бы ни в какой мере, а, напротив, сохранил свои деньги. На таких условиях мне когда-то помогла Лот[177]. По нынешним временам все это должно быть основано на доверии. Могу тебя только уверить, что в случае моей смерти до конца войны дети мои будут почитать долгом чести добросовестно уплатить этот долг, как я специально прошу их это сделать в отношении всех моих долгов в моем завещании.

Был бы счастлив получить от тебя весточку, и узнать, как ты поживаешь, чем занят и как себя чувствуешь физически и морально. Пиши пожалуйста на адрес m-me T. Bartzeva, <Le> Lavandou, «Le bon pin».

Сердечно обнимаю тебя. Тат. Серг. шлет сердечный привет.

Твой С. Ф.[178]

---

[177] Мирра Ивановна Лот-Бородина (урожд. Бородина, 1882–1957) — изучала философию на Высших женских курсах. В 1905 г. уехала из России. Была замужем за французским медиевистом Фердинандом Лотом (Lot, 1866–1952). Автор ряда исследований по французской средневековой литературе, друг и корреспондент Франка. См.: *В. В. Зеньковский.* Памяти М. И. Лот-Бородиной // Вестник РСХД. 1957. № 45; *М. Лот-Бородин* . In memoriam // Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка / под ред. прот. В. В. Зеньковского. Мюнхен, 1954; Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В: 3 т. М., 2010. Т. 2. С. 85.

[178] Внизу листа, после подписи, приписано другой рукой новый адрес: «Mme T. Bartzeva-Franc. La Tour du Treuil, Allevard-les-Bains, Isère». Альвар (или Альвар-ле-Бэн) — коммуна во Франции, находится в регионе Рона — Альпы, в департаменте Изер, километрах в 50 на севе-

36. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[179]

Bartzeva-Franck.
chez Mr. Raffin,
Sailles, par St. Pierre d-Allevard (Isère).

Mr. B. Eliachevitch.
Bussy-en-Othe (Yonne).

8.X.1943

Дорогой Вася! Сердечное, большое спасибо тебе за отзывчивость и присылку 1000 фр<анков>. В нашем положении это все же существенная поддержка. Для меня дело идет о том, чтобы иметь достаточный для существования кредит на несколько зимних месяцев. Хотя тебя не интересуют условия возврата, о к<ото>рых я писал, но для меня они остаются в силе (как вообще в отношении всех моих друзей-кредиторов). И, уповая на милость Божию, я надеюсь, что недалеко время, когда я снова увижу тебя в добром здравии и верну мой долг тебе самому, а не твоим наследникам.

Я переселяюсь теперь (с 15.X) в деревню. Запиши себе, пожалуйста, мой адрес (на обороте этой открытки)[180].

ро-восток от Гренобля. Ля-тур-ду-Трёй — донжон (господская башня замка) XIII в., расположенная на холме на северо-западной окраине Альвара; здесь, очевидно, — название одноимённой улицы. Приход немцев вместо итальянцев на юг Франции сделал пребывание Франка в Ле-Лаванду очень опасным. Под Греноблем укрылись бежавшие из Парижа Лев Зак с семьёй, и Франки последовали за ними. Православный священник отец Бакст пригласил их в маленькую религиозную общину в Изере. В письме Бинсвангеру 4 августа 1943 г. Франк назвал переезд «новой эпохой» в своей «бродячей жизни» (см.: *Ф. Буб-б йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 210).

179 Почтовая карточка. Штемпель: Allevard (Isère).

180 «Sailles, par St. Pierre d-Allevard» — хутор Сай, судя по современной карте — или Sailles le Bas (Сай ле Ба), или Sailles le Haut (Сай ле О), коммуны Сен-Пьер-д'Альвар, соседней с коммуной Альвар. Жильё в Альваре, куда

Нас постигло семейное несчастие. Умер — совершенно неожиданно для нас — муж Наташи[181]; она осталась вдовой с двумя маленькими детьми[182]. Тяжел не только самый факт, но еще и невозможность быть вместе в такие горестные для нее — и для нас — дни. Мы даже ничего не знаем об обстоятельствах смерти.

Сердечно обнимаю тебя, еще раз спасибо. Т. С. шлет сердечный привет и благодарность.

Твой С. Ф.

37. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[183]

M-me T. Bartzeva-Franc.
St. Pierre d-Allevard (Isère).

Monsieur B. Eliachevitch.
Bussy-en-Othe (Yonne)[184].

7.XI.43

Дорогой Вася, большое спасибо тебе за письмо[185]. За это время мы имели много откликов сочувствия, но твое письмо не только особенно тронуло нас обоих своей сердечно-

---

Франки переселились в августе (см. прим. 178 к письму 35), было не приспособлено для зимы. «По счастью, в октябре 1943 г. они устроились в самом Сен-Пьер-д'Альвар, но даже в ещё более глухом месте. (...) Однако условия были гораздо лучше и спокойнее. Они жили в отдельном домике с кухней, большой комнатой и примитивной уборной во дворе» (*Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 210–211).

[181] Пол Скорер погиб в сентябре 1943 г. См. письмо 45.

[182] Михаил и Питер Скореры.

[183] Письмо без конверта. Адрес и штемпели на обороте. Штемпели: Allevard (Isère)—Bussy-en-Othe (Yonne).

[184] Адрес зачёркнут. Вместо него: 51. B^{d}. Beauséjour 51. Paris (16e).

[185] Этого письма в нашем распоряжении нет.

стью, но и поразило каким-то тоном особой духовной глубины. Оно и понятно — оно исходит из глубокого скорбного личного опыта.

Удар для Наташи тем более тяжек, что муж ее умер вдали от нее и что она даже не знает — и, возможно, никогда не узнает, — как он умирал... Это случилось, по-видимому, вскоре уже после того, как он покинул ее.

Ты спрашиваешь насчет внешних условий ее существования. Конечно, ей будет неизмеримо труднее — ушел человек, на которого опиралась ее жизнь, и который окружал ее самой нежной заботой; но мы все-таки надеемся, что она будет избавлена от острой нужды. Она будет, конечно, получать пенсию; и частная фирма, в которой всю жизнь служил ее муж и которая всегда относилась к нему очень сердечно, вероятно, не оставит ее. Кроме того, там около нее Виктор и его жена, очень сердечный человек. А Виктор не только очень дружен с Наташей, но особые обстоятельства его жизни располагают его быть естественным опекуном ее детей. <...>. — Прости, что так подробно расписал тебе наши семейные дела, но это — невольный отклик на твое участие. — Бетти теперь тоже недалеко от Наташи, но у нее работа, и они редко видятся.

Большое, сердечное спасибо тебе также на твою отзывчивость и обещанную помощь. Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Бог даст, удастся как-нибудь пережить, с помощью друзей тяжелые зимние месяцы, а там уже просвет мерещится.

Мое здоровье очень ухудшилось — возобновились боли в груди — как говорят врачи, признак утомления сердца[186]. Я должен был прекратить научную работу, и только читаю, гл<авным> обр<азом> по истории Франции. Живем мы те-

[186] 6 декабря 1943 г., жалуясь на состояние своего здоровья, Франк писал Бинсвангеру: «К сожалению, дух и тело не являют собой столь гармонического ансамбля, как думал Платон» (цит. по: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 210).

перь в деревне, в одиночестве, но и в тишине, без тех волнений, к<ото>рые связаны теперь с жизнью в городе.

Сердечно обнимаю тебя. Т. С. благодарит тебя и шлет самый сердечный привет.

Твой С. Адрес мой достаточно писать сокращенно: St. Pierre-d'Allevard (Isère).

38. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

10.XI.43

Дорогой Вася, в дополнение к моему письму — в ответ на твое — которое ты, надеюсь, получил, спешу подтвердить тебе получение 3000 фр. и еще раз сердечно благодарю тебя за твою доброту.

Мое здоровье что-то ухудшилось, сердце изрядно ослабело, так что большую часть дня провожу в постели. Но все же не теряю надежды еще повидаться с тобой в относительно скором будущем.

Твой С. Ф.

39. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[187]

M-me T. Bartzeva-Franc.
St. Pierre d-Allevard (Isère)

Mr. B. Eliachevitch.
Bussy-en-Othe (Yonne)

8.I.44

Дорогой Вася, большое сердечное спасибо тебе за внимание и заботу обо мне. Вчера получил от тебя снова 3000.

[187] Почтовая карточка. Штемпель: Allevard (Isère).

[Содержание]

Теперь я тебе должен 7000. Ты меня буквально спасаешь. Последнее время я пребываю в полном безденежьи — почему-то застопорилась ссуда, к<ото>рую я должен был получить от швейцарского приятеля[188]. К счастью здесь в деревне я пользуюсь натуральным кредитом — могу брать продукты в долг, но, конечно, кредит этот не длительный, и потому без тебя я бы совершенно пропал. Поздравляю тебя с Новым годом. Если Бог даст жизни, можно надеяться, что в этом году увидим конец военных ужасов и снова свидимся. — Мы зарылись в деревне, живем в деревенской избе, где несмотря на довольно суровый мороз можно поддерживать тепло, по крайней мере, в одной комнате. Последнее время, уже несколько месяцев, я хвораю болями в груди — не опасными по суждению врачей, но обрекающими меня на инвалидность. Могу только думать и записывать конспективно свои мысли. Да и нужных книг нет — читаю всякую всячину, что попадется. Завидую тебе и П. Б. Хоть можете интенсивно работать и иметь нужные материалы. Как ты живешь, как здоровье, как и над чем работаешь. Был бы рад получить весть от тебя. Сердечно жму твою руку. Т. С. шлет сердечный привет. Она спрашивает, жив ли Дик, с к<ото>рым она очень подружилась, когда мы жили в Bussy[189].

Твой С.

---

[188] Людвига Бинсвангера.

[189] Осенью 1938-го года (см. С. 27–29). Из воспоминаний Татьяны Франк: «Я помню как сейчас, как Семён Людвигович был слабый ещё совсем. Мы остались втроём, я, Семён Людвигович и собака, как её звали? Которая так ко мне привязалась, что никого в дом не пускала, даже своих хозяев и почтальона. Почтальона — понятно: собаке они приносят всякие запахи чужие, но хозяев... Они на меня обиделись смертельно» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 192). Интересно, что в «Непостижимом», законченном незадолго до этого в Ла-Фавьере, Франк иллюстрирует отношение «я — ты» примером «отношения между человеком и животным» из «Стихотворений в прозе» И. Тургенева — текстом «Собака» (см.: *С. Л. Фр нк*. Непостижимое // Сочинения. М., 1990. С. 361–362, прим.). Этот текст дан Франком в примечании — соблазнительно предположить, что он был добавлен уже после заверше-

40. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

4 марта 1944.

Дорогой Вася,

Твое письмо[190] меня глубоко тронуло — и своим содержанием, и самим фактом, что ты мне его написал — свидетельством исключительного дружеского доверия. — О смерти П. Б. я уже знал за три дня до получения твоего письма — Ляля Стр<уве>[191] мне написал сразу же, через 3 часа после кончины[192]. Для меня эта кончина имеет особое значение — я ему бесконечно обязан в своем умственном и духовном развитии; всю жизнь — 46 лет бли-

---

ния книги, и надоумил автора на это Дик из Бюсси. В одной из записных книжек Франка вложен отдельный двойной листок, где его рукой карандашом записано это стихотворение без указания названия и автора с небольшими синтаксическими неточностями:
«Нас двое в комнате — собака моя и я... (На дворе воет страшная буря). Собака сидит передо мною — и смотрит мне прямо в глаза. / И я тоже гляжу ей в глаза. / Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает — но я её понимаю. / Я понимаю, что в это мгновение и в ней, и во мне живёт одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тожественны: в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонёк. / (Смерть налетит, махнёт своим холодным, широким крылом... / И конец! / Кто потом разберёт, какой именно в каждом из нас горел огонёк?) / Нет! Это не животное и не человек меняются взглядами. / Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. / И в каждой из этих пар, в животном и в человеке — одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank; см.: *И. С. Тургенев*. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. Т. 10. С. 129–130).

[190] Этого письма в нашем распоряжении нет.

[191] Алексей Петрович Струве (1899–1976) — сын П. Б. Струве, библиограф и антиквар.

[192] П. Б. Струве умер 26 февраля 1944 г.

[Содержание]

зости — мы были глубоко солидарны внутренне (маленькое политическое расхождение в 20-х годах — не в счет) и 15 лет — от 1902 до 1917 г. работали вместе, видались чуть не ежедневно[193]. Я чувствую себя осиротевшим. Ниже еще вернусь к этой теме, а пока перехожу к главному содержанию твоего письма.

У каждого из нас была, конечно, своя особая жизнь, свой путь; и у каждого есть свои грехи. Но с более общей и глубокой точки зрения то, что ты пишешь, применимо, в разных вариантах и с большей или меньшей остротой, к каждому из нас, стариков. Не только, как кто-то справедливо сказал, каждый старик есть король Лир, но каждый старик, и особенно из тех, кто чувствует, что был к чему-то призван, сознает себя грешником и терзается бессильными муками раскаяния. Я знаю из признаний П. Б., что и он, который не покладая рук работал всю жизнь, ревностно исполнял свой долг и горел священным огнем, испытывал горькое чувство, что его подлинные творческие замыслы остались неосуществленными; еще не задолго до смерти он писал мне, что его трагедия в том, что он только в последние годы, когда силы его оставляют, окончательно созрел умственно и духовно! И я ему отвечал, что я испытываю буквально то же. Каждый старик, поскольку он сознательно оглядывается на свою жизнь, сознает себя «рабом ленивым и лукавым», зарывшим в землю данный ему «талант», и может повторить

[193] История многолетней дружбы со Струве лучше всего описана самим С. Франком в «Воспоминаниях о П. Б. Струве». Их знакомство относится к периоду 1897–1898 годов, «ежедневная» работа начинается с 1903 года, когда Франк за границей присоединяется к организованному Струве изданию и организации «Освобождение»; с конца 1905 г. в Санкт-Петербурге Франк и Струве вместе издавали сначала «Полярную звезду» и «Свободу и культуру», потом тесно сотрудничали в редакции «Русской мысли»; некоторое время — в период 1906–1908 гг. — Франк практически жил вместе с семьёй Струве. О «маленьком политическом расхождении» см. прим. 14 к письму 1.

о себе слова Пушкина: «и с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слезы лью...»[194] Я сам о себе чувствую, что не только зря растратил массу сил и многие годы на ненужные вещи, изменяя себе и своему призванию, но что даже в самом научном творчестве был недостаточно добросовестен, недостаточно ответствен и строг к себе, недостаточно правдив и напряжен в своей мысли. Стыжусь теперь тех банальных курсов, которые я читал, и часто думаю, как умно и ответственно я мог бы читать лекции сейчас, — сейчас, когда я уже бессилен и никому не нужен! И все мои научные работы кажутся мне немножко детскими, и чувствую, что я, жертвовал строгой непредвзятой истиной в угоду либо излюбленным предвзятым «идеям», либо логической стройности построений — словом, я их ощущаю, как «второй сорт» — тогда как я мог и должен был, при достаточной строгости к себе, давать «первый сорт». Только сейчас — занятый сразу мыслями в двух направлениях — «философией творчества», в к<ото>рой я, думаю, уловил самый глубокий секрет бытия, и добросовестной проверкой своих религиозных убеждений и сомнений — я чувствую, что стал, наконец, совсем «самим собой» (а в этом — весь смысл творчества, как говорил Верлэн об искусстве: «l’art, mes amis, c’est d’être absolument soi-même»[195]). И вот именно это должно, по-видимому, по физической немощи, остаться в виде заметок в моей записной книжке...[196]

Единственное — но и существенное — утешение, к<ото>рое нам остается, есть мысль Паскаля: «единствен-

---

[194] Из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание»: И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклинаю, / И горько жалуюсь, и горько слёзы лью, / Но строк печальных не смываю.

[195] «Искусство, друзья мои, быть самим собой» (*фр нц.*). В оригинале: «L’art, mes enfants, c’est d’être absolument soi-même» (т.е., не «друзья мои», а «дети мои»). Поль Верлен (1844–1896) — французский поэт.

[196] Имеются в виду, прежде всего, записи «Мысли в страшные дни» (*С. Л. Фр нк*. Непрочитанное. М., 2001).

ное достоинство человека состоит в сознании своего ничтожества»[197]. Или, выражая то же религиозно: Бог прощает и любит кающихся грешников, и дает им новые силы и душевный покой...

Возвращаюсь к смерти П. Б. В нормальное время это было бы национальным горем. Он был гений (хотя я и сознаю, что было что-то в нем, что мешало ему приносить плоды, достойные его гения). Сколько бы он ни дал, — это все же мало по сравнению с тем, что он был и имел. Обязанность нас всех, его старых друзей и соратников, сохранить память об его личности — как была сохранена память напр<имер> о личности Белинского или Грановского. Предлагаю тебе — если хочешь, в виде некой маленькой «эпитимии» — идею: займись сейчас же, не теряя ни дня (т<ак> к<ак> все мы — на краю могилы), организацией издания сборника воспоминаний о нем. Я уже начал их записывать. Часть сотрудников можно найти сейчас же, остальные найдутся по окончанию войны (до к<ото>рого, даст Бог, мы все же доживем). Это — лучше, и более достойно П. Б., чем писать «некрологи», к<ото>рые обычно пишутся умильно-напыщенно и фальшиво.

Спасибо за заботу о моих материальных делах. Моя стипендия мне, конечно, по-прежнему недоступна[198]; по-прежнему перебиваюсь маленькими субсидиями из комитетов и случайными ссудами друзей. Забота ста-

[197] «Человек велик, сознавая своё жалкое состояние. Дерево не сознаёт себя жалким. Следовательно, бедствовать — значит, сознавать своё бедственное положение; но это сознание — признак величия. Вся бедственность, все эти несчастья человека доказывают его величие. Это — несчастья вельможи, царя, лишённого короны» (*Б. П ск ль.* Мысли / Пер. О. Хомы. М., 1994. С. 76–77).

[198] «Франк получил весной 1939 г. стипендию в размере 250 фунтов в год от Христианского совета по делам беженцев Всемирного совета церквей. (...) Стипендию в 1942 г. возобновили, но в 1943 г. выплату её приостановили из-за невозможности переводить деньги во Францию» (*Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 204).

ла несколько менее острой, п<отому> ч<то> крестьяне, у к<ото>рых мы живем, кредитуют нас и квартирной платой, и частью нужных продуктов. Но если бы ты смог мне и дальше помочь, то, откровенно говоря, был бы тебе благодарен.

Обнимаю тебя. Будь здоров и не унывай. Т. С. сердечно кланяется.

Твой С. Ф.

P. S.[199] Очень был бы рад, конечно, особенно в нынешнем моем одиночестве, узнать подробнее о содержании твоих научных работ (хотя вряд ли я в состоянии их оценить).

41. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[200]

M-me T. Bartzeva.
St. Pierre d-Allevard (Isère).

Mr. B. Eliachevitch.
51. Boulev. Beauséjour 51. Paris (16e).

16. III.44

Дорогой Вася, большое сердечное спасибо тебе за присланные мне снова 3000 fr. — ты мне опять очень помог. Теперь я тебе должен 10000. Я был глубоко тронут тем, как быстро ты отозвался даже не на мою просьбу, а только на указание, что я был бы благодарен за помощь.

Жду теперь от тебя письма — ответа и на мои мысли о твоем письме, и, в частности, на мое предложение писать воспоминания о П. Б. и заняться организацией издания их сборника. Я просил В. А. Оболенского (его друга

199 Дописано вверху лицевой стороны листа вверх ногами.
200 Почтовая карточка. Штемпель: Allevard. Isère.

[Содержание]

с детских лет)[201] зайти к тебе и поговорить с тобой об этом. Видел ли ты его? Он мне писал, называл имена возможных сотрудников: кроме нас троих, нужно было бы просить Вас<илия> Алекс<еевича> М<аклакова>[202], Нольде[203], Гефдинга (Копенгаген)[204], Остроухова (Прага)[205], Демосфенова (София)[206]; я думаю еще о Лот-Бородиной; и, конечно, о. Сергий[207] (ему я пишу сам). Повторяю, этого дела нельзя откладывать — мы, старшие, дольше и лучше всего его знавшие, все сами — на краю могилы. Когда бы ни открылась реальная возможность печатания — заготовить материал надо тотчас же. Я сам пишу усердно, и на 24 страницах еще только изложил первые 7 лет нашего знакомства и дружбы (1898 — <1>905).

---

[201] Владимир Андреевич Оболенский (1869–1950) — русский общественный и политический деятель, депутат 1-й Государственной Думы. В эмиграции работал в Российском Земско-Городском комитете помощи русским гражданам за границей, писал воспоминания (см.: *В. А. Оболенский*. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988).

[202] Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — российский адвокат, член Думы II, III и IV созывов; участник «Союза освобождения», один из адвокатов М. Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве. Временное правительство назначило его послом во Франции, он оказался в Париже осенью 1917 г. Активный сторонник Белого движения.

[203] Борис Эммануилович Нольде (1876–1948) — русский юрист, историк. Эмигрировал в Финляндию в 1919; с 1920 — участник Парижской группы партии кадетов, декан Русского юридического факультета при Институте славяноведения (Париж).

[204] См. прим. 152 к письму 29.

[205] Павел Александрович Остроухов (1885–1965) — историк, экономист. Преподаватель Петроградского политехнического института; общественно-политический деятель. Эмигрировал в Прагу. Преподавал на Русском юридическом факультете в Праге (с 1921 г.), затем доктор философии пражского Карлова университета.

[206] Сергей Семёнович Демосфенов (1886–1946) — экономист. В эмиграции с 1920 г. Профессор юридического факультета Софийского университета, директор Высшего училища коммерческо-экономических и общественно-политических наук, преподаватель Русского народного университета. Сотрудничал с Русским юридическим факультетом в Праге.

[207] Отец Сергий Булгаков.

Обнимаю тебя. Будь здоров и бодр. Т. С. шлет тебе сердечный привет и от души благодарит.

С. Ф.

42. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

M-me T. Bartzeva-Franc.
St. Pierre d-Allevard (Isère).

Mr. B. Eliachevitch.
53, Boulev. Beauséjour 51. Paris (16e).

1.IV.44.

Дорогой Вася, спасибо за твое подробное письмо[208]. Я с большим интересом узнал из него о содержании и направлении твоих работ. Мне не нужно отзыва Wenger'a[209], чтобы быть уверенным, что твоя работа имеет большую научную ценность, и тем более, очевидно, значительна и интересна работа по истории русского права[210]. Отчаивать-

[208] Этого письма в нашем распоряжении нет.

[209] Leopold Wenger (1874–1953) — немецкий историк права. Окончил университет Граца, в 1901 г. защитил диссертацию по римскому праву. Профессор в Граце. Преподавал в Вене, Граце, Гейдельберге и Мюнхене. Член Баварской Академии наук (1914), член-корреспондент Прусской академии наук (1926). Соч: *L. Wenger*. Rechtshistorische Papyrusstudien. Graz, 1902; *L. Wenger*. Römische und antike Rechtsgeschichte. Wien, 1905; Byzantinische Papyri in der königlichen Hof- und Staatsbibliothek zu München / Hrsg. von Aug. Heisenberg und L. Wenger. München, 1914; Institutionen des römischen Zivilprozeßrechts. München, 1925; *W. Kunkel. L. Wenger*. Römisches Recht // Enzyklopädie der Rechts- und Staatawissenschaft. Berlin-Göttingen-Heidelberg, 1949; *L. Wenger*. Die Quellen des römischen Rechts. Wien, 1953 и др.

[210] Работы В. Ельяшевича переизданы в серии «Классика российской цивилистики»: *В. Ельяшевич*. Избранные труды о юридических лицах, объектах гражданских правоотношений и организации их оборота: в 2 т. — М., 2007.

[Содержание]

ся из-за твоего возраста тебе не нужно. Я вспоминаю, что 80-летний слепой Ranke продиктовал на память 9 томов своей Weltgeschichte[211] — мне недавно случилось ее прочесть с величайшим интересом. Я сам ничего не понимаю в истории права, социальных и хозяйственных отношений — за последние годы я усердно пополнял свое историческое образование, но только в области истории идей и культуры и общей политической истории. Но чем меньше я сам понимаю в области твоих работ, тем более я, как профан, чувствую, что это есть нечто очень важное. Так что — Бог в помощь! И ясно само собой, что первая и основная твоя задача — выполнять свое научное призвание!

Теперь насчет второй затронутой в твоем письме темы. Прежде всего: слово «эпитимия» я употребил, конечно, более в шутку — кто я такой, чтобы серьезно «налагать» на тебя «эпитимию»? Всерьез я только думаю, что в моменты уныния и душевной горечи действительно очень полезно взяться за какой-нибудь добровольный «подвиг». В прежние времена это были пост, земные поклоны, молитвы, хождение в Иерусалим — нашему брату больше подходит какая-нибудь бескорыстная, добавочная нагрузка себя хорошим идейным делом. Но, конечно, первое условие этого — чтобы сердце само влеклось к этому. Мне казалось, что ты так же, как и я, будешь увлечен идеей сборника воспоминаний о П. Б. Я, по-видимому, преувеличил степень твоей личной, душевной близости к нему. Если ты испытываешь эту задачу, как чрезмерное для тебя обременение, то, само собой, тебе не следует браться за нее. Я не представлял себе задачу слишком трудной — сейчас, до конца войны, дело может идти, конечно, только

[211] Леопольд фон Ранке (1795–1886) — немецкий историк. Первый том его «Всемирной истории» («Weltgeschichte») вышел в 1881 г. Он успел надиктовать шесть томов, которые вышли при его жизни, и частично седьмой; 8-й и 9-й тома составлены уже из его записок и отметок Альфредом Дове.

о подготовке материала, а не о самом издании, а для этого, как мне казалось, достаточно написать несколько писем, побуждающих друзей П. Б. писать воспоминания. Я сам писал об этом Оболенскому, о. Сергию и просил о. Сергия ту же просьбу передать А. И. Карташ<еву>[212]. Я бы сам взялся за это дело, если бы не жил в глуши и не старался вообще по возможности избегать чрезмерной переписки. Пожалуйста, не откажись подумать, кто бы другой мог взяться за эту задачу. Я все же считаю ее нашим общим долгом не только перед памятью П. Б., но и перед Россией. В последнее время я, впрочем, уже не так остро ощущаю заботу об этом — п<отому> ч<то> мои собственные воспоминания, к<ото>рые я сразу начал писать и для которых забросил все другие работы и мысли, разрастаются в целую книжку (я написал уже 50 стр. и дошел только до 1913 года!). Для меня, вся жизнь к<ото>рого интимно связана с П. Б., эта работа имеет особе значение. Я никогда бы не стал писать «мемуаров» о самом себе — занятие мне ненавистное[213]! — но воспоминания о П. Б. есть повод для меня самого обозреть и проверить свою жизнь и свое

---

[212] А. Карташёв председательствовал на первом общенациональном съезде русской эмиграции в июне 1921 г., где наиболее широко была представлена кадетская партия, а идейным лидером был Струве (*Р. П йпс.* Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001. Т. 2. С. 427).

[213] В конце 1935 г. — очевидно, в связи с серьёзным ухудшением здоровья, вызванным переутомлением при завершении первой редакции немецкого текста «Непостижимого» (см. прим. 61 к письму 9) — С. Франк делает записи, озаглавленные «Предсмертное. Воспоминание и мысли» (впервые опубликованы в «Вестнике РХД» в 1986 г.). Размышляя над потребностью «обозреть свою духовную жизнь» — «остро чувствуя близость смерти» — философ замечает, что «такого рода творчество», т. е. писание воспоминаний о себе, «мне совершенно чуждо». «Я сделаю это, вероятно, плохо, потому что не привык и не умею это делать» (*С. Л. Фр нк.* Предсмертное. Воспоминания и мысли. С. 39, 40). В 1946 году, вернувшись к этим запискам, он лишь кратко резюмирует: «На этих отрывочных записях 1935 г. и обрываются мои воспоминания. Не имею ни сил, ни охоты их продолжать» (Там же. С. 55).

творчество, что я испытываю, как дело полезное для меня. И вместе с тем исполняю свой долг — рассказать о П. Б. то, что знаю я один. После войны опубликую книжку — я сам, или, если не доживу, мои дети [214]. Обнимаю тебя, будь здоров и бодр. Моя жена шлет привет.

Твой С.

43. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

12.IV.44

Дорогой Вася, прилагаемое при сем мое письмо тебе, давно уже отосланное, только что вернулось ко мне, т<ак> к<ак> я ошибся № дома. Не имея в данный момент времени еще раз писать тебе и желая, чтобы ты все же получил то, что я писал, отправляю тебе его вновь, таким, как оно было написано

Обнимаю тебя

С. Ф.

44. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

6.V.44

Дорогой Вася, большое спасибо за твое письмо[215]. Я тоже был бы рад, чтобы переписка между нами продолжалась.

---

[214] Книга воспоминаний о П. Струве вышла уже после смерти С. Франка в 1956 г. в нью-йоркском издательстве имени А. Чехова под названием «Биография П. Б. Струве». Самоуправство издательства в этом отношении возмутило вдову и детей философа. Лишь в 2001 г. в сборнике работ С. Франка «Непрочитанное...» книга была переиздана с восстановленным — как замечают составители сборника, «по настоянию дочери С. Л. Франка — Натальи Семёновны», — авторским названием (см.: *С. Л. Фр нк*. Непрочитанное. С. 394).

[215] В ежедневнике Франка за 1944 г. под датой 28 апреля запись — «получил письмо от Ельяш.». В нашем распоряжении этого письма Ельяшевича нет.

Отвечаю на самое главное. Я хорошо понимаю те трудности, о которых ты пишешь, в деле наследия П. Б. и вообще заботе об его памяти. Но я смотрю на дело несколько иначе. Главная и действительно почти непреодолимая трудность касается приведения в порядок и издания его литературного наследия. Не говоря уже о всех других, внешних трудностях — эта задача просто необозрима, пока неизвестно, в каком оно находится состоянии, есть ли в нем что вполне законченное (боюсь, что нет!). Пока об этом деле можно только думать, реально действовать невозможно. Первая задача — тоже только после окончания войны — была бы раздобыть денег, чтобы дать возможность Аде[216] собрать в Праге и Белграде и привести в предварительный порядок бумаги П. Б.

Вторая задача — понудить друзей, особенно нас, стариков, которые должны сами скоро сойти со сцены — писать воспоминания о нем. Это — задача легкая и простая — нужно было бы только, чтобы кто-нибудь, имеющий возможность переписываться с Прагой, Белградом, Копенгагеном (я отсюда не могу это делать), думал об этом и списался с соответствующими лицами. Для того, чтобы побуждать друзей писать воспоминания, нет никакой надобности ждать материального обеспечения издания сборника. Рано или поздно возможность такого издания — или, в крайнем случае — опубликования отдельных воспоминаний в каком-нибудь будущем журнале — представится. Десятки или сотни русских эмигрантов писали все эти годы свои воспоминания, не думая, когда и как они смогут их издать — то же могут, и, я уверен, захотят сделать многие друзья П. Б. в отношении воспоминаний о нем.

Этому делу я придаю особенно большое значение, п<отому> ч<то> я убежден, что по самому характеру своего творчества П. Б. войдет в историю русской мысли не столько своими печатными трудами (разве только в отдаленном будущем удаст-

[216] Аркадий Петрович Струве (1905–1951) — сын П. Б. Струве. Фактически исполнял обязанности его секретаря.

ся издать нечто вроде «собрания сочинений» — дело, конечно, огромной трудности!), сколько как личность, через личное его влияние на современников — примерно так, как вошли в историю русской мысли, напр<имер>, Белинский или Грановский.

Я сам с большим увлечением — и, кажется, удачно — почти закончил писание моих воспоминаний о нем[217]. Выйдет около 100–120 печатных страницы. Если бы ты поставил себе за правило, по возможности, хоть ½ часа в день тратить на запись своих воспоминаний о нем — хотя бы в форме отдельных отрывков — ты бы незаметно сделал большое и хорошее дело. О том же хорошо было бы просить Нольде и В. А. Макл<акова>[218]. Пишет и Оболенский[219]. Это уже было бы кое-что.

Живем мы по-прежнему, кое-как — больше надеждами, но дело, кажется, затягивается, и я уже внутренне приготовился не увидать больше своих друзей. — Живу в постоянном книжном голоде, перебиваюсь тем, что можно случайно раздобыть здесь.

Кончив воспоминания о П. Б., надеюсь все же приступить к писанию давно задуманной книги «Философия творчества»[220].

Обнимаю тебя. Жена моя сердечно тебе кланяется.

Твой С. Ф.

---

[217] 30 апреля 1944 г. Франк записал в ежедневнике: «Кончил воспоминания о П. Б. — последним письмом его ко мне и его кончиной. Хочу дополнить очерком его личности и воззрений». 1 мая следующая запись: «Начал писать общую характеристику П. Б., как приложение к воспоминаниям». 9 мая: «Переделывал последн<юю> часть воспом<инаний> — характеристику П. Б., недоволен, придётся ещё править».

[218] К тому времени В. А. Маклаков в одном из своих мемуаров уже писал о Струве: *В. А. М кл ков.* Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936.

[219] *Кн. В. А. Оболенский.* Воспоминание о П. Б. Струве // Вестник РСХД. 1981. № 134. С. 103–113.

[220] Планы книги с таким названием разрабатывались С. Франком в дневниковых записях «Мысли в страшные дни» (1942–1944 гг.). Частично идеи этой так и не написанной книги были использованы в работе «Реальность и человек».

45. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

S. Frank cher m-me A. Cholbier
1, rue Moidieu
Grenoble (Isère).

14.X.44

Дорогой Вася, только сегодня, 14.X, до меня дошло твое письмо от 31 июля[221]! (Мы получили на днях несколько писем из Парижа с таким же опозданием, и я не знаю, когда мой ответ дойдет до тебя). Большое спасибо! Наша переписка прервалась сначала, потому что я ждал ответа от тебя — письмо осталось за тобой, а потом — из-за перерыва в сообщении. Счастлив узнать, что ты здоров, бодр и продолжаешь успешно работать. Большое, сердечное спасибо также за 2000 fr., которые, как ты пишешь, ты мне выслал; само собой, что они были бы очень кстати. Но они до меня не дошли — хотя, вообще говоря, мандаты[222] идут вернее и быстрее писем. Тебе нужно рекламировать эти деньги на почте, с которой ты посылал[223].

Как и где ты провел дни освобождения Парижа[224]? Надеюсь, что ты не пострадал от событий. У нас еще нет вестей из Парижа после событий.

Что касается нас, то события непосредственно нас не затронули. Кругом было много битв и зверств, весьма близко от нас, но в нашем медвежьем углу все оставалось спо-

---

[221] В ежедневнике записано под датой 13 октября — «Письмо от Ельяш.». В нашем распоряжении этого письма Ельяшевича нет. 15 августа союзники высадились на Лазурном берегу и уже 25 августа были в Альваре. Боевые действия, очевидно, нарушили почтовое сообщение.

[222] В данном случае — переводимые деньги (франц. mandat poste — почтовый перевод).

[223] Судя по ежедневнику, Франк всё-таки получил эти «2000 от Ельяш<евича>» 17 октября, о чём на следующий день написал ему открытку.

[224] Бои за Париж продолжались 19–25 августа 1944 г. В ежедневнике С. Франка под 25 августа запись: «Париж окончательно освобождён».

койно[225]. Огромное радостное событие в нашей жизни было совершенно неожиданное появление однажды утром перед нашим деревенским домом английского камиона[226], из которого вылез наш младший сын Вася, теперь уже сержант английской армии (RAF[227], но, к счастью, не летчик), который провел у нас целых 9 дней — после 5-летней разлуки и полного неведения об его судьбе[228]. Он побывал за это время в Алжире, Тунисе, Сицилии, Италии, Корсике и переехал в St. Tropez hé Côte d'Azur только в сентябре[229]. Он участвовал в очень опасной высадке в Salerno в Италии, под артиллерийским огнем немцев[230]. Теперь он опять вдали от нас, но мы сохраняем связь с ним и есть надежда, что он снова посетит нас. Наташин муж служил вместе с ним, но, не желая расставаться с Наташей на долгое время, принял службу в армии на судах, побывал благополучно два раза в России, но в одно из таких морских путешествий погиб на взорванной бомбой миноноске[231]! От других детей в Англии пока еще вестей нет, но мы знаем о них от Васи. На-

[225] 25 августа, вместе с записью об окончательном освобождении Парижа, С. Франк записывает в своём ежедневнике: «Американ<ские> войска были в Allevard. Мы, наконец, можем считать себя свободными».

[226] Камион — грузовик (галлицизм).

[227] Royal Air Force — Королевские военно-воздушные силы Великобритании.

[228] В ежедневнике Франка читаем: «22 сентября. Сегодня в 10 ч. утра неожиданно перед нашим домом остановился англ<ийский> камион, и к нам прибыл Васенька! 30 сентября, суббота. После 9 дней безграничного счастья общения с Васенькой он, так же неожиданно, как приехал, поздно ночью (в 1 ч.), с субб<оты> на воскресенье нас покинул — за ним приехали товарищи на камионе и увезли его (...). Кончился наш блаженный сон!». См.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 212.

[229] Высадка союзников на Лазурном берегу Франции началась 15 августа 1944 г. на участке между Тулоном и Каннами, в том числе в районе Сен-Тропе.

[230] Высадка союзников на Апеннинском полуострове, в том числе в районе Салерно, происходила в сентябре 1943 г.

[231] См. прим. 181 к письму 36.

таша получила место в В.В.С. — где уже с начала войны служит Виктор; они поселились теперь вместе, в городке недалеко от Оксфорда[232]; главная трудность ее жизни — это совместить заработок с воспитанием младенцев. Эта трудность должна разрешиться с нашим переездом в Англию, но пока еще конкретно не видно, когда это станет возможным. — Другое событие нашей жизни — уход Алеши, который жил с нами (его жена и ребенок должны были уехать в Англию еще осенью 1942 г.). Он томился, пытался участвовать в resistance, и в первые же дни прихода американцев в Гренобль записался к ним добровольцем, был тотчас принят благодаря знанию языков и ушел с армией. Теперь уже почти 2 месяца мы без вестей от него, а все это время армия в боях[233].

Что касается меня лично, то здоровье мое по-прежнему сносно, но обрекает меня на бездейственность. Я страдаю слабостью сердца и при хождении испытываю боли в груди. — Написав воспоминания о П. Б. (страниц 150), я с того времени больше ничего не писал. Страдал все время также от совершенного отсутствия книг — питался случайными книгами, что попадало под руку. Но продолжаю думать над задуманной книгой «Философия творчества».

На этих днях мы наконец покидаем нашу глухую деревню, где можно было терпеть жизнь, пока нужно было скры-

---

[232] Виктор жил в городе Рединг (Reading), западнее Лондона.

[233] Алексей во время оккупации жил с родителями сначала в Ле-Лаванду, потом в Альваре и Сен-Пьер-д'Альваре. «Бетти с дочкой Марусей в середине 1942 г. уехала в Англию. Алексей остался, дважды арестовывался как подозрительный неариец, примкнул к Сопротивлению, оставил его после ссоры с несколькими коммунистами и оказался в положении преследуемого как с их стороны, так и со стороны немцев» (*Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 207). После высадки союзников на юге Франции он, едва дождавшись прихода американцев, предложил свои услуги в качестве переводчика. В ежедневнике С. Франка записано 28 августа: «Алёша прямо из Allevard'а поехал на камионе в Гренобль и там в тот же день был принят в американскую армию».

[Содержание]

ваться от немцев, но совершенно невыносимо жить теперь. Переселяемся в Гренобль — адрес в заголовке письма[234]. Будем жить там до момента, когда можно будет поехать в Англию. Надеюсь тогда свидеться с тобой в Париже.

Был бы счастлив получить свежую весть о тебе и о всем, что делается в Париже, особенно о судьбе общих знакомых. Кое-что смутно доходит до нас, но в точности ничего не знаем.

Обнимаю тебя. Т. С. шлет сердечный привет.

Твой С. Ф.

Посылаю письмо наугад по парижскому адресу. Незнание, по какому адресу писать, тоже было мне помехой при намерении писать тебе.

46. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

1, rue Moidieu
Grenoble (Isère).

31.XII.44.

Дорогой Вася! Я был очень рад получить твое обстоятельное письмо[235]. Я уже собирался писать тебе — наугад, не зная, куда, — не дождавшись твоего, как получил его. Особенно я рад, что, несмотря на сознание старости, ты полон энергии и литературно-научных планов, в собственной работе и в организации чужих. По этому поводу мне вспомнилась поучительная мысль и рассказ Шарля Пеги[236].

[234] В ежедневнике С. Франка 10 октября записано: «Таня ездила в Гренобль, сняла квартиру». А 20 октября зафиксировано: «10 утр. Сегодня кончаем жизнь в Sailles, должны переехать в Гренобль. Переехали».

[235] Этого письма в нашем распоряжении нет.

[236] Шарль Пеги (Péguy, 1873–1914) — французский поэт, драматург, публицист. С. Франк называл его «одним из самых благородных верующих христиан последних десятилетий» (*С. Л. Фр нк*. С нами Бог. Три

Группа монахов, игравшая в мяч, стали обсуждать, как бы они себя вели, если бы им было сказано, что через полчаса наступит страшный суд. Тогда как большинство говорило, как бы каждый из них стал каяться, молиться и ждать конца, один заявил: «А я бы постарался под конец особенно метко и ловко запустить мяч в цель». Пеги его одобряет и справедливо. «Память смертная» нужна, но именно в виду ее мы должны стараться под конец особенно солидно и добросовестно делать дело, к которому мы призваны на земле.

Я, в отличие от тебя, пребываю в довольно инвалидном состоянии. Мои боли в груди, хотя и не острые, дают себя чувствовать почти при всяком движении и усилии, иногда даже при одевании и раздевании; хожу плохо, особенно на холоде, через каждые 3–5 минут должен останавливаться. Был здесь у хорошего врача, он нашел сердце здоровым, но склероз аорты, и рекомендовал осторожность[237] — между прочим, запретил лететь в авионе, что откладывает на далекое будущее поездку в Англию к детям (к<ото>рая, впрочем, и без того далека, так что я далеко не уверен, что доживу до нее). Здесь наслаждаюсь, после 4-летнего книжного голода, интересными книгами из университетской и других библиотек, но до писания и энергичного творчества дело не доходит — мысли зреют в голове, но, не фиксированные в записанном слове, не дозревают до конца.

К этому присоединяются волнения за детей. Тебе горько жить в одиночестве, но за то ты избавлен от волнений, к<ото>рые так трудно переносить в старости. Последний месяц мы пережили мучительные волнения за Алешу — он ушел, вступив в америк<анскую> армию, и был ранен —

размышления // *С. Л. Фр нк* Духовные основы общества. М., 1992. — С. 385) и «одним из самых религиозных умов XX века» (*С. Л. Фр нк*. Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии // *С. Л. Фр нк*. Духовные основы общества. М., 1992. С. 60).

[237] Запись в ежедневнике С. Франка 15 ноября 1944 г.: «Был вчера у доктора... Нашёл склероз аорты, требует осторожности, не утомляться etc.».

еще 18-го октября, мы впервые узнали об этом 30-го ноября, долго не знали деталей и даже потеряли его из виду (его перевозили из одного лазарета в другой), теперь, наконец разыскали. Узнали подробности, и мой брат Л. В. Зак посетил его (в Aix-en-Provence[238]). (Т<атьяна> С<ергеевна> тоже поедет к нему, конечно, но ей трудно оставить меня в виду моей беспомощности)[239].

Оказывается, он был ранен взрывом мины около него, очень тяжело, 3 дня был без сознания и, как говорит врач, выжил только благодаря крепкому здоровью и частым вспрыскиваниям новейшего чудодейственного средства Penicillin[240]. Отделался он «сравнительно» легко: не изувечен и не обезображен, за исключением опасного повреждения одного глаза и, вероятно, парализованности пальцев правой руки. Т<атьяна> С<ергеевна> переживает это, конечно, особенно мучительно. Кстати: дай мне юридический совет. Он поступил на службу переводчиком, но его использова-

---

[238] Экс-ан-Прованс — город к северу от Марселя, центр одноимённого округа, департамент Буш-дю-Рон. 20 декабря С. Франк записал в ежедневнике: «Узнали, что Алёша в Aix-en-Provence. Лева завтра едет туда». В этом госпитале Алексей начал писать рассказы о своём участии в Сопротивлении и службе в американской армии (*А. Фр нк*. Боевое крещение // Грани. 1954. № 23. С. 23–25; *А. Фр нк*. Два Фердинанда // Там же. С. 25–27; *А. Фр нк*. Полон // Там же. С. 27–31; *А. Фр нк*. Бред // Новый журнал. 1976. № 125. С. 86–92).

[239] Их взаимную любовь ярко иллюстрирует встречное признание Татьяны: «И вдруг узнали, что он ранен, но как? И тут первый раз в жизни всю страшную правду о его ранении взял на себя Семенушка, он скрыл от меня её. Бедный, бедный как мучился, думая, что Алёша ослеп, как он часто прижимался ко мне по ночам и плакал, я не понимала отчего... Потом узнали, что только один глаз потерял Алёша (...)» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 218).

[240] Первый антибиотик пенициллин был открыт Александром Флеммингом в 1928 г., а в 1941 г. впервые применён для лечения бактериальных инфекций. В разгар Второй мировой войны в США производство «спасительной плесени» уже было поставлено на конвейер, что спасло от гангрены и ампутации конечностей десятки тысяч американских и союзнических солдат. Одним из них был Алексей Франк.

ли — конечно, по его собственному желанию (нигде, однако, не зафиксированному) — простым солдатом и необученным пустили в бой. В качестве иностранца и юридически не солдата (хотя бы и в амер<иканской> форме) он не имеет права ipso iure[241] на отличие и пенсию. Американск<ие> власти говорят, что, конечно, они в той или иной форме дадут вознаграждение; с другой стороны, говорят, что лучший способ — это через американск<ого> адвоката (говорят, что это не требует издержек) предъявить иск американскому правительству, и что будто есть все шансы на успех. Что ты на этот счет думаешь? Я питаю исключительное доверие к твоим юридическим и деловым талантам[242].

Другое волнение у нас за Васю. После свидания с нами он уехал в Италию, мы снова потеряли прямую связь с ним — поддерживаем ее через Англию, — а на днях имели от него недатированную записку, дошедшую с оказией из Афин[243]! Но, комбинируя все имеющиеся от детей сведения, можно все же надеяться, что он снова вернулся в Италию, хотя полной уверенности в этом нет.

Денежные мои дела хуже, чем я ожидал. Оказалось, что с оккупацией юга Франции и невозможности пересылать мою стипендию[244], она была прекращена, и лишь теперь рассматривается вопрос об ее возобновлении (есть все основания думать, что он будет решен положительно). У меня есть в Англии свыше 150 фунтов, и их можно посылать, но уж очень невыгодно получать их по офиц<иальному> курсу. Ищу людей, к<ото>рым нужны деньги в Англии — м<ожет> б<ыть> так можно будет удачнее реализовать день-

---

[241] В силу самого закона (лат.).

[242] Дело с вознаграждением Алексею за участие в боевых действиях и пенсией по инвалидности затянулось на многие годы после войны, однако так и не увенчалось успехом (см. также письма 47, 48, 50, 52, 60, 66, 70, 72).

[243] В ежедневнике С. Франка 1944 г. запись под 27 декабря: «Записка от Васи из Греции», и далее 28 декабря: «Послал телеграмму запрос детям где Вася». См. прим. 246 к письму 47.

[244] См. прим. 198 к письму 40.

ги. Пока перебиваюсь кое-как. Мой брат, Л. В. Зак, художник, последнее время хорошо зарабатывает и помогает мне. Главная забота — моральная — расплата с друзьями-кредиторами. Надеюсь, что удастся — я просил хлопотать, чтобы комитет мне хоть отчасти возместил и за прошлые годы.

Желаю тебе бодрости и здоровья в новом году и сердечно обнимаю тебя. Т. С. шлет сердечный привет.

Твой С. Франк.

Остальные мои дети в Англии здоровы — Наташа очень тоскует и мучительно ждет соединения с нами.

47. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

1, rue Moidieu
Grenoble

5.III.45

Дорогой Вася, наша переписка опять застопорилась, и опять не по моей вине. Я тебе ответил тотчас на твое последнее письмо, писал м<ежду> прочим о тяжелом ранении Алеши и в этой связи просил тебя о юридическом совете по его делу. Это было, помнится, месяца 1½ тому назад, но ответа от тебя я не имею. Стороной случайно узнал, что ты жив и здоров и находишься в Париже.

Дело Алеши, о котором я тебе писал — его тяжелое ранение заполнило вообще волнениями и заботами всю нашу жизнь последних месяцев — кажется, улаживается благополучно (насколько можно вообще говорить так о человеке, к<ото>рый остается все же изрядно изувеченным). Его жена Бетти, преуспевающая теперь в Лондоне как журналистка (сотрудница «News Chronicle»), сумела заинтересовать его случаем высокие американские круги и можно надеяться, что все, чего мы добиваемся для него, будет достигнуто.

[Содержание]

Прошлый раз я между прочим писал тебе, что т<ак> к<ак> моя стипендия была, как оказалось, приостановлена на все годы оккупации, то у меня заботы о расплате с долгами. Теперь Виктор, к<ото>рый хорошо зарабатывает (он имеет довольно большое место в В. В. С.), пишет мне, что берет на себя уплату всех моих долгов. Я могу, значит, расплатиться и с тобой. Правда, посылать деньги во Францию невозможно (можно посылать только лично нуждающимся ближайшим родным, каждый раз с особого разрешения), да и бессмысленно по официальному курсу 200 fr. — я сам стараюсь для себя по возможности избегать такой присылки, — а других способов нет. Но мой сын может положить на твое имя в банк в Англии фунты. Напиши мне, пожалуйста, сколько фунтов я тебе должен по твоему расчету по справедливой расценке, и это может быть тотчас же сделано.

Мы живем туговато во всех смыслах, в особенности опять — уже вторично — страдаем от голода, но уже никуда отсюда не двинемся, пока не наступит возможность поехать к детям в Англию. Здоровье мое к весне поправилось — я заметил, что так это бывало последние годы, — я снова могу ходить и пользуюсь этим, чтобы бывать в университетской библиотеке. — Одна из двух книг, к<ото>рые я написал за эти годы — философия религии под заглавием «С нами Бог» — принята к изданию одним английским издательством, и притом сразу после того, как оно ознакомилось только с переведенной третью текста[245]. К славе я довольно равнодушен, но рад, что есть на свете место, где мои мысли могут быть восприняты.

Наш младший Вася опять одно время был в опасности — он был в Греции как раз в период гражданской войны[246] —

---

245 Книга была издана в следующем году: *S. Frank*. God With Us. Three Meditations. *Trans. by N. Duddington*. — London, Jonathan Cape Ltd, 1946. — 296 p.

246 Британская армия высадилась в Афинах и Салониках в октябре 1944 г., когда большая часть Греции уже находилась под контролем Народно-освободительной армии Греции. Было создано правительство Г. Па-

но, к счастью, уцелел, и теперь опять в Италии и, кажется, в безопасности. К несчастью, он пишет, что ему, наверное, придется принять участие в оккупации Германии. Остальные дети в Англии благополучны, Наташа живет во всех смыслах очень тяжко, ее жизнь может снова наладиться только после нашего приезда.

Из Парижа доходят до нас слухи и вести довольно сумбурные. Правда ли, что Маклаков не только посетил советского посла, но и провозгласил тост за Сталина[247]? Если правда, каково твое мнение об этом? Я лично — особенно ориентируясь по швейцарским газетам — утверждаюсь во мнении, что дьявол был изгнан с помощью Вельзевула, и что ждать от этого добра не приходится. Из частого общения с советскими русскими солдатами — после того, как удается пробить толщу их скрытности и в значительной мере напускного восторга перед советскими порядками — убеждаюсь, что в России после войны предстоят большие события

пандреу с участием коммунистов, однако процесс разоружения всех вооружённых формирований и создания национальной армии был сорван. В начале декабря возник правительственный кризис, началась всеобщая забастовка. Полиция открыла огонь по демонстрантам, после чего коммунистические отряды захватили в Афинах полицейские участки. Черчилль отдал приказ английским войскам подавить выступление коммунистов, что привело к крупномасштабным боям в столице. На некоторое время коммунисты установили контроль над большей частью Афин, но англичане перебросили войска с Итальянского фронта (скорее всего, именно тогда сюда попал Василий Франк), и в январе повстанцы были вытеснены из Афин. По сути, эти события были лишь началом (прелюдией) полномасштабной гражданской войны, которая продолжалась в Греции до осени 1949 года.

[247] Речь идёт о визите в советское посольство в Париже 12 февраля 1945 г. группы русских эмигрантов во главе с бывшим послом Временного правительства во Франции Василием Алексеевичем Маклаковым. Тост за Сталина говорил не Маклаков, а советский посол Богомолов. О визите и реакции на него русской эмиграции см., напр.: *И. Белобровцев*. Русская литературная эмиграция о «визите в советское посольство» (1945): событие и реакция // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 233–243.

во внутренней политике, и что русский колосс может снова к удивлению Европы внезапно рухнуть. Хотелось бы поговорить об этих делах с умными людьми, к<ото>рых здесь в Гренобле нет. Что ты думаешь обо всем этом?

Обнимаю тебя и жду вести. Тат. Серг. шлет сердечный привет. Она до сих пор очень тяжко переживает несчастье с Алешей.

Твой С. Франк

48. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

19.IV.45

Дорогой Вася, на этот раз — моя очередь принести тебе повинную за мое долгое молчание. Последние дни я каждый день собирался тебе писать, да все не выходило, а сегодня получил твое второе письмо[248], на к<ото>рое спешу ответить.

Причина моего молчания (по крайней мере отчасти) заключалась в том, что я пережил обычный для меня припадок сердечной слабости, длившийся дней десять, когда я ничего не могу делать и лишь с трудом читаю, и кроме того — во множестве волнений и забот в связи с Алешей.

Прежде всего — об Алеше. Спасибо тебе за интерес к нему. Он был привезен в Париж, собственно, с целью подвергнуться там всем необходимым операциям — починкам (правой руки и лица). Но почему-то — причина и нам неизвестна — было затем решено переправить его в Англию, что и случилось 16 марта.

Теперь он находится в американском лазарете в Оксфорде, виделся уже, конечно, с женой и дочкой и с Виктором. В смысле лечения и починки там будет сделано все вообще возможное при нынешней медицинской технике. Пред-

---

[248] Этих писем в нашем распоряжении нет.

варительно врачи считают необходимым в течение трех недель делать ему вспрыскивания против столбняка, в виду того, что под кожу попало много земли.

Он пострадал все же очень сильно, и хотя сохранит почти нормальный вид и работоспособность (врачи ожидают довести работоспособность правой поврежденной руки до 50% нормальной), но, конечно, сохранит и следы ранения. Вопрос о пенсии или вознаграждении пока еще не разрешен, но об этом теперь взялись хлопотать; он все равно должен пробыть в лазарете еще не менее полугода.

Что касается нас самих, то у нас в общем все по-старому. После того, как мой брат Л. В. Зак с семьей перебрался в Париж, мы остались здесь в полном одиночестве. Главная наша мечта и задача — перебраться, наконец, в Англию. К сожалению, вопрос о реальной возможности этого пока еще не может быть поставлен. Сейчас пускают в Англию — даже из числа английских подданных — только определенные категории лиц, под которые мы не подходим (дети без родителей, одинокие престарелые и т. п.). Но компетентные лица сообщают, что в качестве родителей Наташи, английской подданной, мы имеем шанс получить визу, как только категории допускаемых лиц будут расширены, т. е. надеюсь, вскоре после окончания войны. Мы думали было сначала тоже перебраться в Париж, но квартирный вопрос там для нас, по-видимому, неразрешим, и, кроме того, уж очень тяжко было бы протомиться там жаркое лето. Теперь мы остановились на мысли переехать на лето в Aix-les-Bains[249] (в 2 ч. отсюда), куда Тат. Серг. абсолютно необходимо поехать, чтобы полечить ее весьма жестокий ревматизм. Для этого тоже нужно преодолеть и некоторые административные препоны, и трудности нахождения квартиры нам по средствам, но я надеюсь, что все это удастся преодолеть. До 15 мая мы во всяком случаем остаемся здесь, да и позднее можно писать сюда — письма перешлют.

[249] Aix-les-Bains (Экс-ле-Бен) — коммуна во Франции в департаменте Савойя, известный бальнеологический курорт.

Я был удручен твоим описанием твоих страданий зимой от жестокого холода и от зоны[250]. Что ты при этих условиях мог все же продолжать заниматься, делает честь твоей силе воли. У нас тоже было холодно, но удавалось все же доставать уголь и дрова, чтобы поддерживать в комнате сносную температуру. Болезнь «зона» мне знакома; я сам ее пережил несколько лет тому назад в Lavandou[251], врач дал мне какое-то специфическое вспрыскивание против нее, в результате к<ото>рого она прошла уже через несколько дней. Неужели в Париже не знали этого средства?

Моя книга, о к<ото>рой я тебе писал, уже принята одним лондонским издательством, и на довольно выгодных условиях, так что не только удалось оплатить перевод (переводчица Duddington[252], к<ото>рая переводила на английский книги Лосского), но я должен еще сверх того получить, по мере продажи, порядочный гонорар. Книжный рынок, говорят, находится в Англии, как и всюду, в очень хорошем состоянии — спрос превышает предложение. Кстати о книгах. У меня, как я уже тебе писал, давно готова рукопись воспоминаний о П. Б. Струве (с приложением опыта характеристики его личности и воззрений). Размер — листов 8 печатных. Я готовил ее, как ты помнишь, для сборника воспоминаний. Есть ли надежда, что этот сборник осуществится? И если нет, какие, по-твоему, есть шансы выпустить мои воспоминания отдельной книжкой?

Обнимаю тебя. Будь здоров. Даст Бог, не в очень далеком будущем свидимся. Т. С. шлет сердечный привет.

Твой С. Франк.

---

[250] Имеется в виду Zona — одно из названий опоясывающего лишая (Herpes zoster), вызываемого вирусом Strongiloplasma zonae, — заболевания, схожего с ветряной оспой.

[251] См. прим. 164 к письму 32.

[252] Наталья Александровна Даддингтон (урожд. Эртель, 1886–1972) — окончила Лондонский университет, магистр философии, переводчица русской художественной и философской литературы на английский язык.

[Содержание]

49. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[253]

S. Frank.
1, rue Moidieu. Grenoble

Mr. B. Eliachevitch.
51, Boulev. Beauséjour. Paris (16e).

20.IV.45

Дорогой Вася. Только что отправил тебе письмо, как вспомнил, что совсем забыл ответить тебе на одну тему — прошло слишком много времени с твоего прошлого письма. Тороплюсь исправить эту оплошность. Я был глубоко тронут твоим отношением к моему долгу. Но этим ты лишаешь меня моральной возможности обратиться к тебе снова в случае нужды.

Материально я пока обхожусь, получая деньги из Англии по идиотскому курсу, т. е. проживая огромные суммы в англ<ийской> валюте. У меня еще есть небольшой ее остаток.

Стипендия[254] мне не возобновлена и, по-видимому, не будет, пока я проживаю вне Англии, но обещают ее возобновление после приезда туда.

Обнимаю тебя. Будь здоров. Помнится, в марте был день твоего рождения и, если я не ошибаюсь в счете, тебе «стукнуло» 70 л<ет>[255]. Поздравляю сердечно задним числом и желаю еще долго здравствовать.

Твой С. Франк.

50. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

1, rue Moidieu
Grenoble

[253] Почтовая карточка. Штемпель: Grenoble. Isère.

[254] См. прим. 198 к письму 40.

[255] В. Ельяшевич родился 4/16 марта 1875 года (см. прим. 2 на стр. 8).

[Содержание]

4 авг. 1945

Дорогой Вася, очень счастлив был получить — только что — твое письмо от 21[256] — оно пропутешествовало сначала в Aix, потом в деревню, в к<ото>рой мы несколько дней отдыхали и вернулось сюда, куда мы сами вернулись 31 июля[257]. Я, как видишь, не только не собираюсь «реваншироваться» молчанием, но давно уже собирался писать тебе, не получая от тебя вестей, и если не сделал это, то отчасти по лени или обычной моей усталости, отчасти потому, что не знал, куда писать.

Главная новость нашей жизни: мы только что получили, наконец! — визу в Англию. Теперь мы собираемся в самом ближайшем будущем — если не будет непредвиденной задержки — то примерно к 15 августа — приехать в Париж. В Париже придется задержаться примерно недели 2–3 (надеюсь, не больше!) для улажения всех формальностей (здесь в провинции, как обнаружилось, теперь невозможно ни возобновить нансен<овский> паспорт[258], ни получить visa de sortie[259]) и устройства всего, что нуж-

[256] Этого письма в нашем распоряжении нет.

[257] Татьяна Франк вспоминала: «Уехали из Гренобля в Aix-les-Bains, чтобы лечить мой ревматизм, там отдохнули, хотя здорово голодали, потом уехали куда-то в горы, где Семенушка опять впал в страшное нервное состояние, которое прервалось телеграммой от Виктора, что виза в Англию есть. Он не хотел ждать ни минуты, и мы уехали в Гренобль, где очень быстро собрались и уехали в Париж» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 218–219; см. письмо 50). Судя по ежедневнику Франка 1945 года, в Экс-ле-Бен они приехали 3 июля, а уже 31-го июля вернулись в Гренобль.

[258] Франк всю жизнь прожил по советскому паспорту, выданному ему в Саратове (*А. А. Г поненков*. С. Л. Франк в Саратовском университете. С. 7). Фрицу Либу он писал: «Мы, высланные из России и проживающие в Германии, вынуждены сохранять советский паспорт, так как по договору в Рапалло немцы не имеют права выдавать нам Нансеновские паспорта» (Письмо от 5 февраля 1929 г. // *В. Янцен*. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа. С. 442).

[259] Выездная виза.

но для поездки в Англию (теперь ведь все стало бесконечно сложно). Мы остановимся у Ляли Струве, который предложил нам гостеприимство[260]. Ты пишешь, что уедешь из Парижа в августе. Неужели мы с тобой разъедемся? Это было бы очень печально! Но я надеюсь, что ты задержишься в Париже до моего приезда, и нам удастся свидеться.

Ты спрашиваешь о моих. Алеша все еще находится в госпитале (теперь — английском, т<ак> к<ак> американские уезжают). Ему пришлось проделать множество операций — не опасных, но все же тяжелых; только что снова пролежал пять часов под хлороформом — какое-то исправление глазной кости. Все еще остается под сомнением, удастся ли поправить ее настолько, чтобы можно было вставить искусственный глаз, т. е. придать лицу внешнюю видимость нормального. Зато правая рука, тоже сильно пострадавшая, исправлена настолько, что он может ею свободно двигать, писать, бриться и пр. Бетти, кажется, удалось исхлопотать для него у американцев выплату капитализированной пожизненной пенсии — суммы около 3000 фунтов, на к<ото>рую можно начать какое-нибудь дело. Но Алеша в нашей семье — трудный случай не только из-за его тяжкого ранения, а и вообще из-за неустойчивости и слабоволия, так что его будущее остается по-прежнему большой заботой. — Наташа еще не справилась с своим горем, считает свою жизнь разбитой; надеюсь, что наш приезд ей поможет. У нее, к счастью, сохранилась большая квартира — особняк в Лондоне, где мы и будем жить. На всякий случай, сообщаю тебе этот будущий — «если буду жив», как говорил Л. Толстой — постоянный адрес: c<are>/o<f>[261] Natalie Scorer, 46, Corringham Rd.,

[260] «Встретили нас Алексей и Аркадий Струве и устроили нас у себя. Жены Алексея не было, и мы могли расположиться у них спокойно» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 219).

[261] Care of — по адресу (*нгл.*).

London, NW11. — Виктор по-прежнему занимает хорошее место в B. B. C., он исключительно счастливо женат на канадке, верующей католичке, стал уже совершенно зрелым ответственным человеком и трогательно заботливым сыном и братом. — Вася, хотя и без всякого дела, все еще в армии — сейчас на севере Италии, в Udine (недалеко от границы Кроации[262]); он скоро должен получить месячный отпуск; надеемся, что одновременно с нами приедет в Англию; до демобилизации остается вероятно еще несколько месяцев. При демобилизации он, кроме возвращения, получит и хорошую стипендию на обучение какой-либо специальности. Он не только очень одаренный юноша, но и морально очень здоровый и легкий; так что, хотя он и загубил лучшие голы юности на военной службе — ему теперь 25 лет, — но с ним у нас нет никаких забот, напротив, он источник постоянного утешения.

Сам я по-прежнему пребываю в довольно инвалидном состоянии — часто бывают боли в груди (склероз аорты?) и слабость сердца. А теперь предстоит еще тяжкое путешествие, но зато в конце его — опять «е. б. ж.»[263]! — можно надеяться на конец скитаний и оседлую жизнь. Я с тобой вполне согласен, что Англия — единственная страна, в к<ото>рой можно рассчитывать на относительно спокойную жизнь.

Обнимаю тебя сердечно и жду немедленного ответа, где ты будешь во 2-й половине августа.

Т. С. шлет сердечный привет.

Твой С. Франк.

---

[262] Удине — город в итальянском регионе Фриули-Венеция-Джулия, в 40 км от нынешней границы со Словенией, до мая 1945 г. входившей в Независимое государство Хорватия (Croatia).

[263] Аббревиатура Льва Толстого, которой он часто завершал свои письма, — «если буду жив».

51. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

4 сент. 1945

Дорогой Вася, наше дело с визой теперь двинулось вперед, и мы имеем надежду получить в среду или четверг визу. Но остается еще много других хлопот. Я думаю, что мы сможем выехать примерно между субботой и понедельником 8–10 сентября, но может быть еще один—два дня позднее. Никак не могу сейчас точно определить время отъезда, и спешу сообщить тебе наши планы в этом еще несколько неопределенном виде[264].

Обнимаю тебя. До скорого свидания

С. Ф.

52. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11[265]

26.IX.45[266]

Дорогой Вася, прости, что только сейчас выбрался написать тебе: первые дни, в суете встреч и устройства, не уда-

[264] Татьяна Франк так описывает эти дни: «Нервы успокаивались, но не долго, начались волнения со всякими выездными визами, нужно было доставать какие-то разрешения, и какие-то неразрешимые трудности все время вставали на пути. Семенушка отчаянно нервничал, перестал спать, и, когда я утром убегала по всяким министерствам, он не мог дождаться моего возвращения и впадал в отчаянное нервное состояние (...)» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 219). В Лондон Франки уехали 15 сентября 1945 г.

[265] Адрес Натальи Франк, где поселились Семён Людвигович и Татьяна Сергеевна и где С. Франк прожил последние пять лет жизни. Corringham Road — улица в районе Golders Green на северо-западе Лондона.

[266] Надпись — очевидно, рукой Ельяшевича — «Отв. 2. X».

[Содержание]

лось сделать это, а потом я уже ждал, когда ты переберешься в Париж. Доехали мы вполне благополучно, за исключением морской качки, относительно небольшой, но преотвратительной — особенно страдала от нее Т. С., я перенес ее гораздо лучше. На границах, и в Дьеппе[267], и в New-Haven[268] долгое стояние в хвостах перед контролем, но самый контроль в обоих случаях совершенно пустяшный, французы вообще не открывали багажа, англичане из множества наших чемоданов открыли один. В New-Haven нас встречал Виктор, а в Лондоне на вокзале Алеша и Наташа. Первое впечатление от англичан, поражающее после Франции — приветливость всех, в особенности администрации. В лондонской полиции, где мы должны были получить регистрационные книжки, попали сначала в большой хвост очереди, но на первые же указания Виктора, что я болен и не могу долго стоять, были отведены в особую комнату, где через полчаса ожидания чиновник с приветливой улыбкой выполнил все формальности. Может быть, это первое впечатление обманчиво, но оно невольно откладывается в душе: в Англии, как настоящей демократии, администрация есть исполнительный слуга публики, вроде приказчиков магазинов в нормальной жизни, и не делается никакого различия между англичанами и иностранцами.

У Наташи — прекрасный благоустроенный дом со всеми удобствами. Но и здесь есть свои трудности военного времени — углем она далеко не обеспечена, прислуги получить невозможно, так что даже при участии Т. С. огромная утомительная работа по дому и с детьми; чтобы произвести необходимые починки в доме, надо ждать неделями рабочего и т. п.

Главные продукты питания (кроме чудесного хлеба всяких сортов) рационировано, порции умеренные, — и нет

267 Dieppe (Дьеп) — город в Верхней Нормандии, морской порт.

268 Newhaven (Ньюхейвен) — город и порт в графстве Восточный Суссекс, центр пассажирского сообщения с Францией через пролив Ла-Манш.

ни малейшей возможности le débrouiller[269] — черного рынка не существует — необходима совершенно другая установка, чем во Франции. — Лондона я еще не видал, — поездки для меня слишком утомительны, живу тихо за городом, в благоустроенном предместье, вроде берлинского Grunewalda; но мне, и даже нам обоим, такая жизнь по душе, мы уже отвыкли от большого города, а Лондон — даже не город, а какое-то огромное чудовище — целая страна, с населением большим, чем в Голландии или Швейцарии.

Здесь мы сразу же оказались во власти всяких трудностей семейного порядка. Во-первых, забота об Алеше. Для его судьбы война кончилась слишком рано — американские госпитали и хирурги уезжают, по формальным основаниям его нельзя (или очень трудно) передать в английские госпитали. Идут разговоры о возможности отправить его в Америку на окончательное излечение, но неизвестно, удастся ли это, так что вся проблема его излечения и возвращения к мирной жизни висит в воздухе. И к этому присоединяются еще все трудности улажения его семейных дел — единственный смысл его жизни — это его девочка, а она фактически отнята у него, и, несмотря на благожелательное отношение Бетти и ее матери, приходится добиваться каждого свидания с ней; и пока еще не ясно, как этот вопрос будет разрешен впоследствии. — У Наташи трудности свои — она по-прежнему чувствует всю свою жизнь разбитой и находится и в удрученном, и в очень нервном состоянии; задача создать ей с нашей помощью суррогат семейной жизни не легко разрешима. Внуки наши очаровательны, дают нам много радости, но старший мальчик, выросший в атмосфере материнского горя и м<ожет> б<ыть> чрезмерной материнской любви — он вылитый портрет отца — стал и нервным, и избалованным ребенком. Материальное ее положение тоже хуже, чем мы пред-

[269] Le débrouilles — выражение французского арго, можно перевести как «его достать» (т. е. хлеб), но если ближе к «духу» оригинала — что-то вроде «его намутить».

полагали; чтобы прокормить семью, ей надо работать, а для этого надо найти прислугу и организовать жизнь дома. Словом, жизнь и здесь, потрясенная войной и ее бедствиями, есть дело трудное, требующее больших усилий и напряжения воли. — Один только Виктор и материально хорошо устроен, и семейно счастлив; мы познакомились впервые с его женой, но отсутствие общего языка мешает как следует сойтись[270].

Я еще не принялся за работу, но надеюсь скоро начать ее — именно переработку написанной в 39–40 г. книги «Свет во тьме» — социальной этики, о к<ото>рой я тебе рассказывал. Другая моя книга уже полностью набрана и скоро выйдет в свет. Надеюсь, что она даст мне здесь некоторую опорную базу. Вопрос о возобновлении моей стипендии должен быть скоро поднят — от прошлого у меня остались деньги на ½ года жизни. О твоем деле Виктор еще не успел справиться.

Вот тебе подробный отчет обо мне и первых днях нашей жизни здесь. Жду от тебя такого же подробного письма. Я был очень счастлив снова возобновить нашу дружбу в Париже. Т. С. тебе сердечно кланяется. Обнимаю тебя.

Твой С. Ф.

53. В. Ельяшевич — С. Фр нку

Париж, 2 окт. 1945 г.

Дорогой Сеня, так рад был получить твое письмо, что нарушаю привычку всей своей жизни и не откладываю ответа.

Особенно приятно мне, что ты сразу же ввел меня в круг твоей новой жизни и дал мне полную картину той обстановки, в которой вы будете жить. Странное дело!

[270] Виктор женился осенью 1940 г. на канадке-католичке и в конце войны сам перешёл в католичество (см.: *Ф. Бубб йер.* С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 206, 220).

[Содержание]

В сущности, я твоих детей знаю очень мало, и для них я чужой человек. Но их я совсем не ощущаю как чужих, и все их касающееся не только интересует меня, но затрагивает меня. То, что ты сообщаешь о них, за одним исключением, естественно, я бы сказал, закономерно, и светлое, и даже темное. И все это, включая состояние Наташи, я убежден, преходяще. Исключение, о котором я говорю, это Алеша. Все здесь сложно и очень нелегко. Но мне приходит в голову: не есть ли свертывание американского госпиталя и связанная с этим возможность отправки его в Америку одна из тех «случайностей», в которые я, в результате очень долгого внутреннего опыта, так верю, и которые вовсе не случайности? Может быть, это даст таки выход, который нашему ограниченному разуму найти невозможно.

Очень рад я и тому, что в твоем письме сразу же зазвучали другие нотки. Ты пишешь о своих планах в смысле работы, и я не сомневаюсь, что ты их осуществишь. Чрезвычайно приятно, что твой переезд в Англию совпал с выходом, во всяком случае, близким, твоей книги. Это дает тебе сразу же надлежащий standing[271].

Очень характерно то, что ты пишешь о своих впечатлениях от английской администрации. Ты приехал после столь тяжкой для них войны, приехал чрез двенадцать лет после моего последнего приезда туда (был я там раз десять). И твои впечатления совершенно совпадают с моими. Достаточно ознакомиться с английскими административными правами и с тем, что я назвал бы общественными привычками, чтобы понять, какая громадная разница между английской культурой и тем, что этим именем обозначается здесь. Не обусловлено ли это тем, что английские культурные навыки начали складываться в XIII веке, а здешние — выросли из «великой» французской революции? Происхождение и здесь сказывается.

---

[271] Положение, репутация (англ.).

Я здесь четвертый день и только налаживаю жизнь, чтобы приняться как следует за работу. Подстегивает меня мысль, что, если я не распущусь, я в этом сезоне закончу 1-й том, страниц в 500–600, и смогу приступить к печатанию[272]. Сейчас мне кажется, что если это осуществится, я совершенно хладнокровно отнесусь к вопросу, удастся ли мне выпустить последующие томы, хотя для них у меня в голове все готово.

Здесь я застал новое очередное волнение и смятение. Страсти в церковном вопросе как будто бы улеглись, но зато взволновались новыми слухами: к 7 ноября ждут акта амнистии всем эмигрантам, в результате чего предложат выбрать советские паспорта. Ставят себе вопрос: каково будет юридическое и фактическое положение тех, кто этого не сделает по тем или иным основаниям? Вот тебе еще разница с англосаксонскими странами. Там этого вопроса и ставить не приходится.

Целую ручки Татьяне Сергеевне и обнимаю тебя. Кланяйся от меня всем детям и сделай это фактически. Мне хотелось бы, чтобы у них не было отношения ко мне как к совсем чужому.

Твой В. Ельяшевич.

Пиши!

54. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11

21.X.45

[272] Речь идёт об итоговой книге В. Ельяшевича «История права поземельной собственности в России». Первый том («Юридический строй поземельных отношений в XIII–XVI вв.») вышел из печати в 1948 году. Ельяшевич, в противовес марксистским историкам, считал, что не только в XIII, но и в XVI в. в России не было феодальных отношений.

Дорогой Вася, спасибо за твое большое и такое милое письмо, и прости, что я задержал ответ на него. Жизнь моя еще не совсем налажена: большой запущенный дом, с двумя маленькими детьми, изрядно капризными, с трудностью или даже почти невозможностью привести в порядок освещение и отопление, с отсутствием прислуги и переобремененностью трудом обеих хозяек — Наташи и Т. С. — все это затрудняет возможность сосредоточения и уединения. Я обеспечил себе три часа покоя утром и с рвением и большим одушевлением работаю над переделкой книги «Свет во тьме» (социальная этика, критика утопизма и утверждение религиозно-обоснованного реализма — идеи мои не изменились, но после всего пережитого за последние 6 лет надо найти новые слова и соображения для их обоснования — иначе написанное в 1939 г. звучало бы, как если бы оно было написано 50 лет тому назад). Но для всего остального, т.е. корреспонденции, остается, особенно при моей малой трудоспособности, слишком мало времени; а корреспонденция здесь разрослась — все друзья и знакомые вдалеке.

Лондона я еще совсем не видал — живу уединенно в его предместьи и с миром общаюсь только через чтение газет и особенно превосходных английских еженедельников (Time and Tide, католическое «Tablet», Observer, Sunday Times). На этих днях встречусь наконец с представителями той организации (World Council of Churches)[273], от к<ото>рой прежде получал стипендию (к<ото>рая была прекращена из-за невозможности пересылки денег во Францию[274]), имею большую надежду, почти уверенность в ее возобновлении. — Другая моя книга «С нами Бог», как я уже писал тебе, должна на днях выйти; ей пророчат успех — говорят, что она соответствует здешним послевоенным настроениям и исканиям. Искать славы мне уже поздно; как говорил

[273] World Council of Churches — Всемирный совет церквей.

[274] См. прим. 198 к письму 40.

Пушкин, «пишу из вдохновения, а печатаю ради денег». Русских здесь относительно мало, и живут они разбросанными по всему огромному Лондону; кроме старых знакомых, напр. Кульмана[275], познакомился с нек<ото>рыми милыми людьми — моей (и Лосского) переводчицей Нат<альей> Ал<ександровной> Duddington[276] — милейшей женщиной старого русского типа (она дочь когда-то известного писателя Эртеля), стариками композитором Метнером и его женой[277] — они наши соседи, французом православным священником père[278] Gillet[279] и нек<оторыми> др<угими>. — Понемногу язык начинает развязываться по-английски, и тогда можно будет завести английские связи — людей интересных здесь много.

Судьба Алеши — постоянный предмет нашего беспокойства — еще не решена. Один момент, казалось, уже состоялось решение перевезти его снова в америк<анский> госпиталь в Париже, но оно было опять отменено — и этот госпиталь уезжает в Америку. Теперь предстоит выбор (не наш, а властей) — либо отправить его в Америку, либо передать в английский госпиталь. Он уже настроился на первое, но еще ничего не известно.

---

[275] См. прим. 117 к письму 20.

[276] См. прим. 252 к письму 48.

[277] Николай Карлович Метнер (1879–1951) — русский композитор и пианист, его жена Анна Михайловна (урожд. Братенши, 1877–1965) — скрипачка; эмигрировали из России в 1921 г., в Лондоне постоянно поселились с 1935 г. В записной книжке С. Франка, например, запись за 2 ноября 1945 г.: «Были Меттнеры». Метнеры жили в десяти минутах ходьбы от Франков.

[278] Père — отец (*фр.*).

[279] Лев Жилле (в миру Луи Жилле (фр. Louis Gillett); 1892–1980) — католический священник (бенедиктинец), в католичестве был личным секретарём митр. Галицкого Андрея (Шептицкого). В 1928 г. принял православие, возглавил французский приход в Париже у митр. Евлогия. В 1938 г. переехал в Лондон, окормлял Содружество св. Албания и пр. Сергия (*Евлогий (Георгиевский), митр*. Путь моей жизни. М., 1994. С. 495–496).

Для характеристики здешней валютно-банковской политики сообщаю тебе результат справки, к<ото>рую Виктор навел по просьбе одного парижского знакомого. Т<ак> наз<ываемый> «старый счет» — меньше половины денежной наличности — блокирован; срок освобождения зависит от франц<узских> властей, национальность владельца не играет роли — только его местопребывание; большая половина денежной наличности — дивиденды с акций и т. п. — может быть свободно использована владельцем, но только в пределах sterling area[280]; но тут ожидаются вскоре облегчения. Но в случае joint account[281], для свободного пользования нужно представить удостоверение о кончине другого владельца, те же самые определения касаются продажи главного состава счета — бумаг (не знаю, не есть ли это недоразумение).

Все эти сложности и трудности, конечно, пустяки по сравнению с хаосом, который творится в мире вообще. Но есть одно утешительное явление — миф о Сов<етской> России, особенно завладевшей Европой во время войны, необычайно быстро исчезает; теперь, когда советчина бесцеремонно командует половиной Европы, у Европы, на основании личного опыта, раскрылись глаза на опасность «тьмы с Востока». Надеюсь, что сегодняшние французские выборы подтвердят это впечатление[282].

Как ты живешь и работаешь? Что нового в русском Париже?

Обнимаю тебя сердечно, Т. С. шлет сердечный привет.

Твой С. Ф.

---

280 Sterling area — стерлинговая зона (*нгл.*).

281 Joint account — совместный (общий) счёт (*нгл.*).

282 На парламентских выборах во Франции 21 октября 1945 г., однако, одержали победу коммунисты и социалисты, получив более 50% мест в Национальной Ассамблее.

55. В. Ельяшевич — С. Фр нку

3.XI.1945

Дорогой Сеня, на сей раз я задержал несколько ответ на твое письмо, но по причинам не от меня зависящим, о коих ниже. Но так как ты начал свое письмо с извинения за задержку ответа, а затем в дальнейшем указываешь на обремененность перепиской, то я хотел бы установить здесь некоторую регулярность. — Нашей перепиской я чрезвычайно дорожу и не хотел бы, чтобы она шла с перебоями. Установим, если ты ничего не имеешь против, такой принцип: мы пишем друг другу не меньше раза в месяц. Отвечаем друг другу, как только сможем, но не позже, чем через месяц после последнего своего письма. Ты написал мне 21. X. Должен написать мне к 21.XI.

<...>[283]

я видел здесь за 25 лет — свидетельство того, что здешние русские политические настроения начинают нивелироваться. Тебе это непонятно, но объясню тебе в следующий раз — сейчас нет уже времени.

Спасибо за характеристику банковской политики. Сейчас это, как будто бы, утрачивает интерес. Подписан декрет, который освобождает все заграничные avoir'ы [284] живущих здесь иностранцев.

Продолжай, пожалуйста, сообщать мне о своих. Что выяснилось с Алешей? Где он и в каком состоянии? Шлю сердечный привет Татьяне Сергеевне и всем твоим. Тебя обнимаю.

Твой В. Е.

Только вчера узнал, что у Ади уже несколько недель плеврит. Меня это очень обеспокоило, ввиду... Завтра или послезавтра навещу его.

---

[283] Средина письма отсутствует.

[284] Авуары, капиталовложения (*фр нц.*)

56. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11

21.XI.45

Дорогой Вася, спасибо за письмо. Принимаюсь за ответ точно в указанный тобой срок. Не думай, что я его дожидался. Напротив, при моей нетрудоспособности, при занятости переделкой книги и при довольно обширной корреспонденции у меня постоянно накопляются долги по корреспонденциям. Так что я всегда с трудом выбираюсь удовлетворить самое насущное из них.

Мое здоровье опять ухудшилось — совсем не могу ходить, всякая попытка пройтись даже 10–15 минут кончается болями в груди и большим утомлением. Меня самого это мало беспокоит, во-первых, потому, что я вообще довольно равнодушен по этой части, а во-вторых потому, что привык к колебаниям моего состояния между лучшим и худшим. Но меня пристыдил мой приятель — швейцарский врач-психиатр[285] к<ото>рый написал мне, что теперь знают много способов улучшения болезней сердечной области. Вчера должен был поехать к одной здешней знаменитости — немцу (английские врачи не в счет; помимо того, что я не могу с ними сговориться, о них, их знаниях и обычаях, идет самая плохая слава), но из-за тумана не мог найти taxi (это — картинка здешней жизни); поеду в ближайший не-туманный день.

Спасибо тебе за желание и готовность издать мою книгу «Свет во тьме» по-русски[286]. Насчет ясности изложения не беспокойся — она написана совсем популярно. Ты не со-

[285] Очевидно, Л. Бинсвангер.

[286] Книга С. Франка «Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии» вышла в парижском издательстве YMCA-Press в 1949 г.

всем справедлив, утверждая, что трудно я пишу только по лени. Есть предметы в теоретической философии, которые, подобно высшей математике, просто требуют непривычных оборотов и слов. Правда, отчасти ты и прав. Язык моей книги «Непостижимое» страдает от того, что я в значительной мере перевел книгу с немецкого текста (на к<ото>ром она звучит гораздо яснее), не приложив достаточно труда, чтобы переложить ее на русский стиль мысли. — Но практически, боюсь, вопрос об издании «Света во тьме» по-русски имеет только «академическое» значение: дело в том, что перевод на английский, печатание и корректирование (при к<ото>ром необходим русский текст) займет наверное не менее двух лет, а кто из нас может поручиться за что-нибудь теперь на двухлетний срок?

А вот — чтó бы мне очень хотелось, это издать скоро мои «Воспоминания о Струве»[287]. Мне не удалось здесь, за трудностью найти и переписчика, и машинку и за дороговизной переписки, дать здесь переписать рукопись. Я ее в ближайшее время отошлю в Париж Струве и просил Адю озаботиться ее перепиской. Он надеется, что сам, по крайней мере, примется за эту работу, но не обещает, что успеет кончить (до нового поступления на службу). На этот случай можно ли рассчитывать наладить оплату переписчика в Париже, как это было при издании «Русск<ой> Науч<ной> Библиотеки»[288]?

Семейные мои дела в прежнем положении. Никак не удается найти прислугу, а без нее большое хозяйство и уход за детьми непосильно обременительны, чтó создает плохое настроение. Наташа и Т. С. обе сбиваются с ног, работают через силу; Наташе нужно было бы найти заработок на стороне (чтó совсем нетрудно — в людях повсюду большая нужда); это нужно не только для равновесия бюджета, но и чтобы помочь ей встряхнуться в ее тяжком горе, к<ото>рое ее по-прежне-

[287] См. прим. 214 к письму 42.
[288] См. прим. 132 к письму 22.

му угнетает. А Т. С. при ее ревматизме и общем утомлении эта работа вообще не по силам. — С Алешей дело тоже не ладится. Уже почти полгода он зря болтается в лазарете (большую часть времени проводя у нас, но без дела). Американцы явно водят его за нос, дают ряд обещаний (напр<имер>, отправки в Америку), а потом их отменяют или откладывают. Теперь мы решили принять экстренные меры по давлению на них. Настроение у него мрачное — потерял и здоровье, и семью, и остался как будто ни с чем; вся трудность заключается в его безволии и неприспособленности к жизни. Васю все еще ждем на побывку — теперь уже в декабре; он в Австрии, в Klagenfurt'е, при штабе[289]. Есть слух, будто иностранцы могут при желании быть немедленно демобилизованы, но пока этот слух еще не оправдался.

Что нового в русском Париже? Правда ли, что ожидают назначения Серафима вместо Евлогия[290]? А как ты смотришь на французский кризис[291]? У меня такое предчув-

---

[289] Клагенфурт-ам-Вёртерзе — центр федеральной земли Каринтия, которая, вместе с Восточным Тиролем и Штирией, в 1945 г. вошла в британскую зону оккупации Австрии; здесь размещался штаб английских оккупационных войск.

[290] В 1945 г., за год до своей смерти, митрополит Евлогий (Георгиевский) вернулся в лоно Московского Патриархата со всеми подчинявшимися ему приходами и снова стал Экзархом Московского Патриарха. После его смерти 8 августа 1946 г., по его завещанию, управление Экзархатом принял на себя митр. Владимир (Тихоницкий), но Московской Патриархией был назначен митрополит Серафим (в миру Александр Иванович Лукьянов) (1879–1959). Серафим с 1926 по 1943 г. был архиепископом Западно-Европейской епархии в подчинении Архиерейского Синода РПЦЗ, участником 2-го Карловацкого зарубежного собора (1938); в 1945 г. после покаяния у митр. Николая Крутицкого перешёл в юрисдикцию Московской Патриархии. Назначение Серафима привело к тому, что большая часть приходов, ранее возглавлявшихся митрополитом Евлогием, вернулась в юрисдикцию Константинопольского Патриарха. Митрополит Владимир остался с большинством приходов в Константинопольском Патриархате.

[291] Речь идёт о победе коммунистов и социалистов на парламентских выборах (см. прим. 282 к письму 54).

ствие, что французские буржуа, при всей их развращенности, все-таки не дадут себя в обиду коммунистам, и что даже если дело и дошло бы до гражданской войны или чего-то в этом роде, с ними легко справятся. Что ты об этом думаешь?

В Сов<етской> России происходят явно какие-то сдвиги. Недавно мне писал Оболенский[292] из Ниццы, со слов бежавших туда из Польши и Украины евреев, что там идут жестокие бои с повстанцами (к<ото>рые, конечно, кровавые антисемиты)[293].

Напиши о себе, как ты живешь и работаешь, в каком положении теперь твоя книга.

Обнимаю тебя. Все наши шлют сердечный привет.

Твой С. Франк.

57. В. Ельяшевич — С. Фр нку

4.XII.45 г.

Дорогой Сеня, очень огорчило меня твое сообщение о состоянии твоего здоровья. Я надеялся, что когда ты попадешь из бивуачной в настоящую семейную обстановку, ты прийдешь в норму. Может быть, плохо влияет и некоторое неустройство жизни, необходимость для Татьяны Сергеевны и для Наташи работать через силу. Какая это была ужасная война, если она даже в Лондоне так расстроила жизнь! На меня Лондон всегда производил впечатление незыблемого устоя цивилизации.

Относительно издания в близком будущем твоих воспоминаний о П. Б. Я сейчас еще ничего не могу. Мне необходимо прежде всего установить непосредственный контакт

---

[292] Владимир Андреевич Оболенский (см. прим. 201 к письму 41).

[293] Речь идёт о деятельности Украинской повстанческой армии — вооружённом крыле Организации украинских националистов.

с заграничными авуарами. И хотя по декрету это в принципе возможно, на практике, как мне заявили в компетентном учреждении, еще не выработаны формы, в которых это станет осуществимым. Представь себе, что я даже не могу установить, чем я, вообще, располагаю... Вопрос этот меня начинает интересовать не только из любознательности.

То, что обостряет мой интерес, это одно очень утешительное для меня обстоятельство: я закончил вчерне первый том[294]. Вся исследовательская работа, требовавшая непрестанных путешествий в библиотеки для работы над актовыми материалами, произведена. Начинаю ее готовить к печати, попросту, переписываю на машинке, причем буду делать это сам, по соображениям разного характера. Надеюсь, что к лету это будет закончено, и тогда я стану пред вопросом печатания. Когда смогу составить смету, для меня выяснится и вопрос об издательской моей деятельности.

То, что мне доставляет особое удовлетворение, это та картина, которая, по мере приближения к концу, стала вырисовываться предо мною с все большей ясностью и яркостью. И это не только по отношению к вопросам, которыми я занимаюсь непосредственно, но и по отношению ко всей русской истории. Хотя я больше 35 лет работал и размышлял над этими вопросами, когда я составлял план работы, я шел, в сущности, ощупью или по интуиции. Теперь я твердо убежден, что нашел правильный путь. Мой первый том заканчивается временем до Ивана Грозного. Для меня он настоящий реформатор. Он совершенно изменил всю систему земельных отношений, существовавшую до него много столетий. Он, в интересах военной организации страны, буквально мобилизовал все землевладение, сметя все старые юридические формы. Результатом явилась необходимость прикрепления крестьян к их местона-

[294] *Б. В. Ельяшевич*. История права поземельной собственности в России. Том первый. Юридический строй поземельных отношений в XIII–XVI веках. Париж, 1948.

хождению. На это ушло XVII столетие. Петр довел реформы Ив. Грозного до их логического завершения. Логика оказалась настолько сильной, что на почве закрепления крестьян на месте начала складываться крепостная зависимость, пока — только зависимость, но не креп<остное> право. Окончательный правовой фундамент для креп<остного> права заложила Екатерина, и так удачно, что, введя у нас впервые частную собственность на земли в римско-правовом смысле (рецепция римского права!)[295], она, не произнеся это вслух, лишила в сущности крестьян того права на их надельные земли, которые им тогда принадлежали. Тогда окончательно завязался тот узел, который развязался 7.XI.1917 г.

Прости, что так разболтался. Когда садился за письмо, никак этого не предполагал. И даже не думал писать о своей работе.

Чтобы закончить, отвечу в двух словах на твой вопрос, что у нас нового в русском Париже.

Новое — некоторая смена настроений. Период увлечения прошел и сменился выжидательным настроением. О стремлении немедленно отправиться на родину не слышно даже на rue Galliera[296]. А пока эмиграция понемногу вымирает. При желании можно каждую неделю развлекаться похоронами или панихидами.

---

[295] Слова в скобках вписаны поверх строки.

[296] В Париже, по адресу 4, rue de Galliera, 16e, находился «Союз советских патриотов», организация, возникшая в октябре 1943 г. по инициативе Коммунистической партии Франции. После освобождения стал легальной организацией, имел филиалы по всей Франции. В августе 1947 г. на очередном съезде «Союз советских патриотов» был преобразован в «Союз советских граждан во Франции». Деятельность последнего продлилась недолго. В ноябре 1947 г. по решению Министерства внутренних дел Франции руководство Союза было арестовано и затем выслано из страны, в январе 1948 г. по решению французского правительства «Союз советских граждан» был распущен (*И. А. Кривошеин*. Так нам велело сердце // Против общего врага: советские люди во французском движении Сопротивления. М., 1972. С. 280–284).

Особенного пробуждения интеллектуальной жизни что-то не наблюдается. Вот, разве новость: в пятницу собираемся на учредительное собрание «Общества друзей Богословского Института»[297].

Ну, будь, дорогой, здоров!

Сердечный привет Татьяне Сергеевне и детям.

Твой В. Ельяшевич.

58. С. Фр нк — В. Ельяшевичу[298]

46, Corringham Rd.
London NW11

22.XII.45

Дорогой Вася, пишу тебе в условный срок, хотя мало что имею сообщить — ничего нового в моей жизни. Спасибо за письмо. Очень рад за тебя, что ты закончил первый том своего труда. Для нашего брата это самое большое жизненное утешение. То, что ты сообщаешь о своих итогах, чрезвычайно интересно, хотя я в этой области круглый невежда. Если ты пишешь, что шел в разборе ощупью и только теперь вышел на верный путь, то это есть классическая судь-

[297] Общество друзей Православного Богословского института в Париже — «Association pour le Maintien et l'Entretien de l'Institut de Théologie Orthodoxe à Paris» (l'AMEITO) — официально (в соответствии с французским законом об ассоциациях 1901 г.) было зарегистрировано в 1948 г., — хотя, как показывает это письмо, начало формироваться уже в 1945 г., — с целью привлечения средств для существования Института и помощи студентам, преподавателям, исследователям в деятельности, целью которой является образование, бескорыстные богословские исследования и распространение православной религиозной культуры на французском языке. Основателем общества был Г. И. Новицкий (1889–1966), ныне председатель — прот. Владимир Ягелло.

[298] Письмо написано на фирменных листах «American Red Cross».

ба всякого творческого труда — только закончив, знаешь как следует, что хотел сказать. Я это тоже всегда испытываю. В сущности, если иметь достаточно времени и энергии, всякий труд надо писать дважды — закончив его в поисках, заново писать, поняв под конец, с чего надо было начать и как идти; но это психологически слишком трудно. Это вытекает, в конце концов, из того, что слово есть не мертвое орудие выражения мысли, а живая его плоть, и потому свою собственную мысль по-настоящему узнаешь только, когда видишь ее воплощенной, и тогда понимаешь впервые, как надо было ее воплощать.

Моя книга все еще не вышла по-английски. Жду ее выхода со дня на день. Переработку другой — «Свет во тьме» — я теперь закончил; но наладить перевод и издание ее — дело нелегкое. Хочу попытаться издать ее в Америке по-русски — там о. Иоанн Шаховской создает какое-то русское издательство[299] и просил меня дать что-нибудь. Я вообще связался с Америкой — переписываюсь с Федотовым[300]. Те-

---

[299] Архиепископ Иоанн (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской, 1902–1989) — епископ Православной церкви в Америке архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский. В 30-е годы был настоятелем Свято-Владимирского храма в Берлине. С 1936 г. был благочинным приходов Экзархата приходов митр. Евлогия в Германии. В конце 1945 г. отправлен для служения в США. Был принят в юрисдикцию Северо-Американской митрополии. С 1947 г. епископ Бруклинский, ректор Свято-Владимирской духовной семинарии. С 1948 г. вёл на радиостанции «Голос Америки» передачу «Беседы с русским народом». Занимался издательской деятельностью ещё в конце 20-х годов, будучи в Сербии (Православное миссионерское издательство «За церковь»).

[300] Георгий Петрович Федотов (1886–1951) — историк и философ, с 1940 г. жил и работал в США. В архиве С. Франка есть, например, письмо Г. Федотова С. Франку от 10 ноября 1945 г. с такими словами благодарности: «Мне было очень дорого получить Ваше письмо с выражением Вашего сочувствия и лестной оценкой моих последних писаний» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 1. Cataloged Correspondence. Fedotov, Georgii Petrovich). Ср. отзыв о статье Федотова «Народ и власть» в письме к нему: «Ваша спо-

перь там и только там есть группа независимых и свободно мыслящих русских людей.

Что касается личных дел, то все здесь трудновато. Напр<имер>, лечение, к<ото>рое нужно и мне, и Тат. Серг. Английские врачи — к к<ото>рым мы, впрочем, не обращались — как все говорят, что-то вроде мольеровских докторов — авгуры, считающие ниже своего достоинства объяснять пациентам их болезнь и старающие<ся> только содрать с него шкуру. К несчастью, немецко-еврейские эмигранты врачи (мы испробовали двух) тоже усвоили здешнее шарлатанство. С одним, у к<ото>рого я лечусь, я здорово влетел (теперь я узнал, что он на родине был по накожным болезням, а здесь прославился как чудотворец по всем болезням). Больше успеха имели мы с другим, у к<ото>рого лечится Т. С. — тоже ловкач и проходимец, но, кажется, толковый и хорошей немецкой школы. Но вообще, здесь могут лечиться только очень богатые люди, остальным полезнее вверить свою судьбу Господу Богу, что я отныне и буду делать.

Усложнилось у меня дело с стипендией. Автоматическое возобновление ее (ассигнованной в 1942 г. на три года и прекращенной после оккупации юга Франции), на к<ото>рое я рассчитывал, оказалось невозможным. Теперь расположенные ко мне и ценящие меня люди стараются заново мне ее устроить, обнадеживают, что к концу января дело решится благоприятно. А расходов много — Алеша неустроен, американцы выпустили его недолеченным; если не удастся

собность и готовность видеть и бесстрашно высказывать горькую правду в интересах духовного отрезвления и нравственного самоисправления есть редчайшая и драгоценнейшая черта Вашей мысли. Вы обрели этим право быть причисленным к очень небольшой группе подлинно честных, нравственно трезвых, независимо мыслящих русских умов, как Чаадаев, Герцен, Вл. Соловьев (я лично сюда присоединяю и Струве), знающих, что единственный путь спасения лежит через любовь к истине, как бы горька она ни была» (*С. Л. Фр нк*. Письмо Г. П. Федотову. 27 июня 1949 / Публ. В. К. Кантора // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 141).

нажать на них и заставить выполнить обязательства, придется пытаться делать ему здесь пластические операции. Говорят, что есть хорошие специалисты и что для неимущих можно устроить это недорого. Но ко всяким таким невзгодам я привык — по опыту знаю, что все как-то в конце концов устраивается, и не пропадешь.

Ну, вот в общем мои дела.

Если ты знаешь адрес Ив. Ив. Иванова (к<ото>рый я затерял), то передай ему пожалуйста расчет его банковского вклада, о к<ото>ром справлялся Виктор. Прилагаю его на обороте.

Обнимаю тебя, будь здоров.

Твой С. Франк

<*н обороте — денежные з писи и приписк Фр нк* >:

Сообщаю, как написано в справке, сам в этом ничего не понимаю, но владелец разберется сам.

59. В. Ельяшевич — С. Фр нку

1/14.I.1946 г.

Дорогой Сеня, на сей раз я оказался неаккуратным, и не по нежеланию писать письма. Напротив, я никогда не ощущал такой потребности в переписке с тобою, и она доставляет мне большое удовлетворение. Но вышла такая полоса. Для меня начало января теперь всегда очень тяжелое время, а в этом году — особенно. В этом году пятилетие со дня смерти Фани[301]. Молился на кладбище, вчера был на панихиде в церкви. — Вот и случилось, что пишу тебе в день русского Нового Года. Желаю тебе одного: встретить следующий Новый Год в кругу всей твоей семьи. Все остальное приложится.

301 См. сноску 169 к письму 33.

Теневые стороны лондонской жизни, о которых ты пишешь, меня не удивляют. Представь себе, что здесь жизнь стала хуже и труднее, чем была в прошлом году. Когда мы из этой полосы выйдем, и выйдем ли, при нашей жизни?

Лично я, конечно, жаловаться не могу. Продолжаю быть работоспособным, и работа — переделываю при выстукивании на машинке — доставляет мне большую радость. Как сажусь за машинку, начинаю себя хорошо чувствовать. Но идет медленно. Впрочем, если до окончания не помру, это к лучшему. И работа зрелее, и чувство наполненности жизни.

У нас здесь, со времени твоего отъезда, настроения очень изменились. Людей, стремящихся dahin[302], что-то больше

<...?>[303]

60. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11[304]

21.I.1946

Дорогой Вася, спасибо за письмо. Я уже начинал беспокоиться о тебе, не имея вовремя вести. А я виноват перед тобой — совершенно запамятовал день кончины Фани — иначе непременно написал бы тебе к этому дню. Это письмо дойдет до тебя ко дню ее рождения[305]. Ты знаешь, что я разделяю твою скорбь.

Я очень рад, что ты занят, вместе с выстукиванием на машинке, переделкой свой работы, и хорошо понимаю твою

302 Туда (*нем.*)

303 Продолжение письма отсутствует.

304 Адрес написан другой рукой и приписка — очевидно, Ельяшевича — «Отв. 6. II.».

305 Т. е. 22 января.

радость при этом. И, по моему опыту, наибольшее удовлетворение доставляет именно совершенствование и окончательная отделка уже написанного, потому что именно в такой работе имеешь чувство, что наконец удается более или менее адекватно выразить — и тем самым подлинно уяснить и самому себе — свою мысль. Первые два месяца моей жизни здесь я тоже чувствовал особое удовлетворение, переписывая свою книгу «Свет во тьме» (некоторые главы написал заново). Теперь, по окончании этой работы, испытываю нек<ото>рую пустоту, потому что еще не могу приняться за новую работу — мысли, бродящие в голове, еще недостаточно созрели, чтобы приняться за писание (хотя часто это есть только ошибочное чувство, но преодолеть его не всегда психологически возможно).

Пока я занят некоторыми текущими работами. Редактор «Нового журнала» в Нью-Йорке, проф. Карпович[306], через Глеба Струве просил меня дать статью в журнал. Я пишу теперь для него статью «Ересь утопизма»[307], примерно то, о чем я в 1938 читал в Париже доклад[308]; это есть вместе с тем одна из основных идей моей книги «Свет во тьме», но в форме законченной статьи надо излагать заново. А затем, здесь я познакомился с неким словенцем Янко Лавриным, милейшим человеком, когда-то, в блаженные времена до первой войны жившим в Петербурге. Он в двух лондонских издательствах редактирует отдел переводов с русского. Теперь он заказал мне написать вступительную ста-

---

[306] Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) — историк, с 1946 г. стал главным редактором нью-йоркского «Нового журнала», основанного М. Алдановым, М. Цетлиным в 1942 г. В. Зеньковский позднее вспоминал: «Он помогает, пользуясь своими исключительными связями в американских кругах, молодёжи, учёным; он помог Т. С. Франк издать сборник памяти С. Л. Франка (...)» (*В. В. Зеньковский*. Из моей жизни. Воспоминания / Сост., подготовка текста, вступ. ст., прим. О. Т. Ермишина. М., 2014. С. 343).

[307] *С. Л. Фр нк*. Ересь утопизма // Новый журнал. 1946. № 14.

[308] См. прим. 102 к письму 18.

[Содержание]

тью к подготовляемой им двухтомной антологии «Русских мыслителей». Дело ответственное и несколько отвлекающее меня в сторону от основных тем моей мысли, но и соблазнительное[309]. Я когда-то много писал на эту тему по-не-

[309] Славист, профессор Ноттингемского университета Янко Лаврин (1887–1986), попросил Франка написать вступительную статью для двухтомной антологии русских мыслителей. Позже возникла идея выпустить антологию русской философии конца XIX — нач. XX в. в лондонском издательстве Harwill Press. Предполагалось издание на английском языке, в котором каждому мыслителю должны были быть предпосланы характеристики. Франк начал работать над книгой в конце 1946 г., но из-за разногласий издание не вышло. В том же году аналогичное предложение поступило от А. И. Коновалова (известного деятеля прогрессистов), к этому моменту эмигрировавшего в Америку: «Коновалов предложил мне редактировать сборник — антологию на тему “Русская религиозная мысль 20-го века” (заглавие ещё не установлено точно). Сборник начинался бы с выдержек из последнего произведения В. Соловьёва “Три разговора” и включал бы Розанова, Мережковского, В. Иванова, папу, Бердяева, Булгакова, меня, Гершензона и м. б. ещё кое-кого. По словам Коновалова ты перед отъездом сказал ему, что наш с тобой план о “Русских мыслителях” ещё висит в воздухе, из чего он заключает, что его замысел не составляет конкуренцию нашему и что ты против него не возражаешь. Я в принципе дал согласие на его предложение, но обусловил согласие тем, что я должен иметь диспенсацию от тебя и Лаврина. Поэтому я написал Лаврину и пишу тебе.

По существу я сам думаю, что поскольку вообще будет возможность осуществить вообще <так!> наш с тобой замысел, целесообразнее было бы, как мы уже говорили, пытаться осуществить более практичный сборник “Восток и Запад в русской мысли”, с чем не конкурировало бы предложение Коновалова. Но ничто не мешало бы издать, если окажется возможным, и антологию русск<их> мыслителей 19-го века, только тогда нужно было бы видоизменить первоначальный наш замысел, сосредоточившись именно на классиках 19 века.

По словам Коновалова, его сборник можно было бы издать быстро и на весьма либеральных условиях (100 ф. аванса на редакцию сверх оклада переводчиков). План этот меня и соблазняет по своей идее — представить картину духовного движения эпохи моего поколения и, конечно, интересует материально» (*С. Л. Фр нк.* Письмо Г. П. Струве. 17 октября 1946. Лондон // Архив Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 3). В итоге вышла русскоязычная книга: *С. Л. Фр нк.* Из исто-

мецки[310], но по моему нынешнему ощущению недостаточно ответственно; теперь хочу обдумать более серьезно. — Эта работа доставляет, по крайней мере, то удовлетворение, что сознаешь себя еще кому-то нужным. А то мы, старики, как говорил Герье[311], все находимся в положении Короля Лира — в свое время отдали все, что могли, а потому перестаем быть нужными. А, кроме того, этим подрабатываешь (платят здесь, и, конечно, в Америке, относительно хорошо), а это очень нужно, т<ак> к<ак> дело о моей стипендии еще доселе не вырешилось (хотя я и лелею надежду на благоприятное решение), и я проживаю последние, остающиеся еще деньги. Рассчитываю и начал давать (конечно, у себя на дому, т<ак> к<ак> я по-прежнему практически не могу передвигаться) уроки русского и немецкого, дал об этом объявление в газете.

Спасибо за интерес к моим семейным. Алеша — случай очень трудный, не только из-за последнего несчастья, с ним случившегося и еще в сочетании с потерей семьи, но и потому, что по своему характеру за всю жизнь ничему не научился и неспособен к постоянному, будничному труду. Теперь после того как его полгода (считая с последней операции) без смысла протомили в лазаретах и потом выпустили было, так

рии русской философской мысли конца XIX и начала XX века / посм. редакция В. С. Франка. Вашингтон-Нью-Йорк, 1965. Она была переведена на английский язык Н. А. Даддингтон, но перевод не вышел.

310 Прежде всего, следует отметить «Die russische Weltanschauung» (1926). В библиографии Франка — целый ряд написанных в конце 20–30-х годах немецкоязычных статей о русских мыслителях и писателях (Достоевском, Пушкине, Толстом, Гоголе). В начале 30-х годов Франк читал в Берлинском университете курсы о русских мыслителях на немецком языке (конспекты этих лекций сохранились в его записных книжках — см.: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank. B-17. Мысли о русской литературе. Подготовка к лекциям в Берлинском университете. 1931–1933 гг.).

311 Владимир Иванович Герье (1837–1919) — профессор всеобщей истории Московского университета (1868–1904).

и не сделав необходимых пластических операций, его дело, благодаря новому вмешательству, как будто снова двинулось вперед. Его снова взяли в лазарет, в ожидании — из штаб-квартиры американцев в Франкфурте — окончательного решения, к<ото>рое должно состоять в отправке его на излечение в Америку (после чего он американскими уже военными властями должен быть доставлен обратно сюда) и в выплате вознаграждения за увечье.

Наташа по-прежнему томится, наш приезд не принес ей ожидаемого облегчения. Жизнь и уход за двумя детьми в ее состоянии ей очень трудны, даже при помощи Тат. Серг. Ей морально необходимо вырваться из будничной домашней обстановки и текущих мелких забот, начать работать, встречаясь с людьми; но все это практически пока оказывается неосуществимым.

Тат. Серг. с самого приезда сюда похварывает больше, чем прежде. Не только усилился ее ревматизм, но есть и явления, которые доктор (кажется, толковый, из Берлина) определяет как расстройство кровеобращения, определенное, по-видимому, нервной системой — отеки рук и иногда обмороки или полуобморочные состояния.

Я, кажется, тебе писал, что на Рождество нас посетил — на две недели — Вася; он теперь опять на скучной службе в Klagenfurt'е, в Австрии, надеется на скорый перевод в Вену. В мае он должен окончательно вернуться сюда, но и здесь еще отслужить полгода. Он — юноша и одаренный, и дельный, и морально очень здоровый; но и он, в 25 лет, еще не начал даже — не по своей вине — подготовку к какой-либо профессии.

Наконец, Виктор, — единственный из наших детей — человек уже совсем солидный (ему скоро 37 лет), в семейной своей жизни счастлив (хотя нам его жена совсем чужда по отсутствию общего языка); заботиться о нем уже не нужно, напротив, он о нас заботится. Теперь он мечтает — и, я думаю, имеет шансы — на академич<ескую> карьеру здесь по его специальности, русской истории.

Под самый конец письма оставил самое главное и тяжкое событие моей жизни. После долгого ожидания, в ответ на наш запрос, получена телеграмма от Мишиного сына[312]: Миша скончался после долгой болезни, еще осенью 1942 г. Так жутко с таким опозданием узнать о смерти брата[313]! Из нас, трех «geschwister»[314] (не считая Левы Зака) я пережил всех — сестра скончалась 62 лет, а Миша — 64. Подробностей еще не знаю; кажется он был эвакуирован (со всем Политех<ническим> институтом) в 1941 г. в Казань.

Обнимаю тебя.

Твой С. Франк.

61. В. Ельяшевич — С. Фр нку

6 февраля 1946 г.

Дорогой Сеня, на сей раз законные основания для некоторого запоздания в письме. Десять дней пролежал в гриппу, осложненным бронхитом. Это первый опыт в моей вдовьей жизни. Не могу сказать, что было очень уютно — я после часу совершенно один, — но в общем, как всегда в жизни, все устроилось.

Начну с самого тяжелого в твоем письме — со смерти Миши. Редко от кого, в моей долгой уже жизни, у меня осталось такое теплое хорошее впечатление, как от него — необыкновенной мягкости, деликатности, доброжелатель-

[312] У брата С. Франка Михаила было два сына: Глеб Михайлович Франк (1904–1976) — биофизик, академик, и Илья Михайлович Франк (1908–1990) — физик, академик и лауреат Нобелевской премии. В одной из записных книжек С. Франка имеется московский адрес Глеба Франка.

[313] Михаил Людвигович Франк (1878–1942) — брат С. Л. Франка, российский и советский математик (см.: *И. М. Фр нк*. Михаил Людвигович Франк // Историко-математические исследования. Вып. XXVI. М.: Наука, 1982. С. 266–293).

[314] Geschwister — братья и сёстры (*нем.*).

[Содержание]

ности и ... одаренности. Что-то есть светлое, даже лучезарное. Он, для меня, из той же категории людей, к которой принадлежала Фаня.

В твоей лондонской жизни есть, конечно, гораздо больше нелегкого, даже давящего, нежели можно было ждать. Но ты не можешь себе представить, какая для меня, со стороны, значительная разница между тобою последние годы здесь и теперь, в Лондоне. Теперь, все-таки, ты живешь не в прошлом, а в настоящем, даже, если это возможно в нашем возрасте, в будущем. Очень обрадовал ты меня сообщением о том, что ты взялся написать вводную статью к антологии «Русские мыслители». Не знаю никого, кто бы был теперь более пригоден для этой работы, и буду ждать ее с величайшим нетерпением. Я теперь, в свободное от лекций время, продолжаю читать по русской истории XIX века, и постепенно все эти мыслители стали для <меня> близкими знакомыми.

Большое спасибо, что ты продолжаешь держать меня в курсе всех твоих семейных дел. О Васе ты мне раньше не писал, и я спрашивал себя, почему он к вам не приезжает. Относительно болезни Татьяны Сергеевны скажу вещь довольно жестокую: когда перешагнешь известный возрастной рубеж, надо все дефекты здоровья, даже тяжкие, принимать, как что-то не только неизбежное, но естественное, и не придавать этому значения. Имею право это говорить. Я свои спазмы, которые временами меня сильно мучают, переношу сейчас гораздо легче, чем не только сорок лет назад, но даже десять. Продолжай, пожалуйста, осведомлять меня. Это, с моей стороны, не простая любезность, не внешняя форма. С 1935 г. я живу, как будто бы у меня родных никогда не было. А у человека, по-видимому, есть потребность в осуществлении родственных чувств.

Получил на днях очень большое письмо от Лизы из Женевы[315]. Живет она теперь всецело в своей работе. Здоро-

[315] Елизавета Ивановна Эпштейн (Хефтер) (1879–1956) — живописец, училась в Москве в частной художественной школе Л. О. Пастерна-

вье у нее такое, что ей приходится, чтобы попасть в отеле на 5 этаж, подниматься по лестнице 10 мин. Она не только проделывает это дважды в день, но не может дождаться момента, когда можно туда отправиться. Здоровье ее Шуры, по-видимому, неважно. — Мечтаю в Мае отправиться на некоторое время в Швейцарию. Не предпринимаю это раньше из-за работы. К тому времени надеюсь уже очень продвинуть переписку. Я продолжаю этим так увлекаться, что даже обманывал медицинский персонал, чтобы подняться с постели и часок постучать.

Обнимаю тебя, целую ручку Татьяне Сергеевне и шлю привет всем твоим.

Твой В. Ельяшевич.

ка и в Мюнхене в школе А. Ашбе, испытав влияние В. В. Кандинского и в особенности А. Г. Явленского, которого считала своим учителем (в дальнейшем с обоими была в тесных дружеских отношениях). В 1898 вышла замуж за мюнхенского врача и члена городского совета Мячеслава Эпштейна (брак распался в 1912). В 1904 выехала в Париж, где посещала академию Ла Палетт. С началом Первой мировой войны жила в Италии, затем в Швейцарии. С 1916 часто приезжала в Париж. В 1930 провела там персональную выставку в галерее Zak. До 1938 участвовала в выставках салона Сверхнезависимых (группировку создал Лев Зак). В 1937 уехала на лечение в Швейцарию, где жила до смерти. Её портреты неоднократно писал А. Г. Явленский. Большинство работ хранится в галерее Sacchetti в Асконе, где в 1989-м состоялась выставка. См.: *И. Г. Девятьяров* . Елизавета Эпштейн. Забытая художница русского зарубежья // Антикварное обозрение. 2007. № 3 (24). С. 20–22.

В беседе с Иваном Толстым на радио «Свобода» Татьяна Франк вспоминала о жизни в Мюнхене в 1914 г.: «Мы там совсем русских не знали, кроме одного старого эмигранта, доктора Эпштейна, у которого собиралась русская еврейская молодёжь, среди которой была очень известная художница Елизавета Эпштейн, брат моего мужа Михаил Людвигович Франк, отец теперешних двух русских больших учёных Глеба и Ильи» (*И. Толстой*. Русская смута устами проигравших. К 95-летию революции. Татьяна Франк [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.svoboda.org/articleprintview/24764105.html).

[Содержание]

62. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

6.III.46

Я страшно тронут твоим письмом — и тем, что ты беспокоился обо мне, и твоим предложением[316]. И мне ужасно совестно, что я заставил тебя беспокоиться. Должен покаяться, что мое молчание отчасти было определено просто небрежностью. Я помнил, что пропустил условный срок, но никак не мог собраться написать тебе. Смягчающие вину обстоятельства заключаются в следующем: 1) я долго болел инфлуэнцией — здесь эпидемия — и после нее, как всегда, длительным припадком сердечной слабости; когда слабость начинает проходить, то она сменяется состоянием, которое в просторечии именуется ленью — трудно заставить себя писать 2) последние 10 дней у нас было серьезное волнение. Я тебе как-то рассказывал, что у Виктора 6 лет тому назад был припадок туберкулеза <...>. Ему теперь пришлось снова подвергнуться операции. Кажется, и на этот раз все обошлось благополучно — операция была произведена неделю тому назад. Но самый факт рецидива в высшей степени огорчителен и заставляет беспокоиться о будущем. Теперь ему придется очень беречься, не обременять себя утомительной работой (он имел раз в месяц неделю ночной работы). И вот, пока не выяснилось положение, я чувствовал себя морально не в состоянии писать кому-либо, в том числе и тебе.

Очень прошу тебя впредь не беспокоиться обо мне. Если случится со мной какая-нибудь беда, ты будешь уведомлен. Мое собственное здоровье все в том же положении. Я бросил врача-шарлатана, и не обращаюсь ни к какому другому, полагаясь на Господа Бога. Я теперь уже больше месяца совсем не выхожу из дому — всякая такая попытка при нынешних холодах приводит к сильнейшим болям в груди.

316 Очевидно, речь идёт не о письме от 6 февраля (письмо 61), а о другом, которого в нашем распоряжении нет.

По прежнему опыту надеюсь, что с наступлением тепла мне станет лучше.

Что касается твоего предложения, то, повторяю, ты меня страшно тронул своим дружеским участием. Положение мое таково. Деньги, к<ото>рые у меня здесь оставались от прошлой стипендии, давно кончились; Виктор мне дает, сколько может — 12 ф<унтов> в месяц, а existenz minimum[317] для нас двоих — 25 ф<унтов>. Стипендия по прежнему висит в воздухе, хотя надежда на нее не потеряна — за меня хлопочут (я получил очень лестный отзыв о моей английской книге, вышедшей месяц тому назад («С нами Бог») от еписк<опа> Чичестерского, а ему, между прочим, тоже написано обо мне[318]). Положение мое не катастрофично просто потому, что Наташа, конечно, не лишит нас крова и пропитания от того, что мы ей задолжали, но неприятно, т<ак> к<ак> она из-за нас тратит свой крошечный капиталец. Я не решился бы сам обратиться при этих условиях к тебе, так как уже должен тебе. Но раз ты так добр, что сам предлагаешь мне деньги, то могу только сказать, что твое предложение приходит как весьма своевременный дар Божий. Даст Бог, стану здесь знаменит, разбогатею и с тобой расплачусь.

Практически, — справиться в банке, как ты просишь, в данный момент я не могу. Виктор болен — прямо из боль-

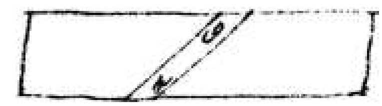
---

317 Прожиточный минимум (*нем.*).

318 Джордж Белл (George Bell, 1883–1958), епископ Чичестерский — англиканский теолог, член Палаты Лордов, один из лидеров экуменического движения и Всемирного совета церквей. Контакты с епископом Чичестерским впервые были установлены в 1938 году — с ним встречалась дочь С. Франка Наталья, по просьбе С. Франка ему писал С. Булгаков (см.: *Анн Резниченко*. Русский философ в Берлине (1922–1937) // *Анн Резниченко*. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012. С. 101–156). О стипендии С. Франку от Всемирного совета церквей см. прим. 198 к письму 40. Известно также письмо С. Франка епископу Чичестерскому от 4 октября 1947 г. (см.: *Ф. Бубб й-ер*. С. Л. Франк. Жизнь и творчество русского философа. С. 243–244).

[Содержание]

ницы он уезжает в деревню на месяц отдыхать и питаться. Наташу, при ее переобремененности по дому, я не могу заставить съездить в центр города — это будет, по крайней мере, два часа, к<ото>рых у нее нет. А мы сами, я и Т<атьяна> Серг<еевна>, безъязычны. Но я думаю, что если у тебя есть чековая книжка, то дело очень просто — пришли мне чек, хотя бы в простом письме, письма теперь ведь не вскрываются. Для гарантии, чтобы никто, кроме меня, не мог им воспользоваться, перечеркни чек наискось двумя чертами, между к<ото>рыми напиши сакраментальные буквы: α co.

Что это значит, не знаю, но такова здесь форма cheque barré[319]. Для ясности черчу образец.

Я тогда в ближайшем ко мне отделении банка смогу получить деньги — если не сразу, то после справки, к<ото>рую они наведут.

Если же у тебя нет чековой книжки, тогда, конечно, дело гораздо сложнее, тогда я попрошу кого-нибудь или съездить, или письменно справиться в банке. Еще раз большое, сердечное тебе спасибо.

Я тут очень внимательно слежу за политикой — место центральное; слушал даже по радио заседание UNO (по-вашему ONU[320]) с хамским выступлением Вышинского[321]. Читал ли ты речи амер<иканского> сенатора Ванденберга[322], министра

---

[319] Кроссированный чек (*фр нц.*).

[320] Организация Объединённых Наций (United Nations Organization, чаще просто United Nations — по-английски; L'Organisation des Nations unies — по-французски). Первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН начала работу 10 января 1946 г. в Лондоне.

[321] Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954) — советский юрист и дипломат, в январе 1946 года возглавлял делегацию СССР на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (см.: *А. Я. Вышинский*. Вопросы международного права и международной политики. Т. 1. М., 1949).

[322] Артур Ванденберг (Vandenberg, 1884–1951) — сенатор от штата Мичиган с 1928 года, один из лидеров республиканцев в Конгрессе. При-

Бернса[323] и сегодняшнюю гениальную речь Черчилля в Америке[324]? У меня есть надежда, что, т<ак> к<ак> мир поумнел в отношении Сов<етской> России, ее удастся осадить. Бесстыдство ее беспредельно, и какое точное подражание Гитлеру; разница только в том, что Гитлер действительно готов был воевать, а Сталин никогда не решится начать войны. Единственное слабое место в мировой ситуации — это Франция. Если в ней случится катастрофа, дело для мира плохо.

Я очень за тебя рад, что ты работаешь, как ты пишешь, с упоением. Это высшее доступное нам счастье. Я сам работаю исподволь, т. е. больше думаю и читаю. Давно задуманная работа «Философия творчества» более или менее созрела в голове; соберусь ли с силами написать книгу — не знаю; м<ожет> б<ыть> разобью на отдельные статьи.

Читаешь ли ты «Новый журнал»? В нем ряд превосходных, прямо классических статей Федотова — «Рождение свободы», «Россия и свобода», «Европа и СССР»[325]. Он созрел до первоклассного политического мыслителя.

Сердечно обнимаю тебя. Тат. Серг. шлет привет.

Твой С. Франк.

нимал активное участие в разработке Устава ООН на конференции в Сан-Франциско, входил в американскую делегацию на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Лондоне, выступая на которой, ещё за месяц до фултонской речи Черчилля, говорил о «железном занавесе» и необходимости его «поднять» ради обеспечения безопасного существования человечества («The iron curtain must be lifted in this world if there is to be any safe existence for humankind hereafter», — см.: *Lawrence S. Kaplan*. The Conversion of Senator Arthur H. Vandenberg. From Isolation to International Engagement. University Press of Kentucky, 2015. P. 144).

[323] Джеймс Фрэнсис Бирнс (Byrnes, 1879–1972) — Государственный секретарь США в 1945–1947 годах.

[324] 5 марта 1946 г. У. Черчилль произнёс речь в Фултоне (США), которую сам он называл самой важной в своей карьере.

[325] См. прим. 300 к письму 58. Упомянутые Франком статьи опубликованы в VIII («Рождение свободы»), X («Россия и свобода») и XI («Запад и СССР») выпусках «Нового журнала» в 1944–1945 годах.

63. В. Ельяшевич — С. Фр нку

13. III.1946 г.

Дорогой Сеня,

пишу наскоро несколько слов, ибо невероятно занят. Я совершенно без прислуги — у моей femme de ménage[326] умирает, по-видимому, муж — и мне приходится самому вести все хозяйство и поддерживать дом. При теперешних условиях это хуже 12-тичасового рабочего дня.

Очень рад, что мое беспокойство за тебя оказалось напрасным. Осложнение с Виктором, конечно, очень тяжело, но в его возрасте все это преодолимо.

Я давно и хорошо знаю практику cheque barré[327], но она здесь не применима. Пересылка из Франции чеков на заграницу рассматривается как вывоз капиталов и воспрещена без разрешения Office de Change[328]. Прибегнуть к этому я не могу. Поэтому я и просил справиться в банке, нет ли другого способа. Хотелось бы, чтобы справился кто-нибудь лично, а не путем переписки. Надеюсь, что тебе удастся как-нибудь это организовать.

Обнимаю тебя и шлю привет Татьяне Сергеевне.

Как только наладится жизнь, напишу побольше.

Твой В. Ельяшевич.

64. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

2 апреля 1946

Дорогой Вася, спасибо за письмо. Прости, что опять несколько задержал ответ на него. — Я ждал разрешения моего финансового кризиса — я знал, что оно приближается. Те-

326 Горничная, домработница (*фр нц.*)

327 См. прим. 319 к письму 62.

328 Office de Change — правительственное учреждение во Франции, осуществлявшее контроль над обменом и легализацией валюты, существовало в 1932–1962 годах (см.: http://www.economie.gouv.fr/caef/office-des-changes).

перь, наконец, оно наступило, и притом благоприятное — я опять получил стипендию[329] в прежнем размере на 1946. Хотя при моих больших долгах — и здесь, и особенно за все время оккупации, когда я два года жил только кредитом, — и это не покрывает всех моих нужд, но все же ближайшим образом у меня практически есть некоторый материальный базис жизни. По давнишней эмигрантской привычке, этого уже достаточно, и я счастлив, что могу избавить тебя от материальных забот обо мне. Спасибо еще раз за желание помочь мне.

В остальном у меня все более или менее по-старому. С наступлением тепла мое здоровье, как обычно за последние годы, улучшилось в том отношении, что боли в груди при хождении ослабели, так что я мог бы начать выходить, но зато участились припадки сердечной слабости, которые все же приковывают меня к дому. Продолжаю заниматься, в голове продолжает зреть целая система метафизики или теоретической философии. Думаю, что при моей немощи легче будет осуществить ее в форме отдельных, связанных между собой, очерков; но писать еще не начал. Моя английская книга «С нами Бог» вызвала целый ряд рецензий, все в общем сочувственные или почтительные. Но когда публикуешь книгу, надо вообще запастись большой дозой смирения. Толстой говорил: «Критика — это то, что глупые люди пишут об умных»[330]. В общем это верно. Скромнее можно то же выразить так: критика — это то, что люди легкомысленно, поверхностно и без серьезного интереса пишут о том, что автор продумал серьезно и во что вложил

[329] От Всемирного совета церквей (см. прим. 198 к письму 40).

[330] В эссе «Что такое искусство» (1897) Л. Толстой, в частности, писал: «Один мой приятель, выражая отношение критиков к художникам, полушутя определил его так: критики — это глупые, рассуждающие об умных. Определение это как ни односторонне, неточно и грубо, все-таки заключает долю правды и несравненно справедливее того, по которому критики будто бы объясняют художественные произведения» (*Л. Н. Толстой*. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 15. М., 1983. С. 139).

свою душу. Чтобы не испытать разочарования, надо заранее настроиться на пушкинский лад: «Ты сам — свой высший суд, всех лучше оценить ты свой умеешь труд»[331], и потому на критику наплевать. Кто-нибудь когда-нибудь поймет, что ты хотел сказать.

С моей другой рукописью «Свет во тьме» — социальной этикой, о к<ото>рой я тебе говорил и к<ото>рую я сам ценю больше, чем опубликованную книгу, — у меня весьма забавное затруднение. Прекрасная переводчица моей первой книги[332] — старая русская интеллигентка, хотя и прожившая 40 лет в Англии — взбунтовалась и отказывается ее переводить, п<отому> ч<то> мои идеи — именно мысль, что надо, даже жертвуя чистотой души, активно и где нужно силой противоборствовать злу — противоречат ее пацифизму! Как все русские «принципиальные» люди, она упряма и переубедить ее невозможно. Т<ак> к<ак> я ищу хорошего переводчика и притом в кредит, то найти его не так легко. Отрывок из этой книги появится в сентябрьской книге «Нового журнала» в Америке[333].

В семейной жизни без перемен. К концу месяца ждем, наконец, сюда Васю, к<ото>рый сейчас в Вене переводчиком. М<ожет> б<ыть> ему придется еще несколько месяцев от-

[331] Цитата из стихотворения «Поэту»: «Ты сам свой высший суд;/ Всех строже оценить умеешь ты свой труд» (*А. С. Пушкин*. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 2. М., 1959. С. 295).

[332] Наталья Даддингтон (см. прим. 252 к письму 48).

[333] В XIV (сентябрьском) выпуске «Нового журнала» за 1946 г. вышла статья С. Франка «Ересь утопизма», которая готовилась к публикации ранее (М. Карпович писал С. Франку 10 августа 1946 г.: « (...) Нам пришлось отложить Вашу статью на следующую книжку “Нового журнала”. Она была уже набрана, но в последнюю минуту выяснилось, что за недостатком места ряд статей пришлось отложить. Статья непременно появится в номере 14, к<ото>рый выйдет вероятно только в октябре» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 2, Cataloged Correspondence. Karpovich, Mikhail Mikhailovich). Отрывок из «Света во тьме» в «Новом журнале» не выходил.

служить здесь, а м<ожет> б<ыть> и сразу демобилизуют. Из всех моих детей он, пожалуй, самый удачный — хотя немножко фантазер и неусидчивый человек — и его присутствие здесь, кроме непосредственной радости, будет большим моральным подспорьем.

Обнимаю тебя, желаю здоровья и бодрости. Пиши! Теперь сроки моих писем переменились — я пишу тебе ежемесячно в начале месяца.

С. Франк.

65. В. Ельяшевич — С. Фр нку

29.IV.1946[334]

Дорогой Сеня, теперь моя очередь каяться в неаккуратности. Но на сей раз заслуживаю всяческого снисхождения. В течении 4 недель болел муж моей femme de ménage (теперь он скончался), и я был совершенно один, и за экономку, и за кухарку, и за горничную. Что это было, при теперешних условиях хозяйничания и при 5-комнатной квартире, и вспоминать неприятно. К Страстной femme de ménage проявилась, но я был так утомлен, что, когда отговел, пришел в такое состояние, что у заутрени мне стало дурно, а затем сделались сердечные перебои, от которых не избавился до сих пор[335].

Страшно рад за тебя, что тебя не будут теперь удручать мысли о деньгах, хотя по моей mentalité[336] нынешней, это никоим образом не должно удручать. Из всех возможных неприятностей самая ничего не значащая. Столь же рад,

[334] В левом верхнем углу приписка, очевидно, рукой С. Франка: «отв. 11. V», — действительно, есть ответное письмо от 11 мая.

[335] Пасха в 1946 г. — 21 апреля, следовательно, страстная неделя начиналась 15 апреля.

[336] Здесь — направление мыслей, умонастроение (*фр нц.*).

что ты, вероятно в связи с освобождением от гнета, пришел к мысли о системе теоретической философии. Я бы на твоем месте теперь все бросил и занялся только этим. С мыслью об отдельных очерках я согласен только при одном условии. Можно писать и печатать отдельные очерки, но писать их так, чтобы из них механически можно было сделать единую систему, единую книгу. Это было бы достойное завершение твоей работы.

Извини меня, пожалуйста, но твоя неудавшаяся переводчица «Света во тьме», вероятно, старая революционерка и, наверное, старая дура. Совершенно очевидно, что ты «беллицист»[337]!

Изображенные выше домашние неурядицы сильно задержали мою работу. Несмотря на выдержку и настойчивость (я стукал на машинке иногда до 11 и 12 час. ночи), я успел переписать только 120 стр. (печатным). Это меньше четверти книги. Сейчас уже занимаюсь вопросом о печатаньи — дело очень трудное. Не только здесь все русские типографии завалены заказами и от больших уже отказываются, но и в Америке не лучше. Издатель Гордон[338] писал Маклакову по поводу издания 5-го тома его воспоминаний[339], что в Соед. Штатах все русские типографии заняты советскими заказами. Гордон предполагал печатать в Сан-

[337] От франц. «bellisciste» — сторонник, поджигатель войны.

[338] Борис Абрамович Гордон (1881–1952) — инженер, коммерсант (купец I гильдии), издатель. Директор Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ), табачной фирмы В. Асмолова, совладелец (с И. Сытиным и З. Гржебиным) общества печатного дела «А. М. Гордон с Сыном». Владелец газеты «Приазовский край» (Ростов-на-Дону). В гражданскую войну оказывал помощь Добровольческой армии. Эмигрировал в Париж, выкупил у М. П. Миронова еженедельник «Иллюстрированная Россия» и стал его издавать с книжными приложениями (издания русских классиков и др.). В 1942 г. переехал в Нью-Йорк (Незабытые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997. В: 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. М. 1999. Т. 2. С. 181).

[339] *В. А. М кл ков*. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж: Изд. журн. Иллюстрированная

Франциско! Соответственно, и цена приличная. Мой первый том, при очень посредственной бумаге и печати, должен стоить (1000 экз.) — 200000 фр. Это будет мой главный наследник.

Наладилась ли у вас сколько-нибудь жизнь, в том смысле, что Татьяна Сергеевна меньше устает? В последнем твоем письме ты ничего не писал об Алеше. Определилась ли его судьба? Приехал ли Вася? Это тот из твоих детей, которого я почти совсем не знаю, и мне это очень жаль.

В одном отношении у меня совсем нет удачи. Вокруг меня совсем не остается более или менее близких людей. Две старые очаровательные дамы, с которыми я прожил более пяти лет душа в душу, уезжают в Россию (к зятю — Капице)[340]. Кончилось мое летнее пребывание в Bussy. В этом году туда совсем не поеду. Съездил на днях на два дня и едва от тоски не удавился. Мой приятель и душеприказчик (В. А. Миллер[341]) переселяется окончательно в Капштат[342].

Россия, 1936. 610 с. В 4-х выпусках. Пятым стала книга: *В. А. М кл ков*. Из воспоминаний. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк 1954.

[340] См. письмо 69.

[341] Владимир Анатольевич Миллер (? — 1958) — присяжный поверенный и страховой деятель из Санкт-Петербурга. Председатель Союза русских адвокатов во Франции (см.: Незабытые могилы. Российское Зарубежье: некрологи 1917–1997. В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков. М., 2004. Т. 4. С. 541). Его женой была Елизавета Леонидовна Миллер. Супруги уехали из России в октябре 1918 г., обосновались в Париже. «После Второй мировой войны, в 1947 г., вынуждены были покинуть Францию: В. А. Миллер был обвинён в коллаборационизме и в судебном порядке лишён права проживания в стране. Миллеры перебрались в Южную Африку, в Йоханнесбург. Владимир Анатольевич скончался в 1958 г., однако и после его смерти французские власти не разрешили вдове вернуться во Францию. Последние годы жизни Е. Л. Миллер провела в старческом доме Cransley House под Йоханнесбургом, куда устроилась в июне 1959 г. и скончалась там в 1960-е гг.» (*Е. Л. Миллер*. Женщины русской эмиграции / Публ. О. Р. Демидовой // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб., 2008. С. 68).

[342] Кейптаун.

Не удивляйся, если будут ошибки в письме, особенно в букве ѣ и аго, яго[343]. Я перестукивал сам по советской орфографии, и очень в нее втянулся. Куда примитивнее!

Не оставляй меня без писем. Они для меня большое подспорье. Тебя обнимаю. Татьяне Сергеевне целую ручки.

Твой В. Ельяшевич.

66. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

11.V.46

Дорогой Вася, спасибо за письмо и прости, что я в свою очередь задержал ответ. Я все не могу как следует наладить свое здоровье, чувствую себя слабым (без особых болезней за исключением болей в груди при ходьбе) и по большей части вынужден ограничиваться одним чтением. — Живо представляю себе, как тебе было трудно без прислуги; я сам был бы в таком положении в одиночестве совсем беспомощным.

Очень рад, что ты занят уже вопросом о печатании твоей книги. Из того, что ты пишешь, я заключаю, что у меня нет никакой надежды в обозримом будущем опубликовать по-русски ни мои воспоминания о П. Б. Струве[344], ни (как я мечтал) мою книгу «Свет во тьме». Для последней кни-

[343] Имеются в виду окончания имён прилагательных в старой русской орфографии, в новой орфографии — -ого, -его.

[344] Франк писал Глебу Струве: «Я только что получил, наконец, ответ от YMCA о моих воспоминаниях о папе — они отказываются напечатать их, ссылаясь на ограниченность их материальных средств и большие расходы на издание воспоминаний митр. Евлогия и книги Мочульского о Достоевском. Как автор, я лично ничуть не заинтересован скорым опубликованием моих воспоминаний. Но я очень заинтересован напомнить о папе русским людям, так быстро забывшим его (и так недостаточно оценившим его при жизни). Т. к. в Европе, по-видимому, нет возможности опубликовать эти воспоминания, то я хочу просить тебя ориентироваться, нет ли, по крайней мере, в принципе, такой возможности в Америке. Я мог бы написать об этом Паниной, но я не хочу беспокоить её понапрасну» (*С. Л. Фр нк.*

ги я доселе не нашел переводчика, но скорее по недостатку энергии. Дело это должно наладиться[345]. И так как моя другая книга, «С нами Бог», вышедшая по-английски, имела хорошую прессу и, по-видимому, хорошо продается, то найти издателя будет нетрудно.

У меня совершенно неожиданно открылся здесь, как говорят немцы, Wirkungskreis[346], возможность которого мне не приходила в голову. Заведующий немецким отделом В. В. С. предложил мне прочитать по радио по-немецки цикл из 3 или 4 15-минутных лекций на тему об отношении между русской и западной духовной культурой. Цель лекций состоит в том, чтобы напомнить немцам, что кроме большевистской России есть еще другая Россия, дух русского народа, выраженный в русской литературе и мысли. Само собой, надо при этом воздержаться затрагивать политическую сторону дела — что, конечно, чрезвычайно трудно. Есть много и других, внутренних трудностей в этой теме, но задача все же заманчивая. Характерно и утешительно, что английское радио приглашает русского эмигранта говорить немцам о России. Дело находится пока в стадии предварительных переговоров — надо договориться так, чтобы содержание лекций удовлетворило и меня самого, и английское радио, что не так просто. Но думаю, что в конце концов мы договоримся. Когда дело будет решено, я тебе сообщу дни, часы и волны, на к<ото>рых я буду говорить — послушай мой голос. Это должно происходить по воскресеньям вечером.

Семейные новости вот какие. После того, как Алешу здесь морили в госпиталях полгода без лечения и в конце концов решили бросить недолеченным и без всякого вознаграждения, Бетти снова написала в Америку ген. Eisenhower'у[347]

Письмо Г. П. Струве. 17 января 1948. Лондон // Архив Русского Зарубежья. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 3. Л. 7). См. прим. 214 к письму 42.

[345] Английский перевод «Света во тьме» вышел только в 1989 г.

[346] Wirkungskreis — круг деятельности (*нем.*).

[347] Дуайт Эйзенхауэр (Eisenhower, 1890–1969) — 34-й президент США, с 1944 г. — верховный главнокомандующий армией союзников, в 1945–1948 гг. — начальник штаба сухопутных войск США.

[Содержание]

(вмешательство к<ото>рого уже однажды привело к перевозке его в Англию). Результат и на этот раз был молниеносный: по телеграмме из Вашингтона, его внезапно — дав на сборы только один день — отправили сперва в Soissons[348] во Франции — сборный пункт для отправки в Америку, где он сейчас и находится, а оттуда в Америку. Тат. Серг. было, конечно, трудно прощание с ним, но она сознавала, что это есть именно то, чего мы все время добивались. У него, несмотря на его 35 лет, характер не очень устойчивый и в жизни он беспомощен, но Америка не на Луне, и у нас там есть друзья. По окончании лечения, американцы (уже в своих интересах, т<ак> к<ак> у него нет визы) должны сами доставить его назад.

Васю ждем со дня на день — он писал, что около 10-го должен выехать из Вены. Здесь он будет иметь 4-недельный отпуск, и потом еще несколько месяцев дослуживать в Англии. Потом встанет забота об его дальнейшей карьере. Он парень, хотя немножко легкомысленный и склонен к лени, но дельный и талантливый; к тому же он автоматически получает английское подданство, так что есть надежда, что как-нибудь сумеем наладить его жизнь.

Обнимаю тебя. Т. С. шлет привет.

Твой С. Франк

67. В. Ельяшевич — С. Фр нку

15.VI.1946[349]

Дорогой Сеня, опять я оказался неаккуратным. Но сейчас на мне лежит такая масса дел и забот, что уже ни в чем не удается быть аккуратным. Сначала была полная дезорганиза-

348 Суассон — коммуна на севере Франции (Пикардия).

349 Приписка, очевидно, рукой Франка: «отв. 26. VI» — действительно, есть письмо Франка Ельяшевичу от 26 июня 1946.

[Содержание]

ция моего хозяйства. 4 недели умирал муж моей femme de chambre[350]. Я и хозяйство вел, и убирал, и готовил. Затем свалились заботы о Bussy, где тоже все хозяйство разладилось[351]. Сейчас же я стою накануне поездки в Швейцарию, где у меня очень много всяких дел, к которым надо подготовиться. Поездка не для отдыха, не partie de plaisir[352], а очень и очень нужная, чтобы, прежде всего, организовать свои дела.

При всем том, работы своей не бросал, можно сказать, ни на минуту. Сейчас уже готова к печати первая часть первого тома, 180 стр. (печ.). Вторую часть уже начал перепечатывать, что у меня всегда обозначает переделывать. Если бы выяснил вопрос с печатанием, сдал бы уже в типографию. Но и этот вопрос решится только после поездки в Швейцарию, — где хочу au fond[353] выяснить вопрос о возможности печатанья там русских книг.

Не люблю заниматься подобного рода общественными делами, но так как это касается людей, с которыми ты, как кажется, был близок, то отступаю от этих правил.

Здесь большое возмущение образом действий русских членов английского братства Св. Сергия[354] (Н. М. Зер-

---

[350] Горничная (*фр нц.*)

[351] Летом 1946 г. В. Б. Ельяшевич по совету архим. Киприана (Керна) и просьбе покойной жены подарил своё имение «Вишнёвый сад» с домовой церковью монахиням. 2 июля 1946 г. из небольшой Воскресенской обители под Парижем в Bussy переехали четыре православные монахини во главе с инокиней Евдокией (Мещеряковой-Куртен) (в том числе сестра Бландина — Александра Владимировна Оболенская) (см.: Русские храмы и обители в Европе / Авт.-состав. В. В. Антонов, А. В. Кобак. СПб.: Лики России, 2005).

[352] Увеселительная прогулка (*фр нц.*).

[353] До конца, по существу (*фр нц.*).

[354] Братство св. Албания и св. Сергия — экуменическая организация, объединяющая православных и англикан. Возникла из совместных конференций, организованных РСХД и Свято-Сергиевским богословским институтом, на второй конференции в Сент-Олбанс (28 декабря 1927 — 2 января 1928 гг.), председателями стали митрополит Евлогий (Георгиевский) и епископ Трурский Уолтер Фрир. Организаторы: прот. Сергий

нов[355] с женой, Кульманы[356], Ламперт[357] и т.д.) по отношению сначала к Вышеславцеву, а затем к отцу Г. Флоровскому[358]. Нечто вроде здешних commissions d'épuration[359]

Булгаков, Николай Зернов, Сергей Безобразов, Л. Зандер, англиканский епископ Чарльз Гор (*Nicolas and Militza Zernov*. The History of the Fellowship of St. Alban & St. Sergius. Oxford: Fellowship of St. Alban & St. Sergius, 1979; За рубежом: Белград—Париж—Оксфорд (хроника семьи Зерновых). Paris, 1973. С. 217–229).

[355] Николай Михайлович Зернов (1898–1980) — русский философ, богослов, секретарь РСХД, с 1934 г. обосновавшийся в Лондоне, секретарь Братства. С 1947 по 1966 гг. преподавал основы восточной православной культуры в Оксфорде. Жена — Милица Владимировна (урожд. Лаврова, 1899–1994) — врач, религиозный деятель, иконописец.

[356] См. прим. 117 к письму 20. Мария Михайловна Кульман (урожд. Зернова; 1902–1965) — окончила богословский факультет в Белграде в 1926 г., в 1929 г. вышла замуж за Густава Густавовича Кульмана — члена секретариата при Лиге Наций и Заместителя Верховного Комиссара по делам беженцев.

[357] Евгений Ильич Ламперт (1914–2004) — окончил Страсбургский университет, один из учеников о. С. Булгакова в Свято-Сергиевском институте, в Париже был секретарём Бердяева. Перед Второй мировой войной переехал в Англию, учился в Оксфордском университете. Читал курс лекций в Кильском университете. Специалист по Достоевскому и Герцену. Считался крайне левым среди профессоров. Отец — Илья Исаакович Ламперт (1879–1928) — присяжный поверенный, умер в Берлине. Мать — Татьяна Савельевна Ламперт — близкая подруга Т. С. Франк, близкий человек семье Бердяевых. По воспоминаниям Л. Бердяевой: «её два сына крестились (православные), а два брата крестились (католики), и оба сейчас в семинарии готовятся быть священниками» (*Л. Бердяев* . Профессия: жена философа. М., 2002. С. 88–89).

[358] Речь идёт о подозрениях в отношении сотрудничества ряда русских философов-эмигрантов с нацистами в годы войны (см. письмо 68).

[359] Комиссии по очищению (*фр нц.*) — речь идёт о кампании «очищения», направленной против лиц, сотрудничавших с нацистами, которая развернулась во Франции после освобождения, сначала стихийно (предполагается, что жертвами внесудебных расправ стало около 9 тыс. человек), а затем осуществлялась специальными трибуналами и «комиссиями по очищению», созданными в органах государственной власти. Всего было рассмотрено около 300 тыс. дел. В 1947, 1951 и 1953 годах объявлялись амнистии попавших под люстрацию.

с палатами cour de justice[360]. Дело, действительно, высоко христианское!

От сего перейду к тому, что мне было очень приятно. Третьего дня от. Василий Зеньковский читал публичную лекцию на тему «Проблема человека в современной философии». Так как лекцию устроила Акад<емическая> группа[361], где я в президиуме, я пошел. От<ец> Василий изложил все течения, причем среди бесчисленного количества немецких философов, некоторых французских, назвал лишь два русских имени: Сергея Трубецкого, чтобы упомянуть об его идее «соборности» человека, и твоего, чтобы изложить твои идеи из «Духовных основ общества», идеи, которые он охарактеризовал как «чрезвычайно интересные»[362].

---

[360] «Cour de justice» — специальные суды (трибуналы), созданные во Франции на основании ордонанса 26 июня 1944 г. для осуществления «очищения» от коллаборационистов.

[361] Русская академическая группа в Париже была создана в мае 1920 г. «С русской стороны: Е. В. Аничков, П. П. Гронский, В. В. Дюфур, С. И. Карцевский, Н. М. Могилянский, М. И. Лот-Бородина, С. С. Попич, С. И. Метальников, М. И. Ростовцев, Ю. В. Семёнов, а с французской — директор школы восточных языков Поль Буайэ, бывший директор Французского института в Петербурге Жюль Патуйэ и профессор русского языка в Сорбонне Эмиль Оман» (*Е. П. Ков левский*. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 82–83). Задачи: оказывать помощь поступающим в высшие учебные заведения, развивать науку, содействовать молодым учёным

[362] В своих записках «Моим друзьям» Василий Зеньковский вспоминает этот эпизод, который, однако, для него стал ещё одним подтверждением его невостребованности как учёного: «Я чувствую упрёк себе в том, что меня как учёного не ценят, хотя я всё же сделал немало, — и от этого в душе остаётся и некая горечь, а ещё больше мысль, что я не сделал всего, что мог бы сделать. Я помню, я в Академ<ической> группе, по просьбе председателя её, на общем собрании делал доклад (“Основные течения в философии антропологии нашего времени”). После доклада профессор В. Б. Эльяшевич с обидным для меня удивлением сказал: “Как вы все это хорошо знаете и хорошо излагаете, я не ожидал...” Спрашивается, почему он (и не один он) “не ожидал” от меня, что я всё же подлинный учёный?» (*В. В. Зеньковский*. Из моей жизни.

[Содержание]

Что с твоими выступлениями в радио? Мне было бы очень интересно, если бы ты мне сообщил хотя бы основные темы, которых ты коснешься[363].

Как странно! Я до сих пор не знаю фамилии Наташи. Напиши мне на всякий случай.

Передай, пожалуйста, Татьяне Сергеевне мой самый сердечный привет.

Обнимаю тебя.

Твой В. Ельяшевич.

68. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

26 июня 1946

Дорогой Вася, спасибо за письмо, к<ото>рого я долго дожидался. Т<ак> к<ак> ты не пишешь, когда ты едешь в Швейцарию, отвечаю тебе наугад в Париж, в надежде, что письмо дойдет. Представляю себе, как тебе скучно заниматься всякими делами по организации жизни; впрочем, ты на это мастер, не то, что я.

По поводу «общественного дела», к<ото>рое ты затронул: я тоже не люблю заниматься такого рода делами. По существу скажу, что в такого рода делах обычно обе стороны неправы. Само собой, в принципе — по минованию опасности — по старым грехам должна быть дарована общая амнистия. С другой стороны, сами «грешники» должны иметь такт по крайней мере некоторое время воздерживаться от участия в обществ<енных> делах. Далее, тут надо, конечно, индивидуализировать: я лично уверен, что слухи о «прегрешениях» о. Флоровского преувеличены и искажают истину — иначе нельзя было бы понять, как его не тронули

Воспоминания / Сост., подготовка текста, вступ. ст., прим. О. Т. Ермишина. М., 2014. С. 30).

363 См. письма 66 и 68.

[Содержание]

в Праге и как он мог вернуться в Париж[364] (здесь на основании этих слухов отказались пригласить его на съезд Братства Св. Сергия[365]). Другое дело — Вышеславцев. О нем, кажется, достоверно известно, что по легкомыслию и жажде «устроиться» он активно сотрудничал с немцами в Париже и Праге[366]. При этих условиях недовольство, что он в Жене-

---

[364] Протоиерей Георгий Васильевич Флоровский работал в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже с 1926 г. Начало Второй мировой войны застало его в Белграде, где печаталась (из-за дешевизны) его книга «Пути русского богословия». Годы войны он провёл в Югославии, в 1944 г. перебрался в Прагу к матери и брату Антонию. По воспоминанию Флоровского, выбраться из Праги было трудно, «поскольку существовало соглашение между Бенешем и Сталиным, в соответствии с которым русским эмигрантам не позволялось выезжать из Чехословакии, поэтому я не мог получить выездной визы» (*Э. Блейн*. Жизнеописание отца Георгия / Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М., 1995. С. 77). Ср. письмо Д. Лаури Ф. Либу от 12 сентября 1945 г.: «Я только что посетил Прагу и очень обеспокоен его положением. Быть беженцем в любом случае неприятно, но быть “белым” русским в стране, все ещё оккупированной Красной Армией, действительно ужасно. Многие “белые” русские были арестованы и пропали (...) Таким образом, профессор Флоровский живёт в постоянном страхе, который трудно себе представить его друзьям за границей» (*Вл димир Янцен*. Материалы Г. В. Флоровского в базельском архиве Ф. Либа (1928–1954) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2004–2005 год / Под ред. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова. М., 2007. С. 591–593). Вернуться в 1945 г. в Париж ему удалось только благодаря ходатайству архиепископа Кентерберийского Джеффри Фишера. Неясно, что имеется в виду под «прегрешениями» Флоровского, но, по словам биографа, руководство и профессорско-преподавательский состав Свято-Сергиевского института, решив, что Флоровский «оставил институт, выступили против принятия его в штат» (*Э. Блейн*. Жизнеописание отца Георгия. С. 78).

[365] См. прим. 354 к письму 67.

[366] Мнение о сотрудничестве Бориса Петровича Вышеславцева с нацистами во время Второй мировой войны является довольно распространённым. Однако А. В. Мартынов по этому поводу пишет: «Не сразу стал сотрудничать с прогерманским лагерем другой известный философ — Борис Вышеславцев. Ещё в начале 1942 года в письме к Бердяеву он

ве выступал от имени, кажется, русск<ого> христианского движения кажется мне довольно естественным. Здесь у нас восторженным советофильством и потому неосновательностью моральных суждений отличаются только Ев<гений> Ламперт[367] и Мар<ия> Мих<айловна> Кульман[368]. Остальные члены Братства Св. Сергия (от к<ото>рого я сам далек) держатся воззрений умеренных и основательных. Лучшее доказательство — приезжавший сюда Н. С. Арсеньев, у которого рыльце сильно в пушку, пользовался гостеприимством Братства. Я сам с ним встретился, конечно, очень дружески[369].

жаловался на “сплетни” о его работе с оккупантами и отрицал возможность подобной коллаборации. Тем не менее, позднее, под влиянием начальника Главного организационного управления КОНР генерал-майора Василия Малышкина, а также, возможно, и Сергея Левицкого, Вышеславцев примкнул к кругу председателя Комитета освобождения народов России генерал-лейтенанта Андрея Власова. Мыслитель был лично знаком с главой КОНРа, который “неоднократно” просил: “напишите книгу с объективной критикой марксизма”. Согласно воспоминаниям, в конце войны предполагалось, что Вышеславцев, в случае получения разрешения на выезд в Швейцарию, попытается там связаться с эмиссарами союзников с целью донести до них идеи движения. В Швейцарию философ смог уехать: по одним сведениям — в последние дни войны, по другим — сразу после победы; тогда же автор “Этики преображённого эроса” выполнил просьбу Власова, написав книгу “Философская нищета марксизма” (1957 г.)». И далее: «В данном контексте представляется ошибочным утверждение некоторых современных историков философии, писавших, что “Вышеславцев возлагал надежды на вторжение Гитлера в СССР”. Вернее говорить о надеждах философа на власовское движение, которое он, очевидно, воспринимал как самостоятельное и лишь в силу обстоятельств вынужденное сотрудничать с Германией» (*А. В. М ртынов*. Философы Русского Зарубежья и Вторая мировая // Новый журнал. 2015. Кн. 281. С. 258–259).

[367] См. прим. 357 к письму 67.

[368] См. прим. 356 к письму 67.

[369] Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) — философ, историк религии и культуры. В 1933–1944 годах жил в Кёнигсберге, в 1945–1947 — в Париже, с 1947 — в США, где преподавал в Свято-Владимирской семинарии. В своих воспоминаниях «Дары и встречи жизненного пути»

Я начну читать в радио, вероятно — но еще не наверно — с этого воскресенья, кажется в 4.45 и 8.45 вечера — в пятницу иду репетировать. Вероятно, буду сам читать только небольшие отрывки из моих лекций, остальное прочтет профессиональный спикер, из-за плохих условий приемки в Германии, особенно в русской зоне. Я читаю цикл «Россия и Запад» из 4 лекций — «Россия и Запад в русской мысли», «Вл. Соловьев», «Происхождение и сущность русского марксизма» и «Германия между Востоком и Западом»[370]. На мое требование необходимости

Арсеньев ничего не рассказал об обстоятельствах своей жизни в Кёнигсберге при нацистах. Однако в январе 2013 г. историк Игорь Петров опубликовал в своём блоге архивные документы, свидетельствующие о том, что Н. С. Арсеньев осенью 1941 г. в качестве добровольца поступил на службу вермахта переводчиком. Также были опубликованы копии документов, свидетельствующие о том, что профессор Н. С. Арсеньев числился зондерфюрером в вермахте по крайней мере до весны 1942 г. (см.: http://labas.livejournal.com/994997.html). Франк знал его по Саратовскому университету, где Арсеньев был профессором на кафедре романо-германской филологии, читал курсы по философии и истории культуры (*А. Лысков*. Дом профессора Н. А. Арсеньева // Слово.ру: Балтийский акцент. Вып. 1–2. 2010. С. 241–250; Вып. 1–2. 2011. С. 211–220). В фонде С. Франка Бахметьевского архива есть письмо Н. Арсеньева от 25 ноября (без года), где он говорит о своём пребывании в Лондоне и встрече с Франком и его семьёй («Так было приятно повидаться с Вами»), а также предлагает Франку дать статью в новый французский журнал «на тему книги, которую Вы сейчас пишите» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 1. Cataloged Correspondence. Arsen'ev, Nikolai Sergeevich). Отрывок из книги С. Франка «Свет во тьме» — «Le royaume de Dieu et le Monde» — действительно появился на французском языке в журнале “DieuVivant: perspectives religieus eset philosophiques”, № 17 (1950).

[370] В фонде С. Франка Бахметьевского архива сохранились машинописные тексты трёх немецкоязычных лекций на BBC: «Deutschland zwischen West und Ost» («Германия между Западом и Востоком»), «Der religiöse Universalismus bei Solowjew» («Религиозный универсализм у Соловьева»), «Ursprung und Wesen des russischen Marxismus» («Происхождение и сущность русского марксизма») (Bakhmeteff Archive of Russian and East

касаться щекотливых политических тем руководитель отдела ответил, что они хотели бы только избегнуть протеста Сов<етского> правительства, но что в остальном я могу говорить, что хочу без всяких стеснений. И фактически ни одна фраза моей рукописи не была цензурована. Это очень утешительно и показательно для теперешней здешней установки.

В семейных делах у меня ничего особенно нового. Американцы обнаружили в отношении Алеши полную меру идиотства и бесстыдства — взяли его отсюда, увезли во Франкфурт только для того, чтобы там объявить, что ничего больше не могут для него сделать и увольняют из госпиталя (вместо того, чтобы здесь сообщить это). Теперь мы с помощью Кульмана заняты трудной заботой вернуть его сюда. Все надежды на вознаграждение тоже рухнули, и надо теперь думать, как бы из какого-нибудь другого американского источника получить деньги хотя бы на окончательное его излечение (пластические операции).

Фамилия Наташи — Mrs. Scorer.

Обнимаю тебя. Желаю успеха в твоих начинаниях, особенно по печатанию твоей книги.

Твой С. Франк.

69. В. Ельяшевич — С. Фр нку

Берн, 7 сент. 1946 г.[371]

Дорогой Сеня, пишу тебе из Берна, куда приехал на три—четыре дня по двум, для меня очень существенным вопросам: денежному и паспортному. Я не писал тебе це-

European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 11, 12, 13).

[371] В правом верхнем углу листа штамп: «51, Boulevard Beauséjour (XVIe) tel. auteuil 57–74»

лую вечность и оставил без ответа твое последнее письмо, что повлекло прекращение твоих писем — обстоятельство, оказавшееся для меня очень чувствительным. Объяснить свое молчание мне очень трудно. Собирался сесть писать тебе я бесконечное количество раз, и всегда оказывалось что-либо, что отвлекало меня от этого. Вернее всего объяснить это отсутствием внутренней собранности. Обстоятельств к тому было много, я остановлюсь только на двух. — Я получил французскую визу еще в Апреле и в Мае обратился в швейцар<ское> консульство. Мне сказали, что для этого нужно разрешение Берна, что потребуется 5–6 нед<ель>. Прошло 8 — визы все не было. Оказались сомнения банковского характера. Когда это было устранено, началось новое бесконечное ожидание, и виза оказалась только 15 Сент.[372], и то после обращений уже здесь с разных сторон. Главное основание: «oh, ces émigrés russes», выражение аутентичное в швейцарских правительственных кругах. Почему я останавливаюсь на этом — это потому, что для меня это несомненное проявление того, что непременно окажется доминирующим на европейском континенте. Конечно, не у вас и не в Америке, где окажется как раз обратное — вы будете в лучшем положении, чем до сих пор. В какой форме эта тенденция выльется во Франции, вы этого даже себе представить не можете. Ты сам уже можешь сообразить, какие тяжелые, можно сказать, трагические вопросы ставит это для людей моего настроения и склада. — Второе обстоятельство — характера иного, но со всем этим связанное. За последние пять—шесть лет самыми мне близкими людьми, кроме отца Киприана Керна[373], оказались Ел<изавета>

[372] Очевидно, описка — по смыслу должно быть 15 августа.

[373] Архимандрит Киприан (в миру Константин Эдуардович Керн, 1899–1960) — православный священнослужитель (в юрисдикции Русской православной церкви за границей, затем Константинопольского патриархата), богослов, церковный историк.

Дм<итриевна> Крылова[374] — belle merè[375] знаменитого Капицы[376], и Мария Ив<ановна> Сабинина[377], которые прожили у меня в Bussy все годы войны[378]. Если бы Крыло-

[374] Елизавета Дмитриевна Крылова (урожд. Драницына, 1867–1948) — жена Алексея Николаевича Крылова (1863–1945), русского и советского кораблестроителя, механика и математика, академика Петербургской АН / РАН / АН СССР (с 1916 года), генерала флота, генерала для особых поручений при морском министре Российской империи (1911), лауреата Сталинской премии (1941), Героя Социалистического Труда (1943). В 1921 году Крылов был направлен в Лондон как представитель советского правительства для восстановления зарубежных научных связей страны. В 1927 году он вернулся в Советский Союз, однако Елизавета Дмитриевна осталась за границей — брак распался.

[375] Belle-mère — тёща (франц.).

[376] Пётр Леонидович Капица (1894–1984) — советский физик, лауреат Нобелевской премии. В октябре 1926 года в Париже Капица близко познакомился с Анной Крыловой (1903–1996), дочерью Алексея Николаевича и Елизаветы Дмитриевны Крыловых. В апреле 1927 года, когда П. Капица жил в Англии, они поженились. От этого (второго) брака в семье Капицы родились два сына: Сергей (1928–2012) и Андрей (1931–2011). В СССР вернулись в январе 1936 года.

[377] Компаньонка Елизаветы Дмитриевны Крыловой, с которой они вместе жили во Франции. В начале войны Елизавета Крылова писала дочери Анне в Москву: «Мы пока устроены, но оставаться равнодушным к событиям нельзя, за всех сердце болит. Ты пишешь: хорошо, что мы вдвоём, да, это большое счастье. И ты знаешь, что Вава (М. И. Сабинина. — *Е. К.*) любит меня незаслуженно с моей стороны и заботится как самый близкий человек...» (Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма / Е. Л. Капица, П. Е. Рубинин. М., 2005. С. 330).

[378] В мае 1945 г. Елизавета Крылова писала дочери: «Наше счастье было, что мы уехали в деревню, там было лучше, чем в Париже» (Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. С. 331–332). А М. И. Сабинина описала в своём письме, как они попали в Бюсси: «Война всё разгоралась, и немцы приближались. Все и всех стали эвакуировать. Мы твёрдо решили не уезжать, а умирать в своей квартире. Начался буквальный исход, все уезжали на чем могли, уходили пешком из Парижа и запрудили собою все дороги. Много осталось погребённых в дороге, умерших от своих болезней и немецких бомб. Я сшила два удобных мешка, положила туда всё, что необходимо, и так держали долгое время на случай, если насильно будут выгонять из Парижа, чтобы, уходя,

ва, которой сейчас 79 лет, была моей сестрой, она бы мне ближе быть не могла. Но отъезд в Россию решен и неизбе-

---

надеть на спину, но, слава Богу, не понадобилось. Утром я пошла, как обычно, в 7 утра за хлебом и увидала — на стенах наклеены объявления, что Париж сдан и что жителям нечего беспокоиться. Газеты не вышли, и стали жить слухами. Всё стало исчезать, доставка продуктов остановилась, и лишь торговки и торговцы на таратайках стали бойко торговать по нормальным ценам. Движения не было в Париже никакого, только метро. Банки, лавки, всё почти было пусто и закрыто. Потом, когда немцы окончательно засели и взяли бразды правления, люди, все, кто уцелели, стали возвращаться, магазины открываться, подвоз кое-как стал налаживаться. Выдали всем продовольственные карточки. Никакого отопления не давали три года. Прошёл так ещё год, деньги стали подходить к концу, у немцев мы работать не хотели. Я как-то говорю шутя: "Дело подходит к лету, хорошо бы куда-нибудь наняться работать в деревню". (...) А через неделю мы, действительно уехали в деревню работать, и вот как это случилось. Приходит к нам как-то м[ать] Бландина, бывшая Ася [Оболенская], и говорит: "Мне сейчас предложили поехать работать в деревню, но я не могу, тогда меня просили найти двух старушек, чтобы вести хозяйство, к одному профессору, у которого месяц назад умерла жена" [Фаина Ельяшевич умерла 10 января 1941 г. — *Г. А., Т. Р.*]. Мы без всякого колебания решили, что это нам посылается как исход из нашего положения свыше, и мы должны принять это предложение.

За первый год войны мы с мамми очень похудели, да и в деревне не сразу отъелись. Настало лето, приехал хозяин со своими друзьями-стариками [очевидно, Зайцевыми — см. С. 21. — *Г. А., Т. Р.*], исхудавшие, рады были попасть на деревенский харч. Мы очень много работали с мамми и за эти два с половиной месяца очень уставали, проводя дни от 7 утра до 11, а иногда 12 ночи, конечно, не всё в работе. После ужина, например, сидели слушали T. S. F. и разговаривали, переваривали газеты. (...) Проводив "гостей", в первую же зиму пришлось прекратить отопление из-за отсутствия угля. Отапливали свою комнату дровами. Зимы были очень суровые, я не помню за все годы таких, одну зиму 43 года снег лежал целый месяц сугробами, мороз держался до 17 гр., но мы не очень страдали, ходили дома одетые тепло, в шапочках. (...) Наконец, четвёртую зиму страшно было оставаться в холоде, хотя и в Париже не было никакого топлива у других. Но у нас был наш уголь в квартире ещё за 40-й год, вот мы и провели зиму в Париже, и к нам все приходили греться...» (Там же. С. 336–337).

жен, хотя сейчас несколько задержался[379]. Когда мне сообщили о получении телеграммы из России относительно этого, первой моей мыслью было, что мне суждено терять всех близких мне людей. — Одним из мотивов приезда моего сюда было желание организовать печатание законченного мною 1-го тома моей работы здесь. Во Франции это должно стоить дорого — тыс. 180 или 200 (для одного тома), причем бумага скверная. Представь себе, что себе оказывается в 2½ раза дороже, даже если считать швейцар<ский> франк по официальному курсу. Неофициальный, т.е. реальный в 2½ раза выше. На это у меня пороха не хватит. — Не буду писать тебе, по крайней мере, сейчас, о моих швейцарских впечатлениях. Первое было, что отыскал остаток du monde perdu[380], perdu — после войны. Приглядевшись ближе, видишь, что и здесь война не прошла бесследно, но влияние ее совсем иное. Я здесь уже 20 дней и постепенно начинаю поддаваться очарованию, которое имела для меня всегда Швейцария, точнее швейцарская природа и швейцарская культура. Особенно я почувствовал это здесь, в Берне. — Содействовало этому и то обстоятельство, что завязал, вернее возобновил я здесь некоторые связи с швейцарской академической средой. — Надо кончить письмо, не хочу оставлять его на завтра, вышло telle quelle[381], а в следующий раз буду продолжать. Обнимаю тебя и шлю сердечный привет Т. С.[382]

---

379 Возвращение Елизаветы Дмитриевны в Россию так и не состоялось. «В конце июня 1948 года у неё случился удар. Мария Ивановна трогательно заботилась о “своей любимой подружке” и регулярно посылала Анне Алексеевне подробнейшие письма о состоянии здоровья Елизаветы Дмитриевны. (...) В конце сентября 1948 года из Парижа пришла телеграмма: “Мама скончалась этим вечером без страданий. Целую и очень тоскую...”» (Двадцатый век Анны Капицы: воспоминания, письма. С. 343).

380 Исчезнувший (потерянный, пропавший) мир (*фр нц.*).

381 Такое, какое есть (*фр нц.*).

382 Последние три строки вписаны на полях с левой стороны страницы.

70. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11

16.IX.46[383]

Дорогой Вася, наконец-то письмо от тебя! Я начал было опять беспокоиться о тебе. Рад за тебя, что ты в добром здравии и совершил приятное путешествие в Швейцарию. Из твоего письма мне неясно, долго ли ты там еще остаешься. Пишу на всякий случай по указанному тобой адресу, в надежде, что, в случае твоего отъезда тебе перешлют письмо[384].

Мне не совсем ясно, какие паспортные дела ты там устраиваешь. Если ты хочешь и можешь стать швейцарским гражданином, то от всей души поздравляю и благословляю тебя на это — лучше и придумать нельзя. Никак не могу допустить, чтобы такой умный человек, как ты, мог думать о том превращении, которое совершают теперь многие русские во Франции. Как ни тягостно положение эмиграции, оно все же несравнимо лучше положения людей, которые, как остроумно писал мне В. А. Оболенский, меняют состояние лишенного родины субъекта на обретший родину объект. Судьба их, в случае международного осложнения, очевидна: либо концентрац<ионный> лагерь, либо принудительная отправка на родину. Но я уверен, что это толкование загадочных фраз твоего письма ошибочно.

К моим обычным хворостям прибавилась новая — утомление глаз при чтении и писании. Был у окулиста, к<ото>рый прописал мне новые очки для чтения (к<ото>рые, по здешним послевоенным условиям, бу-

383 Приписка — возможно, рукой Ельяшевича — «Нап. 12. XII».

384 Приписка С. Франка: «Только что убедился, что я затерял твой конверт с твоим бернским адресом — приходится поэтому адресовать письмо в Париж».

дут еще не скоро готовы) и велел глазам давать отдыхать после каждого получаса чтения и писания. Это лишает меня единственного оставшегося удовольствия — обильного чтения; надо делать выбор между многими интересными книгами и ограничиваться немногим. Затрудняет это также и писание, в частности переписку, которая как раз в последнее время к моему ужасу (это, конечно, не относится к переписке с друзьями) стала весьма обширной. Дело в том, что ко мне пришла, хотя и не слишком громкая, но запоздалая и мне теперь ни к чему ненужная слава: пишут мне и читатели моей английской книги, и слушатели моих лекций по радио (из Германии), и вежливость требует отвечать им. Мои немецкие лекции по радио выйдут, между прочим, брошюрой в Берлине — под носом советского правительства. Я колебался сначала дать на это согласие, опасаясь неприятностей от сов<етского> прав<ительства> для BBC и косвенно для меня; но BBC меня заверило, что все равно русские тщательно слушают все радиопередачи из Лондона и потому осведомлены об их содержании. Надеюсь, что лекции в BBC будут продолжаться; это единственный доступный мне способ заработка, и притом относительно легкий и приятный[385].

В семейных делах ничего особенно нового. Наташа сейчас в Париже — поехала туда отдохнуть и развлечься, на днях уже возвращается; она должна была позвонить тебе на всякий случай, но вероятно, не застанет тебя в Париже. Алеша занимается приятной ему случайной работой по приведению в порядок частных садов — здесь ведь почти каждый дом имеет сад; мешают только почти беспрерывные дожди. Дело об его вознаграждении за увечье — ты, вероятно, знаешь, что военные власти, признавая его моральное право, заявили, что у них нет средств удовлетворить его; об этом, в результате письма Т<атьяны> С<ергеев-

[385] Известны также англоязычные лекции С. Франка о Вл. Соловьёве, читанные на BBC в 1949 году.

ны> к Mrs. Roosevelt[386], ген<ерал> Эйзенхауер официально ей сообщил — находится теперь в руках А. Л. Толстой[387] и С. В. Паниной[388], к<ото>рая обещала энергично хлопотать. С. В. Панина написала мне необыкновенно сердечное письмо[389] (я был когда-то связан с ней в П<етер>бурге, а потом не раз встречался в Праге); утешительно, что есть еще на свете такие люди, хранители лучших традиций русской интеллигенции.

Вася по-прежнему энергично ищет, но не находит работы — кроме языков, он ничего как следует не знает; и мы уговариваем его начать учиться с запозданием, тем более, что он имеет шансы получить на это стипендию; но он настолько ответственный и рассудительный юноша, что за его будущее я спокоен.

Обнимаю тебя. Не оставляй нас долго без вестей. Как Лиза Эпштейн[390]? Передай ей мой привет.

Твой С. Франк.

---

386 Элеонора Рузвельт (1884–1962), жена президента Франклина Делано Рузвельта, в 1946 году работала в ООН, возглавляла комиссию по подготовке Всеобщей декларации прав человека.

387 Толстая Александра Львовна (1884–1979) — младшая дочь Льва Толстого, в 1929 г. покинула СССР, в 1941 г. получила американское гражданство, помогала многим русским эмигрантам.

388 См. прим. 146 к письму 29.

389 В фонде С. Франка в Бахметьевском архиве есть письма С. В. Паниной С. Л. Франку от 2 сентября 1946 и 27 апреля 1947 г. В первом она пишет о желании — своём и А. Л. Толстой — помочь в деле Алексея: «Очень, очень надеюсь, что удастся добиться справедливого решения дела, хотя бюрократизм во всех центральных учреждениях ужасный и в этой стране». Но во втором констатирует, что «мне ничего не удаётся сделать для Вас» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 2. Cataloged Correspondence. Panina, Sofiia Vladimirovna).

390 См. прим. 315 к письму 61.

71. В. Ельяшевич — С. Фр нку

12 декабря 1946 г.

Дорогой Сеня, после возвращения из Швейцарии я попал в такой водоворот, что окончательно потерял контроль над своим временем. И в нормальное время жизнь моя так сложилась, что необычное <так!>, для такого старого, как я, человека, уходит на хозяйство, хождение «на базар», и прочие пустяки. Теперь же на меня обрушились дела более противные и требующие еще большего времени и сил. Вот уже месяцев 8, как я стою накануне переезда на новую квартиру, маленькую и мою собственную. Из той, которую я занимаю, меня стараются выжить уже полтора года. К несчастью, моя собственная занята, в порядке нелегальном, и только теперь, после суда, удалось добиться указания срока, когда сидящая там дама должна будет очистить ее. Это 15 Февр. Переезд для меня связан с продажей ⅔ мебели и вещей, вещь для меня совершенно необычная и сложная. Она становится еще сложнее из-за того, что я не могу попасть в эту квартиру и выяснить, какую мебель я могу сохранить. Сюда присоединяются всякие дела, связанные с моими заграничными ресурсами — других у меня уже нет, — а подход к заграничным чрезвычайно сложен.

Я думаю, тебе и читать об этом скучно, каково же мне не только возиться с этим, но и посвящать этому большую часть своих времени и сил!

Твои соображения в связи с моими замечаниями о моих «визовых» делах в Швейцарии меня очень позабавили. Дело сводилось к следующему. Я ждал визы 12 недель. Это еще при неизменившихся обстоятельствах. Здесь же из советских кругов распространяются слухи, что в будущем на наши паспорта заграничные визы давать не будут. Так как поездки в Швейцарию для меня жизненная необходимость, то мне нужно было, во что бы то ни стало, сначала выяснить этот вопрос, а затем облегчить себе визы <?>. О швейцарском гражданстве и речи быть теперь не может. Кажется, мои хлопоты не остались без результата. По край-

ней мере, в Министерстве мне обещали сделать все, что только возможно. Они оказались необыкновенно внимательны и предупредительны.

Я писал тебе, что печатание работы в Швейцарии оказалось невозможным. Оно, по крайней мере, втрое дороже, чем здесь. Здесь я уже устроился с типографией, и теперь разрешаю трудный вопрос с бумагой. Пока что, выверяю цитаты и ссылки.

Ты меня спрашиваешь о Лизе[391]. Вела она себя по-геройски. Но смерть Шуры перенесла чрезвычайно тяжело. По-видимому, и материальные ее дела не в порядке. Ей устроили в Женеве выставку ее картин за очень длинный промежуток времени. На рассылаемых билетах пометка, что вся выручка от продажи картин поступает целиком в пользу художницы. Каковы результаты, я еще не знаю. Вообще, довольно давно не имел от нее писем, и написал уже ей довольно тревожное письмо, тем более, что она осталась теперь в Женеве совершенно одна.

Не плати мне злом за зло и напиши не откладывая. Надеюсь теперь возобновить регулярную переписку.

О здешних просоветских настроениях можно сказать: «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней»[392].

Сердечный привет Татьяне Сергеевне.

Твой В. Ельяшевич.

---

[391] См. прим. 315 к письму 61.

[392] Цитата из стихотворения А. И. Полежаева (1804–1838) «Вечерняя заря» (1829):

Я увял, и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда!
И я жил — но я жил
На погибель свою...
Буйной жизнью убил
Я надежду мою...
Не расцвёл — и отцвёл
В утре пасмурных дней...

[Содержание]

72. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11

16.XII.46

Дорогой Вася, спасибо за письмо. Я опять начинал беспокоиться о тебе и не писал только потому, что не знал точно, где именно ты находишься.

Прежде всего: Тат. Серг. призналась мне в том, что доселе скрывала от меня — что она за моей спиной переписывалась с тобой, просила твоей помощи и что ты прислал 25 фунт<ов> на Алешино лечение. Я был потрясен и очень недоволен ею, я бы на это никогда не согласился, п<отому> ч<то> и без того должен тебе деньги. Но тебе я хочу сказать, что я глубоко тронут и сердечно благодарю тебя за твою доброту. Алеша как раз на днях ложится в госпиталь, где один знаменитый английский специалист, с к<ото>рым его свел один молодой врач (сын моей переводчицы) по доступной цене должен произвести сложную операцию (заменить зияющее отверстие видимостью закрытого глаза — вставить искусственный глаз невозможно).

Я был потрясен известием о смерти Шуры Эпштейна. Бедная Лиза — на старости остаться совершенно одинокой и без средств! Будь добр, напиши мне не откладывая, хоть открыткой, ее адрес — я хочу написать ей.

Очень интересны мне были сведения о твоей жизни. Хорошо понимаю, как скучна тебе возня с предстоящим переездом, вдобавок к трудности одинокой жизни. Но может быть, — я надеюсь на это, — в новой маленькой квартире тебе будет и легче жить, и душевно спокойнее.

В моей жизни ничего нового. Алеша после операции — которая отнимет месяца два — поступает на ферму какой-то знатной и богатой американки, чтобы на практике поучиться разным отраслям сельского хозяйства, — самое подходящее для него дело. Вопрос об его вознаграждении

за увечье, о котором хлопочет в Нью-Йорке «Толстовский фонд»[393] (реально — С. В. Панина[394]), пока разрешился отрицательно — американск<ое> правительство ответило, что денег на такие вещи у него нет и что никакого легального права Алеша не имеет. Хотя мы еще предпринимаем попытки в других направлениях, но я очень сомневаюсь в возможности успеха.

Наш Вася получил хорошее место в кульмановской организации по беженцам[395], и на днях уезжает в Австрию — будет там заниматься устройством судьбы русских беженцев или, как гласит нынешний официальный русский термин — «перемещенных лиц». Работа деликатная, дипломатическая и очень интересная — требует ума, такта, энергии и сообразительности, но он, я думаю, на нее способен — очень дельный парень. Для нас это, конечно, большая потеря — и потому, что трудно разлучаться надолго, и потому, что он в нашей семье главный помощник и утешитель. Но для него это может быть началом хорошей административной карьеры (он скоро станет английск<им> подданным) и, так как ему психологически было бы трудно приниматься вновь за учение после 5-летней военной службы (не говоря уже об отсутствии средств на это), то это — лучший выход.

Мое здоровье в прежнем состоянии — боли в груди по-прежнему делают почти невозможным хождение по улице. Я теперь доверился упомянутому выше молодому врачу, человеку добросовестному и милому, и потому полезному, несмотря на малую опытность. Он поставил, по-моему, совершенно верный диагноз — нервные спазмы сосудов, питающих сердце — некоторое подобие (к счастью, только подобие)

---

393 Толстовский фонд — основан А. Л. Толстой в апреле 1939 г. в Нью-Йорке как Комитет всем нуждающимся русским вне России (см.: *Т. И. Ульянкин* . «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе. С. 200–258).

394 См. прим. 389 к письму 70.

395 См. прим. 117 к письму 20.

грудной жабы (последняя, как я понимаю, бывает при закупорке сосудов). Начал принимать лекарства, к<ото>рые он дал, и, кажется, испытываю маленькое облегчение. — Много думаю, но пока не способен на напряжение, нужное для писания. Занят составлением сборника «Русск<ие> религиозн<ые> мыслители» (по-английски)[396]; очень затруднен при этом невозможностью посещать библиотеки — об этом надо просить других. Этим делом занимаюсь больше в надежде заработать — по существу т<ак> наз<ываемые> «русск<ие> религ<иозные> мыслители» 20 в., в общем, порядочное дрянцо. Обнимаю тебя, не ленись писать.

Твой С. Франк.

73. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq-Jay, 7e
Tél. Inv. 44–54[397]

14 мая 1947 г.

Дорогой Сеня!

Не знаю, предполагаешь ли ты, что я уже отправился к праотцам, или еще жив, но сошел с ума. Представь себе, что ни то, ни другое, хотя все основания к тому были. Я провел три месяца самых утомительных в течение всей моей жизни. Никогда еще я себя не чувствовал таким усталым. Два месяца я готовился к переезду, торговал мебелью, занимался ремонтом квартиры. Месяц я переезжал и устраивался. Оказался для всех этих работ плохо приспособленным. Важно не это, важно то, что я на новой квартире и дня три, как начинаю входить в нормальную жизнь. Начинаю

---

[396] См. прим. 309 к письму 60.

[397] В правом верхнем углу листа штамп: «51, Boulevard Beauséjour (XVIe) tel. auteuil 57–74»; однако адрес перечёркнут и написан от руки новый (то же повторяется во всех последующих письмах В. Ельяшевича). La rue Cognacq-Jay — улица в 7 округе Парижа.

и привыкать к новой обстановке. Во многих отношениях чувствую себя здесь лучше, чем на старой квартире. Новая — вдвое меньше, и для моей психики это благотворно. Приятно и то, что стоить она мне будет втрое меньше прежней. При тех сумасшедших ценах, какие здесь устанавливаются, это факт для меня очень существенный.

Из-за переезда пришлось на три месяца прекратить работу. Хуже то, что из-за этого откладывается печатание. Я просил типографию не посылать мне во время переезда корректуру. Тем временем на типографию навалились заказы, и приступить к печатанию моей книги они смогут лишь в Июле. Обещают закончить к Сентябрю. Моей работы это, конечно, не остановит. Я работаю, не думая ни о каких внешних достижениях или даже сроках, ни о чем temporal. Как бы в вечность.

Дорогой мой, что я замолчал, это объяснимо. Но почему ты упорно молчал, это менее понятно. Раскачайся и напиши мне подробно о себе и о своих. Возобновим регулярную переписку, которая мне очень нужна.

Кстати, о переписке. Пред выездом я впервые занялся разбором бумаг, накопившихся за 27 лет. Перевозить всего не было возможности, да и не хотел, чтобы все это попало в чужие руки. Всю нашу переписку с Фаней и с детьми я уничтожаю. Также письма родных. Но письма людей, у которых будет «биография» я сохраняю «для истории». По просьбе здешнего «О<бществ>а охраны русских культурных ценностей»[398], я передал им на хранение письма некоторых из таких «биографических» людей. Можно ли так поступить с твоими письмами, коих у нас имеется большое количество, конечно, с тем, что они смогут быть использованы только когда нас уже не будет? Обнимаю тебя и Татьяну Сергеевну.

Твой В. Ельяшевич.

[398] Общество охранения русских культурных ценностей (Association pour la conservation des valeurs culturelles russes) — основано в 1945 г. В. Ельяшевич был его вице-председателем.

74. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

46, Corringham Rd.
London NW11

19 мая 1947

Дорогой Вася, наконец-то от тебя письмо! Я начал было серьезно беспокоиться о тебе (хотя и не имел тех предположений, о к<ото>рых ты пишешь), но из русской газеты узнал, что ты жив и даже участвуешь в общественных делах. Конечно, я много раз собирался тебе писать, но — «суждены нам благие порывы». Я в постоянном опоздании с ответами на получаемые письма, что дает некое подобие оправдания на отсрочку писем по собственной инициативе. К тому же за это время и у меня была и текущая работа, не ахти какая, но с которой мне все же трудно справляться, и волнения. Ну, прежде всего, о тебе. Я рад, что после многих хлопот ты переселился и устроился по-новому и, как ты пишешь, более уютно. Внешние условия в нашем возрасте неизбежно много значат для душевного состояния. Место, в котором ты теперь живешь, мне хорошо знакомо — мы прожили в тех же местах, на rue Maria Hérédia, несколько месяцев до переселения в Fontenay в начале 39 года[399]. Поздравляю с новосельем и желаю тебе доступного нам счастья, т. е. покоя, здоровья и мирного труда.

Теперь обо мне. Работа моя состоит в редактировании сборника — антологии русских религиозных мыслителей, от Толстого до нашего времени, о чем, впрочем, я уже давно писал тебе. Взялся я за эту работу гл<авным> обр<азом> ради денег — стипендия моя кончилась — но постепенно отчасти увлекся ею, отчасти она меня завлекла во множество

[399] La rue José-Maria-de-Heredia — улица в 7 округе Парижа. Очевидно, там искали пристанище Франки после Бюсси, но это был «месяц всяких квартирных неудач» (Воспоминания Татьяны Сергеевны Франк. С. 214–215; см. прим. 140 к письму 27).

забот, хлопот и большую переписку. Надо было списываться с авторами (или их наследниками), разыскивать книги, добывать библиографич<еские> справки. При страшной скудости русских книг в Англии (включая даже Брит<анский> Музей!) и трудности для меня передвигаться — все это очень хлопотливо (я написал вступительную статью и почти закончил 13 биографически-критически-библиографич<еских> заметок о всех участниках (включая меня самого!). Я просил было Богословский Институт в Париже помочь мне присылкой нужных книг, но мне в этом было отказано на том бюрократическом основании, что книги за пределами Парижа не выдаются[400]. В конце концов, мне помог лично о. В. Зеньковский справками и выписками из книг[401]; а одну русскую книгу мне удалось достать,

---

[400] В одном из писем С. Франку (без даты) В. Зеньковский пишет: «Я доложил Правлению Бог<ословского> Института Ваше дело. К сожалению, Правление затрудняется выслать Вам книги: при самом искреннем желании пойти Вам навстречу, Правление должно было держаться тех суровых правил, которые были установлены для нашей Библиотеки, утерявшей очень много ценнейших русских книг. Уже несколько времени назад было постановление, категорически воспрещающее высылать книги за пределы Парижа. Если бы Вы приехали в Париж, то все было бы предоставлено в Ваше пользование (...)» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 3. Cataloged Correspondence. Zen'kovskii, Vasilii Vasil'evich).

[401] Так, в письме С. Франку 11 марта (очевидно, 1947 г.), В. Зеньковский пишет: «Посылаю Вам ряд отрывков на разные темы у Н. Ф. Федорова. (...) За переписку я уплатил 300 fr. Денег мне не пересылайте, а в возмещение их попросите Наташу (Татьяну Сергеевну не хотел бы тревожить) купить для меня на эти деньги 2 фунт. пакета чаю, 1 фун. пакет кофе (если есть молотого) (и кофе и чаю почти невозможно сейчас у нас достать даже на "черн. бирже"), а если ещё останутся деньги — банку концентр<ированного> сладкого молока. — Выписки напечатаны в 2 экземплярах, один на всякий случай остался у меня». В письме от 27 апреля (очевидно, тоже 1947 г.) он также сообщает ряд биографических сведений о П. Флоренском. А в письме от 28 мая, сообщая биографические сведения о Н. Фёдорове, между прочим, пишет: «Прежде

выписав ее от знакомых в Америке. Из своих работ я решил было, для упрощения, поместить мою последнюю статью «Ересь утопизма» (Новый Журнал № 14 — не знаю, случилось ли тебе видать ее); но теперь мне говорят, что я обидел себя самого, дав случайную работу вместо эссенции моих идей. И я, послушавшись этого указания, принялся за писание особой статьи. Сообщаю тебе эти детали, чтобы дать тебе представление, что на мне тоже лежала это время большая — по моим силам — нагрузка. Теперь я приближаюсь к концу, и обязался к 15 июля представить полную рукопись по-английски.

А волнения мои — и Т. С., конечно — состояли в том, что в январе случились с Алешей в течение одного дня два эпилептических припадка — запоздалое последствие ранения мозга, или, точнее, как объясняют врачи, зарубцевания раны. При этом никто не мог предсказать, не будут ли они повторяться, и как часто. Нужно было сделать исследования и говорилось, что м<ожет> б<ыть> нужна вторичная операция. К счастью, припадки доселе не повторялись (чтó не есть, однако, гарантия на будущее, а только уменьшает шансы дальнейшего повторения), и операция была признана ненужной. Но с этим связано и другое осложнение: ему уже давно произвели бы необходимую пластическую операцию (на месте потерянного глаза), но хирург (здешняя знаменитость по этой части), к<ото>рый обещал ее сделать, отказался до выяснения вопроса о возможности повторения припадков. Теперь, наконец, он снова заявил о готовности ее сделать, но в здешних госпиталях нужно ждать вакансии месяцами. Мы надеемся, однако, что вскоре она будет произве-

всего благодарю Вас сердечно за посылку — я ещё не получил её, но как раз мой запас чая весь вышел, и присылка чая как нельзя кстати. То же должен сказать и о молоке. Сердечное спасибо!» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 3. Cataloged Correspondence. Zen'kovskii, Vasilii Vasil'evich).

дена. А до этого нельзя думать ни о какой постоянной работе для него, т<ак> к<ак> операция (состоящая из ряда тончайших операций) должна занять не менее 2 месяцев. Алеша пока перебивается случайной работой по уборке садов в Лондоне.

В остальном все более или менее по-старому, т. е. с грехом пополам. Здоровье мое лучше; меня лечит совсем молоденький врач, полурусский, личный знакомый. Его ли стараниями, или из-за наступления весны, но боли при хождении почти прекратились или ослабели; но слабость сердца продолжается, и путешествия по Лондону остаются слишком утомительными. — Тат. Серг. тоже похварывает, силы уже не те, но энергия, к счастью, прежняя; наряду с непосильной работой по дому она ухитрилась изучить шляпное дело и понемногу начинает подрабатывать — имеет успех и у русских дам, и у англичанок. — Наташа по-прежнему скорбит; ей надо бы вырваться из дому и начать как-то новую жизнь, но пока это все не удается. — Виктор усердно работает по-прежнему в русском отделе BBC и вместе с тем пишет статьи в журналах о делах Сов<етской> России и уже приобрел себе репутацию знатока по этой части. Не знаю, писал ли я тебе, что Вася служит в Австрии, в организации по беженцам (живет в Граце); он покинул нас в конце декабря, теперь вскорости ждем его на побывку, в отпуск. Эти двое, Виктор и Вася, дают большое моральное утешение, — оба — дельные и ответственные люди, а теперь к тому же дают и материальный фундамент нашего существования.

Ну вот, кажется, главное тебе сообщил. Насчет вопроса о моих письмах. Категорически отказываюсь от чести их сохранения где бы то ни было для назидания потомства. Я не более «биографический» человек, чем ты. А если бы и нашелся такой потомок, к<ото>рый захочет заняться моей биографией, то хватит с него моего общественного и литературного curriculum vitae. Не желаю, чтобы когда-либо кто-либо копался в интимно-личных обстоятельствах моей жизни, ибо за них не хочу отвечать ни перед кем, кро-

ме Господа Бога. Если тебе лично не нужны эти старые письма, то уничтожь их, пожалуйста, как уничтожил другие. Из того, что ты предлагаешь передать их в какой-то архив, заключаю, что они тебе не нужны, и что поэтому ты можешь исполнить мою просьбу. Во всяком случае, никому и никуда их не передавай, и не давай на будущее прав на них.

Тат. Серг. просит тебе передать, что она тоже все время порывалась писать тебе, но не могла собраться из-за волнений и множества работ и хлопот.

Обнимаю тебя. Будь здоров и отныне не оставляй меня так долго без вестей

Твой С. Франк

75. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq -Jay,
Paris, 7e

23.VII.1947

Дорогой Сеня, опять с моим «очередным» письмом произошла задержка. Причины все те же. Я совершенно débordé[402], как говорят французы. И не во мне лежит причина, а в теперешних условиях жизни. «Нормальная» жизнь ставит такие требования, что надо затрачивать массу времени и еще больше сил, чтобы держать все в большем или меньшем порядке. А если еще при этом работать, то, в конце концов, не понимаешь, как со всем этим справляешься.

Три месяца потратил я на устройство квартиры и на устройство свое в квартире. Получилось зато нечто и очень уютное, и более удобное, нежели моя прежняя большая квартира. А начиная с Июля затрачиваю непомерные уси-

[402] Перегруженный, заваленный (работой) (*фр нц.*).

[Содержание]

лия, чтобы пустить в ход печатание книги. Типография обещала начать печатать в Апреле. Воспользовавшись тем, что в Апреле из-за переезда я не мог делать корректуры, типография заявила, что она взялась за другую работу, которой бросить не может. Обещала начать в Июле. Сегодня 23[е], а я едва добился присылки мне образца печати, корректура же еще не намечалась. Занимаюсь пока выверкой текстов по рукописи и размышляю над продолжением. Само собою разумеется, что при таких условиях я никуда из Парижа не двинусь, хотя здесь сейчас трудно — жара доходит до 38° в тени. Впрочем, теперь и экономические условия летних поездок здесь таковы, что они стали недоступны для petits rentiers[403], каковым я оказался. Подчас жалею, что я так резко оборвал практическую работу в 1941 г. Но теперь уже ничего не поделаешь — вернуться к ней теперь уже невозможно.

Прочитал на днях — и с величайшим удовольствием — твою статью Ересь утопизма[404]. Как всегда, и глубоко, и оригинально, и прекрасно изложено. Но что за идиотская типография, перепутавшая страницы! Я уверен, что часть читателей запуталась в лабиринте. Как жаль, что твои религиозные мыслители появятся только по-английски[405]. Юридические работы по-английски я читаю, но религиозная философия на английском языке!.. А теперь это одна из категорий книг, которые я читаю особенно охотно.

Твое последнее письмо было мне особенно интересно, благодаря подробному изложению всего, касающегося твоей семьи. Если тебе это не утомительно, продолжай так же. Меня это очень интересует, и не только в головном порядке.

Имел только что письмо от Лизы[406]. Она очень несчастна. Совершенно одинока и работать не может, лежит

[403] Мелких рантье (*фр нц.*).
[404] См. прим. 307 к письму 60.
[405] См. прим. 309 к письму 60 и письмо 74.
[406] Елизавета Эпштейн (см. прим. 315 к письму 61).

[Содержание]

из-за ноги. Напиши ей! Ее адрес 1, Florissant, Genève[407]. Как жаль, что я не могу поехать в Швейцарию. Шлю самый сердечный привет Татьяне Сергеевне и обнимаю тебя.

Твой В. Ельяшевич.

76. В. Ельяшевич — С. Фр нку

21го Сентября 1947 г.

Дорогой Сеня, долго не получал от тебя ответа на мое прошлое письмо, начал беспокоиться и все собирался написать тебе вторично. Наконец, получил[408], успокоился и опять пропустил несколько недель. Несмотря на некоторые перебои в нашей переписке, она хороша тем, что дает мне полное представление о твоей жизни. Что ты не досказываешь, я теперь очень легко восстанавливаю сам. Продолжай только писать мне так же обстоятельно, чтобы я имел представление обо всех членах твоей семьи, которые меня все интересуют.

Очень я обрадовался твоему известию, что ты пишешь книгу, где подведешь итоги всей твоей философии[409]. Буду

---

[407] В фонде С. Франка в Бахметьевском архиве имеется письмо Е. Эпштейн С. Франку от 22 февраля 1948 г., которым она отвечает на «Ваше такое хорошее сердечное письмо от 31 июля», подробно описывая болезнь и смерть мужа, а также своё физическое и душевное состояние (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 9. Unidentified U–Z).

[408] Этого письма С. Франка в нашем распоряжении нет.

[409] В 1947 г. С. Франк интенсивно работал над будущей книгой «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия», которая, впрочем, первоначально имела другое название. В одной из записных книжек С. Франка находим записи: «14. XII — кончил книгу. 3. I.1948 — окончательно закончил книгу “Человек и реальность”» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 15: Notebooks of Semen Frank. Записная книжка, Лондон, 1948). На самом деле

ждать ее с нетерпением, ибо этот синтез меня более всего интересует. Ведь я знаю тебя полвека, и все фазы твоего интеллектуального и духовного развития и роста прошли, можно сказать, на моих глазах. Только издай ее, непременно, по-русски или и по-русски. Сейчас это уже опять осуществимо. Имка издает сейчас громадную работу Мочульского о Достоевском[410]. У нее специальный договор с одной здешней русской типографией об издании русских книг, и я убежден, что твою книгу она издаст с удовольствием.

Моя жизнь идет по той же колее, какая наметилась последние годы. Переезд на квартиру, маленькую, уютную и не напоминающую мне каждую минуту о прошлом, облегчил мне существование. Книга печатается, и 200 стр. уже набрано — их предполагается 360–380. Печатается медленно, ибо типография печатает, кроме имковских изданий, 3 газеты противоположных направлений, а работает, за отсутствием электричества, только 4 дня в неделю. Если я прибавлю, что цены на жизнь растут у нас с головокружительной быстротой, то эти два штриха дадут тебе некоторое представление о нашей жизни здесь.

Так как корректура не наполняет моей жизни, и я стал тосковать, то принялся параллельно за второй том[411]. Работаю над Иваном Грозным, с которого начинается этот том, и увлекся страшно. Если подойти к нему с точки зрения изучения фактических данных, он совсем не то, что, с легкой руки Карамзина, рассказывает о нем наша историческая литература. Ни Ключевский, ни даже Платонов из этой ко-

---

текст потом ещё редактировался и действительно «окончательно» был завершён в сентябре 1949 г.

[410] *К. В. Мочульский*. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, YMCA-PRESS, 1947.

[411] *В. Б. Ельяшевич*. История права поземельной собственности в России. Т. II. Иван Грозный. Семнадцатый век. Пётр Великий и его ближайшие преемники. Париж, 1951. Рец: *А. Петрункевич*. Из истории права поземельной собственности в России (О книге проф. В. Б. Ельяшевича) // Новый журнал. 1952. Кн. 29. С. 317–328.).

[Содержание]

леи не выбились. Очень интересно, что у меня в конце концов из него получится.

Сердечно кланяюсь Татьяне Сергеевне. Ее жизнь я себе тоже отчетливо представляю. Пиши, дорогой! Если Вася будет проезжать через Париж, я бы очень хотел его повидать.

Твой В. Е.

77. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq -Jay, VII

26.XII.1947.[412]

Дорогой Сеня, опять у нас в переписке перебой. С моей стороны это почти неизбежно ввиду внешних условий моей жизни. Благодаря моему одиночеству, достаточно внешнего нарушения порядка моей жизни, чтобы я оказался заблокированным, выражаясь современным термином. Всякая болезнь моей femme de ménage заставляет меня не только ходить на базар, но превращает меня в кухарку — ремесло, с каким я [нрзб.] никак не могу. В настоящий момент я как раз в таком положении. Моя femme de ménage, которая поступила ко мне еще при Фане и осталась у меня с той поры, заболела — слабость в сердце, как выразился врач, — и лежит уже неделю, и должна пролежать еще три недели. Слава Богу еще, что я на маленькой квартире и могу кое как поддерживать чистоту и порядок, а то было бы совсем невыносимо. Нечего и говорить, что у нас теперь, как, впрочем, кажется, и у вас в Лондоне, достать какую бы то ни было прислугу совсем невозможно.

Что касается моей работы, то в настоящий момент положение таково. Набор всей книги, более 300 стр. подписан

[412] Вверху страницы дописано рукой С. Франка: «отв. 7.I.48». Ответного письма С. Франка в нашем распоряжении нет.

[Содержание]

к печати (остается еще 100 стр.), но к настоящему печатанию не приступлено — задержка с бумагой. У них это больной и трудный вопрос. Как будто бы это намечается, и тогда к началу Февраля можно ждать выхода книги.

Так как без работы я сейчас существовать не могу — начинаю тосковать, — то я уже приступил к работе над 2-ым томом. Начинается он с Ивана Грозного. Совершенно бесспорно, что его царствование — поворотный пункт в истории поземельного права, и чтобы охарактеризовать это, я должен выяснить — хотя бы для себя — загадку этой личности. Я даже не представлял себе, какая это завлекательная и почти неразрешимая задача. Ни одному из наших историков разрешить эту проблему не удалось. Я за пределы той, сравнительно узкой, задачи, которую я себе поставил, не выйду. Но даже в этих пределах это чрезвычайно увлекательно.

Другая проблема, совсем иного порядка, которая совершенно неожиданно стала передо мною, материального порядка. По кончине Фани я решил, что могу спокойно прекратить работу и заняться наукой, так как на мой век, в буквальном смысле, хватит, даже с печатаньем работ. Я не учел возможности тех хозяйственных мировых пертурбаций, каковые произошли. Сейчас я стал перед дилеммой: или попытаться возобновить практическую деятельность, или радикально изменить строй жизни. В настоящий момент осматриваюсь, в какой мере возможно первое. Второе всегда возможно, если неизбежно.

Вот, дорогой мой, все, касающееся меня. Продолжай держать меня в курсе всех твоих дел. Удалось ли Васе выбраться к вам? Скажи ему, что мне бы очень хотелось повидать его, когда он проедет чрез Париж. Когда кончаются медицинские мытарства Алеши и как сложится тогда его жизнь? Все это мне близко.

Сердечно приветствую Татьяну Сергеевну. Никогда я так близко ее не почувствовал, как в ваше последнее пребывание в Париже. Тебя обнимаю.

Твой В. Ельяшевич.

[Содержание]

78. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq-Jay, VII

<февр ль — н ч ло м рт 1948>[413]

Дорогой Сеня, мое последнее письмо осталось без ответа. Хочу думать, что в основе этого не лежит болезнь в вашей семье или какие-либо тяжелые переживания. И хотя я себе поставил за правило никогда не тревожиться без определенных оснований к тому, но на практике это удается плохо.

Жизнь моя распадается на два сектора. Большой сектор — это моя работа, соприкосновения с лицами тех же интересов — два О<бщест>ва исторические, S-té d'Historien de Droit[414] и Русск<ое> Историч<еское> О<бщест>во[415] — и небольшой круг друзей. В этом секторе все обстоит как следует. Книга моя напечатана, сейчас брошюруется и выйдет чрез неделю[416]. Работаю над вторым томом (начал с Ивана Грозного). Работа, как всегда, захватила. Не только скучать, но даже задумываться не остается времени. Хуже с малым сектором, повседневной, в особенности, хозяйственной жизни. Хозяином я оказался неважным, а условия хозяйничанья не только не улучшаются, а становятся, пожалуй, хуже. А все, что делаешь плохо, всегда кажется тяжким.

---

[413] Письмо не датировано. Вверху листа дописано рукой С. Франка: «отв. 7.III» (этого письма С. Франка в нашем распоряжении нет). Судя также по содержанию, письмо следует датировать концом февраля — началом марта 1948 г.

[414] Очевидно, La Société d'histoire du droit — Общество историков права, создано в Париже в 1913 г. (см. http://societehistoiredudroit.com/la-societe.php).

[415] Русское историческое общество было создано в Праге в 1925 г. (инициатор — историк Е. Ф. Шмурло). Оно подготовило 5 томов «Записок русского исторического общества», но, после запрета всех иностранных обществ (по закону от 12 апреля 1939 г.), напечатаны они были в Эстонии. Общество было возобновлено в Америке.

[416] См. прим. 294 к письму 57.

Сейчас между этими двумя секторами начинает втискиваться третий, обусловленный изменениями внешних условий. В течение семи лет, прошедших со времени кончины Фани, я жил чистейшим парнасцем. Бросил всякую практическую работу, ни о каких заработках не думал, а занимался лишь тем, к чему душа лежала. Всеобщий кризис оказался кризисом и для меня, и я увидел, что надо сойти на землю. Последние месяцы пытаюсь опять войти в дела. Думал, что это предприятие безнадежное. К большому моему изумлению, вижу, что напр<отив>, кой-какие возможности уже наметились, и, конечно, не в прежнем масштабе, но в некоторой степени открываются возможности заработка. Конечно, это будет работа более или менее случайная, которая на моей главной цели — продолжить книгу — отразится лишь в небольшой степени. Самое главное, хотелось бы, чтобы не исчезла возможность издать 2$^{\underline{ой}}$ том, если Господь даст возможность его закончить. Первый стоит мне на 100 тыс. (франков) больше, нежели предполагал, из-за того небывалого вздорожания, которое тут захватило абсолютно всю жизнь.

Напиши, Сеня, обо всем — о твоем здоровье, о работе, о Татьяне Сергеевне, о всех прочих членах семьи. Кстати, что из себя представляют твои внуки — чистые англичанчики, или русский дух наложил свою печать? Мечтаю, что какое-либо дело даст мне случай (и возможность!) проехаться в Лондон, и я увижу всю твою семью. Мне было бы это очень радостно. Поклонись от меня очень сердечно и низко Тат. Сергеевне. Тебя обнимаю.

Твой В. Ельяшевич.

79. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq-Jay, VII

21 окт. 1948

[Содержание]

Дорогой Сеня, вернулся из почти семинедельного путешествия по Швейцарии и сейчас же получил твое письмо, которое, как всегда, доставило мне большую радость[417]. Из путешествия вернулся отдохнувшим, поздоровевшим — до отъезда чувствовал себя плохо, пришлось даже обратиться к доктору — и освеженным. Побывал в Швейцарии повсюду — в Berner Oberland'e[418] в горах, в Берне, на Тунском и Бриенцском озерах[419], в Люцерне, где попал на потрясший меня концерт (5ая симф. и Караяновская[420] — лучшее и самое осмысленное исполнение, которое я когда либо слышал), в Монтре[421] и в Женеве. Общее впечатление — изумление, что сохранилось еще место, где люди живут не только так же благополучно, но еще комфортабельнее, чем до войны. Единственное, что останавливает внимание, это милитаризация страны. Знаю я ее с 1900 г., но в первый раз увидел швейцарскую армию, которая попадается на глаза на каждом шагу, и многое другое из той же оперы. Поразительно и сохранение прежней честности и добросовестности: ничто нигде запирать не надо, забытые вещи возвращают, невнимательностью при расплате не пользуются и др. Недавно вышла очень любопытная книга одного из самых интересных французов — André Siegfried[422]:

---

[417] Этого письма С. Франка в нашем распоряжении нет.

[418] Berner Oberland — возвышенная южная часть кантона Берн, административный регион Oberland.

[419] Тунское озеро (Thunersee) находится в кантоне Берн на высоте 560 м над уровнем моря. Бриенцское озеро (Brienzersee), также в кантоне Берн, протянулось на 14 км в длину, и рекою Аре соединено с Тунским.

[420] Очевидно, имеется в виду Пятая симфония Л. Бетховена. Скорее всего, речь идёт об участии Герберта фон Караяна в Люцернском музыкальном фестивале 1948 г. В этих фестивалях он принимал участие до конца жизни (*Н. Лебрехт*. Кто убил классическую музыку? М., 2010. С. 302).

[421] Монтрё (Montreux) находится в западном франкоязычном кантоне Во, на берегу Женевского озера.

[422] André Siegfried (1875–1959) — французский социолог, историк и географ, основатель электоральной социологии.

Suisse — démocratie modèle[423]. Но она модель не только по своей политической структуре, но и по своему общественно-моральному облику. Вот уже где антипод Америке, несмотря на необыкновенную практичность швейцарцев!

То, что ты пишешь о нестареющих духе и мысли очень меня порадовало, но порадовало только за тебя. Это твое величайшее счастье. А я столько наблюдаю людей, у которых и дух, и мысль одряхлели не менее тела. По-видимому, при физической слабости у тебя необыкновенно мощный и здоровый дух. Что будет с твоей работой «Реальность и человек»? Будет ли она печататься и на каком языке? Меня очень интересует также твоя статья о Соловьеве. Не мог ли бы ты мне ее прислать (по-русски)? Я бы посмотрел, нельзя ли ее как-нибудь пристроить[424].

Я по возвращении нашел такую массу накопившихся дел, что до сих пор не могу приняться за продолжение работы. Это создает впечатление ненужной суеты и отсутствия осмысленности жизни. Надеюсь на этой неделе вернуться в библиотеки.

Рад за Татьяну Сергеевну, что у нее есть помощница. Я представляю себе, какую работу, в ваших условиях жизни, ей приходилось проделывать. Поклонись ей от меня хорошенько. Странно, но короткое ее пребывание здесь меня более к ней приблизило, нежели вся прошлая жизнь.

Лиза очень несчастна и — я боюсь — очень больна. По моему впечатлению, у нее рак на ноге. По-видимому, она это знает, но не говорит об этом. Пиши!

Твой В. Ельяшевич.

---

[423] Название книги дано у Ельяшевича не вполне точное: Siegfried (André). *La Suisse, démocratie témoin*. Neuchatel. La Baconnière, 1948. 248 p.

[424] В 1948 г. С. Франк уже интенсивно работал над сбором материала и подготовкой антологии Вл. Соловьёва, которая затем была переведена Н. Даддингтон на английский язык и издана в 1950 г. (A Solovyov Anthology, arranged by S. L. Frank. London: S. C. M. Press, 1950. 256 p.). Франк написал предисловие и большое введение к этой книге (Preface. Introduction. P. 7–31) — очевидно, об этом тексте и спрашивает Ельяшевич.

P. S.[425] Вскрыл письмо, чтобы сказать, что твоя книга «Свет во тьме» прошла в редакционном комитете и сдана в печать[426].

80. В. Ельяшевич — С. Фр нку

6го Июня 1949

Дорогой Сеня, когда я получил последнее письмо Татьяны Сергеевны с твоим, уже не припискою, а настоящим письмом[427], я был так обрадован, что решился тотчас же ответить тебе. Что-то помешало, и вот письмо оказалось отложенным чуть ли не два месяца. Чтобы объяснить тебе это, должен рассказать тебе, как сложилась теперь моя жизнь.

Ее главное, вернее, единственное содержание — моя работа. Все, что вызывается внешней организацией жизни, связано или вызывается этой работой. Организация эта — дело не простое. У меня все еще наша старая femme de ménage, но она у меня только до часу, готовит обед и ужин и уходит. Все остальное остается уже на мне, включительно, с покупками, выходящими за пределы рынка. Каждый день какое-то количество сил надо отдавать этому. Остальные силы уходят на все, связанное с работою. Участвую я в двух Исторических Обществах, участвую активно. Французское — S-té d’Historien de Droit, международного характера, с годовыми съездами. В прошлом году было в Базеле, где я выступал с докладом, в этом году я только что вернулся из Bourges (dep. Cher)[428], где в первый раз ознакомился по настоящему с французской провинцией, и потрясен ее необыкновенно высоким культурным уровнем. Второе О<бщест>во русское, посвященное русской истории, где очень много народу, инте-

[425] Постскриптум вписан на лицевой стороне письма на полях слева.
[426] См. прим. 286 к письму 56.
[427] Этого письма С. Франка в нашем распоряжении нет.
[428] Бурж — главный город департамента Шер в центральной Франции.

ресующегося историей, и очень мало — действительно работающих. Все-таки кое-что общение с людьми дает. — Изредка вижу у себя людей, интересующихся русской историей.

Сам работаю вовсю. Редкий день, когда не бываю в одной из трех библиотек. Остальное время пишу дома. Работа очень подвинулась. Ивана Грозного закончил. Работаю сейчас над XVII в., причем с крестьянским вопросом также покончил. Как мне кажется, выяснил вопрос о происхождении крепостного права[429]. Сижу теперь на<д> поземельным правом в тесном смысле слова. Надеюсь закончить в близком будущем, и тогда останется Петр Вел<икий>, над которым мне уже пришлось работать в России (для комментария). Если Бог даст сил, к концу года $2^{\underline{\text{ой}}}$ т. должен быть закончен.

Чтобы исчерпать тему, скажу, что $1^{\underline{\text{ый}}}$ т. был встречен лучше, чем я ожидал. В американских журналах появились две большие рецензии (по-английски). Обе очень сочувственные. Вернадский[430] в Speculum[431] высказал мысль, мне очень

---

[429] Ельяшевич связывал появление крепостного права с развитием служилого землевладения при Иване Грозном (*А. Петрункевич*. Из истории права поземельной собственности в России (О книге проф. В. Б. Ельяшевича // Новый журнал. 1949. Кн. 22. С. 271). Соответственно, начало крепостного права он связывает с указом о «заповедных годах» осенью 1581 г.

[430] Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) — российский и американский историк, евразиец, сын академика Владимира Вернадского. С 1946 г. — профессор русской истории Йельского университета (США). Главный предмет полемики историков по поводу возникновения крепостного права — являлось ли государство инициатором закрепощения или крепостное право сложилось само собой под влиянием экономических факторов (например, задолженности крестьян). Так, Ключевский был сторонником «безуказной теории», т. е. считал, что государство не создавало крепостного права, а лишь закрепило сложившийся порядок вещей. Вернадский был солидарен с Ельяшевичем, что до конца XVI в. существовал свободный переход крестьян, закрепощение произошло при Иване Грозном в результате государственных потребностей.

[431] «Speculum» — ежеквартальный журнал Американской Академии Средних веков (The Medieval Academy of America), издаётся с 1926 г.

приятную: «очень удачно, что за русскую историю взялся юрист — картина получается новая». К моему великому изумлению несколько экземпляров выписали у книгопродавца в Россию. Вот чего не ожидал, ибо моя позиция в вопросе о феодализме идет абсолютно вразрез с официальной марксистской и советской доктриной[432]. И здесь были о ней доклады, с авторской точки зрения приятные, но мало существенные.

Теперь о тебе. Твои статьи в «Возр<ождении>» имеют громадный успех[433]. Я слышал уже от нескольких человек, что это лучшее, что имелось в Возрождении. Нечто подобное, про последнюю[434] статью, было высказано и печатно (в Русской Мысли). Очень понятное, но довольно печальное явление: чтобы стать известным большой публике, не надо писать «Объект знания»[435] (я не говорю уже «Непостижимое»), даже не великолепную статью, которую ты напечатал в Нов<ом> Журнале (у Цейтлиной)[436], а статью о Пушкине.

---

[432] В. Ельяшевич считал, что до эпохи Василия III никакого юридического содержания с понятием «вотчина» не связывалось, следовательно, до XVI в. в России не существовало феодальных отношений.

[433] Литературно-политический журнал «Возрождение» начал выходить в Париже с января 1949 г. под редакцией И. И. Тхоржевского. В первых номерах журнала вышли три статьи С. Франка, посвящённые А. Пушкину и П. Струве: *Фр нк С. Л.* Пушкин об отношениях между Россией и Западом // Возрождение. Тетрадь I. Январь 1949. С. 110–120; *Фр нк С. Л.* П. Б. Струве (Опыт характеристики) // Возрождение. Тетрадь II. Март 1949. С. 113–127; *Фр нк С. Л.* Светлая печаль // Возрождение. Тетрадь III. Май 1949. С. 36–51.

[434] Вверху строки перед этим словом вписано — «пред.».

[435] Имеется в виду, конечно, «Предмет знания» С. Франка.

[436] Имеется в виду статья С. Франка «Ересь утопизма» (Новый журнал, 1946, № 14). Основатель и первый редактор (вместе с М. Алдановым) «Нового журнала» Марк Осипович Цетлин умер в 1945 г. (после него главным редактором стал М. Карпович); здесь, очевидно, имеется в виду его вдова Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина, 1882–1976), которая оставалась издателем журнала (*Р. Гуль*. М. С. Цетлина // Новый журнал. 1976. Кн. 125. С. 271–273; *Ю. Г ухм н*. Судьба Александры Прегель // Наше наследие. 2001. № 57. С. 117–120).

Теперь следующее приятное известие, которое, я надеюсь, будет иметь реальные последствия.

Я вступил в переписку с Бахметьевым[437] об издании книги Струве[438]. В результате я надеюсь в ближайшем будущем <...>[439]

81. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq-Jay, VII

20.VII.1949

Дорогой Сеня, пишу тебе с таким расчетом, чтобы успеть еще получить весточку до отъезда в Швейцарию. Надеюсь выехать туда в самом конце Июля или начале Августа. Последние дни будут тяжкими, ибо я очень устал. Одно из ос-

---

[437] Борис Александрович Бахметьев (1880–1951) — учёный, товарищ министра во Временном правительстве и посол России в США, меценат, основатель «Бахметьевского гуманитарного фонда», ставшего основой Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета.

[438] С 1927 г. в Париже Струве начал работу над своим трудом «Социальная и экономическая история России с древнейших времён до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности». В Белграде в 1938 г. он закончил первую часть (от IX в. до татарского нашествия). «Струве договорился со своим парижским другом юристом В. Б. Ельяшевичем о публикации этой части во Франции, но воплощению замысла помешала война. К счастью, Ельяшевичу удалось сберечь рукопись, полный же текст, содержавший двенадцать глав, в которых рассматривался московский период, погиб в 1941 году во время налётов немецкой авиации на Белград» (*Р. П йпс*. Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001. Т. 2. С. 525). Книга была издана в 1952 г. в Париже в задуманной В. Б. Ельяшевичем серии «Русской Научной библиотеки», первым выпуском которой было «Непостижимое» Франка (см.: *Сыновья П. Б. Струве*. Предисловие издателей // *П. Б. Струве*. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952. С. IX).

[439] Окончание письма отсутствует.

нований, что моя Jemie, femme de ménage, отсутствует уже три недели (по болезни), и я должен делать по хозяйству все, что умею и что не умею. Достать здесь кого либо на время — невозможно. К тому же был несколько дней не здоров — какие то неожиданные явления, не то в связи с моим несчастным пищеводом, не то в связи с желудком.

Дело с Научной Библиотекой оформляется[440]. Формально издание будет изданием под фирмой Ymca, фактически — я с ними на равных правах редакторских и издательских. Как это удалось, это одно из чудес, которыми полна каждая жизнь, в частности, и моя. Первым номером пойдет Струве. Из-за него-то и вышла задержка. Едва удалось мне заполучить рукопись, она заблудилась между Адей, Глебом и Алексеем. Когда заполучил, был разочарован. Если даже прибавить очерк, спасенный Адей, в ней 130–140 печ. страниц. И по мнению Ymca, и по моему, это не книга для первого № Науч<ной> Библ<иотеки>. Да и как-то недостойно П. Б. Сегодня приезжает Адя, который должен был быть здесь уже два месяца тому назад, и я выясню, имеется ли что-нибудь в бумагах П. Б., относящееся к русской истории, чтобы пополнить. Ymca против издания сборника, и мне кажется, с точки зрения Н<аучной> Библ<иотеки>, что они правы.

Если бы твоя работа о П. Б. касалась бы его как историка, хотя бы в рамках его общей характеристики, как ученого, ее можно поместить в качестве введения. Но если она носит характер биографический, едва ли это подойдет. Во всяком случае, в принципе решено, что тотчас же за Струве пойдет твоя «Реальность и человек». Я об этом уже говорил с Ymca, и это одно из оснований, почему я беру на себя эту издательскую обузу, для моих старческих плечей уже тяжкую. Как только это окончательно наладится, вступим в сношения с Федотовым, которого я очень ценю и к которому у меня большая симпатия — я его хорошо знаю.

[440] Речь идёт о возобновлении серии, начатой в 1939 г. — см. прим. 132 к письму 22.

Моя работа двигается. Заканчиваю раздел 2ой, посвященный XVII в. (до Петра В<еликого>) (Первый раздел — Ив<ан> Гр<озный>). У меня ощущение, что вопрос об образовании крепостного права разрешен. Я хронологически выяснил, как произошло прикрепление крестьян к земле (автор, несколько невольный, — Ив<ан> Гр<озный>), и как прикрепление неизбежно и незаметно повлекло за собою крепостное состояние («правом» оно станет лишь при Екатерине[441]). Если Бог даст жизни еще на год, выпущу второй том (до <нрзб.> Петра[442]). Картина образования у нас настоящего права собственности на землю получается интереснейшая и совершенно непохожая на западноевропейскую.

Твоих выступлений по радио слушать не мог[443]. Я свой радио отдал, я его плохо переношу, действует на нервы. Очень жалко, уверен, что было очень интересно.

Да хранит тебя Господь! Я тебя очень люблю, и ты был одним из ближайших для меня людей в мире. Если Бог даст дней и силы, сделаю все, чтобы приехать в Лондон повидаться.

Татьяну Сергеевну обнимаю. Ее письмам я всегда рад.

Твой В. Ельяшевич.

82. В. Ельяшевич — С. Фр нку

5, rue Cognacq-Jay, VII

<м й—июнь 1950>[444]

---

[441] Екатерине должен был быть посвящён третий том.

[442] Возможный вариант: «до XVIII ст. — Петра».

[443] Речь идёт о трёх лекциях С. Франка на радио BBC (английская редакция) о Вл. Соловьёве, которые прозвучали в конце апреля 1949 г. (Spiritual and social prophet; Traditionalist and Free-Thinker; Vision of the Coming Catastrophe).

[444] Письмо не датировано. Очевидно — май или июнь 1950 г., судя по работе Ельяшевича над вторым томом, а также по письму Франка от 28 июля 1950 г. (письмо 83).

Дорогой Сеня, задержал свое письмо, хотелось несколько выяснить шансы на издание твоей книги[445].

Прежде всего, хочу тебе объяснить, в чем у меня было затруднение.

Мне удалось получить принципиальное согласие YMCA на издание Научной Библиотеки потому, что я им показал письмо Бахметьева, в котором он обещает часть денег на издание труда Струве[446]. Я объяснил Имке, которая, вообще, принципиально согласилась на издание лишь при условии, что кто-нибудь будет также поддерживать издание, что если первый опыт будет более или менее удачен, то Бахметьев и в будущем меня поддержит. После истории с молодым поколением Струве[447] я не хотел — и не хочу — писать об этом Бахметьеву. Я боялся, что это может привести к тому, что Бахметьев, вообще, не даст денег на издание Струве, и я, таким образом, закрою путь и детям Стр<уве>.

Но если нет поддержки из Америки, падала, принципиально, и комбинация с Имкой.

Теперь я имел с ними объяснения и вижу, что с твоей книгой можно будет устроить даже независимо от американской помощи. Совершенно наверняка я, конечно, сказать пока еще не могу, но принципиально они мне предложили представить твою рукопись. Поэтому мне нужно было бы иметь ее здесь. Подожди до 20-х чисел Июня и, если можешь, вышли рукопись мне. Надо ждать до 20 Июня, ибо я уезжаю в Италию на съезд S-té d'Historien de Droit[448], и не хочу, чтобы рукопись пришла сюда в мое отсутствие.

Две трети моего 2-го тома[449] я сдам в типографию по возвращению со съезда (Иван Грозный и XVII век). Последняя треть (Петр В<еликий>) находится в работе. Самое

---

[445] Книга Франка — скорее всего, «Реальность и человек» (вышла в YMCA-Press в 1956 г.; в 1949 г. в YMCA-Press выходил «Свет во тьме»).

[446] См. прим. 438 к письму 80.

[447] См. письмо 81.

[448] См. прим. 414 к письму 78.

[449] См. прим. 411 к письму 76.

приятное для меня то, что изучение этого материала убеждает меня в правильности моих исходных точек зрения. Я подошел к изучению материала абсолютно безо всяких заранее установленных выводов, и полная согласованность того, что с очевидностью вытекает из гораздо более обильного материала источников XVII века, доказывает, что я не ошибся.

Целую тебя и шлю сердечный привет Татьяне Сергеевне.

Твой В. Ельяшевич.

83. С. Фр нк — В. Ельяшевичу

28 июля 1950

Дорогой Вася, большое, сердечное спасибо тебе за твои услуги по устройству моей книги в YMCA-Press. Хотя вряд ли много русских читателей поймут и оценят эту книгу, мне все-таки утешительна мысль, что она выйдет по-русски. Английское издание может, конечно, рассчитывать на больший круг читателей, но я как-то более равнодушен к этому[450].

Прости, что все-таки не тотчас собрался ответить тебе — боюсь, что мое письмо не застанет уже тебя в Париже. Пишу в надежде, что его перешлют тебе. Передай пожалуйста мой сердечный привет Лизе. Как она теперь материально живет?

Очень рад, что ты освежился и имел хорошие впечатления от поездки в Италию.

У нас все по-старому. Я живу — без особых опасных болезней, — с трудом, тело перестает быть орудием души и становится бременем. Работать трудно. Сейчас, впрочем,

[450] См. прим. 445 к письму 82. Книга вышла уже после смерти С. Франка: *С. Л. Фр нк*. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. — Париж, YMCA-Press, 1956. — 416 с. Английское издание в переводе Натальи Даддингтон увидело свет в 1965 г.

я написал статью о Вл. Соловьеве к 50-летию его смерти для Вестн<ика> Христ<ианского> Движения — выйдет в сентябре. При случае прочти (если получу лишн<ие> экземпляры, пришлю тебе). Цель — сделать нек<ото>рые внушения молодому поколению[451].

Тат. Серг. тоже похварывает (воспаление вен на ноге). Наташа на днях едет с детьми к Васе в Австрию — он живет в чудном месте — на 1½ месяца. Здесь у нас довольно распространена паника ожидания скорой войны. Я сам этому не верю — по крайней мере, при жизни Сталина. В отличие от Гитлера — он не сумасшедший, и под конец жизни рисковать не захочет. Дай Бог ему здоровья!

Обнимаю тебя, будь здоров и бодр. Тат. Серг. шлет самый сердечный привет.

Твой С. Франк

[451] С просьбой о статье для «Вестника» к С. Франку обратился секретарь РСХД И. Морозов. В письме 26 марта 1950 г. он просил написать о жизни и творчестве В. Розанова или К. Леонтьева, но если эти темы не подойдут — выбрать тему по своему усмотрению. Франк ответил, что может написать о Соловьёве (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers. Box 9. Unidentified L–M). Статья «Духовное наследие Вл. Соловьева» вышла в «Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения» осенью 1950 г. (№ 4–5) — по свидетельству Татьяны Сергеевны, «Вестник» они получили в Лондоне 17 ноября, на что С. Франк сказал: «Это моя последняя статья...» (*Т. Н. Резвых*. «Моя судьба меня не беспокоит...»: С. Л. Франк в оккупированной Франции // «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С. Л. Франка: Сборник научных статей / [Сост. К. М. Антонов]. М., 2015. С. 234).

[Содержание]

Приложение

Письма Т. С. Франк В. Б. Ельяшевичу (1950–1951)

84. Т. Фр нк — В. Ельяшевичу

12/12.50

Дорогой Василий Борисович, я просила Лялю Струве Вам позвонить в тот же день (10/12), что Сеня 10/12 — скончался в 5 ч. дня. Он очень мучился ночь на 10, а 10 утром он попросил сам морфия и под морфием в течение 8 часов тяжко дышал, потом пришел в себя и очень томился, доктор дал ему опять морфия и через 20 минут на руках нашего друга священника он скончался [452]. Похороны 14 — в 12 ч. дня [453]. Он

[452] Из записок Татьяны Франк: «Врач запретил мне через дочь беспокоить его, и через 2–3 минуты (я поняла, что что-то случается) я подозвала Владыку к нему. Семенушка как-то напряжённо поднялся и ушёл... Глаза огромные, тихие... Владыка их закрыл» (*Т. Н. Резвых*. «Моя судьба меня не беспокоит...»: С. Л. Франк в оккупированной Франции. С. 240). Владыка — Антоний Блум, в то время — настоятель патриаршего храма святого апостола Филиппа и преподобного Сергия в Лондоне, впоследствии — митрополит Сурожский.

[453] По свидетельству внука С. Л. Франка, о. Петра Скорера, отпевали Франка в православном храме св. Филиппа, служил отец Антоний (Блум). Здание находилось на Бэкингем Пэлес Роуд (Buckingham Palace Road). Послеоктябрьский церковный приход уже не был единым: после раскола в эмиграции в 1927 году он разделился на две части — на противников и сторонников западноевропейского митрополита Евлогия. Обе части, не признававшие друг друга, пользовались зданием по очереди, причём (что ярко характеризует непримиримость нравов церковников) после службы, совершённой священником из Евлогианской юрисдикции, другой заново переосвящал алтарь, как будто его осквернили «язычники». Будущий владыка Виталий так и говорил о священнике, отце Антонии — своём единоверце: «В лучшем случае Вы вообще не священник, а в худшем вы сознательный и намеренный служитель сатаны». В 1945 г. приход

[Содержание]

мужественно на больших высотах духа перенес свою Голгофу. Лицо его, как сказал его брат Л. В. Зак имеет видимость праведника — готового к воскресению во плоти, — он не решился поцеловать его сегодня, чувствуя себя недостойным.

Ваша Т. Франк

85. Т. Фр нк — В. Ельяшевичу

3-1-51

Дорогой Василий Борисович, спасибо Вам за письмо. Не мне Вам говорить, как невыносимо тяжко и пусто мне... Несмотря на слова ушедшего, что «и по смерти я буду всегда с тобой, я никуда не уйду — связь будет еще интимнее» — я не нахожу его, я ищу его повсюду — и на могиле, и внутри себя, и в сердце, — но еще не нашла — но должна найти — иначе не смогу жить. Какое счастье для меня его книги, я не расстаюсь с его книгой «Свет во тьме». Как убедительна его вера, как чиста и радостна она, и как трогательна любовь ко Христу, — я читаю ее каждый вечер, как бы говорю с ним. У меня к Вам вопросы: как обстоит дело с его книгой «Реальность и человек»[454]? Положительно ли она принята? Должна ли я их *з просить* и подписать какой-то договор? (по завещанию все дела по изданию книг передаются мне). От них не было никаких писем. Я получила только телеграммы сочувствующие от Лаури и Андерсона[455].

Евлогианской юрисдикции перешёл в юрисдикцию Московского Патриархата. В 1956 г. этот же приход переехал в бывший храм англиканской церкви по адресу 67 Ennismore Gardens (храм в честь Успения Божией Матери и Всех Святых). С 1949 по 2003 г. настоятелем был священник, а потом Митрополит Антоний Сурожский (Блум). Похоронен С. Франк на кладбище Хендон (Hendon) в пригороде Лондона.

[454] См. прим. 450 к письму 83.

[455] Дональд А. Лаури (Lowrie, 1899–1974) — Член Объединённого комитета РСХД в Чехословакии (1926). В 1930–1932 гг. секретарь YMCA по студенческой работе в Белграде. С 1946 по 1952 гг. руководил изда-

От<ец> Зеньковский хочет устроить заседание памяти С<еменушки>, и очень хотел бы, чтобы Вы сказали что-нибудь как человек, знавший его в течение 50 лет.

Я бы хотела, чтобы Вы и Адя Струве, который вернулся, сказал бы о нем и о своем отце, об их связи, которой тоже 50 лет.

Мой Виктор завтра вечером идет в Париже от В.В.С. на процесс Rousset[456], пробудет там пятницу и субботу, потом тоже для В. В. С. должен повидать доктора Марголина[457]

тельством YMCA-Press. Переводчик на английский язык книг Бердяева «Смысл творчества», «Судьба человека в современном мире», «Царство Духа и царство Кесаря» (*Е. В. Бронников* . Комментарии // *Л. Бердяев* . Профессия: жена философа. С. 241).

Пол Андерсон (Anderson, 1894–1985) — международный секретарь YMKA для русской эмиграции, член исполнительного комитета издательства «YMKA-Press», с 1947 г. — исполнительный секретарь Международного комитета YMKA.

456 Давид Руссэ (Rousset, 1912–1997) — французский писатель, троцкист (один из создателей Международной троцкистской рабочей партии), в годы войны — участник Сопротивления, узник Бухенвальда. После войны выступал со статьями о концлагерях. В 1948 г. основал Демократическое революционное объединение (среди участников: Ж.-П. Сартр, А. Камю). Выступал с идеей инспекции советских концлагерей, за что подвергался нападкам Французской коммунистической партии. Подал в суд на газету «Леттр Франсэз» («Lettres françaises») и в 1951 г. выиграл дело.

457 Юлий Борисович Марголин (1900–1971) — писатель, публицист, общественный деятель. Родился в г. Пинске, окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. С 1926 г. жил в Лодзи, сионист, сторонник Вл. Жаботинского. В 1939 г. семья переехала в Израиль. В 1939 г. Марголин приехал в Пинск навестить родителей, но вскоре после того, как СССР оккупировал Западную Белоруссию, был арестован, 6 лет провёл в лагерях. После возвращения в Израиль боролся за право евреев на выезд в Израиль, выступал в ООН с разоблачением системы сталинских лагерей. Главный свидетель на парижском процессе Давида Руссэ. Соч.: Путешествие в страну зе-ка (Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1952), Еврейская повесть (Тель-Авив, 1960). См.: *Ю. Б. М рголин*. Еврейский голос в процессе Руссэ // *С. Н. Чижик*. Судьба одной прокламации: израильский коммунизм против Юрия Марголина. Собра-

и взять у него доклад, не сможет ни к кому зайти — будет Вам звонить, вероятно, вечером в пятницу или в субботу.

Как Ваше здоровье? Как <нрзб>? Как работается Вам?

Не забывайте нас, участие друзей мне дорого.

Обнимаю Вас.

Т. Франк

86. Т. Фр нк — В. Ельяшевичу

19-1-51

Дорогой Василий Борисович, я оч<ень> грущу, что Вы болеете, не лучше ли Вам?

Мои мысли часто бегут к Вам — именно потому, что я знаю, сколько пережито Вами. Я знаю, что путь молитвы — единственный путь ко «верую, Господи, помоги моему неверию» — так и я верую, знаю, и по пути спотыкаюсь и впадаю в такие мрачные припадки отчаяния и слез от разлуки с моим дорогим. Вчера было уже 40 дней, как он ушел от меня.

Вы не поняли меня. Меня совершенно не интересует гонорар за книгу «Реальность и человек», меня интере<сует> (...)[458]

ние статей и выступлений, обращений и писем Ю. Б. Марголина 1946–1957 гг. Иерусалим, 2002. С. 59–63.

[458] Окончание письма отсутствует.

[Содержание]

Г. Е. Аляев

Н. О. Лосский. Письма к С. Л. Франку и Т. С. Франк (1947, 1953–1958)

В ежегоднике «Исследования по истории русской мысли» за 1997 год Петром Шалимовым было опубликовано несколько писем Николая Онуфриевича Лосского к Семёну Людвиговичу Франку (от 14 июля 1925 г., 16 ноября 1945 г., 14 июля 1946 г., 18 января 1950 г.) и Татьяне Сергеевне Франк (от 4 мая 1951 г.)[1]. В фонде С. Л. Франка в Бахметьевском архиве Колумбийского университета США хранится ещё несколько писем Н. О. Лосского, которые предлагаются в настоящей публикации[2].

История личных и творческих отношений Николая Лосского и Семёна Франка — отдельная большая тема. К сожалению, их переписка (и особенно — письма С. Франка Н. Лосскому) пока известна лишь очень фрагментарно.

---

1 *Н. О. Лосский.* Письма к С. Л. Франку и Т. С. Франк (1925, 1945–1950) / Публ. П. Шалимова // Исследования по истории русской мысли [1]. Ежегодник за 1997 год / Отв. ред. М. А. Колеров. СПб., 1997. С. 262–276.

2 Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 2. Cataloged Correspondence.

Между тем близость их философских систем, многолетнее знакомство в дореволюционный период и проживание в разных местах в период эмиграции (при участии в целом ряде совместных проектов и мероприятий) даёт основания предполагать, что такая переписка была.

Публикуемое письмо от 15 апреля 1947 г. (Н. Лосский жил в это время в Америке, а С. Франк — в Лондоне) как раз касается одного из таких проектов — подготовки С. Франком антологии русских религиозных мыслителей, в состав которой включалась и статья Н. Лосского, а также содержит новости об общих знакомых — Н. Бердяеве, Ф. Либе, С. Алексееве (Аскольдове), Г. Флоровском. Кроме того, Н. Лосский продолжает тему отношений Православной церкви и Советского государства, которая развивалась им в письме С. Франку от 14 июля 1946 г.

Письма Н. Лосского Татьяне Сергеевне Франк, написанные в 1953 году, раскрывают некоторые детали подготовки вдовой Семёна Людвиговича сборника, посвящённого его памяти — в частности, участие Н. Лосского в определении авторского состава (рекомендация включить статью ещё относительно молодого философа С. Левицкого). Короткие письма 1957–1958 годов помогают раскрыть атмосферу тёплых дружеских отношений и личного взаимного соучастия в семейных горестях.

Н. О. Лосский – С. Л. Фр нку

Mr. A. Lossky
2680 Yale Station
New Haven, Conn.
U. S. A.
15.IV.47

Воистину воскресе!

Дорогой Семен Людвигович,

Андрюша [3] и я поздравляем Вас, Татьяну Сергеевну и всю Вашу семью со Светлым праздником [4], и надеемся, что Вы провели его в веселии духа. Очень благодарю Вас за предложение поместить мою статью «О творении мира Богом» в Вашем сборнике [5]. Конечно, критику учения от. Сергия можно сократить. В начале статьи есть ссылка на Вашу книгу «Предмет знания» с указанием заглавия ее во французском переводе; пожалуйста, прибавьте, в каком французском издательстве она напечатана и в котором году[6]. Нам нужно заботиться, чтобы книги наши были легко доступны Западу. Английский перевод моей статьи находит-

---

[3] Андрей Лосский (1917–1998), сын Н. Лосского, во время войны служил в американской армии, в 1944 г. получил американское гражданство, закончил Йельский университет, где в 1948 г. защитил диссертацию, историк, специалист по европейской истории XVII века, в 1950 г. был приглашён работать в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Н. Лосский во время своего пребывания в Америке с 1946 по 1961 г. жил вместе с сыном, сначала в Нью-Хейвене, потом в Лос-Анджелесе.

[4] В 1947 году Пасха приходилась на 13 апреля (по новому стилю).

[5] Речь идёт об антологии «Из истории русской философской мысли конца 19-го и начала 20-го века», которую готовил С. Франк (вышла в 1965 г.). Н. Лосский в ней представлен статьёй, ранее напечатанной в «Пути»: *Н. О. Лосский.* О творении мира Богом // Путь. 1937. № 54. С. 3–22.

[6] Речь идёт о сокращённом переводе «Предмета знания» на французский язык: *S. Frank.* La connaissance et l’être. Trad. du russe par Kaffi, Oldenbourg et Fedotoff. Paris, Fernand Aubier, 1937. XV — 320 p. (Philosophie de l’esprit. Collection dirigée par L. Lavelle et R. Le Senne).

ся у Натальи Александровны[7]. — Наталья Александровна скоро будет писать мне. Пожалуйста, попросите ее, чтобы она, когда будет писать, сообщила мне, где издана Ваша книга. Мой экземпляр ее находится в Париже у Володи. — В Париж вернулась делегация Митр. Серафима, ездившая в Москву [8]. Они сообщают о росте религиозности народных масс, об уважении к рясе, о паломничествах к мощам Св. Сергия, о том, что Троице-Сергиева Лавра становится, как в XIV в., центром новых возникающих монастырей. Я твердо надеюсь, что революция рано или поздно будет преодолена.

Богослов Fritz Lieb (профессор в Базеле)[9] написал книгу «Russland unterwegs» (Das russische Volk zwischen Christentum und Kommunismus)[10]. Он с большим знанием дела сообщает

---

[7] Наталья Александровна Даддингтон (Duddington) (1886–1972) — дочь писателя Александра Ивановича Эртеля, ученица Стоюнинской гимназии и Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, где слушала Н. Лосского, в 1906 г. поступила в университет в Лондоне, окончила его со степенью магистра философии и в 1912 г. вышла замуж за пастора Джона Даддингтона. Жила в Лондоне, переводила на английский язык классиков русской художественной литературы, а также многие работы Н. Лосского и некоторые работы С. Франка, в том числе сделала английский перевод указанной выше антологии («An anthology of Russian thought»), который не был издан.

[8] Митрополит Серафим (в миру Александр Иванович Лукьянов, 1879–1959), в этот период (1946–1949) — экзарх Патриарха Московского и всея Руси в Западной Европе, в феврале 1947 г. во главе парижской церковной делегации посетил Москву.

[9] Фриц Либ (Fritz Lieb, 1892–1970) — известный швейцарский славист и теолог, специалист по русской культуре, встречался и переписывался с русскими философами в эмиграции, в том числе с С. Франком (см.: *В. Янцен.* Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа: Н. А. Бердяев, Лев Шестов, С. Л. Франк // Исследования по истории русской мысли [5]: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М. Колерова. М., 2002. С. 227–563).

[10] Название немного неточное: Russland unterwegs: Der russische Mensch zwischen Christentum und Kommunismus. Bern 1945 («Пути России: русский человек между христианством и коммунизмом»).

о переменах, происшедших в писании и преподавании истории после смерти М. Н. Покровского[11], в школьной политике, в отношении к семье, к Церкви, но... он закрывает глаза на ужасы концентрационных лагерей, на отсутствие свободы духовного творчества и т. п.

Из Британской зоны друг Сергея Алексеевича Алексеева (Аскольдова)[12] сообщил мне: «Сергей Алексеевич мученически погиб в 1945 г. в Потсдаме». Я прошу его написать мне точно, как это произошло.

Н. А. Бердяев написал мне, что Кембриджский университет избрал его доктором теологии honoris causa, но, говорит он, «я не теолог, а вольный философ».

От. Георгий Флоровский, по приглашению, кажется, World Council of Churches, приехал в Нью-Йорк [13]. Он будет

---

[11] Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) — русский советский историк-марксист, политический деятель, академик АН СССР, заместитель наркома просвещения РСФСР. В конце 1930-х годов историческая школа М. Н. Покровского была объявлена антимарксистской, «базой вредителей, шпионов и террористов», соответственно учебники по истории переписывались в соответствии с новой исторической концепцией.

[12] Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов) (1871–1945) — русский философ, друг Н. Лосского по Санкт-Петербургскому университету.

[13] Всемирный Совет церквей — крупнейшая экуменическая организация, официально учреждена позже, в августе 1948 г., но решение о её создании с таким названием было принято ещё в 1937 г. Поездка Г. Флоровского действительно была связана с этой организацией, о чём пишет Эндрю Блейн, передавая воспоминания самого отца Георгия: «Наиболее памятной была для него поездка в Америку весной 1947 года — на заседание Временного комитета по подготовке Всемирного Совета Церквей (в Бак-Хилл-Фолз, штат Пенсильвания). Флоровский впервые ехал в Америку. Он пересек Атлантику на борту океанского парохода и проплыл — как многие поколения путешественников до него — мимо статуи Свободы в нью-йоркской гавани, приветствующей огнем своего маяка переселенцев со всего света. В тот момент, по его словам, он еще не знал, даже не предчувствовал, что спустя полтора года вновь приедет в Соединенные Штаты, уже как иммигрант, а шесть лет спустя станет гражданином этой страны» (*Э. Блейн.* Жизнеописание отца Ге-

читать доклад в New Haven'е в нашем отделении «Anglican and Orthodox Fellowship»[14] 29. IV.

Дружески жму Вашу руку; сожалею, что не на более близком расстоянии.

Ваш Н. Лосский.

2. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

9.II.53
N. Lossky
11 959 Dorothy St.
Los Angeles 49, Calif.
U. S. A.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

я вполне сочувствую Вашему желанию организовать сборник памяти Семена Людвиговича[15]. К сожалению, Вы не сказали, каков будет третий отдел сборника, будет ли он состоять из статей о философии Семена Людвиговича, или в него войдут статьи на любые темы[16], как это было, напр., в сборнике в честь П. Б. Струве в Праге. — Я могу написать

оргия // Георгий Флоровский: священник, богослов, философ / Общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М., 1995. С. 80. Деталей путешествия в этом описании нет, но косвенные подтверждения выступлений в Нью-Йорке и близко расположенном Нью-Хэвене есть. Видимо, в этой поездке уже состоялись какие-то предварительные переговоры о возможности приглашения Флоровского профессором в Свято-Владимирскую семинарию, куда он приехал в 1948 году. (*Бл год рю з эту ссылку проф. Инну Голубович*.)

[14] Fellowship of St Alban & St Sergius — Содружество Святого Албания и Преподобного Сергия, православно-англиканское объединение.

[15] «Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка», собранный усилиями Татьяны Франк, вышел в 1954 г. в Мюнхене под редакцией о. Василия Зеньковского.

[16] В окончательном варианте третью часть сборника составил библиографический указатель трудов С. Л. Франка; часть первая включила воспоминания о нём, а часть вторая — статьи о его философии.

статью о философии Семена Людвиговича; возможно, однако, что она здесь будет написана мною вчерне, а отделаю я ее лишь в июле в New Haven'e. Андрей и я уже третий раз собираемся ехать на лето в New Haven, потому что для своей работы мы нуждаемся в богатых библиотеках New Haven'a (Yale University) и Нью-Йорка (Public Library).

Талантливый, сравнительно молодой философ Сергей Александрович Левицкий написал статью о философии Семена Людвиговича, которую он высоко ценит[17]. Статья эта до сих пор не напечатана: редакторы русских журналов считают своих читателей слабоумными и неохотно печатают философские статьи. Адрес Левицкого: Dr. S. Levitsky. 425, New Jersey Avenue S. E. Washington, D. C. U. S.A.

Фамилия богослова Heiler пишется, насколько помню, с одним l[18].

---

[17] Сергей Александрович Левицкий (1908–1983) — философ и историк философии, ученик и последователь Н. О. Лосского. С 1949 г. жил в США, преподавал в Джорджтаунском университете. В «Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка» вошла статья С. Левицкого «Этика Франка».

[18] Фридрих Хайлер (Friedrich Heiler, 1892–1967) — теолог, историк и феноменолог религии, профессор Марбургского университета, с 1929 г. возглавил евангелически-экуменическое Движение Высокой Церкви (Hochkirchliche Vereinigung). С. Франк высоко ценил мистицизм и религиозный универсализм Ф. Хайлера и в 1934 г. напечатал несколько (точно известно две) статей в его журнале «Eine heilige Kirche» («Святая церковь»). В одном из писем Д. Чижевскому в 1937 г. Франк писал о «личной дружбе» с Хайлером (*С. Л. Фр нк*. Письма к Д. И. Чижевскому (1932–1937) [публикация В. Янцена] // Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция. М., 2006. С. 335). Вопрос о привлечении Ф. Хайлера в состав авторов Сборника памяти С. Л. Франка Татьяна Франк также обсуждала с Д. Чижевским, на что получила такой ответ: «Что касается Гейлера, то я на Вашем месте его бы пригласил: С. Л. его ценил и известные заслуги научные и церковнополитические у него есть. Я лично не могу относиться к нему серьезно: я был его коллегою в Марбурге 5 лет и узнал его с весьма отрицательных сторон. Это, впрочем, никоим образом не является аргументом против его приглашения (кроме, впрочем, факта, за который я ручаюсь, — обвинения,

Я только что прочитал с величайшим удовольствием ценную книгу Л. А. Зандера «Vision and Action: the problems of ecumenism»[19].

Андрей заканчивает статью о политике Людовика XIV в 1683 г., приведшей, по его мнению, к крушению, в конце концов, его замыслов. Я занят писанием книги о характере русского народа[20]. Для нее нужна огромная литература и США богаты ею, однако не в молодой еще Калифорнии, а на берегу Атлантического Океана, 5000 километров отсюда!

Андрей и я шлем сердечный привет Вам и всем членам Вашей семьи.

Душевно преданный Вам
Н. Лосский.

3. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

10.III.53
N. Lossky
11 959 Dorothy St.
Los Angeles 49, Calif.
U. S. A.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

я хотел бы написать статью о тех сторонах гносеологии Семена Людвиговича, которые я считаю особенно ценным вкладом в историю этой науки. Для этой цели нужно иметь не французское, а русское издание «Предмета знания». Как

при том, т. ск. «с заднего хода» совершенно неповинных людей в коммунизме)» (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book & Manuscript Library, Columbia University, New York, S. L. Frank Papers, Box 1. Cataloged Correspondence. Письмо Д. И. Чижевского Т. С. Франк 5 мая 1953 г.). Статьи Ф. Хайлера в «Сборника памяти Семёна Людвиговича Франка» не появилось.

19 *Leon Zander*. Vision and Action: [the Problems of Ecumenism], trans. by N. Duddington. London: Gollancz,1952.

20 *Н. О. Лосский*. Характер русского народа. Франкфурт, 1957.

диссертация, эта книга была напечатана в «Записках Историко-Филологического Факультета С.-Петербургского университета» в 1915 году[21]. В некоторых университетах США имеются эти «Записки», например, в Yale University в New Haven'е я доставал эту книгу. Андрей попытается достать мне этот том «Записок» с Севера Калифорнии, из Berkeley University или из Stanford University. Если я получу эту книгу, мне, надеюсь, удастся написать статью до лета.

У Семена Людвиговича есть ценные статьи по общественным вопросам, напр. «Падение кумиров»[22], статьи о политических взглядах Пушкина[23] и т. п. Постарайтесь, чтобы кто-либо из намеченных Вами лиц написал статью об этой стороне деятельности Семена Людвиговича.

Андрей и я шлем сердечный привет Вам и всем членам Вашей семьи.

Искренне преданный Вам.
Н. Лосский.

4. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

1.X.53
N. Lossky
11 959 Dorothy St.
Los Angeles 49, Calif.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

Наталья Александровна написала мне о том, что Ваша семья — в Мюнхене. Долго ли Вы собираетесь жить в этом городе и почему Вы все поехали туда?

---

21 *С. Л. Фр нк*. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания. Пг., 1915. XII — 505 с. (Записки Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета. Ч. CXXVI).

22 *С. Л. Фр нк*. Крушение кумиров. Берлин; Париж, 1924. 104 с.

23 *С. Л. Фр нк*. Пушкин как политический мыслитель / Пред. и доп. П. Б. Струве. Белград, 1937. 50 с.

Зимою я не мог написать статью о Семене Людвиговиче, потому что здесь в библиотеке нет тех его книг, которые мне были нужны. Но на лето Андрей и я, как и в прежние годы, поехали в New Haven, чтобы пользоваться Библиотекою of the Yale University. Там я сейчас же взял «Предмет знания» и написал статью «Гносеология Семена Людвиговича Франка»[24]. Удастся ли Вам издать сборник о философии Семена Людвиговича?

У Андрея в будущем учебном году будет полугодовой платный отпуск. Поэтому возможно, что нам удастся в начале июля 1954 года поехать в Европу на семь месяцев. Если Вы вернетесь в Лондон, то, может быть, удастся повидать и Вас.

Чеховское издательство напечатало мою книгу «Достоевский и его христианское миропонимание»[25]. Вероятно, в Мюнхене есть Русская Библиотека, покупающая книги, напечатанные Чеховским издательством. Пожалуйста, взгляните на эту книгу.

Существует ли в Мюнхене какое-нибудь русское издательство, которое могло бы напечатать что-либо из моих брошюр, напр. «Персонализм против материализма» (25 страниц) или «Недостатки психологии «без души»» (25 страниц) или «Интуитивизм» (60 страниц)[26]?

---

[24] *Н. О. Лосский*. Теория знания С. Л. Франка // Сборник памяти Семёна Людвиговича Франка / Под ред. протоиерея о. Василия Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 133–144.

[25] *Н. О. Лосский*. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк, 1953. (Впервые опубликовано на словацком языке в 1946 г.)

[26] Эти тексты были изданы позднее, в том числе один в Мюнхене — в журнале «Вольная мысль», издававшемся председателем Народно-Трудового Союза В. М. Байдалаковым: *Н. О. Лосский*. Персонализм против материализма // Грани. 1955. № 27/28. С. 189–201; *Н. О. Лосский*. Недостатки «психологии без души» // Вольная мысль. 1960. № 2 (январь). С. 37–56; *Н. О. Лосский*. Интуитивизм // Н. О. Лосский. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992. С. 135–206.

Андрей и я шлем сердечный привет Вам, Виктору Семеновичу, Наталье Семеновне, Алексею Семеновичу и Василию Семеновичу[27].

Искренне преданный Вам.
Н. Лосский.

5. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

19. X.53
N. Lossky
11 959 Dorothy St.
Los Angeles 49, Calif.
U. S. A.

Дорогая Татьяна Сергеевна,

посылаю Вам свою статью о гносеологии Семена Людвиговича. Желаю успеха задуманному Вами сборнику; интересуюсь, конечно, кто и о чем пишет в нем. В своей статье я рассказываю о недавно появившейся книге четырнадцати американских философов, сторонников учения о непосредственном восприятии внешнего мира[28]. К сожалению, однако, в сборнике их статей некоторые вопросы неудачно решены вследствие связи их теории с метафизикою Аристо-

[27] Дети С. Л. Франка и Т. С. Франк: Виктор Франк (1909–1972), Алексей Франк (1910–1969), Наталья Франк (Скорер, Норман) (1912–1999), Василий Франк (1920–1996).

[28] The Return to Reason: Essays in Realistic Philosophy. Ed. by John Wild. Chicago, Henry Regnery Co., 1953. Pp. V, 373. Н. Лосский неоднократно писал о близости англо-американского неореализма своему интуитивизму, при этом в своих «Воспоминаниях» по поводу выхода этого сборника он с горечью отметил: «Лет через пятьдесят это будет наиболее широко принятая теория знания. Хотя я первый разработал эту теорию всесторонне, именно в гносеологии, логике и психологии, она не будет связана с моим именем, во-первых, потому, что мои соотечественники, русские, никогда не солидарны друг с другом и, во-вторых, потому, что западноевропейцы презрительно относятся к русским» (*Н. О. Лосский.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. М., 2008. С. 268).

теля и основанном на ней аристотелевским учением о непосредственном восприятии. Таково бедственное положение философии, потому что она имеет дело со слишком глубинными вопросами. Даже и соглашаясь друг с другом в очень важных вопросах, мы, обыкновенно, в чем-либо существенно расходимся друг с другом.

Андрей и я шлем сердечный привет Вам, Виктору Семеновичу и Василию Семеновичу.

Душевно преданный Вам
Н. Лосский.

6. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

1.II.57

Дорогая Татьяна Сергеевна,

в декабре 1953 г. я написал Франклину Д. Рузвельту[29] по поводу дела Вашего сына[30]. Удивительно, что оно до сих пор не решено. Теперь я написал А. А. Гольденвейзеру[31], прося совета о некоторых деталях письма. Как только будет получен совет Гольденвейзера, я напишу Джемсу Рузвельту[32].

---

[29] Франклин Делано Рузвельт, мл. (Franklin Delano Roosevelt, Jr., 1914–1988) — юрист, политик и бизнесмен, сын президента США Франклина Д. Рузвельта и Элеоноры Рузвельт.

[30] Речь идёт об Алексее Франке. После высадки союзников на юге Франции в августе 1944 г. он присоединился к американской армии — его взяли в качестве переводчика, но официально его статус не успели оформить. В октябре он получил тяжёлое ранение, долго лечился в госпиталях американской армии, однако положенное в таких случаях для военнослужащих вознаграждение ему не выплатили. Многолетние хлопоты Семёна Людвиговича и Татьяны Сергеевны, их друзей в Америке, бывшей жены Алексея Бетти (обращения посылались, в том числе, Д. Эйзенхауэру) так и не принесли успеха.

[31] Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1979) — юрист, писатель и издатель, общественный деятель русской эмиграции, с 1938 г. жил в Нью-Йорке, где в 1942 году основал Общество русских юристов.

[32] Джеймс Рузвельт (James Roosevelt II, 1907–1991), американский конгрессмен, бизнесмен, активист Демократической партии, старший сын президента США Франклина Д. Рузвельта и Элеоноры Рузвельт.

Книга Семена Людвиговича «Реальность и человек»[33] очень интересует меня. Вскоре она будет у меня.

Андрей и я шлем сердечный привет Вам и Вашей семье.

Искренне преданный Вам
Н. Лосский.

7. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

29.X.57
N. Lossky
11959½ Dorothy St.
Los Angeles 49, Calif.
U. S. A.

Глубокоуважаемая и дорогая Татьяна Сергеевна,

очень благодарю Вас за то, что Вы доверили мне чтение «Записей о последних днях Семена Людвиговича». Замечательно было, напр., такое переживание ночью: «блаженно внутренне где-то в глубине переживал философию Плотина, было так тихо, так спокойно, хорошо». Как хорошо, что, держа Вашу руку, он чувствовал Вас, как «спасительницу»[34].

---

[33] *С. Л. Фр нк*. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Париж, 1956. 416 с.

[34] Машинопись записей Татьяны Франк о последних днях С. Л. Франка опубликована Татьяной Резвых: *Т. Н. Резвых*. «Моя судьба меня не беспокоит...»: С. Л. Франк в оккупированной Франции // «Самый выдающийся русский философ»: Философия религии и политики С. Л. Франка: Сборник научных статей / [Сост. К. М. Антонов]. М., 2015. С. 195–240. Н. Лосский упоминает записи от 15 октября и 3 декабря 1950 г.: «Ночью много кашлял, держал мою руку на груди, сказал: «Спасительница моя»» (С. 230); «Ночь трудная внешне. Он сказал: «Блаженно внутренне, где-то в глубине переживал философию Платона, было так тихо, так спокойно, хорошо»» (С. 236). Налицо разночтение — в опубликованной машинописи упоминается Платон, тогда как Лосский пишет о Плотине.

Редко встречаются семьи, в которых муж и жена вполне единодушны. Вам и мне выпало на долю это счастье. Когда в апреле 1942 г. я получил кафедру философии в Братиславе в Чехословакии[35], мы приехали с Людмилою Владимировною в Братиславу и на следующий день пошли на берег Дуная полюбоваться этою могучею рекою. Сидя на скамейке, я задумался о том, какая трудная работа предстоит мне, — читать лекции на чужом языке (сначала, правда, по-чешски) в чужой стране, но тут же и успокоился, подумав, что рядом с Людмилою Владимировною я не боюсь никаких трудностей[36].

Мой сын Андрей и я поедем в конце января на 7 месяцев, до средины сентября 1957 г. во Францию. Быть может, удастся увидеться с Вами.

Андрей и я шлем сердечный привет Вам и всей Вашей семье.

Искренне преданный Вам

Н. Лосский.

8. Н. О. Лосский — Т. С. Фр нк

19.II.58

Дорогая Татьяна Сергеевна,

я глубоко благодарен Вам за Ваше сочувствие нашему семейному горю[37]. Как хорошо Вы вспомнили об Ангеле-Хранителе.

---

[35] Н. Лосский работал в Братиславском университете с 1942 по 1945 год — в этот период, собственно, была отдельная Словацкая республика, зависимая от нацистской Германии.

[36] Людмила Владимировна Лосская (урожд. Стоюнина) (1875–1943) — жена Н. Лосского. Этот эпизод он описывает в своих «Воспоминаниях», добавляя: «Мы оба были вполне здоровы и бодры. Мне не могло прийти в голову, что через девять месяцев моя жена уйдет в другой мир». Н. Лосский начал читать лекции по-словацки уже с осеннего семестра 1942 года, освоив язык за лето (*Н. О. Лосский*. Воспоминания: Жизнь и философский путь. М., 2008. С. 251).

[37] 7 февраля 1958 года умер сын Н. Лосского Владимир Лосский (1903–1958), известный богослов.

Многолетний труд Владимира о Мейстере Экхарте почти закончен и будет напечатан[38]. Патриархия напечатает также по-французски его Курс догматического богословия[39]. Радует меня то, что Владимира ценят и как философа, и как богослова.

Магдалина[40], Андрей и я шлем Вам сердечный привет.

Душевно преданный Вам
Н. Лосский.

---

[38] *V. Lossky.* Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart. Paris, 1960.

[39] «Théologie Dogmatique», опубликовано в «Messager de l’Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale» в 1964–1965 годах; в 1972 г. в журнале Московской Патриархии «Богословские труды» (№ 8) вышел русский перевод с таким редакторским примечанием: «Курс лекций, прочитанный Вл. Н. Лосским в середине 50-х годов на пастырских курсах при Западно-Европейском Патриаршем Экзархате. Лекции — на французском языке — были опубликованы в Messager по магнитофонной записи, поэтому здесь отсутствует научный аппарат».

[40] Магдалина Исааковна Малкиель-Шапиро (1905–1968), с 1928 — жена Владимира Лосского.

М. А. Колеров

Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев о «Народоправстве», Кареев о Сорокине, Аскольдов о Лапшине, Зеньковский (1896–1922)[1]

1) Следы неизвестных рецензий Булгакова: С. Н. Булгаков. Два письма к редактору «Русской Мысли» В. А. Гольцеву (1896)

После 1894 года, окончив юридический факультет Московского университета и начав преподавать политическую экономию в Московском техническом училище, С. Н. Булгаков, уже самоопределившийся к этому времени в качестве марксиста, встал перед необходимостью дополнительного заработка и дебюта в качестве писателя по экономическим вопросам. Местом его дебюта стал издававшийся в Москве классический «толстый» журнал «Русская Мысль», редак-

[1] Первые две первые сборные публикации такого рода см.: *М. А. Колеров.* Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Новгородцев, Розанов // Логос. М., 2001. №4 (30) (сокращённый вариант: Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002); *М. А. Колеров*. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Струве, Розанов, Котляревский, Флоровский, Бердяев, журнал «Скифы», ГАХН // Исследования по истории русской мысли. 11: Ежегодник за 2012–2014 годы. М., 2015.

тором которого, вплоть до своей смерти в конце 1906 года был В. А. Гольцев. Здесь Булгаков выступил с рецензией на свеже опубликованный третий том «Капитала» Карла Маркса[2], от публикации которого читающая публика ждала завершения здания экономической теории знаменитого вождя коммунизма. Журнал этот в лице известного критика марксистской теории Л. З. Слонимского следил за этой темой и тем открывал простор для более простых жанров об этом. Но ясно, что у Булгакова не было в журнале комфортной среды для идейной работы и до сих пор ничего не известно о других его публикациях в нём. Однако, по крайней мере, до весны 1897 года, когда в Петербурге начал выходить в свет марксистский журнал П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановского «Новое Слово» и Булгаков получил в нём партийное прибежище, в течение 1894–1896 гг. у Булгакова было достаточно мотивов добиваться внимания В. А. Гольцева в качестве, как минимум, рецензента текущей литературы. Публикуемые ниже недатированные письма[3] определяют направления поиска такого рода публикаций Булгакова[4].

---

2 *С. Булг ков*. Третий том «Капитала» К. Маркса // Русская Мысль. М., 1895. Кн. III.

3 НИОР РГБ. Ф. 077. Карт.1. Ед. хр. 61. Лл. 1, 3.

4 См. публикацию прежде не учтённых библиографиями рецензий С. Н. Булгакова: *М. А. Колеров*. Неизвестные рецензии Булгакова и Бердяева в журнале «Книга» (1906–1907) // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998. А также новые обнаружения текстов Булгакова: *М. А. Колеров, О. К. Локтев* . С. Н. Булгаков. Из записной книжки. 11 апреля 1906 г. // Вопросы философии. М., 1994. № 6; *М. А. Колеров*. Булгаков-марксист и Булгаков-ревизионист. Новые тексты // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999; *М. А. Колеров*. Сергей Булгаков. Пора! (1904) // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; *М. А. Колеров*. С. Булгаков. О необходимости введения общественных наук в программу духовной школы (1906) // Исследования по истории русской мысли. 7. Ежегодник за 2004–2005 год. М., 2007; *М. А. Колеров*. Новое о С. Л. Франке и С. Н. Булгакове в журнале «Осво-

1. Ливны. 5-го июня [1896]

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Я уже просил и ещё раз прошу редакцию выслать мне для рецензии след<ующие> книги: *Бух*. Элементы полит. экономии[5], *Джордж*. Прогресс и бедность[6], *Сэй*[7] и *Б - сти* [8] (библ<иотека> экономистов), сборник *Промышленность*[9] и что ещё поступило в редакцию для отзыва. К след<ующей> книжке пришлю след<ующие> рецензии: *Dietzel*. Theoretische Sozialökonomie (в Lehr und Handbuch Wagner'a)[10], *Гурвич*. Экономич<еское> положение русской деревни[11], Кенэ[12], Юм[13] и Бентам[14] (в библ<иотеке> эконом<истов>), *Тернер*. Общ<инное> землевладение[15] и нек<оторые> др.

Готовый к услугам С. Булгаков

бождение» (1903–1905) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009. К сожалению, они не учтены в авторитетных фундаментальных сводах сочинений Булгакова, подготовленных к печати В. В. Саповым.

5 *Л. К. Бух*. Основные элементы политической экономии. Ч. 1. Интенсивность труда, стоимость, ценность и цена товаров. СПб., 1896.

6 *Генри Джордж*. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. СПб., 1896.

7 *Ж. Б. Сэй*. Трактат политической экономии. М., 1896 (Библиотека экономистов).

8 Жизнь и труды Бастиа. М., 1896 (Библиотека экономистов).

9 Промышленность. Статьи из Hardwörterbuch der Staatswissenschaften / Пер. под ред. Н. В. Водовозова. М., 1896.

10 *Heinrich Dietzel*. Theoretische Sozialökonomie. Leipzig, 1895.

11 *И. Гурвич*. Экономическое положение русской деревни. М., 1896.

12 Ф. *Кенэ*. Выбранные места. М., 1896 (Библиотека экономистов).

13 *Д. Юм*. О населенности древних народов, каковою оная является из писаний историков, мудрецов и стихотворцев тех времен Гюма / Пер. М. О. Гершензона. М., 1896.

14 *И. Бент м*. Принципы законодательства. М., *1896.*

15 Речь идёт об одной из двух книг: *Ф. Тернер*. Государство и землевладение. Часть 1. Крестьянское землевладение. СПб., 1896; *Ф. Тернер*. Общинное владение и частная собственность. СПб., 1895.

[Содержание]

2. [Ливны, 1896]

Многоуважаемый Виктор Александрович!

Прошу Вас сделать распоряжение о пересылке книг для рецензий по след адресу: г. Ливны, Орлов<ской> г<убернии>, Серг<ею> Ник<олаевичу> Булгакову. В ближайшее время я хотел бы получить для отзыва: *Г. Джордж*. Прогресс и бедность, Сэй и Бастиа (в изд<ании> Библ<иотеки> Экон<омистов>), *Милль*. Полит<ическая> экономия (новый перевод)[16], *Бух*. Осн<овные> элем<енты> полит<ической> экономии, а также и другие, выходящие по полит<ической> эк<ономии> сочинения. Я могу присылать рецензии для летних книжек журнала единственно в том случае, если буду получать из редакции выходящие сочинения, п<отому> ч<что> в медвежьем углу, где я живу, я не имею иной возможности следить за литературой.

Прошу Вас выслать мою рецензию на книгу Волгина[17], которая была не напечатана в Р<усской> М<ысли>, или сюда мне, в Ливны, или же прямо направить её в Петерб<ургскую> ред<акцию> Журнала СПб. Юридич<еского> Общ<ества>. Но в последнем случае прошу известить меня, что рецензия послана.

Готовый к услугам С. Булгаков.

Г. Ливны, Орлов<ская> г<уберния>, Серг<ею> Ник<олаевичу> Булгакову.

---

[16] *Дж. Ст. Милль*. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии / Пер. Е. И. Остроградской. Киев; Харьков, 1896.

[17] *А. Волгин* [Г. В. Плеханов]. Обоснование народничества в трудах господина Воронцова (В. В.). СПб., 1896.

2) М. И. Туган-Барановский. Письма к П. Б. Струве (1899–1904)

Письма М. И. Туган-Барановского (1865–1919) к П. Б. Струве (1870–1944) (оригиналы: РГАСПИ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 91. Л. 147, 155, 148–151, 156–158, 152–153, 144–145 — по порядку датировки и настоящей публикации) — часть корпуса переписки Струве с ключевыми фигурами и свидетелями эволюции «от марксизма к идеализму», ныне опубликованной[18], также были опубликованы ещё в начале 1990-х гг.[19] Однако публикация эта, осуществлённая внуком экономиста, историком Джучи Михайловичем Туган-Барановским (1948–2015), текстологически плоха (что не удивительно, учитывая его научный опыт в сфере новой истории Франции, а не русских архивов): письма не прокомментированы, не установлен даже хронологический их порядок — они опубликованы в порядке нумерации листов архивного дела, хотя публикация и была сопровождена предисловием

[18] *М. А. Колеров*. А. Н. Потресов. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. №6; *М. А. Колеров*. П. Б. Струве. Письма к А. Н. Потресову (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1994. №4; *М. А. Колеров*. С. Л. Франк. Письма к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) // Путь. №1. М., 1992 (предисловие: М. А. Колеров и Н. С. Плотникова); *М. А. Колеров*. Философский дебют Н. А. Бердяева (Письма 1899–1900 гг. [к П. Б. Струве]) // Вопросы философии. М., 1993. №4 (см. также: *М. А. Колеров*. Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве) [1899–1905] // Лица. Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993); *М. А. Колеров*. Сергей Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) // Новый Круг. №3. Киев, 1993 (см. также: *М. А. Колеров*. С. Н. Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901–1903) // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004).

[19] «Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями» (Письма М. И. Туган- Барановского к П. Б. Струве) / Предисловие и публикация Д. Туган-Барановского // Вопросы экономики. 1994. № 3.

общекультурного характера, не дан точный контекст писем и, главное, — были допущены *десятки* ошибочных прочтений слов, часто меняющих смысл текста. Это позволяет мне опубликовать названные письма по оригиналам и снабдить их рядом комментариев, имеющих научный смысл, оставляя любителям труд самостоятельно текстологически сверить новую публикацию с прежней.

1. [После 22 июня 1899, Лондон]

Дорогой Пётр Бернгардович.

Итак, «Начало»[20] закрыто 4-мя министрами[21]. Последним я не был огорчён, т<а>к к<а>к, по моему мнению, насильственная смерть в данном случае гораздо предпочтительнее добровольной смерти. По моему мнению, раз было известно, что «Начало» будет закрыто, не следовало его закрывать его добровольно. Впрочем, министры все равно сделали свое дело и мы прекратили<сь>, в конце концов, перед всей Россией не по своему желанию.

С Б<ернштейном> я виделся 2 раза и не могу сказать, чтобы он произвел на меня благоприятное впечатление. Я ожидал, что та буря, которая на него воздвигнута, менее всего способна его испугать. Я думал увидеть в нем борца, — а оказалось, что он менее всего борец и теперь думает только о том, как бы ослабить впечатление от своих собственных заявлений. Его разговор непрерывно вертится вокруг возгоревшейся полемики, причем он жалуется на то, что его не поняли, признает, что его выражения были неосторожны, и вообще более или менее

[20] См.: *М. А. Колеров.* «Начало» (1899). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998.

[21] Журнал «Начало» был закрыт 22 мая 1899 года решением совещания четырёх министров в составе: министра народного просвещения, обер-прокурора св. Синода, министра внутренних дел и министра юстиции.

[Содержание]

хнычет. В особенности он жалуется на Каутского, который, по его словам, выдал его с головой врагам. По-видимому, он очень раскаивается, что выпустил свою книгу[22]. В сущности, он очень далек от своих прежних взглядов, но когда поставишь ему вопрос ребром, они никогда не отвечает прямо и старается представить дело так, как будто у него с Каутским никаких существенных разногласий нет.[23] Ваше замечание на его счёт в «Архиве»[24] очень его обидело.

Положим, в отношении к нему его бывшие товарищи, действительно, поступили гнусно — на публичных собраниях заявляют, что он всегда был Strohmann[25], что ему давали работу для того, чтобы доставить ему заработок и т. п. Но всё же нужно иметь побольше мужества и не бояться высказывать то, что думаешь.

Моя работа подвигается очень энергично. Много интересного материала, значительно изменяющего те взгляды,

---

[22] В партийной печати СДПГ Эдуард Бернштейн (1850–1932) в 1897–1898 гг. опубликовал серию статей «Проблемы социализма», собранных затем в книгу: *Eduard Bernstein*. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1899. Первый русский перевод: *Э. Бернштейн*. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1899.

[23] Карл Каутский (1854–1938) в СДПГ возглавил ортодоксальное крыло, направленное против «критического марксизма» и ревизионизма Бернштейна. Его полемика против последнего собрана здесь: *Karl Kautsky*. Bernstein und das sozial-demokratische Programm. Eine Antikritik. Stuttgart, 1899. Русский перевод: *К. К утский*. К критике теории и практики марксизма. Анти-Бернштейн. Метод. Программа. Техника. СПб., 1905.

[24] *Peter von Struve:* E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie (...) K. Kautsky. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm (...) // Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik. 40 Bd. Berlin, 1899. Перевод Н. С. Плотникова на русский язык в издании: Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

[25] «Соломенное чучело, марионетка» (*нем.*).

[Содержание]

которые я высказывал в «Архиве»[26]. Удивительно, как скоро забываются многие события! Впрочем, об этом говорить теперь было бы слишком долго.

Что касается до немецкого издания моей книги, о котором Вы спрашиваете, то это может уладиться очень легко, т<а>к к<а>к Faber, с которым я говорил в Берлине, выражает полную готовность взять на себя издание, но я переговорю еще с [Gustav] Fisher'ом и Dunker'ом — их я бы предпочел в качестве издателей[27].

В Лондоне страшная жара. Виделся несколько раз с Булгаковым — он со мной любезен, но, по-видимому, еще не забыл нашей литературной стычки[28].

Поклон Нине Алексан<дровне>[29].

Лида[30] вам обоим кланяется.

Ваш МТБ.

---

[26] *M. Tugan-Baranowski*. Die sozialen Wirkungen des Handelskrisen in England // Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik. Band XIII. Hefte 1–2. Berlin, 1898.

[27] *Michael von Tugan-Baranowsky*. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Jena: Gustav Fisher, 1901.

[28] Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) в свои марксистские годы, несмотря на общую партийную и литературную солидарность со Струве и Туган-Барановским, особенно в направлении «критического марксизма», никогда не останавливался перед резкой полемикой с обоими. Уже в первой своей книге он критиковал и Струве, и Туган-Барановского: второго за то, что тот считает развитие рынка для развития капитализма в России безграничным, не видя того, что его социальные издержки кладут предел этому развитию. См.: *С. Булг ков*. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М., 1897 (особенно глава: «Русские теоретики рынков (гг. В. В., Николай -он, Туган-Барановский). Туган отвечал ему: *М. И. Туг н-Б р новский*. Капитализм и рынок (по поводу книги С. Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве»). М., 1897) // Мир Божий. СПб., 1898. № 6.

[29] Нина (Антонина) Александровна Герд (1868–1943) — жена Струве.

[30] Лидия Карловна Давыдова (1869–1900) — жена Туган-Барановского.

2. [6–7 февраля 1901]

Дорогой Пётр Бернгардович!

Меня очень тронуло Ваше письмо. Я пережил и переживаю очень тяжёлое время[31] — хотя настроение как-то колеблется. Иногда становится совсем нестерпимо, иногда легче. Странное дело, первое время было легче, а не тяжелее, чем потом. По церковному поверью, душа после смерти сорок дней остается около тела, а потом отлетает. И у меня произошла какая-то перемена на 40 день. Три последующих дня мне было так невыносимо, что если бы это настроение упрочилось, то я не мог его перенести и уже думал о том, как покончить с собой. Но теперь, дня два мне вдруг стало легче.

Я думаю, что если бы Вы хотели, мы могли бы быть очень близки с Вами, так как наши общие взгляды на жизнь, на мир и на людей действительно очень близки. Я нисколько не изменил своих общественных убеждений, но мне теперь противна та ярмарка тщеславия, которой не может не являться всякая общественная деятельность. Теперь я читаю Канта и получаю очень большое удовольствие от чтения его «Критики чистого разума». Чтение это дается мне с большим трудом — я все перечитываю дважды, но в конце концов все понимаю и предо мной как бы раскрывается новый мир. Ещё меня теперь очень занимает вещь, в общественном мнении очень пошлая и вульгарная: спиритизм. Я был на сеансе одного профессионального медиума, который явно шарлатанил и морочил публику; тем не менее, кроме очевидного обмана было, быть может, и нечто другое. Теперь я устраиваю другой сеанс, на котором возможность обмана будет устранена. Вероятно, не будет ничего — если же будет, то ценность приобретенного таким путем познания громадна. Я никогда не говорил с Вами о спири-

[31] Лидия Карловна Давыдова умерла 22 декабря 1900 года (данные Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона).

тизме и не знаю, как Вы на это смотрите — но я всегда думал, что под черной оболочкой шарлатанства, обмана и самообмана в спиритизме скрывается какое-то таинственное зерно истины.

Я бы очень хотел, чтобы мы были с Вами друзьями. Для меня мир теперь представляется пустыней и полным одиночеством. Поэтому близкий человек получает особую ценность.

Ваш МТБар.

3. [После марта 1901]

Дорогой Петр Бернгардович.

Мне было очень приятно получить Ваше письмо. От него повеяло на меня Петербургом и тем строем жизни, теми впечатлениями, которые теперь мне кажутся такими далекими, что странно думать, какой небольшой промежуток отделяет меня от них. В моей жизни произошел 20 декабря такой резкий перелом, какой трудно Вам себе и представить[32]. Судьба как будто нарочно позаботилась о том, чтобы сделать для меня разрыв с прошлым более полным — перенесла меня в новую среду[33], окружила новыми людьми; от прошлого, 36-летнего, не осталось ровно ничего — кроме воспоминаний, все еще остающихся мучительными. Со мной произошло совершенно то же, что иногда проделывают авторы со своими героями: заставляют их заснуть и потом проснуться в новой обстановке

---

[32] См. прим. 14.

[33] Струве и Туган-Барановский 4 марта 1901 года приняли участие в демонстрации возле Казанского собора Санкт-Петербурга, протестовавшей против репрессивной отдачи студентов в солдаты. Демонстрация была разогнана полицией, а Струве и Туган-Барановский, среди прочих, были арестованы и провели две недели в заключении и затем в административном порядке высланы из столицы: Струве — в Тверь, а Туган-Барановский — в Полтавскую губернию.

новыми людьми. Вот так и я внезапно был перенесен из Петербурга в полтавскую деревню. Резкость этой перемены есть для меня как бы наглядное, чувственное свидетельство призрачности и нереальности мира. Все происходит, колеблется, исчезает и когда оглядываешься назад, то затрудняешься различить — что в воспоминаниях действительность и что только мечта. У меня складывается своё собственное философское мировоззрение, в основе которого лежит Кантовское учение об идеальности пространства и времени; по-моему, сам Кант не вполне понимал значения этого своего знаменитого учения и не сделал всех выводов, которые из него проистекают.

Но Вы не думайте, что я стал равнодушен к общественным вопросам или даже переменил свои взгляды. Ни того, ни другого. Человеческая комедия или трагедия не потеряла для меня своей занимательности — но я чувствую себя более зрителем, чем действующим лицом. Эта роль, впрочем, и более приличествует человеку мысли. Ужасно страшно иногда натолкнуться на наши, еще столь недавние литературные упражнения в «Новом Слове» или «Начале». Боже, как все это кажется давно и детски наивно! Как смешно встречать этот задорный, самоуверенный тон, эти запальчивые нападения на литературных противников, эту наивную уверенность, что мы нашли, наконец, самую настоящую истину, и эта истина заключена в «Капитале» Маркса! Это впечатление произвело на меня перечитывание статей Ильина о Сисмонди[34], что мне было нужно для моей работы в «Мире Божьем»[35]. Так и хотелось сказать — «маленький ты мальчик, не горячись, будь спокойнее, то,

[34] Имеется в виду статья В. И. Ленина (Ильина): *К. Т<ули>н*. К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты) // Новое Слово. СПб., 1897. № 7–10. Переиздана: *Вл димир Ильин*. Экономические этюды и статьи. СПб., 1899. Видимо, в этом переиздании её и читал Туган-Барановский.

[35] После закрытия журнала «Начало» с начала 1900 г. марксистская журнальная активность круга Туган-Барановского и Струве переместилась в принадлежавший тёще А. А. Давыдовой Тугана журнал «Мир Божий»,

что тебе кажется верным, вовсе не так важно — жизнь неизмеримо сложнее, глубже и таинственнее, чем ты это себе представляешь». И мне тоже смешно подумать, что эти же лица и теперь с таким же азартом разносят «критиков»[36] и поднимают страшную бурю в стакане воды. Просматривал я также Прокоповича о Марксе[37]; этот тоже старается выдвинуться и заставить заговорить о себе и тоже разносит кого-то. По-моему, для человека мысли, с внутренним содержанием, самая приличная позиция — одиночество. Ничего не может быть ужаснее, как быть человеком партии.

Я вполне разделяю Ваш оптимизм и думаю, что мухи больше всего кусаются тогда, когда их лето подходит к концу. Я теперь вижу, что я в некоторых отношениях был неправ и уменьшал значение наших общественных сил. Марксистская страничка нашего общественного развития, по-видимому, приходит к концу — хотя нельзя, разумеется, не поручиться, чтобы наши «ортодоксы» не нашли себе подходящей среды для восстановления своего влияния, ибо люди ужасно глупы и нет такой глупости, которой бы они не поверили, если им хочется верить.

Вы меня спрашиваете, что я буду делать. Читать, думать и писать. У меня опять пробудился интерес к широким задачам и как только кончатся мои «Очерки»[38] я примусь

в редакции которого работала его жена Л. К. Давыдова: Туган и Струве стали его постоянными сотрудниками.

36 Имеются в виду русские «критические марксисты» 1899–1900 гг. — Струве, Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяв, — с печатной критикой которых выступили марксисты «ортодоксальные» Г. В. Плеханов, Ленин и др.

37 Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955): *С. Прокопович*. К критике Маркса. СПб., 1901.

38 *М. Туг н-Б р новский*. Очерки из новейшей истории политической экономии: (Смит, Мальтус, Рикардо, Сисмонди, историческая школа, катедер-социалисты, австрийская школа, Оуэн, Сен-Симон, Фурье, Прудон, Родбертус, Маркс). СПб.: Изд. журнала «Мир Божий», 1903. Сначала эти очерки по частям были опубликованы в номерах журнала.

за большую работу по истории социальных идей[39], которую давно задумал. Мои основные взгляды в социальной области нисколько не переменились.

Цензура страшно уродует мои бедные «Очерки» и выкидывает все существенное. Очерк о Фурье совсем не пойдёт, в очерках о Сен-Симоне и Оуэне оставлена только биография.

Книга, о которой Вы пишете, осталась среди Лидиных книг в шкафе у двери моей комнаты на Лиговке. Я ее помню и найти ее не трудно, так как все эти книги были в одном шкафу.

Относительно портрета Лиды не могу Вам помочь, так как здесь у меня только один портрет — остальные в Петербурге, А<лександры> А<ркадьевны>[40]. Мне больше всего нравится последний портрет, переснятый после смерти с группы.

Повидаться нам было бы теперь очень трудно и придется отложить свидание до будущего.

Крепко жму руку Вам и Нине Алексан<дровне>.

Ваш МТБ.

4. [1901]

Дорогой Петр Бернардович.

Охотно посылаю Вам 3 экземпляра моих «Кризисов»[41] для передачи их Бернштейну, Адольфу Брауну и Шмидту[42].

---

[39] *М. Туг н-Б р новский*. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906.

[40] Александра Аркадьевна Давыдова (1848-1902) — тёща Туган-Барановского, издательница журнала «Мир Божий».

[41] Речь идёт либо о втором издании книги (первое изд.: СПб., 1894): *М. И. Туг н-Б р новский*. Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. СПб., 1900; либо о её немецком переводе: *Michael von Tugan-Baranowsky*. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Jena, 1901.

[42] Адольф Браун (1862–1929), Конрад Шмидт (1863-1932).

Кстати, не перепутайте их — я сделал на каждом экземпляре соответствующие надписи на белой заглавной странице.

Статьи Шм<идта> о моей книге[43] я не читал и очень был бы Вам благодарен, если бы Вы выслали мне ее прямо в заказном письме. Только не посылайте всего номера журнала, ибо в этом случае он, наверное, до меня не дойдет, а отдельную статью я получу. Можно послать ее и под бандеролью.

Очень грустно, что Вы вернетесь еще не скоро. Нам бы с Вами следовало о многом поговорить; по-моему, теперь делается много глупостей, которые следовало бы прекратить. Вообще, в общественной жизни царит страшная неразбериха; жизнь развивается очень быстро, а у лиц, берущихся ею руководить, нет такого понимания этой жизни. Это я в особенности говорю об «ортодоксах», с некоторыми произведениями которых я познакомился за последнее время. Они мнят себя победителями, но в этом сказывается только их ограниченность и тупость. Я совершенно убеждён, что с минувшим десятилетием навсегда закончилось кратковременное процветание русского марксизма. Теперь это покойник — и мир его праху!

Что же касается до противоположного лагеря — «Русского Богатства», то там столь же мало жизни. С уходом марксизма они решительно не знают, что им делать и с кем им бороться. Они тоже торжествуют победу и думают, что пришла пора воскрешения даже таких мертвецов, как «субъективный метод»[44] и пр. и пр. Вообще же

---

[43] *Conrad Schmidt*. Zur Theorie der Handelskrisen und der Überpodruktion // Sozialistische Monatshefte. Berlin, 1901. Bd. 2. No.9. См. об этом специально: *Dimitrij Owetschkin*. Conrad Schmidt, der Revisionismus und die sozialdemokratische Theorie: Zur theoretischen Entwicklung der Sozialdemokratie vor 1914. Essen, 2003 (параграф: Die Diskussion der Krisentheorie von Michael Tugan-Baranowsky bei Schmidt).

[44] «Субъективный метод» (в социологии, общественном знании) — доктрина идейного вождя народничества Николая Константиновича Михайловского (1842–1904), отводившая центральную роль идейному

в литературе чувствуется полное отсутствие сильной, независимой мысли и энергичного темперамента. Последний, впрочем, имеется у ортодоксов в избытке, но зато по части мысли — отсутствие всякого присутствия. Все это очень грустно.

Что касается до меня лично, то я пока занят исключительно наукой. Мне хочется поскорее покончить со своими «Очерками»[45], чтобы приступить к большой работе, в которой хочу развить разные свои мысли, которые пока высказывал отрывочно, а иные и совсем ещё не высказывал. Совершенно согласен с Вами, что торопливость очень вредила многим предшествовавшим работам и думаю теперь избежать этого греха. Теперь я как-то не склонен к торопливости — некуда спешить.

Поклон Нине Александровне.

Жму Вашу руку.

Ваш МТБ.

5. [Первая половина 1902]

Дорогой Петр Бернардович.

Я получил Ваше письмо из Флоренции на обратном пути в Россию, когда я уже не мог изменить своего маршрута. Вот почему я не мог заехать в Ниццу, чтобы повидаться с Вами.

Свидеться с Вами я также очень бы хотел, но теперь, когда я в России, можно было бы удобнее всего устроить наше свидание таким образом, чтобы Вы приехали ко мне в деревню, где я живу. Кстати, для Вас это будет представлять интерес и в том отношении, что познакомитесь с местной

творчеству и свободе в деле общественных преобразований и тем противостоявшая русскому марксизму 1890-х с его апологией «объективной закономерности».

45 См. прим. 38.

земской жизнью. Нельзя сказать, чтобы эта жизнь особенно била ключом — но все же для понимания России знакомство с ней весьма важно.

Удивительно странно подумать, что со времени наших журналов и вообще марксистского периода прошло 2–3 года. Кажется, будто все это было так давно — все настолько переменилось, как будто все это была не жизнь, а декорации в театре.

Мои взгляды вообще почти не испытали перемены, но страшно изменилось отношение к жизни; вроде того, как если смотреть в противоположную сторону бинокля. Все кажется далеким-далеким и страшно маленьким; какие-то маленькие фигурки, которые очень похожи на людей, но по размерам вроде муравьев.

Я думаю писать большую работу о капиталистическом строе[46] — т. е. на ту же тему, как и Зомбарт[47], книги которого я пока не видал. Меня очень интересует философия, но писать на философские темы я еще буду не скоро.

Посылаю вам Постановления Кустарного Съезда — журналы еще, по-видимому, не вышли — по крайней мере, здесь их нет. Когда выйдут журналы, перешлю и их Вам.

Если Вы не скоро вернетесь в Россию[48], то нам будет трудно встретиться. Как странно будет увидаться через несколько лет! Вам, впрочем, не так странно — Вы все время живете одной жизнью. А я уже живу третьей жизнью — пер-

---

46 Специальной книги о капитализме Туган-Барановский не написал.

47 Вернер Зомбарт (1863–1941): *Werner Sombart*. Der moderne Kapitalismus. 3 Bände. Leipzig, 1902. Русский перевод: *Вернер Зомб рт*. Современный капитализм. Т. 1–2. М., 1903–1905; Т. 3. М.; Л., 1930. Д. М. Туган-Барановский передаёт свидетельство М. М. Туган-Барановского о том, что с Зомбартом М. И. Туган-Барановский «находился в очень дружеских отношениях» («Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями» (Письма М. И. Туган-Барановского к П. Б. Струве). С. 131).

48 В конце 1901 года Струве выехал в политическую эмиграцию для издания нелегального для России социал-либерального журнала «Освобождение» (Штуттгарт-Париж, 1902–1905).

[Содержание]

вая до Лиды и Петербурга[49], вторые десять лет Вы знаете, а теперь третья совсем новая. Но уж четвертой не будет.

Привет Нине Александровне.

Крепко жму Вам руку.

6. [Сентябрь—декабрь 1904]

Дорогой Петр Бернгардович.

Не хотел уехать в Россию, не черкнув Вам два слова — только два слова, потому что обстоятельства так сложились, что я имею для написания письма не более 10 минут времени: ко мне должен через 10 минут прийти Зомбарт, а затем после обеда у него я еду в Россию.

Я никак не мог побывать у Вас в Париже[50], так как, по разным обстоятельствам личного свойства, старался по возможности сократить свое пребывание заграницей. Приехал же затем, чтобы писать свою книгу, Theoretische Grundlagen des Marxismus, которая и выйдет у Dunker und Humblot[51].

Хотя я теперь очень отдалился от своих прежних друзей знакомых, но, поверьте, они мне теперь дороже, чем прежде, и я отношусь к ним с большой теплотой. Живется мне не-

[49] Туган-Барановский учился в Петербургском университете в 1883–1886 гг., но был выслан из столицы за участие в студенческой демонстрации. В 1889 закончил Харьковский университет, в 1892 — защитил магистерскую диссертацию в Московском университете, а с 1893 — поступил на службу в департамент торговли и мануфактур Министерства финансов в Петербурге, где и познакомился со Струве, работавшим помощником библиотекаря Учебного комитета Министерства финансов.

[50] Струве жил в Париже с сентября 1904 года, куда перенёс издание журнала «Освобождение».

[51] *Michael Tugan-Baranowsky*. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Leipzig, 1905. Русское издание: *М. И. Туг н-Б р новский*. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905.

дурно — даже почти счастливо, хотя все же несколько грустно. Не думайте, что я так легкомысленен и могу без всяких внутренних страданий перешагнуть от одной жизни к другой. Нет, того, что было, я никогда не забуду. Хотя у меня есть теперь одно новое сильное чувство — любовь к моему сыну[52], для которого я бы мог все отдать, даже свою научную деятельность, которая мне раньше была всего дороже.

Ну, до свиданья. Когда приеду заграницу следующий раз, непременно зайду к Вам.

Поклон Нине Александровне. Всего хорошего и не поминайте меня лихом.

Ваш МТБ.

3) Бердяев о программе «Народоправства»: письмо к В. В. Водовозову (1917)

Содержание московского еженедельного журнала 1917–1918 гг «Народоправство», объединившего на своих страницах социалистов и левых либералов, уже описано[53], но оценка его политической позиции ещё не дана. Видна, но документально не доказана и руководящая роль в нём Н. А. Бердяева. Ниже публикуемое его письмо к лично знакомому ему ещё по Киеву известному левому деятелю и пуб-

52 Михаил Михайлович Туган-Барановский (1902–1986) — сын от второй жены, Людмилы Ивановны Любимовой (1879–1960).

53 См.: *М. А. Колеров*. «Народоправство» (1917–1918). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. [1] Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997. Либералов и правых либералов тогда же стремился объединить подобный еженедельный журнал П. Б. Струве «Русская Свобода», выходивший с конца апреля 1917 в приложении к «толстой» «Русской Мысли»: *М. А. Колеров*. Журнал «Русская Свобода» (1917): Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 11: Ежегодник за 2012–2014 годы. М., 2015.

лицисту, автору многочисленных очерков по истории актуального права и политики В. В. Водовозову (1864–1933)[54] отвечает на все эти вопросы совершенно внятно и определённо. Несмотря на известные свои антибольшевистские настроения этого времени, вызвавшие его известный конфликт с большевистски настроенным М. О. Гершензоном[55], несмотря на апологию правого либерализма в позитивной части своих трудов послереволюционного 1918 года[56], в период между двумя русскими революциями 1917 года именно Н. А. Бердяев возглавил именно левый государственнический журнал «Народоправство».

В печатной листовке «От редакции журнала «Народоправство»», приложенной Бердяевым к публикуемому письму и подписанной «Редакционным бюро Московской Просветительской Комиссией при Временном Комитете Государственной Думы», но в которой можно узнать авторскую (соавторскую) руку Бердяева, говорилось, что «среди обломков самовластия надо строить незамедлительно на новых началах новую жизнь, материальную и духовную. История ещё не кончилась», что необходимо «учить... азбуке исторических, правовых и социальных знаний», в очередной раз — рифмуясь с одновременной эфемерной «Лигой русской культуры» П. Б. Струве, в которую вступил

[54] ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2048. Л. 1. На бланке Московской Просветительской Комиссии при Временном Комитете Государственной Думы. В. В. Водовозов в журнале «Народоправство» участия не принял.

[55] *М. А. Колеров*. Н. А. Бердяев. Письма к М. О. Гершензону [1909–1917] // Вопросы философии. М., 1992. № 5.

[56] *Н. А. Бердяев*. Духи русской революции // Из глубины. De profundis. Сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918; *Н. А. Бердяев*. Философия неравенства [1918]. Берлин, 1923; *М. А. Колеров*. К истории «пореволюционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998; *М. А. Колеров*. Самоцензура Бердяева: неизвестный текст 1919 года // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

и Бердяев[57], — призывалась к жизни «мобилизация интеллигентных сил». В социалистической позиции издания ясно выступала и его «оборонческая», социал-патриотическая позиция в отношении к войне. В этом, твердя «не отрицая значения массовой борьбы и всецело поддерживая справедливые требования трудящихся масс», журнал — следовал за небольшевистской социал-демократией во главе с Г. В. Плехановым и А. Н. Потресовым, но имел смелость косвенно полемизировать с «Манифестом коммунистической партии» Маркса и Энгельса, говоря в своей декларации, что осуждает «всякую демагогию в области классовой борьбы»: «Неправда, что у пролетариев нет отечества». Далее журнал ещё более сужал границы радикальности своего социализма и выступал против «немедленной... социалистической организации страны», отвергал немедленный эсеровский «чёрный передел» в аграрном вопросе, полагая «планомерное разрешение его... лишь в условиях будущего демократического нашего строя», очень туманно уступая в настоящем лишь «удовлетворение естественных притязаний безземельных и малоземельных крестьян на их экономическое раскрепощение». Журнал, претендуя «учить азбуке» общественных знаний, однако, стремился минимизировать значение институциональной, обыденной политической борьбы в деле применения этих знаний на практике и утверждал задачу придать «новое духовное содержание» социально-политическим «формам» — по-видимому, ещё до того, как революция заставляла их использовать без дополнительных рассуждений. Очевидно, что инициаторы журнала стремились максимально отложить любые политические решения и, похоже, даже любые решения, связанные с демократическим волеизъявлением «освобождённого народа». Требуя «нового духовного содержания» для политических институций, он ставил вполне

[57] *М. А. Колеров*. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De Visu. № 9. М., 1993.

утопическую задачу своими силами повлиять на демократический институциональный выбор, а для этого прежде «осветить с достаточною ясностью и точностью идеи государственного права, данные финансовой и экономической науки, а также науки исторической, начертить возможные планы будущего демократического устройства страны на основе свободы и равенства всех граждан. Наша задача не в том, чтобы звать к определённой партийной платформе, а в том, чтобы подготовить граждан к сознательному выбору той или иной политической программы. Мы не агитаторы, а просветители». Столь же компромиссным был заявленный неконфликтный выбор в пользу общественных перспектив равно христианства и светского гуманизма: «Для нас вовсе не безразлично, какие пути изберёт человечество в своём культурном развитии — признает ли оно наилучшими началами начала антихристианской цивилизации или откажется от этих начал и утвердит иную культуру, где не будет места для заявлений, что “сила определяет право”»[58].

Итак, накануне выхода в свет первого номера «Народоправства», состоявшегося 15 июня 1917, Бердяев писал:

Москва, 12 Июня 1917

Дорогой Василий Васильевич! Посылаю Вам проспект возникающего в Москве еженедельника «Народоправство», в редакции которого я принимаю участие. О журнале этом с Вами уже говорил Г. И. Чулков. Очень желательно было бы Ваше сотрудничество. Важно для нас не то, чтобы вы дали своё имя, так как списка сотрудников мы не предполагаем специально публиковать, а чтобы Вы писали статьи. Особенно желательны от Вас статьи государственно-правового и исторического характера. Журнал беспартийный

[58] ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 2048. Л. 2.

демократический, в области социально-экономической — социально-реформаторский, подчеркив<аю>щий сложность всех проблем. Цель журнала — просветител<ьск>ая, а не агитационная. Гонорар назначен по 40 коп. за строку. Ответьте мне, пожалуйста, по редакц<ионному> адресу — Солянка, д. 1, кв. 88.

[Одно слово нрзб]

Преданн<ый> Вам Николай Бердяев.

4) Н. И. Кареев. Книга о социальной аналитике. Проф. П. А.Сорокин. «Система социологии».

Т. I. Социальная аналитика. Петроградское издательское товарищество «Колос». 1920. XIV + 360 стр. Ц. 150 р.[59]

Это — только первый том большого, рассчитанного на восемь томов, научного труда, и уже по одному этому книга заслуживает внимания, особенно в наши дни, когда так мало выходит в свет научных книг. Автор «Системы социологии» уже не новичок в данном предмете. Между прочим, шесть лет тому назад им была напечатана большая книга «Преступление и кара, подвиг и награда», кроме других, более мелких работ, появившихся за последние годы. В новом своём он выступает как хороший знаток современной социологической литературы на разных языках, что также свидетельствует о его научной подготовке к совершению

[59] Вестник литературы. № 7 (19). М., 1920. С. 7–8. См. к истории отношений П. А. Сорокина и Н. И. Кареева недавнюю публикацию писем 1917, 1920, 1923 гг. Сорокина как секретаря Русского социологического общества и др. к Карееву (С. 122, 145, 157, 158), в частности, письмо от 22 июля 1920 из Петрограда в Смоленскую губернию с сообщением: «Ваша заметка о моей книге будет помещена в августовском номере «Вестника литературы» (Учёный в эпоху перемен: Н. И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Авт.-сост. Е. А. Долгова. М., 2015. С. 122).

такого обширного замысла, каким является целая система одной из важнейших наук.

За последние два—три десятилетия социология сделала громадные успехи. Четверть века тому назад в своём «Введении в изучение социологии» пишущий эти строки подвёл общие итоги под тогдашним состоянием социологии, но после того эта наука быстро двинулась вперёд, что и отразилось на книге П. А. Сорокина. Старые монистические направления (органицистическое, дарвинистическое, экономический материализм и даже психологическое в своём одностороннем виде) являются в настоящее время пережитыми. Позиция автора «Системы социологии» — последовательный плюрализм, т. е. обращение не к одному какому-либо началу как исходному пункту, а принятие в расчёт сложности и многогранности общественных явлений, делающий невозможным, чтобы все замки социологии отпирались одним и тем же ключом. Всё-таки, однако, из всех прежних направлений П. А. Сорокин более всего примыкает к психологическому, конечно, в её интерментальном, или коллективном, понимании. Что социологии предстояло в конце прошлого века пойти этим путём, синтезируя при этом и другие направления, мною уже было высказано в упомянутом «Введении» на основании наблюдений над тогдашним состоянием нашей науки. Сам будучи убеждённым плюралистом, не могу поэтому не приветствовать то, что П. А. Сорокин, не связанный старыми традициями, стал именно на такую точку зрения.

Что автор примыкает, как-никак, к психологическому направлению, явствует из того, что он видит в социологии «Науку о поведении взаимодействующих людей и его результатах». Лично я скорее отнёс бы явления психологического взаимодействия к области коллективной психологии, оставив за социологией область явлений социальной организации, но это было бы только спором о словах, а не по существу. И по моему представлению, вся культура, как духовная (язык, религия, искусство, наука, филосо-

фия), так и социология (государство, народное хозяйство, право), есть не что иное, как совокупность результатов психологического взаимодействия между людьми. Разложение культуры на отдельные акты человеческой деятельности, порождаемые другими такими же актами и сами порождающие другие акты, мною было принято ещё в книге «Сущность исторического процесса» (1889–1890), что и заставляет меня сочувственно относиться к исходному пункту системы П. А. Сорокина, в данном случае находившегося, думается мне, под влиянием американских социологов. Только я нахожу, что наш автор напрасно под понятие взаимодействия подводит и одностороннее психическое действие индивида на индивид, например действие на нас Шекспира, Канта и т. п. Такой случай он называет «односторонним взаимодействием», не замечая, что здесь имеется contradictio in adjecto. Я прямо посоветовал бы ему приискать другой термин: взаимодействие есть акция *плюс* реакция, но если Шекспир действует, то я-то уже не могу действовать на Шекспира.

К общим определениям, даваемым автором предмету, задаче, методу социологии, к тому, как он классифицирует её части и т. п., я отношусь также положительно, хотя с отдельными тезисами соответственных страниц согласиться не могу. Не стану даже указывать на эти пункты, кроме, пожалуй, одного (увлечения некоторыми выводами из рефлексологии), потому что без аргументации это излишне, тем более ещё, что о книге П. А. Сорокина я собираюсь написать большую критическую статью, в которой были бы указаны все положительные стороны книги и был бы дан более подробный разбор отдельных её положений.

Лежащий передо мной том посвящён «Социальной аналитике», окончание которой обещано во втором томе. Она изучает только структуру социального явления и его форм. В остальных частях «Системы» П. А. Сорокина будут помещены «Социальная механика» (изучение процессов взаимодействия) и «Социальная генетика» (формулировка ис-

торических тенденций или линий развития). Если судить по первому тому, целое обещает быть одним из значительнейших трудов по общей социологии в настоящем фазисе её эволюции. Приятно было из самой книги узнать, что второй том имеет появиться в скором времени, а остальным шести томам пожелаем поскорее по возможности перейти в действительность. Будем ждать и объявленного уже автором «Общедоступного[60] учебника социологии».

Свой труд автор посвятил памяти двух своих учителей (М. М. Ковалевского и Е. В. де-Роберти) и одного из своих друзей (П. Н. Зепалова), молодого учёного, павшего жертвою гражданской войны.

5) С. Аскольдов. Проф. И. И. Лапшин. Философия изобретения и изобретение в философии. (Введение в историю философии)

Т. I. Изд-во «Наука и Школа». Петербург, 1922. Стр. 194[61].

Новая книга проф. И. И. Лапшина ставит не лёгкую и едва ли благодарную задачу разобраться в весьма сложном и многообразном по своему психологическому составу процессе научного изобретения. Не говоря уже о том, что каждый новый мысленный горизонт имеет множество подходов со стороны ранее исследованных научных областей, сферы мысли слишком сильно обусловлены и чисто иррациональными мотивами, движимы разнообразными чувствами и волевыми устремлениями. Особенно это приходится сказать про философию, которая занимает в теме автора центральное место. Уже по этому одному не будет большим упрёком для автора, если сказать, что ни к ка-

60 Исправлено. В тексте ошибочно: «Общественного». — *М. К.*

61 Летопись Дома литераторов. Литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал. № 1–2 (5–6). Пб. 15 января 1922. С. 8.

ким существенным обобщающим выводам в своей работе он пока не пришёл. Но и без каких-либо общих выводов тема автора имеет, так сказать, классификационный интерес. Чрезвычайно важно на первых порах во всяком сложном смысле охватить всю сумму исследуемых явлений и её надлежащим образом расчленить. Но вместо ясного расчленения мы находим в книге лишь стремительные перебеги от вопроса к вопросу, от факта к факту. Мы не хотим сказать, чтобы эти перебеги были совершенно беспорядочными; книга достаточно подразделена на главы и на рубрики, начинается рассмотрением простейших биологических факторов (наследственности) и кончается логической схематизацией. Но всё же в это расчленение не положено никакого руководящего принципа. Понимание сознания как некоторой целостности у автора совершенно отсутствует. Читателю показываются исследуемые автором области как бы из окна вагона, без снабжения его той географической картой, которая дала бы возможность осмыслить и определённым образом структурировать всё виденное.

Весьма естественно поэтому, что и самые процессы изобретения имеют в изображении автора слишком случайный и неорганический характер. Хотя автор и совершенно правильно, на наш взгляд, рассматривает изобретения как специфический момент *творчеств* , он не использовал в своих обзорах того положения, что всякое творчество имеет в своей основе какой-нибудь *один* интеллектуальный стимул, каковым в области чисто теоретического творчества является какая-нибудь идея или замысел. Найти и показать этот стимул во всех многообразных случаях творчества и изобретения, казалось бы, должно было являться главной задачей исследования. Однако ни постановки, ни разрешения её мы в книге совсем не находим.

Но если книга бедна с точки зрения требования руководящих принципов и каких-нибудь обобщающих выводов, то её нельзя не признать чрезвычайно содержательной в области отдельных частных проблем и истолкований. Автор

положительно подавляет обилием различных видов и форм мысленного творчества, далеко выходя за пределы им же установленного понятия изобретения; столь же щедр он в проведении мнений различных писателей по исследуемым им вопросам. Вообще *м тери л* для обсуждения он даёт исключительно много. Интересны и ценны собственные взгляды автора по частным проблемам его темы. Здесь мы находим наиболее удачной его теорию *«н учных ф нт смов»*, вообще весь отдел, трактующий о роли творческого воображения и т. п. Интересны и метки указания автора, как на весьма важное условие счастливых догадок, на способность сближать между собою диспаратные друг от друга сферы явлений, вообще и на *ширину* комбинационного поля творческого воображения.

Вообще книга Лапшина производит до чрезвычайности двойственное впечатление. В ней, как и во всех предыдущих работах автора, сказывается громадная эрудиция, начитанность и широта мысленного горизонта, поразительная способность «откопать» из разнообразнейших источников всё интересное и особенно курьёзное, дать меткие формулировки, иногда «словечки», своеобразно осветить вопрос каким-нибудь парадоксальным и остроумным взглядом. Но со всеми этими достижениями учёных заслуг и таланта автора, как человека утончённой и живой философской мысли, связывается какая-то неспособность подвести итоги своим мыслям, всесторонне исследовать вопрос не только вширь, но и вглубь, вообще дать плоды какого-нибудь определённого философского миросозерцания. Об этой неспособности не стоило бы говорить, если бы она коренилась в самом авторе и была в этом смысле роковой. Думается, что она всё же результат какой-то неудачной философской *«позиции»* автора, — именно позиции, а не миросозерцания, так как характернейшей особенностью этой позиции является отсутствие какого-либо философского миросозерцания, не только метафизического, но и позитивного.

4) В. В. Зеньковский приглашает П. Б. Струве в философское общество (1922)

[Берлин, не позже 4 сентября 1922]

Многоуважаемый Петр Бернардович,

позвольте Вас осведомить, что в Берлине организовалось Русское Научно-Философское Общество, ставящее себе целью объединение всех деятелей русской философии, живущих вне России — в целях взаимной связи и связи с коллегами в России. По случайным затруднениям Вам не была послана повестка на учредительное собрание, но просим от имени Общего Собрания войти в наш состав (лица, в течение 2 мес<яцев> заявившие, по полученному ими предложении, о желании вступить в Общ<ество>, признаются членами-учредителями). В целях помощи философам в России образован особый фонд и все члены Общества приглашаются внести какую либо сумму в этот фонд или прочесть публичную лекцию в пользу фонда помощи русским философам.

Для членов Общества установлен членский взнос (для организац<ионных> расходов) — для Чехии 10 крон в 3 мес<яца>. Пересылать деньги и заявление можно Ад<ольфу> Марковичу Лазареву (Berlin W, Mommsenstr 35, bei Passow).

Я слышал, что Ваши ученики Савицкий и Остроухов серьезно занимаются философией. Позвольте просить Вас привлечь их и кого ещё знаете Вы из работающей молодежи. Студенты, специализирующиеся по философии, зачисляются в члены-соревнователи.

С искренним уважением
В. Зеньковский

4/X уезжаю в Белград, на случай сообщаю вам свой адрес: Belgrad. Takowsko 57[62]

---

62 ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 153.

Д. А. Игумнов

Восток в публицистике журналиста газеты «Новое Время» С. Н. Сыромятникова (1893–1904)

Рубеж XIX–XX веков был временем открытия и разработки восточной тематики в отечественной мысли. О «монгольском» мире писали такие мыслители, как В. С. Соловьёв и князь Э. Э. Ухтомский, в то же время русская внешняя политика тесно соприкасалась с делами Японии, Кореи, Китая.

Одним из последовательно обращавшихся к Востоку авторов был журналист и путешественник С. Н. Сыромятников. Он родился 19 сентября 1864 года, учился на Юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1887 году был исключён за хранение нелегальной литературы в связи со «Студенческим научно-литературным обществом». Затем Сыромятников восстановился и закончил обучение в 1890 году со степенью кандидата прав[1]. С 1893 по 1904 годы он сотрудничал в издававшейся А. С. Сувориным газете «Новое Время», публикуясь чаще всего под псевдонимом «Сиг-

[1] О нём см.: *А. В. Репников.* Сыромятников Сергей Николаевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 502–506.

ма». «Новое время» было одной из наиболее популярных и влиятельных газет своей эпохи. По сути Сыромятников стал одним из тех авторов, который сформировал взгляды русских на Восток к началу русско-японской войны.

Уже в одной из первых своих публикаций в «Новом Времени» — статье «Русская княжна на французском троне. Из далёкого прошлого франко-русского сближения», опубликованной в номере от 5 октября 1893 года, — Сыромятников затронул тему отношений России с Востоком и Западом. По его мнению, Русь при Ярославе Мудром была близка Европе: «*Вероятно, я не сдел ю большой ошибки против исторической пр вды, если ск жу, что современн я Россия менее похож н Фр нцию и Герм нию, чем был похож н них Русь Яросл в* ».

Приведя сведения об отношениях Руси со Скандинавией, о Харальде Сигурдсоне, о ставшей французской королевой Анне Ярославне, Сыромятников высказал суждение, что «*история её* (Анны. — *Д. И.*) *пролив ет свет н положение Яросл вовой Руси, в которой было т к много бл гих н чин ний, скошенных р спрями князей и т т рским н шествием*». Дурным следствием последнего стала оторванность Руси от Европы. «*Р згромив и р зорив Русь, т т ры отрез ли её от З п д и от Север , з ст вили з мкнуться в с мое себя*». Распря между Римом и Константинополем приучила Запад смотреть на «*русский н род, выносивший н своей спине з п дную культуру, к к н диких язычников*». Закончил свою статью автор весьма смелым пассажем о том, что, когда в 1285 году в Париже было устроено общежитие для обучавшихся в университете за счёт архиепископа шведов, «*у н с дети Алекс ндр Невского холопствов ли перед т т р ми и сочинялось новое во многом худшее изд ние Руси — Москв* »[2].

В статье «У нарвского залива», опубликованной в выпуске «Нового Времени» от 26 июня 1894 г., Сыромятников впервые сравнил российские реалии с восточными. Рас-

2 *С. Н. Сыромятников.* Русская княжна на французском троне // Новое Время. 5 (17) октября 1893. № 6323. С. 2.

суждая о немецком влиянии в Прибалтике, он сопоставил взаимоотношения, с одной стороны, прибалтийских немцев и русских и, с другой, англичан и индусов. Подчинение последних первым объяснялось, по его мнению, в том числе и «*пессимистической философией*». Но если раньше индиец мог «*уд литься в лес и освободиться от религиозных и общественных обяз нностей только тогд , когд он увидит детей своих детей*», то «*теперь целые толпы лучших людей уходят в лес или мон стыри, чтобы н йти свою душу и мировую сущность... поуч ются скрытой н уке, котор я говорит, что недел ние совершеннее дел ния*». В результате «*многие лучшие индусы пошли в лес , порядок устр ив ет нглич нин по-своему*». Такой же результат может произойти и в России, и для его предупреждения необходим труд: «*Приб лтийский кр й сдел ется русским только тогд , когд мы перест нем дум ть, что студент есть руг тельное слово и что обяз нность обр зов нного человек есть высшее, созерц тельное недел ние*»[3].

Об Индии как стране апатии и созерцательности, противоположных активному труду и культуре, Сыромятников высказался в своём рассказе «Из жизни современного сердца»: «*Это глупое и низкое свойство — ж лость. Оно р спуск ет личность. Н почве буддийской ж лости р зовьётся непротивление злу и индиферентизм, который погубит общество. Культурн я Европ обиндеив ется. Выведенному в теплиц х больших городов, перекультуренному человечеству больше всего по-нутру мор ль и философия сырых з рослей тропической Индии*»[4].

Вскоре Сыромятников начал посвящать Востоку больше материала. В «Новом Времени» от 10 июля 1894 года выходит его статья из серии «Обо всём», в которой обосновывалась необходимость изучения восточных вопросов в России. Русские читатели узнают из газет о корейских делах,

[3] *Сигм* . У нарвского залива // Новое Время. 26 июня (8 июля) 1894. № 6581. С. 3.

[4] *Сигм* . Из жизни современного сердца // Новое Время. 13 (25) ноября 1894. № 6721. С. 3.

но эти газеты не сообщают им, «*что т кое Корея, кто т м живёт, к к поп ли туд японцы, при чём т м кит йцы и что предст вляет для н с эт стр н* », хотя Россия имеет с Кореей отношения и Корея находится всего лишь «*верст х в трёхст х от Вл дивосток* ».

Публицист признавал, что в России имеются востоковедческие исследования, но они оторваны от жизни и её насущных вопросов и не удовлетворяют потребностей общества в знании о предмете. «*Я имею смелость дум ть, что присутствие серьёзного ориент лист в к кой-нибудь т моженной комиссии полезнее для России, чем уч стие его в к ком-нибудь немецком изд нии четырёх кит йских кл ссиков*». Специалисты «*з няты тонкими исследов ниями т кого-то иероглиф и з иероглифом не видят жизни и истории*».

Сыромятников сообщил читателям, что занят изучением Кореи, и объяснил, почему, по его мнению, подобные исследования нужны. Азиатский Восток для России — «огромная колония», он даёт «*огромные бог тств* » и «*з стр хов л н с н тысячу лет от п уперизм , безземелия и всех сопряжённых с переростом н селения неурядиц*». Русские образованные люди должны помочь «пионерам русского дела на Востоке», восточные дела должны быть известны русской публике и соединены с делами страны в целом.

Изучение Востока, необходимое с практической стороны, связано и с культурными задачами. «*Велик я стр н должн жить великими з д ч ми и великими иде л ми*». Сейчас «*общество теряет политическое чутьё, р зводится з тхоль* (sic)*, плесень, всякие грибки и микробы*». Нужен подвиг. Инородцам нельзя приносить «*водку, сифилис и принципы русифик ции во что бы то ни ст ло*», к ним надо приходить «*с твёрдым созн нием н шей силы и н шего единств , но не к к вр ги, к к ст ршие бр тья*», тогда они сами откажутся от своих нравов и верований, станут полезными работниками и искренними друзьями России[5].

[5] *Сигм* . Обо всём // Новое Время. 10 (22) июля 1894. № 6595. С. 2.

Надо полагать, «Новое Время» сочувственно отнеслось к призыву Сыромятникова, поскольку в последующих номерах стали появляться заметки о Корее, её истории и современных событиях. Сам Сигма обличал пороки современного ему общества — разврат, лень, призывая к просвещению и прогрессу. Народ стремится к культуре, задача общества — помочь ему в этом. «*Нельзя з быв ть, что Сибирь з воёв н не рыц рями-феод л ми, простой “перек тною голью”*»[6] — писал Сыромятников в статье «Перед началом ученья».

«*Если будущее России з висит от того, чтобы мужик получил возможность перейти от хищнического примитивного хозяйств к хозяйству многопольному, которое требует обр зов ния, то, зн чит, все госуд рственные силы следует двинуть именно н эту обл сть, не н изучение ч сослов или греческих гл голов*» — так высказался Сыромятников в статье «Подальше от культуры» в номере от 28 августа 1894 года. В ней он вновь предупреждал о вытеснении русских более предприимчивыми немцами. «*Поклонение исконным и коренным добродетелям*» приведёт к тому, что «*все мы, с н шей литер турой и н шими искусств ми, принуждены будем перейти “з об Ур л ”, в Кит йский клин, те мест , где тысячу лет жили н ши предки, будут р сп хив ться немецкими плуг ми*».

Но теперь к этим мыслям Сыромятников добавляет новую: там, в Азии, куда русских грозят вытеснить, придётся столкнуться с иными конкурентами. Там «*н м придётся бороться ещё сильнее, чем с немц ми, т к к к т м н к ждом ршине земли сидит по кит йцу, с косой, с блей и ч шкой ч ю, по кит йцу, для которого жизнь не имеет ник кой цены и который с м лых лет привык дум ть, что в жнее всего в мире — н ук , что ристокр том и с новником можно сдел ться только бл год ря обр зов нию и учёности*»[7].

6 *Сигм* . Перед началом ученья // Новое Время. 31 июля (12 августа) 1894. № 6616. С. 2.

7 *Сигм* . Подальше от культуры // Новое Время. 28 августа (9 сентября) 1894. № 6644. С. 2.

Образ китайца с «косой, саблей и чашкой чаю» может показаться карикатурным, но он — не инородец, к которому можно прийти в качестве «старшего брата», а серьёзный конкурент, с которым придётся бороться даже «серьёзнее, чем с немцами». Китаец ценит образование, и это у Сыромятникова прозвучало комплиментом и даже примером для русских.

На разработку восточной темы Сыромятниковым повлияла книга князя Э. Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Величества Наследника Цесаревича в 1890–91 гг.», изданная в 1893–1897 гг., которой Сыромятников посвятил вышедшую 30 октября 1894 года статью «Восток или Запад». Впоследствии, в 1901 году, Сыромятников писал, что Ухтомский помог ему «*отойти от з п дного индивиду лизм в философии*», понять, что «*Восток д ёт целость русской мысли*», привезя с Востока «*не зн ние его... к кую-то поэтическую тмосферу восточного чувств* »[8]. Можно заметить, что статья Сыромятникова появилась почти одновременно с вступлением на престол Николая II, путешествию которого и была посвящена книга Ухтомского. Тема публикаций обоих авторов представляется очень актуальной для того времени, поскольку в дальнейшем император активно развивал дальневосточное направление во внешней политике.

Как писал Сыромятников, история отношений России к Востоку заключается в переходе от «греко-славянского» идеала или культурного типа к «русско-туранскому» или «русско-азиатскому». Россия осуществила большие успехи в Азии, но при этом и Азия оказала влияние на Россию: «*изучение Сибири и Средней Азии ср внительно с Востоком в его целом не могло не н вести н мысль о многих черт х сходств н шего быт с бытом Восток* ». В тридцатых годах подобные мысли «*возбужд ли н ше негодов ние*», «*мы верили в Петр Ве-*

[8] *Сигм* . Опыты русской мысли. Ч. X // Новое Время. 18 февраля (3 марта) 1901. № 8975. С. 2.

ликого и счит ли себя европейц ми», но теперь «*многие из н с изверились в принципы Петр и мы проповедуем то с мое, что н ши предки н зыв ли немецкою и польскою клеветой*», то есть мысль о причастности России Востоку.

Сыромятников цитировал фрагменты из книги Ухтомского, говорившие о чуждости Европы Востоку, «бездне» между Западом и Азией, о том, что Русь вскоре «*проснётся в к честве обновлённого “восточного” мир* ». Ухтомский полагал, как приводит его текст Сыромятников, что Россия выступает антиподом европейской колонизации, она «*ничего не з воёвыв ет, т к к к весь этот втягив ющийся в н с инородческий люд — н м бр т по крови, по тр дициям, по взгляд м*». Россия должна покровительствовать Востоку против хищнической, грабительской европейской колонизации, охранять его самостоятельность — Сыромятников уверенно согласился с этой мыслью. «*Его* (Ухтомского. — *Д. И.*) *проповедь о необходимости более созн тельного отношения теперь более чем когд -либо своевременн* ». Отношения России и Востока — это отношения двух частей единого целого, а не победителя и побеждённого: «*Россия, действительно, не колонизирует и не эксплу тирует Восток, он его втягив ет, претворяет в себя и с м претворяется в него*».

Миссия России на Востоке предполагает изменения в самой русской жизни, где должно быть «*к к можно более тех элементов энергии и с мостоятельного творчеств , при помощи которых нглич не достигли обр зов ния Индийской империи*». Миссия русских — «*н с дить... свободное домостроительство среди восточных н родов, стр д ющих отсутствием иници тивы*»[9], но для этого сами русские у себя должны развивать начатки этого «свободного домостроительства». Таким образом, задачи, стоящие перед русской жизнью в связи с Востоком, приобретали более конкретное общественное звучание.

[9] *Сигм* . Восток или Запад // Новое Время. 30 октября (11 ноября) 1894. № 6707. С. 3–4.

Если ранее, в рассмотренной выше статье «Обо всём», Сыромятников высказывался о просвещении инородцев русской культурой, в результате чего они сами, без насилия отказались бы от своих «нравов и верований», то в отзыве на книгу Ухтомского им заявлялась иная мысль: Россия должна оберегать самостоятельность восточных народов, как политическую, так и культурную.

Сыромятников одобрял стремление инородцев к просвещению и видел в нём пример для русских. Одобрительно он писал о бурятских мальчиках, вместе с ламами приехавшими в Петербург учиться русскому языку. Обучаясь в Тибете, ламы «*упр жняют волю, упр жнение воли есть з лог р звития личности, к к умственный ристокр тизм — з лог р звития общест в* ». Говоря о культурном прогрессе финнов, прибалтов, кавказских народов, мусульман и буддистов в России, публицист вновь обращал внимание на необходимость развития русского народа. «*В середине этого огромного кольц* (инородцев. — *Д. И.*) — *безгр мотный н род, который всё з воев л, всё соединил, всё вызв л н рену истории своими сил ми, умом и р ботой. Когд этот н род будет поголовно гр мотен и хотя бы т к культурен, к к л тыши и финны?*»[10]

Примерно через четыре месяца в номерах от 5 и 12 марта 1895 года была опубликована статья Сыромятникова «Ex oriente nox!» (тьма с востока (*л т.*). — *Д. И.*), в которой он обращался к новым проблемам. Из неё читатель узнавал, что Восток — это не только возможный источник богатств для России и обитель «братьев по крови». Восток несёт угрозу: «*С Восток н двиг ется что-то тёмное, дикое, неизвестное, первые призн ки грядущего «п нмонголизм* ».

Внешним событием, ставшим поводом к написанию статьи, стала Японо-китайская война 1894–1895 гг. «Новое Время» следило за её ходом, а уже 22 сентября 1894 года поместило сообщение с громким названием: «Новая мировая

[10] *Сигм* . Наша панацея // Новое Время. 26 февраля (10 марта) 1895. № 6823. С. 3.

держава», понимая под такой державой Японию. Теперь же Сыромятников утверждал, что «*дело идёт о созд нии новой Герм нии н н шем Востоке*».

«*Чтобы понять, что может выйти из р згром Кит я и торжеств Японии*», Сыромятников цитировал слова Ницше о «морали господ» и «морали рабов» и утверждал, что именно вторая, христианская, мораль является «*руководящим светочем н шей личной, общественной и междун родной жизни*». Это касается всей Европы: «*едв ли одно из европейских госуд рств решится созн ться, что оно руководствуется мор лью господ, не мор лью р бов, униженных и оскорблённых, той мор лью, которую мы счит ем истиною вот уже девятн дц ть веков*».

«*Что т кое вся история Европы, к к не медленное претворение в жизнь христи нских иде лов нр вственности*» — задавал Сыромятников риторический вопрос, в качестве подтверждения приводя столь разные источники, как кельтские легенды, русские былины, поучение Владимира Мономаха и речь Гладстона. Напротив, «*история, жизнь и иде лы японского н род ... служит отриц нием христи нской мор ли*».

Восточные пределы России населены «*мирными переселенц ми из России и мирными буддист ми-инородц ми, которые ужив лись с соседними неподвижными кит йц ми*», писал Сыромятников, но вот к ним приблизился «*жестокий, желтокожий н род, воинственный, ещё нед вно феод льный, нерелигиозный*». Такое соседство опасно, и чтобы доказать это, автор обращался к японской истории, культуре и религии. Он нашёл в Японии «*бедность религиозного чувств , отсутствие высоких иде лов и з мыслов*», почувствовал «*к кой-то холодный уж с от бессмысленной жестокости этого умного н род* », который «*не зн ет другого опьянения, кроме опьянения кровью*». У японского народа нет «*широких иде лов*», и «*только войн , убийство и с моубийство выносят его из скуки обыденной обст новки среди прекр сной, бог той природы*». Сыромятников видел в японцах и жестокость, и беспринципность, считал, что буддизм даже «*в испорченной форме*» оскорбляет их про-

поведью милосердия. «*Мор ль господ — в полном р сцвете, сл бые не счит ются людьми*»[11].

Во второй части статьи Сыромятников утверждал, что японцы ничуть не изменились в связи с модернизацией. Мирные заявления японского правительства — «*н ивности, в которые могут верить р зве бл женные диплом ты и легкомысленные поклонники японских т нцовщиц*». Этим не должны обольщаться «*те русские, которым дороги интересы своей родины и которые не хотят для неё нового Сев стополя н восточном побережье*». Сыромятников с откровенным скепсисом писал о японской конституции, университете, распространении христианства: «*все эти громкие слов т к и ост ются слов ми*».

Япония стремительно усиливается, и «*н всю эту перет совку Восток будут с милой улыбкой смотреть русские люди, которых три год тому н з д корейцы просили з нять Корею, и которые н ходят, что н м в высокой степени н плев ть и н свободное море, и н Корею, и н все эти д лёкие стр ны*». Сыромятников призвал «общество, писателей, журналистов» «*обр тить вним ние н то, что творится теперь н Востоке, и приготовиться к борьбе с грядущим п нмонголизмом*». Борьба эта носит характер не только политический, но и цивилизационный. Предстоит сражаться «*з н шу историческую жизнь, з н ше р звитие, и з те иде лы, которым мы созн тельно служили столько веков*». Россия и Япония глубоко чужды друг другу, как землепашец и воин: «*земледельц м должн быть стр шн культур воинов с её р бством, с её бездушной мор лью господ, с её холодным зверством во имя госуд рств* ».

Статья «Ex oriente nox!» представляется весьма пристрастной. В ней не были упомянуты некоторые важные факты, касающиеся русско-японских отношений. Так, говоря о скептицизме японцев в отношении религии, автор не упоминал о существовании Японской Православной Миссии,

---

[11] *Сигм* . Ex oriente nox! // Новое Время. 5 (17) марта 1895. № 6830. С. 3.

трудами которой к тому времени был построен Воскресенский Собор в Токио. Сыромятников писал, что «*з п дные источники не упомин ют о н п дениях н русских м тросов и офицеров. Я слыш л, что быв ли и они. Покушение в Отцу служит блист тельным подтверждением этого предположения*»[12]. Между тем пребывание русских матросов и офицеров в Японии было не случайным. Известно, что русские корабли долгое время беспрепятственно стояли в японских портах. «*В 1875 г. опорным пунктом русской эск дры н Тихом оке не ст л Н г с ки. Крейсеры проводили в этом городе большую ч сть год , с конц осени до н ч л лет* »[13].

В декабре 1895 года в статье «Люди будущего века», посвящённой исканиям молодёжи, Сыромятников снова обратился к теме восточного идеализма. «*Поэзия пустыни... иск ние Бог , иск ние души, иск ние лучшей, более пр вой веры нигде не проявляется т к сильно, к к в России, если не счит ть Индию*». Теперь Сыромятников не противопоставлял философию и практические задачи жизни. Образованная молодёжь задумывается над проблемами религии и этики, но «*уменьш ет ли это ценность её будущих госуд рственных и гр жд нских з слуг? Нисколько*». Она не отвергает законов, практики, но «*поним ет, что ник кие хорошие з коны не могут, без улучшения нр вственности и просвещения, испр вить дурное и невежественное госуд рство*». Эта молодёжь «*не выкинул з борт комп с р зум , но и не отриц ет солнц и звёзд, которыми руководствов лись морепл в тели д леко до изобретения комп с* »[14].

Автор развивал тему близости России и Востока в третьей части и определял понятие Востока через причастность к «татарскому началу». «*Мы рийцы только н одну четверть,*

[12] *Сигм* . Ex oriente nox! // Новое Время. 12 (24) марта 1895. № 6837. С. 3.

[13] *О. Р. Айр петов*. Внешняя политика Российской Империи (1801–1914). М., 2006. С. 411.

[14] *Сигм* . Люди будущего века // Новое Время. 10 (22) декабря 1895. № 7107. С. 2.

н три четверти — т т ры или чухны». Раньше «*н с учили в школе, что мы — сл вяне- рийцы, одной р сы с герм нц ми, литовц ми, л тин ми, грек ми, индус ми, перс ми; мы поверили этому — и в этом больш я ошибк* ». Индусов и персов Сыромятников относил к арийскому началу, они противостоят началу татарскому вместе с римлянами, греками и германцами. Индия сама стала «жертвой» татар так же, как и Россия: «*Кн. Э. Э. Ухтомский р ссk зыв ет, что в Индии его пор зило сходство простого н род , его типов, х р ктер , одежды, с н шими мужик ми. Объясняется это тем, что современный индус т к я же смесь рийц с монголом, к к и н ш ряз нский или тульский мужик. Т м, к к и у н с, был т т рский погром и т т рское р бство*» — писал Сыромятников, имея в виду, очевидно, владычество Великих Моголов.

В статье «Русская княжна на французском троне» Сыромятников уже говорил об оторванности России от Запада вследствие татарского ига. Теперь он призывал примириться с этим обстоятельством как неизбежным: «*более глубокое поним ние культуры сдел ло невозможным чистое з п дничество. Демокр тиз ция обр зов ния вывел н ружу восточные свойств русской души, свойств непонятные для з п дного человек , но тем не менее неистребимые и неизгл димые*». Этого не надо бояться, восточный мистицизм, фатализм, бессознательность — предвестие новых и пока непонятных явлений. «*Сомнение в зн нии, к к и всякое сомнение — только критик перед новой верой*»[15] — такой фразой закончил Сыромятников свои три фельетона.

На суждения Сыромятникова о русской колониальной деятельности в Азии оказывало влияние изучение её обстоятельств. Русские должны быть достойны своей миссии, писал он в статье «О печати». Публицист ссылался на издания «Сыктывкарские Ведомости» и «Сибирский Вестник», в первом из которых говорилось о цивилизаторской миссии

[15] *Сигм* . Люди будущего века // Новое Время. 31 декабря 1895 (12 января 1896) № 7126. С. 3.

[Содержание]

русских поселенцев, а во втором — о преступлениях, совершённых в их среде. По этому поводу Сыромятников писал: *«ск жите мне, что более принесёт местному н селению, горделивое ли созн ние, что они з тр чив ют десятки тысяч н школы и могут цивилизов ть Кит й, путём р звития с ним торговли пшеницей и кож ми, или приведение ряд ф ктов местной жизни, которые свидетельствуют о том, что жизнь эт дик я, безобр зн я и жесток я, и что местные жители нужд ются в большом усилии воли, чтобы цивилизов ть себя с мих, прежде чем дум ть о цивилиз ции других»*[16].

Неизвестно, что писал бы о Востоке Сыромятников впоследствии, если бы с 1897 года в его жизни и публицистике не открылась новая страница. Начались его поездки и экспедиции, которым посвящена книга Б. Д. Сыромятникова[17]. В номере «Нового Времени» от 9 апреля 1897 года опубликовано письмо Сыромятникова из Порт-Саида, в котором он сообщил, что на пароходе «Принц Генрих» следует из Петербурга в Пекин. *«Европ ост л сь поз ди, тесн я рен великих событий, з Европою — земля, з землёю мир с его вечною жизнью. А в Европе — “исторический м тери лизм” и всеобщее стремление к культурному зверству... Посмотрим, что ск жет Восток...»*[18].

Его следующая корреспонденция, появившаяся на страницах «Нового Времени», была отправлена из Сингапура. Сыромятников, описав посещение буддийских храмов на Цейлоне, следующим образом высказался об увиденных там изображениях: *«длинн я эпопея грехов н земле и н к з ний в ду, перешедш я из Индии в Персию, оттуд в Виз нтию»*. Эту связь Византии с Востоком через Персию мы ещё встретим в его текстах.

---

16 *Сигм* . О печати // Новое Время. 1 (13) декабря 1896. № 7459. С. 3.

17 *Б. Д. Сыромятников*. «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916). СПб., 2004.

18 *Сигм* . Около Крита // Новое Время. 9 (21) апреля 1897. № 7585. С. 2.

Интересна встреча Сыромятникова с полковником Генри Стил Олкотом, основателем и президентом теософического общества и автором «буддийского катехизиса». Рассказ об этой встрече Сыромятников поместил в той же статье. Теософию в Индии, отличая её от европейской, путешественник воспринял как «сочинение западного ума», пытающееся нести Индии прогресс на её языке. Оно «*пыт ется влить з п дный индивиду лизм любви в бесформенные грезы индийских религий*». Общественно-политический прогресс в Индии возможен лишь в религиозной форме, и «*только нов я вер может уничтожить к сты, бр ки между детьми, постоянный уход от мир* ». Попытку такого прогресса в виде теософии делают европейцы. «*Без европейцев невозможно возрождение Индии, но нужно определить х р ктер влияния их н ум и н сердце индус* ». И далее снова видим параллель между Россией и Индией: «*А если т ково зн чение теософизм для Индии, то ясно с мо собой — к к мы должны относиться к нему в России*»[19].

Непосредственное знакомство с Индией вылилось и в другую статью Сыромятникова, «Вампир Востока», в которой он резко критиковал английское владычество и бедственное состояние находящихся под ним индусов. «*Ит к, величие Англии покоится н крови и поте индусов, в с мых гум нных строк х нглийских поэтов и мыслителей з ключен ч стиц стр д ний и слёз их з морских р бов*». Но и здесь мелькнула мысль о благе для Индии европейского, английского в данном случае, влияния: «*хотя обр зов нный индус и не может в большинстве случ ев быть чиновником у себя н родине, но Англия д ёт ему хорошее политическое воспит ние, которое р но или поздно приведёт Индию к союзу нез висимых госуд рств*»[20].

Наконец, с 8 июля 1897 года в «Новом Времени» стала печататься серия статей Сыромятникова «В гостях у богдыха-

---

[19] *Сигм* . С Цейлона // Новое Время. 18 (30) мая 1897. № 7622. С. 3.

[20] *Сигм* . Вампир Востока // Новое Время. 29 мая (10 июня) 1897. № 7633. С. 2.

на», которая позже будет им дополнена и выпущена отдельным изданием. Вот какое настроение связывал публицист с приближением к китайскому берегу: «*жёлтое, тяжёлое море точно подготовляет в шу душу к огромному, неизвестному н роду-сфинксу, смотрящему н мир безуч стными, з г дочными гл з ми. Жёлтое море — это волнующиеся пески безбрежной пустыни у ног спящего чудовищ* »[21].

Большая часть очерков заключается в подробном описании пребывания русского посольства в Китае, различных лиц, мест, фактов жизни, с которыми оно соприкасалось[22]. Аудиенция у богдыхана, на которой присутствовал Сыромятников, по собственному уверению, «*первым из журн листов с с мого основ ния Серединной империи*»[23], связывалась для него с прикосновением к древности и таинственности: «*видеть кит йского богдых н , сын   неб   н   земле и ск зочного повелителя четырёхсот миллионов подд нных, это что-то т кое стр нное и несбыточное, что… я ст р лся з помнить всякую мелочь и проникнуть в т инственный смысл обст новки госуд ря-жрец* ».

Сыромятников заметил особое отношение китайцев к правителю, связав его с древностью и непрерывностью китайской традиции: «*свободн я, прост я кит йск я толп   стоял   точно в предчувствии чуд . В этом, может быть, и есть особое политическое воспит ние Кит я, которое сохр няет н   огромном пути четырёх тысячелетий т инственный остов древней госуд рственности*».

Описав аудиенцию, Сыромятников продолжил свою мысль: «*гл вный вопрос не в личности кит йского вл дыки,*

---

[21] *Сигм* . В гостях у богдыхана. Ч. I // Новое Время. 8 (20) июля 1897. № 7672. С. 1.

[22] См. также: *А. Н. Хохлов*. Китайская проблематика в публикациях С. Н. Сыромятникова // Россия, Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: тезисы докладов к научно-практической Конференции 11–14 мая 1994 года, посвящённой 50-летию российско-новозеландских дипломатических отношений. Иркутск, 1994. С. 25–35.

[23] *Сигм* . В гостях у богдыхана. Ч. II // Новое Время. 9 (21) июля 1897. № 7673. С. 1.

в прочности тысячелетнего укл д госуд рственной жизни, покоящегося н почтении к родителям, н семейной преемственности и связи». При этом, по его мнению, богдыхан «*н с мом деле более огр ничен в пр в х своих, чем с мые конституционные европейские госуд ри*», поскольку он «*воспитыв ется в чувств х ответственности перед Вл дыкою мир и перед душ ми своих предков... его уч т, к к пользов ться госуд рственною м шиною, не изменяя и не лом я её*». Богдыхан — «*не человек, он символ седого Кит я*»[24].

Но о китайском характере Сыромятников дал нелестный отзыв: «*Кит ец — человек в высшей степени пр ктический, он не верит в кр сивые фр зы и неспособен к энтузи зму. Он подозрев ет во всём ложь и скрытый умысел, потому что с м охотно лжёт и постоянно действует с хитрецой и р счётом. Он поклоняется бог тству, уму, воле, уменью*». Этот китайский прагматизм укоренён в традиции: «*время не имеет цены в Кит е: жили 4000 лет неторопясь, проживут и ещё столько же. Гл вное — "чи-ф нь" (есть рис) и н жив ть деньги, ост льное приложится*»[25].

В последующих очерках, отправлявшихся в «Новое Время» по мере продвижения посольства, Сыромятников писал о Китае как стране неподвижной, замершей, и эта характеристика приобретала отрицательный оттенок. Путешественник связывал такое положение то с пристрастием китайцев к опиуму: «*может быть, потребность Кит я в тяжёлом и глубоком сне, политическом, общественном, семейном, есть только результ т этой отр вы, сн ч л чужеземной, теперь дом шней, к к водк в России*», то с особенностями китайского традиционного образования, которое, по его мнению, уничтожало способность к творческому мышлению: «*пр вд , что один из дв дц ти кит йцев умеет чит ть, чего*

[24] *Сигм* . В гостях у богдыхана. Ч. V // Новое Время. 12 (24) июля 1897. № 7676. С. 1.

[25] *Сигм* . В гостях у богдыхана. Тянь-Цзин // Новое Время. 23 июля (4 августа) 1897. № 7687. С. 1.

придётся долго ещё ожид ть в России. Но если эт гр мотность убив ет мышление, иск лечив ет его т к же, к к кит йцы к - леч т ноги своих женщин, то ещё вопрос, не полезнее ли для этого н род совсем не уметь чит ть»[26].

В дальнейшем китайская грамотность оценивалась автором ещё более жёстко. Согласно собственному сообщению, он высказывал китайскому генералу такое суждение: «*р зумеется, уродов ть ноги у девочек безнр вственно и вредно. Но у в с есть ещё большее уродство — это в ше письмо... Сколько умственных сил, сколько времени сохр нилось бы у кит йцев, если бы кит йскую литер туру перепис ть из иероглифов н л тинскую збуку... Чрезмерное р звитие п мяти в ущерб сообр жению, догм тичность, отсутствие всякой индивиду льности — всё это результ ты в шей письменности*». Тут же Сыромятников оценивал китайскую письменность с классовой точки зрения как служащую отделению мандаринов, учёной элиты, от народа. Она «*д ёт их мозг м готовую форму, д ёт готовую колею их деятельности*» и в конечном счёте позволяет им участвовать «*во всяких делишк х, н которых можно з шибить копейку*»[27].

Сыромятников рассуждал и о европейском влиянии в Китае. Он не верил в принятие китайцами христианства, поскольку они «*н род ст рый, узко-пр ктический, лишённый иде льных потребностей*», и «*кит ец не призн ёт ничего, кроме угождения плоти и н бив ния к рм н* ». В то же время европейские миссионеры — «*проповедники лучшего, что есть в Европе*». Европейские правительства должны, по мысли путешественника, посылать в Китай только «лучших людей», которые не будут «дискредитировать европейскую культуру» и «играть в руку развращённым мандаринам»[28].

---

26 *Сигм* . В гостях у богдыхана. Тянь-Цзин // Новое Время. 24 июля (5 августа) 1897. № 7688. С. 1.

27 *Сигм* . В гостях у богдыхана. Старые и новые мандарины // Новое Время. 21 сентября (3 октября) 1897. № 7747. С. 2.

28 *Сигм* . В гостях у богдыхана. Тревожные признаки. Ч. II // Новое Время. 2 (14) августа 1897. № 7697. С. 1.

Религиозность китайцев уходит, заменяясь повседневными делами. «*С временем богомолья связыв ются ярм рки, и пр ктичный кит ец скорее идёт в кумирню прод в ть и покуп ть, чем молиться*». И, тем не менее, положительные оценки китайской культуры продолжали встречаться в корреспонденциях: «*кит йч т   стояли вокруг н с и смотрели н   н с умными, пытливыми гл з ми... упорн я тысячелетняя культур   чит ется в их к рих гл з х... в них нет и тени з битости*»[29].

Стоит отметить, с какой иронией сравнивал Сыромятников Восток и Запад, говоря о китайской серной ванне: «*несмотря н   ж ру и уст лость, ни один из н с не отв жился куп ться в кит йской в нне. В н с ещё было слишком много “тлетворного З п д ”. Потом мы обр тились в первобытное состояние и уже не смущ лись грязью*»[30].

Знакомство с русскими жителями Ханькоу и совместная прогулка по Ян-цзы вдохновили Сыромятникова на очередное сравнение России с Востоком: «*нет, это был   не Россия, но что-то близкое к ней, родное ей, т кое же огромное, неуклюжее, р зливное, р сплывч тое, рек , не зн ющ я берегов, люди, не зн ющие з конов, бог тств , брос емые н   ветер, бедность до голодной смерти. И т   же з висимость от дождя и солнц , и т   же вер   в т инственные силы природы...*»[31]

Итог своих путешествий по Китаю Сыромятников подвёл в корреспонденции «Поездка в Японию». Он описывал, как, находясь на борту французского парохода, размышлял о пережитом. Эти размышления пронизаны разочарованием. «*Сколько д вних мечт ний, сколько томительных ожид ний погибло в эти три месяц *». Китай — это «*огромн я   н рхия бл - говоспит нных людей, подчиняющихся р звр тным и бесчестным чиновник м*». И его невозможно переменить насильно,

---

[29] *Сигм .* В гостях у богдыхана. На китайской стене // Новое Время. 7 (19) августа 1897. № 7702. С. 2.

[30] *Сигм .* В гостях у богдыхана. На китайской стене. Ч. II // Новое Время. 12 (24) августа 1897. № 7707. С. 2.

[31] *Сигм .* В гостях у богдыхана. Уголок России в Китае // Новое Время. 19 сентября (1 октября) 1897. № 7745. С. 2.

[Содержание]

поскольку на завоевателей китаец смотрит с абсолютным спокойствием, основываясь не на уважении к культуре, а на представлениях о вечности мирового уклада: «*вечны земля и небо, вечн связь предков с потомк ми... т инственный союз людей с дух ми всегд победит одних людей, к кими бы пушк ми они ни были вооружены*». Если европейцы и поделят Китай, то их губернаторам придётся править посредством китайцев же, и всё останется на своих местах. «*Несч стие Кит я не в том, что его может поглотить или подчинить Европ , в том, что Европ з трудняет и будет з труднять его р звитие, ибо ей тем выгоднее обделыв ть свои дел , чем сл бее кит йское пр вительство и чем своекорыстнее м нд рины*».

При таком положении вещей только Россия может стать подлинным покровителем Китая. «*России относительно Кит я вып л серьёзный жребий покровительницы и культурной советницы. Только Россия может улучшить упр вление Кит я, ввести порядок в его денежное хозяйство, покровительствов ть просвещённым кит йским п триот м. Только Россия может поддержив ть достойнейшего н престоле др кон ... Ни Европ , ни Япония не должны быть духовными руководителями Кит я и Кореи — вот принцип, который мы должны пост вить основой н шей мирной деятельности н д льнем Востоке*».

Из Китая Сыромятников отправился в Японию и Корею. Он хотел «*проверить свои литер турные впеч тления от стр ны кр сного, кров вого солнц* »[32]. Непосредственные впечатления оказались не лучше, а даже хуже литературных. Сам внешний вид японцев вызывал у автора неприязнь: «*лиц н род производят очень неприятное впеч тление... японск я толп т к безобр зн , что д же нглич не н зыв ют их м к к ми*». Японцы — «разбойничья раса», а «*японск я цивилиз ция есть пок мест понятие столь же нелепое, к к турецк я конституция*». Она выдумана «*европейскими учителями, профессор ми и пис телями*», которых наняло японское же правительство.

[32] *Сигм* . Поездка в Японию // Новое Время. 22 октября (3 ноября) 1897. № 7778. С. 1.

Так же и японское искусство «*выдум но европейц ми, больными, изнервлёнными эстет ми*». Японец — представитель «*н иболее ненорм льного человечеств* ». Вообще «*Япония есть стр н столь же дик я, к к и Афг нист н, но одевш я европейское пл тье и з ведш я телегр фы и телефоны*».

Какое же основание находил Сыромятников для таких крайне жёстких оценок? В статье «Ex oreinte nox» он делал акцент на жестокости японской культуры, теперь же говорил о пронизывающем её чувстве страха. «*Я не поним л, откуд этот привкус уж с в японском искусстве, в японских бог х, откуд эт чрезвыч йн я нервность, н которую ж луются европейцы*», писал Сыромятников и далее признавался, что «*р зг дку психологии японц* » он получил из знакомства с землетрясениями. «*Вот эт постоянн я близость землетрясений, это постоянное чувство стр х з тысячелетнюю жизнь н вулк нических остров х и созд ли, по-моему, стр нную психологию японц , полного переходов от злобы к стр ху и лишённого доброты, милосердия, человеколюбия, веры*».

Религия японцев родилась в этих условиях и потому лишена идеальных стремлений: «*нельзя верить в добро, когд бессмысленн я сил к ждую минуту угрож ет смертью. А можно ли молиться злу? Зло можно только умолять о пощ де, з клин ть, не молиться ему*». Отсутствие религии у японцев (автор имел в виду, видимо, именно отсутствие идеального) — не превосходство перед другими нациями, как они думают, но их слабость и «*з лог их будущего р зложения*»[33].

В следующем номере Сыромятников попытался оправдаться перед читателями в жёсткости своей позиции. «*Я отнюдь не хочу зл Японии, отнюдь не прошу у Бог , чтобы её смыли с лиц земли, я хочу только выяснить смысл японской “цивилиз ции”, японской “культуры”*» — заверял он. Япония может считаться страной культурной, по мнению Сыромятникова, только теми, кто смотрит лишь на внешнее. Для него

[33] *Сигм* . Поездка в Японию // Новое Время. 23 октября (4 ноября) 1897. № 7779. С. 1–2.

она, независимо от парламента, электричества, телефона и прочего, — «*стр н м нерности, вычурности и больного вкус . Стр н н глости и трусости, сух я стр н грубого м тери лизм . Преклоняться перед т кой стр ной — призн к полной некультурности. Бояться её — призн к невежеств и трусости*».

Если прежде Сыромятников предупреждал об угрозе «панмонголизма» со стороны Японии, но теперь он скептически оценивал успехи японцев в промышленности и вообще материальной культуре. Хотя «*японск я промышленность сдел л огромные успехи з последние годы*», но «*произведения японских м нуф ктур по большей ч сти дрянь ср внительно с русскими*», так же и в Корее «*они прод ют чёрт зн ет к кую дрянь*». Необходимость для Японии стать хозяином на Тихом океане — «*дикие ф нт зии*», и думать, чтобы Япония на нём «*убил нглич н или немцев... по кр йней мере, преждевременно*»[34].

Корея, в которую прибыл Сыромятников из Японии, вызвала у него гораздо больше симпатий[35]. Корейцы — «*кр сивые, рослые, широкие, почти без монгольских скул, с кр сными гл з ми, сонными, но понятливыми*». Они — «*племя земледельцев в спокойной стр не, с бл гословенным клим том*» (вспомним сопоставление русских и японцев как народа-земледельца и народа-воина), но они «*з снули восточною ленью*». Корейский быт напомнил автору Россию, но уже в приземлённом смысле: «*я был в родной грязи, родной бедности и в родном дымке*».

В Корее Сыромятников находил культурное сходство с Малороссией. «*И м з нки, и тыквы, и леность, и широкие одежды, и тютюн из длинных трубок, и большие чудные волы — всё было н ше, м лорусское*» — писал он. В связи с такими впе-

[34] *Сигм* . Поездка в Японию // Новое Время. 24 октября (5 ноября) 1897 г. № 7780. С. 2.

[35] О Сыромятникове в Корее см. также: *А. Н. Хохлов*. Журналист-востоковед С. Н. Сыромятников и его материалы о Корее конца XIX — начала XX в. // Восточный архив. Т. 14–15. М., 2006. С. 52–64.

чатлениями путешественник высказывал смелые исторические гипотезы: «*может быть, корейцы суть доисторические предки н ших хохлов, потому что кто зн ет, откуд пришли печенеги и половцы и из к ких племенных элементов состояли полчищ Б тыя*». Автор уверенно утверждал: «*стр н эт , столь в жн я для н с н Востоке, нужд ется в русской поддержке и русской культуре*»[36].

Корея должна стать для России ареной борьбы с японским влиянием. «*Н м н до р звив ть всеми мер ми корейскую с модеятельность под русским влиянием, пок волн русского н род , пройдя н Восток по Сибирской железной дороге, не дойдёт до Кореи*». Корейцы должны быть уверены, что «*Россия не бросит их в решительный момент*». В Корее должны быть устроены русские банк, школы, телеграф, надо взять в свои руки её финансовое управление и таможни, утверждал Сыромятников. В противовес католическому собору в Сеуле должна быть построена «богатая русская церковь»[37]. Влияние западных стран не несёт Корее ничего хорошего. Как писал Сыромятников, «школа англо-американской подготовки» имеет «*свои з влек тельные стороны*», но «*з этим нез метно кр дётся экономическое р бство*». России следует «*н йти т кие выгоды для корейцев, которые бы ур вновешив ли потерю мерик нских мечт ний*»[38].

Наконец, Сыромятников упоминал и о существовании Японской православной миссии, но понималось её существование им своеобразно: «*мы построили великолепный собор в Токио... всё это сдел но не для н род , обр щ ющегося в христи нство из пр здного любопытств , не для н род , с гордостью отриц ющего свою прин длежность к к кой-бы то ни было религии и боящегося только одного — землетрясения. Всё это сдел но н ми для епископ Никол я, одного из с мых з меч -*

[36] *Сигм* . В Корее // Новое Время. 1 (13) ноября 1897. № 7788. С. 3.
[37] *Сигм* . В Корее // Новое Время. 13 (25) ноября 1897. № 7800. С. 2.
[38] *Сигм* . В Корее. Ч. V // Новое Время. 29 ноября (11 декабря) 1897. № 7816. С. 2.

[Содержание]

тельных русских людей н шего времени, человек железной воли и редкого сердц »[39].

Корея — восток, но особый, отличный от Китая и Японии. От корейцев «*отд ёт глубоким ленивым востоком, — не востоком упорной борьбы з существов ние, к к в Кит е, не востоком нервным, подвижным и злым, к к в Японии, востоком ленивым, философским, довольным и предпочит ющим “недел ние” дел нию*». Причины такого характера Сыромятников находил в сфере социальных отношений: «*пр вительство гр бительского кл сс ямб ней отучило н род от труд , т к к к ямб нь может безн к з нно отнять у простого человек его сбережения*». Никто и не станет трудиться и накапливать, если всё может достаться «*первому поп вшемуся н сильнику*». Такое же положение, по мысли автора, существовало и в дореформенной России: «*крепостное пр во и общинн я собственность были гл вными ф ктор ми пресловутой русской лени*»[40].

Итоги своего путешествия по Китаю, Японии и Корее Сыромятников подвёл в цикле «С Востока», публиковавшемся в январе—феврале 1898 года. Он призвал оказывать помощь русскому влиянию в Китае и Корее и высказывался более умеренно, чем в предыдущих корреспонденциях. Так, здесь Сыромятников упомянул, что «*дв дц ть шесть тысяч японцев молятся т к же, к к мы*» — то есть Токийский собор строился и для них тоже. Россия, по его мысли, должна нести Востоку духовное просвещение. Следует передать «*н шим бедным бр тьям Восток то священное пред ние, которое получили н ши предки и в сокровищницу которого русские святители смиренно вл г ли др гоценные перлы просветлённой русской души*». Роль России на Востоке при этом «*не может быть только ролью солд т и б нкир , он должн неминуемо быть ролью просветителя и примирителя Восток и З п д* »[41].

---

[39] *Сигм* . В Корее // Новое Время. 13 (25) ноября 1897. № 7800. С. 2.

[40] *Сигм* . В Корее. Ч. II // Новое Время. 14 (26) ноября 1897. № 7801. С. 2.

[41] *Сигм* . С Востока // Новое Время. 30 января (11 февраля) 1898. № 7861. С. 3.

По своём возвращении Сыромятников продолжил публиковать материалы о необходимости усиления России на Востоке. Мы помним, что знакомство с индийскими делами вызвало у него острую неприязнь к Англии, этому «вампиру востока». Россия должна противостоять Англии и спасти от неё народы Востока, утверждал он в статье «На Востоке». Флот в Порт-Артуре нужен для наблюдения за английскими купцами, миссионерами и банкирами, которые «*предст вляют из себя Англию-з воев тельницу, Англию-пор ботительницу, Англию-р зрушительницу Восток* ». От русских офицеров и дипломатов, от их веры в «правоту русского дела» «*з висит судьб близких н м по духу и по экономическому р звитию н родов, история которых неизмеримо шире, нр встреннее и свободнее истории горсти з п дно-европейских н родов*». Менялся и взгляд журналиста на Японию: она слишком слаба, чтобы представлять угрозу, и в будущем займёт «*подоб ющее ей место бедной стр ны... лишённой возможности позволять себе дорогую в н стоящее время роскошь з воев ний и политических в нтюр*»[42].

Отрицательно оценивал Сыромятников и колонизаторскую деятельность Германии. Как и Англия, Германия стремится к захвату и грабежу, потому и «*убийств немецких солд т в Кит е, о которых сообщ лось в телегр мм х, есть первый результ т идейной деятельности немецких п триотов*»[43].

Экономический интерес России был для Сыромятникова важен не менее духовного родства. Хотя и «к сожалению», но в пример себе мы должны брать японцев, вкладывающих деньги в развитие своей торговли и промышленности. Выше мы видели, что ранее, три с половиной года назад, Сыромятников писал в статье «К началу учения» о том, что «Сибирь завоёвана не феодалами, а голью». Ныне этот во-

---

[42] *Сигм* . На Востоке // Новое Время. 22 января (3 февраля) 1898. № 7868. С. 2.

[43] *Сигм* . На Востоке // Новое Время. 30 января (11 февраля) 1898. № 7876. С. 2.

прос решался им по-другому: «*Сибирь з воёв н не поэт ми и мечт телями, промышленник ми и прибытчик ми*»[44].

Итогом размышлений Сыромятникова о Китае после поездки стало представление о Японии и Европе, желающих «*освоить себе сотни миллионов подд нных богдых н* ». Европа хочет, чтобы «*эти миллионы подд нных р бот ли н неё, р зорялись, беднели, вырожд лись и превр щ лись бы в вьючный скот*». Япония же хочет «*поднять их против белых*», и в таком случае «*первыми белыми н пути воинствующих монголов будут русские*». Но между этими возможностями «*есть ещё третье место, место свободного, место бр т* », и роль «*ст ршего бр т , имеющего все пр в н покровительство*»[45] и нужно играть России в Китае.

Другим итогом поездки стала статья «Кто такие китайцы», опубликованная 22 марта 1898 года. Здесь мы вновь видим попытку сопоставить русских и восточный народ через отношение к монгольскому началу. «*Смотря н н ших друзей-кит йцев с точки зрения призн ков монгольской р сы, мы увидим, что в них монгольского не больше, чем в н с с мих*» — писал Сыромятников, приходя к выводу, что «*по языку и по нтропологическим призн к м кит йцы — не монголы и не жёлтые*». Он привёл мнение востоковеда С. М. Георгиевского о том, что «*первобытный кит йский н род был бр том или дядей гл внейших индо-европейских н родов, зн чит и н род русского*», и далее указывал параллели истории русской и китайской.

Так, у китайцев «*общественный укл д... был один ков с общественным строем древней Руси*». И на Руси, и в Китае «*основой госуд рств был семья*», роды «*выбир ли князя, н ч льник во время войны*». Проводил Сыромятников и параллель китайского верховного божества Шан-ди со славянским Дажьбогом. Вывод он делал тот, что «*кит йцы действитель-*

44 *Сигм* . Наши коммерческие интересы в Корее. Ч. II // Новое Время. 5 (17) февраля 1898. № 7882. С. 2.

45 *Сигм* . На Востоке // Новое Время. 20 февраля (4 марта) 1898. № 7896. С. 2.

но н ши ст рые родственники, но родственники до христи нств , родственники до широкой возвышенной вселенской мор ли, р збившей стены н родов избр нных». Благодаря христианству «*центр н ших дум, н дежд и стремлений был перенесён с земли н небо, в то время, к к кит йцы р бот ли н д землёю, земным сч стьем, земным удовлетворением*». Если «*мы идём вперёд к невидимому будущему, к изменчивым иде л м*», то «*иде лы Кит я поз ди его истории*»[46]. Таким образом христианство оказывалось причиной прогресса.

Разочарование Сыромятникова в Китае, китайцах и их культуре не было всецелым. Через полтора года по отъезде из Китая он писал в фельетоне «Основы жизни», что в Китае не видел ни старых дев, ни продажи детей, ни самоубийств школьников, что принципы семьи, симпатия и послушание «*позволили Кит ю сдел ться с мой свободной и с мой демокр тической стр ной мир , где с моупр вление гор здо шире р звито, чем в Англии и Америке*», что «*процент чиновничеств по отношению к н селению т м, по кр йней мере, в дв дц ть р з меньше, чем во многих европейских стр н х*». Сыромятников «*н себе испыт л, что ни в одной стр не пис тель не пользуется т ким почётом, к к в Кит е, нигде просвещение не пользуется т кими з бот ми н селения и пр вительств , к к т м*». Он помнил то, что «нас учили, что китайщина есть синоним застоя», но в ответ приводил цитату из Мо-цзы о любви как «желании неба» и основе жизни и заключал: «*я говорю только, что истин не н Востоке и не н З п де, в примирении восток с з п дом. Только обр б тыв я восточные иде лы и принципы з п дным методом мысли мы можем выяснить что нужно н м, русским*»[47].

Сыромятников не оставлял призывов к возможно большему знакомству русского общества с Востоком. «*Если мы жел ем быть великой держ вой н Востоке, мы должны поощ-*

---

[46] *Сигм* . Кто такие китайцы? // Новое Время. 22 марта (3 апреля) 1898. № 7926. С. 3.

[47] *Сигм* . Основы жизни // Новое Время. 16 (28) мая 1899. № 8338. С. 2.

[Содержание]

рять всеми мер ми путешествия русских людей по Востоку... Необходимо преобр зов ть н ш з тхлый и совершенно бесполезный восточный ф культет и сдел ть его современно н учным, не рхеологически-учёным... Необходимо поощрять все попытки озн комления русского обществ с Востоком путём популярных книжек, лекций, чтений»[48] — предлагал он в «Заметках писателя» 8 февраля 1900 года.

В посвящённых японской теме статьях Сыромятникова, публиковавшихся в последующие годы, видны два направления: во-первых, он продолжал писать о японской культуре и характере, во-вторых, давал военно-политическую аналитику, связанную с русско-японскими отношениями. В начале 1900 года его оценки становятся более сдержанными, что им самим связывалось с изменениями в международных отношениях. «*Япония никогд не был т к дружелюбно н строен к н м, к к теперь*» — говорил он в «Заметках писателя» от 12 февраля 1900 года, замечая, что «*грессивн я политик не под силу бедному и физически сл бому н роду, который н вяз л себе чересчур сложную м шину п рл ментского по внешности и полицейского по существу упр вления*». «*Н шей в жнейшей з д чей н Востоке*» Сыромятников теперь называл «*сближение с Японией... в смысле мирного выяснения японц м близких им особенностей н шей духовной и политической жизни, и в смысле выяснения им выгод от сближения с н ми*»[49].

О «близких особенностях» Сыромятников писал в тех же «Заметках писателя» спустя несколько лет, в октябре 1903 года. Он повторял тезис об опасностях японской природы как факторе формирования национального характера: «*когд ... почв к ч л сь от землетрясения, я понял, что жизнь н вулк не должн созд ть другой духовный мир, чем жизнь н твёрдой р внине*». Новые формы принимала тема единства русской

---

[48] *Сигм* . Заметки писателя. Ч. III // Новое Время. 8 (20) февраля 1900. № 8603. С. 2–3.

[49] *Сигм* . Заметки писателя. Ч. IV // Новое Время. 12 (24) февраля 1900. № 8607. С. 3.

и восточной жизни: по мысли Сыромятникова, Япония уже давно переживала явления из жизни современного ему русского общества, имея «*з много веков до н с поэтическое дек - дентство, госуд рственную философию твёрдой вл сти, д же н п дки н гнилой З п д*». Приведя диалог героев из «Гэндзи Монотагари», японского романа начала XI века, Сыромятников спрашивал читателей: «*не к жется ли в м, что эти дв японских денди XI век н помин ют н ших нынешних состоятельных уп дочников, которые бессильно коп ются в мелоч х психологии, не видя и не чувствуя окруж ющей жизни*?»

Создаст ли Япония что-нибудь великое, «*д бы войти достойным членом в семью рийских н родов*»? На этот вопрос Сыромятников прямо не отвечал, но выражал сомнение. «*З трин дц ть веков существов ния своей литер туры он не произвел ничего великого в н шем смысле, он не р зрешил ни одного вопрос человеческой пытливости, он ост в л сь милой и очень изящной подр ж тельницей кит йского кл ссицизм с его бесконечными буколик ми и георгик ми*»[50].

Аналитика Сыромятникова также была умеренной. В статье «Боевые силы Японии» он положительно оценил некоторые аспекты готовности Японии к войне, отметив, что японцы «*поним ют, что зн чит служб отечеству, созн - ют, что всякий м трос, всякий солд т есть необходимое звено в длинной цепи умственных, волевых и физических усилий, из которых сл г ется побед* », что «*в Японии есть три первокл ссных военных порт* » и на японских судах есть приспособления, «*не лишённые остроумия*»[51]. Сыромятников пришёл к выводу, что в случае войны Япония «*нез метным обр зом перекинет пять—шесть тысяч солд т в Корею*» и «*о выс дке японцев Сеул узн ет только тогд , когд они будут под его стен ми*»[52].

---

[50] *С. Сыромятников*. Заметки писателя. Ч. I // Новое Время. 19 октября (1 ноября) 1903. № 9923. С. 2.

[51] *Сигм* . Боевые силы Японии. Ч. I // Новое Время. 5 (17) марта 1898. № 7909. С. 2.

[52] *Сигм* . Боевые силы Японии. Ч. II // Новое Время. 6 (18) марта 1898. № 7910. С. 2.

В 1900 году Сыромятников совершил путешествие в Кувейт, в то время как в Китае разворачивались события боксёрского восстания и его подавления. «*Что до меня к с ется, то будь я в Кит е, я был бы н стороне революционеров*» — писал Сыромятников из карантина после зачумлённого города. «*Если почётно бороться с З п дом в литер туре, то ещё почётнее бороться с З п дом в Кит е, этом последнем оплоте политической, соци льной и умственной оригин льности*»[53]. «*Прелюдия обновления жёлтой р сы*» — так он назвал восстание в октябре, вернувшись в Петербург. Сыромятников сложно относился к участию России в подавлении восстания. «Мы не хотели войны с Китаем», но «*сыгр ли свою роль т к, к к должны были сыгр ть её русские*». Мы показали себя «*мужественными людьми, которые не р зучились умир ть с честью*», а это — «*велик я гордость и великое бл городство людей Д льнего Восток* ». Сознавая неправоту «кровавого дела» и уходя из Китая после победы, Россия «*одерж л победу н д Европой*»[54]. Таким образом, по мысли Сыромятникова, победа над восточной страной обернулась для России возрождением в причастности восточному духу.

Впечатления от пребывания на арабском Востоке Сыромятников описал в статьях «Поездка в Ковейт». С прежней обстоятельностью журналист описывал приём у шейха, историю и быт страны, её взаимоотношения с другими странами. Мыслей об особенностях арабского Востока или сравнений с Россией здесь меньше, чем в «китайских» статьях. Однако Сыромятников отметил, что «*изуч я быт р бских приморских шейхов, поймёшь, к ким обр зом Ио нн К лит собир л землю, прик рмлив я нез висимых бояр и людей и ссоря их между собою. Шейх с м несколько р з говорил, что он “собир ет” р бов*»[55].

[53] *Сигм* . Издалека // Новое Время. 1 (14) августа 1900. № 8774. С. 2.

[54] *Сигм* . Здесь и там // Новое Время. 22 октября (4 ноября) 1900. № 8856. С. 2.

[55] *С. Н. Сыромятников*. Поездка в Ковейт. Ч. II // Новое Время. 28 сентября (11 октября) 1901. № 9184. С. 3.

Знакомство с арабами оставило у Сыромятникова неоднозначные впечатления. Находясь в карантине, он писал: «*Ар бы — прекр сный н род, но эти р бские ск зки природы гнетут н шу волю... Тысячелетний бред висит в р ск лённом воздухе*»[56]. Но позже он вспоминал о величественности естественной жизни, связи человека с природой: «*Степные р бы сохр нили лучшие черты кочевых племён вместе с необъятной и пор зительной поэзией пустыни... То, что вечно, — не з темняется т м преходящим земным. И для путешественник , вкусившего сл дость пустыни, ничтожными к жутся временные интриги, козни и р здоры н зыв ющего себя цивилизов нным человечеств* »[57]. Сравним эти впечатления с тем, что он писал о смысле жизни: «*человечество живёт н земле не р ди пищев рения, р ди одухотворения земли и собственного обожения*»[58].

После поездки по Персидскому заливу Сыромятников начал публикацию в «Новом Времени» цикла статей «Опыты русской мысли», которые впоследствии вышли отдельным изданием. В них, описывая разговор с немецким профессором, он доказывал невозможность демократии в России и возводил происхождение русского самодержавия к Востоку: «*Госуд рственную идею н м д л Восток через Виз нтию и т т р, ибо виз нтийское госуд рство было идейным н следником Персидской мон рхии, т т ры, ст в покорителями Кит я, сдел лись учени к ми и проводник ми кит йской политической философии*». Прочность русского государственного строя создалась благодаря «*виз нтийской церкви и кит йской госуд рственной мысли*», став демократией «*без веч , но с думой*». Вообще восточная монархия «*есть только госуд рственн я форм восточной демокр тии*». Восточное понятие о царе религиозно. «*Возьмите любой н род, не потерявший ещё*

[56] *Сигм* . Издалека // Новое Время. 1 (14) августа 1900. № 8774. С. 2.

[57] *С. Н. Сыромятников*. Поездка в Ковейт. Ч. III // Новое Время. 29 сентября (12 октября) 1901. № 9185. С. 2.

[58] *Сигм* . Мужик и торгаш // Новое Время. 16 (28) января 1900. № 8580. С. 2.

связи с Богом, — возьмите турк , р б , индус , кит йц , русского. У к ждого из них есть предст вление о верховном отце — ц ре, через которого божество выр ж ет свою волю н роду»[59]. «*Россия т к я же восточн я демокр тия, к к и Кит й*»[60] — повторял Сыромятников в январе 1902 года.

В «Опытах русской мысли» указывалось ещё одно измерение отношений Запада и Востока — социальное. «*Н силие Европы н д Азией есть н силие горож н н д крестьян ми*» — писал Сыромятников в шестой части цикла и описывал «*восточный политический иде л*», при котором «*земля прин длежит тем, кто её обр б тыв ет и пок они её обр б тыв ют*», подать взимается с урожая и снимается при его отсутствии. Существуют «самоуправляющиеся земские единицы», и восточный идеал достижим «*только при оздоровлении, р звитии и укреплении с моупр вляющихся общин*». Царь «*есть первый воин во время войны и первый п х рь во время мир* », он объединяет земские единицы и «*поддержив ет духовную связь своего госуд рств* ». Россия в противостоянии городской Европы и деревенской Азии должна встать на сторону последней: «*русский н цион лизм з ключ ется в борьбе с городом… в изучении восточных деревенских идей и проведении их в жизнь*». Но это не означало полного тождества России с Азией: «*к к бы ни были близки н м кит йские политические и философские идеи, мы не Кит й и никогд им не будем… мы не индусы и никогд ими не будем*»[61].

«*Труд есть основ пр в собственности н Востоке*», и «*обложению могут подлеж ть только плоды этого труд* » — писал Сыромятников в мае 1902 года и указывал, что «*Восток гор здо спр ведливее современных соци листов, которые требуют, чтобы бог тые пл тили н логи з бедных*»[62].

[59] *Сигм* . Опыты русской мысли. Ч. II // Новое Время. 5 (18) ноября 1900. № 8870. С. 2.

[60] *Сигм* . Дома. Ч. VII // Новое Время. 13 (26) января 1902. № 9289. С. 2.

[61] *Сигм* . Опыты русской мысли. Ч. VI // Новое Время. 21 января (3 февраля) 1901. № 8945. С. 2.

[62] *Сигм* . Дома. Ч. XX // Новое Время. 19 мая (1 июня) 1902. № 9442. С. 2.

Этот «восточный политический идеал» имеет черты сходства с «азиатским способом производства» или «азиатской формой собственности», описанными в ранних работах Карла Маркса. Маркс писал об автономных общинах, составляющих основу азиатского общества, и об отсутствии частной собственности на землю: «*единое н ч ло, стоящее н д всеми этими мелкими общин ми, выступ ет к к высший собственник или единственный собственник, в силу чего действительные общины выступ ют лишь к к н следственные вл дельцы*». Можно провести параллель с мнением Сыромятникова об основании восточного права собственности на труде, а не на постоянном владении землёй. В Азии человек, по Марксу, является собственником посредством общины, только «*в к честве звен этого коллектив* », а коллектив воспроизводит себя «*в живом труде*»[63]. В другой работе Маркс писал об индийской «системе сельских общин», «*котор я прид в л орг низ ции к ждого из этих м леньких союзов нез висимый х р ктер и обрек л его н обособленное существов ние*»[64].

К Индии Сыромятников вновь обратился в январе 1902 года, опубликовав в «Новом Времени» статью «Нашим завоевателям Индии». Обращаясь к «некоторым русским публицистам», он писал о собрании Индийского национального конгресса в Калькутте в декабре 1901 года и задавал риторический вопрос: «*я хотел бы зн ть, кем гг. з вое в тели Индии пожел ют з менить нглийских гр жд нских чиновников, которые допустили обр зов ние т кого конгресс , в котором приним ют уч стие к ндид ты и м гистры Оксфорд и Кембридж ? Или может быть мы должны з воев ть Индию для индусов, превр тив конгресс в п рл мент и ост вив её упр в-*

[63] *К рл М ркс*. Формы, предшествующие капиталистическому производству // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 463.

[64] *К рл М ркс*. Британское владычество в Индии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 9. М., 2014. С. 153.

ляться, к к он зн ет?» Индия оказывалась свободнее России: «*У обр зов нных индусов нет симп тий к России, потому что у них есть то, чего нет в России: есть свобод печ ти, хотя и сокр щ ем я от времени до времени, есть н цион льный конгресс, который ход т йствует пред пр вительством о н родных нужд х, и, более того, с мо упр вление Индии н ходится в рук х туземцев*». Сыромятников повторял: у нас нет необходимых знаний о Востоке, «*н ш н ук не хочет счит ться с потребностями жизни*»[65], отсюда и возникают нелепые проекты.

Таким образом, если в 1894 году, как мы видели выше, Сыромятников призывал русских помочь народам Азии в деле «свободного домостроительства», то теперь он фактически признавал, что по крайней мере один восточный народ обогнал Россию на этом поприще.

Но европейское влияние оценивалось публицистом не однозначно-положительно. Нет никакой «жёлтой опасности» панмонголизма, писал Сыромятников в январе 1904 года, есть «*“бел я оп сность” для Восток , — оп сность уж сн я и непреодолим я, потому что он неумолимо р зл г ет восточную жизнь*». Жёлтый человек не может справиться с белым, потому что он «*не созд л ни искусств , ни н уки, ни литер туры*», а если он их создаст — «*он не будет более жёлтым*»[66]. Японии он уже не приписывал возможности возглавить панмонголизм, поскольку она «*трепещет з судьбу свою, т к к к оп сность идёт н неё не с русского З п д , с молодого и в рв рского нглос ксонского Восток* »[67].

Тем не менее Сыромятников ощущал напряжение на Дальнем Востоке. «*З д чи России н Д льнем Востоке не выяснены и мир с Японией лучше чем ссор* » по той причине, что к ссоре мы не готовы: «*у н с нет теперь того сильного нервного*

---

65 *С. Н. Сыромятников*. Нашим завоевателям Индии // Новое Время. 4 (17) января 1902. № 9280. С. 3.

66 *С. Сыромятников*. Что такое панмонголизм? // Новое Время. 6 (19) января 1904. № 10 000. С. 3.

67 *С. Сыромятников*. Заметки писателя. Ч. XII // Новое Время. 18 (31) января 1904. № 10 012. С. 2.

р здр жения, которое для успокоения должно перейти в сильное физическое действие». «Войн с Японией не будет популярн потому, что у н род есть одн глубок я дум — дум об улучшении внутреннего быт »[68] — предупреждал публицист в самом начале 1904 года. Если война и будет, то она должна вестись для защиты, а не захвата. «*Жертвов ть русскими жизнями*» можно для Маньчжурии, которая «*обильно полит уже и русским потом и русской кровью*», но не для Кореи: «*Н м Кореи совсем не нужно, но н м нужно, чтобы он не был японской, корейской… Корея должн быть корейской, не японской для бл г обеих держ в*»[69].

«*Невыносимое чувство обиды, не стр х* » охватило нас, писал Сыромятников, когда война началась. Он призвал к упорному труду, ведь «*дело идёт… об н шем положении в Азии, о н шем зв нии великой держ вы, о всём н шем историческом н следстве*». Он высказал убеждение, что «*после войны с Японией у н с будет н стоящ я тихооке нск я эск др , будет и н стоящее морское устройство*». Нужен «*спокойный труд н пользу России и ясн я вер в её великое будущее… котор я строится н ясном, глубоком и свободном зн нии*». Япония при этом, с одной стороны, двинулась против России «*в ф т льном безумии*», но тут же Сыромятников сравнивал её состояние с Петровской эпохой в России и признавал, что Япония «*пережив ет… вступление в семью великих н родов*»[70].

Войну с Японией Сыромятников вписывал в контекст всемирной истории, возводя её подготовку к XVI веку, времени первого соприкосновения русских с Китаем. Война стала порождением стремления к господству, поскольку «*мечт о мировой империи бессозн тельно сидит и в нглич ни-*

---

[68] *С. Сыромятников*. Заметки писателя. Ч. X // Новое Время. 4 (17) января 1904. № 9998. С. 2.

[69] *С. Сыромятников*. Заметки писателя. Ч. XIII // Новое Время. 25 января (7 февраля) 1904. № 10 019. С. 3.

[70] *С. Сыромятников*. Война // Новое Время. 1 (14) февраля 1904. № 10 026. С. 3.

не, и в русском... три имперские идеи столкнулись в Азии, идея русск я, нглийск я и японск я». Таким образом, он прямо говорил о разделении Россией ответственности за войну. Но война обернётся обновлением, когда «*русск я общественн я личность, русское с моув жение и русск я воля возмуж ют и окрепнут под уд р ми общего горя*»[71].

В разгар русско-японской войны, в июле 1904 года, Сыромятников закончил своё сотрудничество в «Новом Времени» и уехал на войну, затем был командирован в Персию. По возвращении в Россию сотрудничество с «Новым Временем» не восстановил, пережил и Суворина, и его газету и умер в 1933 (по другим данным, в 1934) году в Ленинграде[72].

На протяжении практически всех лет работы в «Новом Времени» Сыромятников пытался определить взаимоотношения Востока и Запада и связанное с ними положение России. В его публицистике прослеживается несколько линий решения этого вопроса: религиозно-культурная (философский созерцательный Восток и деятельный Запад), этническая (арийское и татарское начала), социальная (деревенский Восток и городской Запад). Метафизическая направленность его публицистики (рассуждения о культуре и ценностях) дополнялась практической (военно-политическая аналитика). Мы видим попытку дать не стройное и завершённое описание восточной цивилизации, но скорее эмоционально и эстетически окрашенный образ мира, чуждого европейскому практицизму, в котором человек не отделён от ритмов природы.

Динамика наблюдений и выводов Сыромятникова явно шла от взгляда на Восток как область слабо развитую, куда следует нести «просвещение», к мысли о его самостоятельной ценности. Свою роль в этом сыграли как знакомство

---

[71] *С. Сыромятников*. Заметки писателя. Ч. XX // Новое Время. 30 марта (12 апреля) 1904. № 10 083. С. 3.

[72] Сыромятников Сергей Николаевич / [Персональный сайт С. М. Саньковой]: http://historiphil.narod.ru/index/0–60

с сочинением Ухтомского, так и вывод самого Сыромятникова о необходимости глубокого знакомства русского общества с восточными делами. К путешествию в Китай он пришёл, видимо, с сознательным желанием окунуться в «иной мир», отличный от европейского Запада. Несмотря на определённое разочарование от знакомства с китайскими реалиями, интерес к восточному миру Сыромятников сохранял до конца рассмотренного периода. При этом если в ранних публикациях он подчёркивал созерцательное направление восточной мысли, то позже перешёл к её «земному» измерению (восточный политический идеал).

Публикуясь в «Новом Времени», Сыромятников с годами всё больше погружался в вопросы восточной жизни, знакомясь с ней и через литературу, и в ходе непосредственных впечатлений. Несмотря на столкновение с порой неприглядной конкретикой, он сохранял романтическое отношение к «восточной духовности», которое, как представляется, перевешивало полученный в путешествиях негативный опыт. По мере детализации впечатлений Сыромятникова, реализм усиливался в его публикациях, но не сменял собой романтизм, а продолжал существовать параллельно ему.

Говоря о единстве России с Востоком, Сыромятников вместе с тем допускал и мысль о европейском прогрессе в восточных странах. Будущее азиатских государств Сыромятников видел в сочетании восточных оснований жизни с достижениями западной культуры, которая бы говорила с Востоком на его языке. Перед Россией, по его мысли, стояла миссия покровительствовать этому процессу, относящемуся и к её собственной истории, на правах «старшего брата». Примером такого рода в его публицистике показана Индия, перенявшая от английских колонизаторов европейскую политическую культуру.

Предупреждение об угрозе панмонголизма, «тьме с Востока» появилось в статьях Сыромятникова во время японо-китайской войны. В 1895–1897 гг. он смотрел на Японию как на страну-агрессора, но впоследствии, с 1898 года,

пришёл к мысли о её слабости, а с 1900 тема защиты Востока от Японии сменилась защитой Востока (и Японии в том числе) от Европы. По-видимому, это было связано с изменением внешнеполитической ситуации, в первую очередь с усилением английского влияния в Японии. К началу русско-японской войны Сыромятников перешёл от концепции панмонголизма к идее о столкновении империализмов Англии, России и Японии, которое в результате и привело к войне.

М. К.

Русские «идейные» сборники: дополнения, 1904–1934[1]

1. Петербургский сборник / Под ред кцией Евгения Соловьев (Андреевич). СПб., 1904[2]

Предисловие. I–III

В. Лерг. Либерализм в русской литературе. 1

Мирский. Борьба с развратом культуры (Руссо и Толстой). 49

А. Яковлев. Письма Лассаля к Марксу. 104.

Берлин. О культуртрегерстве европейцев. 128.

Б. Жуховецкий. Борьба из-за хлебных законов в Германии. 155

Е. Смоленский. Статистика преступности по сословиям. 169

Е. Смирнов. «Теория» и практика французского антисемитизма. 180

---

1 Дополнения к публикациям: *М. А. Колеров*. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947 / С приложением: А. В. Карташев. Проспект сборника «Межа» (1923). М., 2000; *М. К.* Русские «идейные» сборники: дополнения, 1888–1938 // Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002; *М. К.* Русские «идейные» сборники: дополнения, 1930–1936 // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

2 Сообщено Л. Ф. Кацисом.

[Содержание]

Письма К. Маркса к д-ру Кугельману. Пер. с нем. под ред. П. Берлина. 209

К. Богуч рский. Рабочие синдикаты в Дании. 237

Андреевич [Е. А. Соловьёв]. Арабески современной мысли. 244

2. Сборник по философии естествозн ния. М., 1906

Предисловие. VII

Н. А. Умов. Значение Декарта в истории Физических Наук. 1

А. Н. Щук рев. Проблема материи и Теории Познания. 27

И. Ф. Огнев. Речи Э.д.-Буа-Реймона и его научное мировоззрение. 42

А. И. Б чинский. Что такое натуралистический идеализм? 71

А. Н. Щук рев. Законы Природы и законы Общества. 86

В. И. Верн дский. О Научном Мировоззрении. 104

Н. М. Соловьев. О необходимом веровании, лежащем в основе математического мышления. 158

А. И. Б чинский. Дух Бесконечно малых, *или* О возможном влиянии математических методов на черты научного миропонимания. 183

3. Интерн цион льные проблемы соци льной пед гогики. Сборники ст тей под ред. С. А. Левитин . Серия 1-я. М., 1919

[*С. Левитин*. Предисловие. I]

[*С. Левитин*. Введение. Идейное и культурное общение с Западом. V–XX]

Роберт З йдель. Демократия, наука и народное просвещение (Их взаимоотношения и взаимодействие). 3

Роберт Зейдель. Цели воспитания. 56

А. Герл х. Мнимая образовательная ценность иностранных языков. 97

[Людвиг] Гурлитт. Отрицательные стороны классической школьной системы. 116

Л. Гурлитт. Энергетический императив и его приложение к педагогике. 127

Л. Гурлитт. Художественное и трудовое начало в школе. 139

Л. Гурлитт. Кинематограф, как популяризатор искусства в жизни и школе. 144

Тезисы Кергенштейнера на тему: «Единая национальная школа». 146

4. А. И. Герцен: 1870 — 21 янв ря — 1920. Пг., 1920

От редакции[3]. 7

А. И. Герцен. Жером Кеневич (неизвестная статья). 7

М. Л. Биништок. Хронологические данные о жизни А. И. Герцена. 9

Ив нов-Р зумник. Скиф сороковых годов. 11

С. Венгеров. «Осердеченный ум». 14

Д. Мережковский. Герцен и мещанство. 18

Алекс ндр Блок. Герцен и Гейне. 22

А. Гиззети. Мировоззрение Герцена. 24

А. З. Штейнберг. Берега и безбрежность. 31

В. Водовозов. «Колокол» Герцена. 38

Н. Глебов-Путиловский. Мыслящий рабочий и Герцен. 43

Ив нов-Р зумник. Герцен и социализм. 48

М. К. Лемке. Из архива о Герцене. 52

Э. Р длов. Герцен, как философ. 54

Герцениана (хроника). 62

5. П. Л. Л вров. Ст тьи, воспомин ния, м тери лы. Пб., 1922

[*П. Витязев*] Предисловие. I–VI

Э. Л. Р длов. Лавров в русской философии. 1

П. В. Мокиевский. Лавров, как философ. 29

Г. Г. Шпет. Антропологизм Лаврова в свете истории философии. 73

---

[3] Редакционное примечание к Оглавлению: «В виду краткости срока осуществления настоящего сборника, по болезни авторов и по другим причинам — не могли быть доставлены статьи *М ксим Горького, Л. К менев , П. Н. С кулин , Ю. Стеклов* и др.».

Т. И. Р йнов. К психологии личности и творчества Лаврова. 139

Н. И. К реев. Лавров, как социолог. 193

П. А. Сорокин. Основные проблемы социологии Лаврова. 249

А. А. Гизетти. Лавров, как «Историк Мысли». 292

А. З. Штейнберг. Начало и конец истории в учении Лаврова. 355

А. В. В сильев. Лавров — историк и философ математики. 373

А. А. Гизетти. Лавров и Вл. Соловьев. Опыт сравнительной характеристики. 385

Н. В. Брюлов -Ш скольск я. Лавров и Михайловский. 404

Л. Ф. П нтелеев. Из воспоминаний прошлого. П. Л. Лавров. 420

П. А. Кропоткин. Воспоминания о Лаврове. 436

Д. Н. Овсянико-Куликовский. Петр Лаврович Лавров. Из неизданных посмертных воспоминаний. 440

Э. А. Серебряков. П. Л. Лавров (По личным воспоминаниям). 452

Р. М. К нтор. П. Л. Лавров и А. Ю. Балашевич-Потоцкий. Материалы для биографии Лаврова. 473

Д. И. Шрейдер. Последние минуты Лаврова. 513

Указатель имён. 515

6. П мяти Вл. Г. Короленко / Под ред кцией В. А. Мякотин . М., 1922

А. и Е. Редько. Короленко. 7

А. Г. Горнфельд. В. Г. Короленко. 24

Н. М. Мендельсон. Короленко-художник. 37

А. А. Кизеветтер. Короленко и центральная идея его мировоззрения. 47

В. Н. Фигнер. Кропоткин и Короленко. 53

Н. Н. Полянский. Короленко в борьбе за право. 57

А. Б. Петрищев. Мысли о нём. 67

В. А. Розенберг. История одной статьи. 89

В с. К. Хорошко. О болезни и последних днях жизни В. Г. Короленко. 94

Б. Д. Федоров. Короленко-историк. 105

В. А. Мякотин. В. Г. Короленко. 121

7. З 5 лет: 1917–1922. Сборник ЦК РКП. М., 1922

От редакционной комиссии. 1

Н. Бух рин. Железная когорта революции. 3

Я. Яковлев. Об историческом смысле Октября. 7

А. Лун ч рский. Идеология накануне Октября. 22

И. В рдин. От мелкобуржуазной контрреволюции — к реставрации капитализма. 34

К. Р дек. Пять лет внешней политики Советской России. 59

Г. С ф ров. Национальный вопрос. 78

А. Тимирязев. Наука в Советской России за пять лет. 120

В. Антонов-Овсеенко. Строительство Красной армии. 145

А. Лозовский. Профсоюзы и Октябрьская революция. 190

М. Бронский. Проблемы мирового хозяйства. 202

П. Богд нов. Промышленность за пять лет революции. 237

П. Месяцев. Аграрный вопрос в России за пять лет революции. 249

И. Теодорович. Сельское хозяйство и НЭП. 286

В. Милютин. Проблема распределения и потребления. 300

Е. Преобр женский. Финансы и денежное обращение. 318

Хроника гражданской войны. 339

Приложение I. Таблицы к статье П. Богданова. 401

Приложение II. Таблицы к статье Е. Преображенского. 415

8. П мяти Людвиг Фейерб х 1872 — 13 сентября — 1922. Сборник ст тей. 2 изд., доп [4]. Х рьков, 1923

С. Семковский. Апостол воинствующего материализма. 5

Г. Рохкин. Л. Фейербах и К. Маркс. 39

---

[4] Первое издание: Харьков, 1922.

[Содержание]

В. Рожицын. Людвиг Фейербах и христианство. 75

А. М шкин. Фейербах в истории русской критики. 145

А. Гуревич. Людвиг Фейербах (биографическая справка). 175

С. Семковский. Материализм Фейербаха и Маркса в свете современной науки. 199

В лентин Рожицын. Историческое значение Людвига Фейербаха. 225

Г. Левит. Л. Фейербах и коммунизм[5]. 271

Д. Третьяков. Современное естествознание и материализм Л. Фейербаха. 291

9. Д рвинизм и м рксизм. Сб. ст. под ред кцией М. Р вич -Черк сского. Х рьков, 1923

М. Р вич-Черк сский. Предисловие. 3

Фридрих Энгельс. О дарвинизме. 9

Людвиг Вольтм нн. Отношение Энгельса к дарвинизму. 15

К. Тимирязев. Ч. Дарвин и К. Маркс. 19

Э. Эвелинг. Чарльз Дарвин и Карл Маркс (параллель). 25

Эрнест Унтерм н. Биологическое и экономическое разделение труда. 37

Людв. Вольтм нн. Биологический и экономический материализм. 49

Антон П некук. Марксизм и дарвинизм. 55

К. К утский. Социальные инстинкты в дарвинизме и марксизме. 71

Эрнест Унтерм н. Марксизм, дарвинизм и диалектический монизм. 91

Иосиф Дицген. Дарвин и Гегель. 107

Энрико Ферри. Дарвинизм и коллективизм. 129

Ахилл Лори . Социальный дарвинизм. 155

Иозеф Дине-Денес. Марксизм и новые веяния в естествознании. 169

Генрих Геркнер. Дарвинизм и социальная политика. 177

---

[5] В оглавлении: «Л. Фейербах и марксизм»

Людв. Бюхнер. Дарвинизм и социализм. 193

В. Рожицын. Дарвинизм и современный марксизм. 231

10. К рл М ркс: мыслитель, человек, революционер. Сб. ст тей. Предисл. Д. Ряз нов . М., 1923

Предисловие редактора. 7

Фр. Энгельс. Карл Маркс. Письмо к Зорге о смерти Маркса. Речь над могилой Маркса. 17

Элеонор М ркс. Карл Маркс. 43

К рл М ркс. Памяти июньских бойцов. Революции 1848 года и пролетариат (речь на юбилее рабочей газеты). 64

Г. Плех нов. Карл Маркс. 71

Фр нц Меринг. Маркс и революция. 85

К. К утский. Что сделал для науки Маркс. 95

Роза Люксембург. Застой и прогресс в марксизме. 111

К. Тимирязев. Ч. Дарвин и К. Маркс. 123

П. Л ф рг. Карл Маркс. 137

Фр. Леснер. Воспоминания рабочего о К. Марксе. 167

Вильгельм Либкнехт. Маркс и дети. В поле и на лугу. 183

Н. Ленин. Гайндман о Марксе. 201

Д. Ряз нов. «Исповедь» о Марксе. 213

11. З п ртию — з ленинизм! Сборник II. Пг., 1924

Долой фракционность! (Ответ редакции Ц. О. т. Троцкому). 3

П. Смородин, О. Т рх нов, Б. Петровский, Д. П влов, Вл. Рогов, Ф. Леонов. С. Белоусов, Полифем, В. В сютин. К вопросу о двух поколениях. 32

Письмо Петроградской организации РКСМ ко всему коммунистическому активу РКСМ. 37

Письмо работниц-коммунисток Петроградской организации. 39

Открытое письмо т. Троцкому членов РКП, учащихся вузов и рабфаков г. Москвы. 41

Л. К менев. Об очередных задачах экономической политики. 53

А. Рыков. Доклад на собрании бюро ячеек и активных работников Московской организации 29 декабря 1923 г. 73

Г. С ф ров. «Ком-меньшевизм». 102

Г. С ф ров. Тов. Ленин — на злобу дня. 107

С. К н тчиков. О ликвидаторских настроениях нашей партии. 113

Резолюции. 119

Присоединение к письму Петроградской организации. 124

12. Быт и молодежь. Сборник ст тей под ред кцией А. Слепков . М., 1926

А. Слепков. Предисловие. 3

Н. Бух рин. За упорядочение быта молодежи. 6

Л. Сосновский. О культуре и мещанстве. 10

Ем. Яросл вский. О борьбе с пьянством. 18

Вл д. Слепков. «Не о единой политике жив комсомолец». 23

Вл димир Кузьмин. О «молодой старости», аскетизме и казенщине. 28

Виктор Кин. О типе комсомольца. 40

Ю. Юзовский. Комсомол за гармошку. 43

И. Широв и В. Т р к нов. «Октябрьский пирог». 49

А. С. Семья и строительство социализма. 53

Ленин. О вопросах пола. 58

С. Смидович. Молодежь и любовь. 60

Вл. Кузьмин. Письмо о новом быте. 65

Л. Ч щ рин. Молодые старики. 68

Яков Авербах. О Ленке, её ребенке, любви и новом свете. 71

13. Лев Толстой к к столп и утверждение поповщины. Противотолстовск я хрестом тия. Изд. 2, доп. [М.,] 1929

Несколько слов от редакции Атеиста ко второму изданию. 3

[Отдел I. Учение Л. Н. Толстого и его социальные корни]

В. И. Ленин. Л. Н. Толстой и его эпоха. 11

В. И. Ленин. Л. Н. Толстой. 14

Г. В. Плех нов. Смешение представлений (Учение Л. Н. Толстого). 17

Роз Люксембург. Лев Толстой. 28

В. М. Фриче. Л. Н. Толстой. 28

Л. Аксельрод-Ортодокс. Вероучение Толстого как оправдание рабского и крепостного труда. 37

Г. В. Плех нов. О религии Л. Толстого. 46

Л. Аксельрод-Ортодокс. Об «исповеди» Л. Толстого. 48

М. Энгельг рдт. Л. Толстой и наука. 51

Знаменательное единомыслие [Материалы]. 58

[Отдел II. Лев Толстой и революционная борьба пролетариата за социализм]

В. И. Ленин. Лев Толстой как зеркало русской революции. 71

Г. В. Плех нов. Карл Маркс и Лев Толстой. 74

В. И. Ленин. Герои оговорочки. 88

Л. Аксельрод-Ортодокс. Учение Толстого и утопический социализм народников. 91

В. И. Ленин. Л. Толстой и современное народное движение. 94

И. Кубиков. Лев Толстой и рабочий класс. 96

Л. Аксельрод-Ортодокс. Толстовщина и социалистическое движение. 102

К. К утский. Город и деревня в учении Толстого. 106

Короткий, но выразительный диалог [Материалы]. 111

М. Ольминский. Наше отношение к Л. Н. Толстому. 112

[Отдел III. Толстой и толстовцы — по некоторым аналогиям]

М ксим Горький. О Толстом. 116

Из Толстовской агиографии [Материалы]. 120

«Во Христе юродствующие и юродивые».122

Кнут Г мсун. О Толстом. 128

М. Е. Салтыков-Щедрин. 131

[Указатель литературы о Толстом и толстовстве]. 138

14. Рубинщин или м рксизм? Против иде лизм и мет физики в политической экономии. Сб. ст тей под ред. С. А. Бессонов и А. Ф. Кон . М.; Л., 1930

Редакция. Предисловие. 3

С. А. Бессонов. Слова и дела И. Рубина. 7

Алекс ндр Кон. Б. Борилин как критик. 48

С. Б тищев. «Диалектика» И. Рубина. 88

И. Л птев. О марксистских традициях в понимании предмета политической экономии. 111

Э. Гурвич. Кантианские прорехи в методологии Рубина. 126

М. С йгушкин. Абстрактный труд как материалистическая категория. 143

Х. Б ск ев. О вопросах, которые для марксистов должны быть бесспорными. 171

Б. К з нский. Некоторые плоды рубинской выучки. 186

З. Вернер. Как под видом борьбы с механистами протаскивается система взглядов Рубина. 208

15. Учение Д рвин и м рксизм-ленинизм (к 50-летию со дня смерти Д рвин) / Сб. ст. под ред. П. И. В леск лн и Б. П. Токин . М., 1932

От редакции. 4

Биографическая справка. 5

Э. Кольм н. О К. Марксе и Ч. Дарвине. 8

П. В леск лн. Учение Дарвина в оценке Маркса, Энгельса и Ленина. 12

П. Бонд ренко, В. Бр ндгендлер, П. В леск лн, Б. Токин. К 50-летию со дня смерти Чарльза Дарвина (1882–1932). 21

Н. Бух рин. Дарвинизм и марксизм. 34

Н. В вилов. Роль Дарвина в развитии биологических наук. 62

Б. З в довский. Дарвин и эволюционная теория. 73

Мейстер и Верушкин. Дарвинизм и селекция. 102

С. Левит. Дарвинизм, расовый шовинизм, социал-фашизм. 107

М. Мицкевич, Б. Токин. Эволюционную науку — на службу соцстроительству. 126.

16. К Позн нию России: Труды кружк . Выпуск первый (1929–1934). П риж, 1934

Предисловие. 3

В. Н. Новиков. Кружок «К Познанию России» — Очерк деятельности. 5

Н. Н. Зворыкин. К крестьянскому землеустройству в будущей России. 9

П. П. Мигулин. Русская аграрная проблема и сельскохозяйственная катастрофа в Советской России. 21

М. А. Критский. Аграрная политика Сталина. 35

Н. Б. Щерб тов. О значении крупного землепользования. 53

Н. И. Авн т мов. Минеральные богатства России и их использование. 59

Н. А. Мельников. Русское Земство в прошлом и некоторые мысли о его будущем. 81

Гр. К. де-Рошфор. Влияние древнерусской архитектуры севера на развитие зодчества в России. 97

А. В. К рт шев. Церковь, как фактор социального оздоровления России. 116

А. Н. Анцыферов. О некоторых объективных признаках для суждения о будущем России. 125

Н. В. Винюков

Русские историки-эмигранты в США в межвоенный период: ожидания и реальность. М. И. Ростовцев и Г. В. Вернадский

В результате революции 1917 г. Россию покинуло, по разным оценкам, от 1,5 до 3 млн человек, сформировав волну так называемой «белой эмиграции». Важен и качественный состав эмигрантов — наша страна потеряла множество людей интеллектуального труда. Это «мыслящие» люди, для многих из которых главной целью существования в эмиграции было не просто выживание или растворение в новом, более благоприятном, пространстве, но и сохранение и развитие собственной культурной идентичности. Они болезненно переживали разрыв с Россией, задумывались о ее судьбе и в то же время обогащали своей деятельностью науку и культуру принимающих стран.

Жизнь ученых в США в 1920–1930-е гг. освещена в историографии недостаточно, возможно, из-за небольшого эмиграционного потока в эту страну, по сравнению с популярными европейскими центрами (Париж, Берлин, Прага, Белград и др.), отчасти ввиду отдаленности континента (что затрудняет доступ к источникам). При каких обстоятельствах покидали родину историки? Какие по-

тери и приобретения ожидали ученых в демократических Соединенных Штатах Америки? К решению этих вопросов мы постараемся приблизиться, рассматривая их через призму судеб трех историков как ярких представителей научной эмиграции: М. И. Ростовцева, антиковеда мировой известности, и Г. В. Вернадского и М. М. Карповича, внесших серьезный вклад в становление американской русистики. Взаимодействуя друг с другом в США и по-разному воспринимая новую среду, они играли заметную роль в общественной жизни «зарубежной России» и в американском научном сообществе.

«Бег»

Что могло бы показаться привлекательным русскому эмигранту в США в 1920–1930-е годы? В первую очередь в голову приходят такие завоевания американского общества «prosperity», как радиоприемники, телефоны, фотоаппараты, автомобили и другие научно-технические достижения и бытовые удобства, которые в своем изобилии могли бы поразить русского «дореволюционного» человека. Но все же, когда речь заходит о русском дворянине, человеке интеллектуального труда, историке, эти очевидные преимущества, призванные обеспечивать материальный комфорт, отходят на второй план. Жена М. И. Ростовцева Софья Михайловна, потомственная аристократка, в своих письмах друзьям упоминает об имеющихся в магазинах холодильниках, стиральной машине в своей квартире, о повсеместном использовании автомобилей, — но все это воспринимается скорее с подозрением и удивлением, порой доходящим до негодования, или с равнодушием, но никак не с восторгом[1].

---

1 Письма С. М. Ростовцевой Н. П. Кондакову // Г. М. Бонгард-Левин. Скифский роман. М., 1997. С. 442, 443, 447.

Конечно, русские ученые ждали от Нового Света чего-то другого. Отмечающийся ими культ авто, кино и футбола, царящий в американском обществе, их только удручал. Чего же они ждали? Ответ настойчиво сквозит в переписке друзей-историков: они искали свободы. Свобода манила их из-за океана, ее отсутствие не давало остаться в России.

Что подразумевалось историками под свободой и какой свободы они искали? Пожалуй, главная свобода, необходимая историку, — это *свобод творчеств* . В своих рассуждениях о возвращении на родину, тяготясь вынужденным проживанием в Америке уже около четырех лет, М. М. Карпович отмечал: «Я знаю, что там нехорошо, и не еду туда потому, что там не хорошо — не в том смысле, что там тяжело живется (этого бы я не испугался), а в том, что там нет необходимой для меня (как и для вас) степени свободы»[2].

Конечно, ученые искали тех *политических свобод*, которых недоставало им в Императорской России и которыми особо пришлось бы поступиться в России Советской — совести, слова, печати, собраний... Карпович был вдохновлен демократическим устройством Америки, рассматривая его как антипод большевизма, и даже проецировал демократию на будущее России в виде развития «гражданственности»[3]. Ростовцев же замечал: «Но нужно отдать справедливость старому режиму: он не был другом профессоров и тяжело приходилось от него многим, но он не доходил никогда до тех геркулесовых столбов произвола и угнетения, до которых так быстро дошли большевистские комиссары»[4].

Не маловероятно, что новая власть угрожала и *личным свобод м* Ростовцева и Вернадского, учитывая их вовле-

2 Письма М. Карповича Г. Вернадскому 1919–1925 гг. / Публ. М. Раева // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1992. Кн. 188. С. 282.

3 Там же. С. 274.

4 *M. I. Rostovtzev.* Martyrs of Science in Soviet Russia // The New Russia. 1920. Vol. 2. July 1. P. 275–278; Vol. 3. September 23. P. 113–116.

ченность в антибольшевистскую деятельность. В статье «Русская наука в изгнании», написанной Ростовцевым в 1922 г. в Мэдисоне, ученый эмоционально обозначил свою позицию: «Продолжать жить в стране, где царит система рабства, где никто не осмеливается свободно говорить и писать, стране, из которой невозможно уехать, а можно только бежать, это выше сил тех людей, которые, наконец, глотнув настоящей свободы, вынуждены признать, увы, что после первого луча света темнота, поглотившая Россию, гораздо гуще и безнадежнее чем та, под которой страдал народ во время темных лет правления Николая Первого»[5]. Эта статья представляет собой своеобразный манифест русских ученых-эмигрантов. В ее строках звучит горечь, а в доводах невольно прослеживается желание оправдаться, мысль о вине ученых-эмигрантов перед Россией в ней отсутствует, нет ни слова о том, что лучшие умы бросили Родину на погибель, спасовали, не захотели или не смогли сделать ее лучше, отправились за границу пережидать до лучших времен. Хотя можно ли упрекать этих людей в несовершенном подвиге самопожертвования? Не стоит забывать, что попытка открыто сохранить свои взгляды или что-то изменить в этой новой стране наверняка стоила бы жизни многим представителям научной интеллигенции.

К этому добавим и необходимость *м тери льного бл гополучия*: ученые искали финансовой самостоятельности для достойного существования. Им было бы довольно заработка, достаточного для безбедной жизни семьи, культурного проведения досуга и позволяющего беспрепятственно заниматься научной работой, иногда отправляясь в командировки. Ростовцев с негодованием описывал плачевное состояние ученых, терпящих невзгоды и притесне-

---

[5] *М. И. Ростовцев*. Русская наука в изгнании // М. И. Ростовцев. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы / Сост. И. В. Тункина. М., 2002. С. 102.

ния в Советской России: «Условия жизни в большевистской России, как в духовном, так и в материальном смысле невыносимы. Огромное число ученых, которые были не приспособлены для борьбы за выживание, для охоты за куском хлеба, для гонки за чем-нибудь съедобным, умерли от голода. Академия наук — высший научный институт — теряет одного своего члена за другим. За два года большевистской власти погибло более 15 членов Академии наук (если учесть, что всего членов 40) <...> Затем следует огромное число профессоров <...>, которые наложили на себя руки»[6]. Напомним, что сам Ростовцев в 1917 г. был избран в состав Российской Академии наук[7], члены которой со сменой власти в стране оказались перед выбором: либо эмигрировать, либо заключить сделку с совестью, остаться и продолжать работать на условиях, заданных новой властью, в чьи приоритеты старая интеллигенция не входила. Иначе говоря, оставалось выбирать пути отступления.

«Большевистская Россия — это не Россия...»

Решением Ростовцева стал добровольный выезд из страны. Известна газетная полемика 1921 г. между Ростовцевым и секретарем РАН С. Ф. Ольденбургом, в которой первый критиковал соглашательскую политику Академии наук. Решение эмигрировать было принято скорее не Ростовцевым-историком, а Ростовцевым-политиком. Конечно, нельзя разделять цельную личность, но политическая составляющая все же возобладала, к тому же заграница оставляла шанс политической победы, а также реализации профессионального потенциала.

---

6 Там же. С. 100–101.

7 В 1928 г. Академия наук среди прочих исключила М. И. Ростовцева из своих рядов (посмертно он был восстановлен в звании академика лишь в 1990 г.).

Видный антиковед, академик, Ростовцев мог бы свободно продолжать занятия наукой на родине: можно сказать, ему даже «повезло» с относительно нейтральной областью специализации. Добавим также, что в начале 1920-х гг. историческая наука еще не была полностью унифицирована марксистской идеологией. Таким образом, выбор был сделан человеком с принципиальными убеждениями, членом кадетской партии, вошедшим за границей в ее ЦК. «Большевистская Россия — это не Россия. Люди могут погибать в своей собственной стране за ее благополучие, но продолжать жить там, где они вынуждены делать то, что они считают смертельным злом для своей страны и человечества, выше человеческих возможностей» — писал Ростовцев[8].

В первые годы эмиграции Ростовцев энергично участвовал в политической жизни русской диаспоры. В статьях 1918–1919 гг. Ростовцев обличал внутреннюю и внешнюю политику советской власти, призывал к военной интервенции стран Антанты, критиковал тяжелое состояние российской науки, высшей и средней школы (которое он не одобрял и до революции)[9]. Он пытался помогать Белому движению, а потом и эмигрантам, с его помощью были созданы Русский институт и Русская гимназия в Париже (1920 г.), Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей и Американский комитет для образования русской молодежи в изгнании (1922 г.), Семинар им. Н. П. Кондакова в Праге (1925 г.). По его инициативе был создан Комитет освобождения России (1919–1923 гг.) с целью информирования мировой общественности о положении дел в большевистской России, Ростовцев работал в его филиале — Русском информацион-

---

8 *М. И. Ростовцев.* Русская наука в изгнании. С. 103.

9 *М. И. Ростовцев.* Практика и цели большевизма; Мировой большевизм; Кошмар // М. И. Ростовцев. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы. М., 2002.

ном бюро в Нью-Йорке[10]. Своей партийной и широкой публицистической деятельностью за границей ученый сжег все мосты для возвращения домой: особенно ясно это стало, когда надежда на падение нового режима пропала окончательно.

Немаловажную роль в переезде Ростовцева именно в США сыграло и нелегкое материальное положение ученого в Европе. Не добившись продления контракта в Оксфорде, в январе 1920 г. Ростовцев с тоской пишет М. М. Винаверу: «Уезжаю с голоду в Америку, куда я приглашен с осени (на год) читать лекции в Висконсине. Тяжко жить, Максим Моисеевич. Тяжко человеку моих лет и моего положения ехать в Америку искать куска хлеба, бросая свою научную работу и начиная снова «делать карьеру». Хоть бы прибрал Бог поскорее. Устал очень»[11]. В письме историку Н. П. Кондакову Ростовцев так объясняет причины отъезда в США: «Поехал я сюда потому, что сюда меня пригласили и предложили мне хорошие условия. В Англии, да и во Франции, заработка в этой области найти было нельзя, так как там и своих людей довольно. Это — главная и основная причина. Надо же как-нибудь зарабатывать на свою жизнь... Если после этого соображения можно говорить и о других, то второе соображение то, что Америку я считаю наименее угрожаемой по большевизму»[12].

В условиях неустроенности в Европе и большого притока переселенцев туда, эмигранты почитали за счастье работать по профессии за океаном. Смена места проживания далась ученому нелегко: Ростовцеву было уже 50 лет, в его возрасте не многие люди склонны к кардинальным переменам в жизни, а переезд на другой континент — предприятие

[10] *И. В. Тункин* . М. И. Ростовцев как политический публицист // М. И. Ростовцев М. И. Избранные публицистические статьи. С. 9.

[11] *Г. М. Бонг рд-Левин*. Скифский роман. М., 1997. С. 305.

[12] Фонд Кондакова. Письмо 5 // Г. М. Бонгард-Левин. Скифский роман. С. 146.

нелегкое как в моральном, так и физическом смысле. Заметим, что в 1920-е гг. иммигрантов в возрасте от 16 до 44 лет в США въехало приблизительно в 7 раз больше, чем иммигрантов старше 45 лет[13].

Вот что пишет Ростовцев о своем отношении к переезду своей давней знакомой А. В. Тырковой-Вильямс: «А все-таки невесело уезжать отсюда в какой-то Новый Свет. Не для нас, многостолетних стариков, ехать открывать Америку. Это хорошо для молодых. В Америку надо ехать с желанием борьбы, энергией, огромным запасом сил, ехать что-то завоевывать. А мне и воевать то не хочется. Засесть бы в какой-нибудь хорошей библиотеке и не выходить оттуда. Поэтому я так и люблю Оксфорд, а Софья Михайловна его не любит»[14]. Отъезд в США, где Ростовцева ожидала преподавательская деятельность на кафедре древней истории в Висконсинском университете, решал для него многие проблемы. Хотя Новый Свет и не прельщал его, но перспективы оставаться в Англии были еще менее радужными.

«Мы за большевизмом перестали видеть Россию...»

В апреле 1917 г. близкий знакомый М. М. Карповича по Тифлису, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства Б. А. Бахметьев получил назначение послом России в США и предложил ему войти в состав отправлявшейся туда «чрезвычайной миссии» в качестве своего личного секретаря, предполагалась годичная командировка. Карпович принял предложение и в мае 1917 г. отправился в США. Однако в Вашингтоне тот прора-

---

13 Series C 138–142. Immigrants, by Age: 1820 to 1970 // U. S. Bureau of the Census. Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Washington: Government painting office,1975. P. 112.

14 *Г. М. Бонг рд-Левин*. Скифский роман. С. 479.

ботал значительно дольше: посольство уже не существующей страны, с надеждой на временность установившегося там режима, продолжало работу до 1922 г.

Отметим, что с гимназических лет Карпович примыкал к эсеровским организациям в Тифлисе и Москве, находился под наблюдением московской охранки и даже подвергался арестам (со временем его политическая активность сходит на нет)[15]. Его последующие политические взгляды можно характеризовать как либеральные.

Карпович был всегда наготове для возвращения на родину, сидел, по его выражению, «на чемоданах». Он тосковал по матери, оставшейся в Петербурге, где жизнь, особенно зимой, была тяжела и куда посылал ей продуктовые посылки. В России осталась и его невеста (Татьяна Потапова, которая сумела выбраться из России и добраться до Америки лишь в 1923 г., после чего они женились и имели впоследствии четверых детей). Ему не хватало общения с друзьями, родными и знакомыми, разбросанными по разным городам — Тифлису, Константинополю, Праге... Невзирая ни на что, Карпович верил, что «и в Советской России можно радоваться музыке, красивому платью, колокольному звону, можно острить и смеяться, можно читать немецких романтиков, можно быть молодым и бодрым». Он не застал «России при большевиках», но узнавал о ней из писем его друзей и родных из Москвы, Петрограда, Воронежа, и все-таки хранил надежду[16].

В сентябре 1923 г., все сильнее и сильнее мечтая о возвращении на родину, он заметил: «Может быть, это очень нехорошо, но я как-то все больше отрываюсь от здешней жизни вместо того, чтобы пускать в нее корни. У меня такое чувство, что Америкой я насытился достаточно, и теперь мое пребывание здесь уже совсем случайное. Здесь обеспечено мое (и моих близких) материальное существование и здесь

[15] ГАРФ. Ф. Р-63. Оп. 30. Д. 1541.

[16] Письма М. Карповича Г. Вернадскому 1919–1925 гг. С. 277.

мне легче выжидать возвращения в Россию — и это все. Духовное мое возвращение на родину уже началось — вероятно, года полтора тому назад. Неуклонно, с каждым днем»[17]. Горечь в словах Карповича о своей американской жизни доходила до совершенного отчаяния и уныния. На чужбине он совсем одинок, духовно опустошен. Вынужденно отвечая на вопрос друга о своем житье-бытье, он не мог скрыть своих подлинных чувств: «Существую, слава Богу, благополучно. Делаю ненужное и неинтересное дело, за которое платят деньги. Встречаю милых и благожелательных, но не близких и мало нужных людей. Признаю все достоинства этой страны, но в нее не погружаюсь. Духовно чувствую себя очень одиноким и все самое важное, самое существенное — либо в воспоминаниях, либо в мечтах. Вероятно, долго так жить грешно и потому я горячо молю Бога, чтобы это было ненадолго»[18].

И здесь возникает риторический вопрос: куда же ехать? Ехать, лелея в мыслях образ ушедшей, идеальной Родины, было чревато разочарованием, т. к. и дореволюционная Россия идеалом, безусловно, не являлась, что подтверждают и слова Ростовцева об ученых-эмигрантах как людях, которые «никогда не были сторонниками старого режима». Но ведь и вожделенной России, как бы это ни было печально признавать, уже не существовало. С точки зрения Карповича, «новую Россию надо строить на началах гражданственности»[19], поэтому нельзя сложа руки смотреть на гибель родной страны. Отсюда все большую актуальность в переписке историков приобретало выяснение взглядов эмигрантов на будущее России, свою миссию за рубежом.

Кто же будет строить новую, лучшую Россию? По мнению Карповича, нужно пережидать и при этом готовиться к миссии возрождения России. «Я вдруг понял, что Россия

---

17 Там же. С. 288.
18 Там же. С. 290.
19 Там же. С. 274.

все-таки не у меня в голове, а там же, где всегда была и будет. С каждым днем все важнее и интереснее делается то, что там происходит, и все уменьшается и уменьшается наш удельный вес... Нам надо готовиться к будущему — идейно, технически и организационно, но не варягов-спасителей из себя готовить, а служителей той новой России, которая там рождается в муках и испытаниях... Но, к сожалению, фактические наши возможности в этой области сделались очень невелики. Перестали нас слушать и нам верить», — не без сожаления констатировал Карпович в мае 1922 г.[20] «Мы за большевизмом перестали видеть Россию, — пишет он позже, — никакие очевидцы не могут убедить меня в том, что России нет... Как не могут убедить меня Струве и Шульгин в том, что все, что осталось от России, — это мы, т. е. то, что они называют «белой Россией», ибо это какая-то непростительная гордыня»[21]. В мыслях Карповича рождается не просто призыв, а рецепт правильного поведения: «Нам надо убить в себе психологию гражданской войны и признать Россию. Только в этом духе сможем мы оказаться полезными в деле ее возрождения»[22].

Так почему же в таких, казалось бы, неблагоприятных для работы и душевного состояния обстоятельствах Карпович не вернулся в родные края? Первое время Карпович не мог оставить нелегкую службу в посольстве, где был правой рукой Бахметева, перед которым, как другом семьи, также чувствовал ответственность. Поэтому в течение пяти лет его пребывания в Америке следует говорить не об эмиграции, а о затянувшейся командировке. Карпович находился за границей поневоле и очень страдал.

Однако после потери этой работы он не уехал, а лишь стал рассматривать новые варианты заработка денег. Для Карповича, как и многих эмигрантов, это было обусловле-

---

[20] Там же. С. 282–283.

[21] Там же. С. 275–276.

[22] Там же. С. 277.

но контрастными условиями жизни, материальными причинами: жить в Америке «удобно и приятно», существуют бо́льшие возможности для приличного заработка, а в России идет Гражданская война, из писем родных поступают нерадостные известия о том, что в Петербурге наступил голод и холод, нет трамвайного сообщения.

Эмигр ция в судьбе Г. В. Верн дского

Тяжело переживал потерю родины и утрату настоящей связи с родными и знакомыми Г. В. Вернадский. С 1917 г. он исполнял должность экстраординарного профессора в Перми. В мае 1918 г. Вернадский был предупрежден друзьями об угрозе ареста и вынужден был скрываться с женой в деревне до смены начальника пермской ЧК и временного отъезда в Москву[23]. По всей видимости, внимание к нему привлекли принадлежность к кадетской партии и, возможно, эпизод в церкви, описанный Вернадским в воспоминаниях (с женой они присутствовали на службе, где местный архиепископ Андроник прочел антисоветскую проповедь, после чего был арестован[24]). Политической неблагонадежности Вернадскому придавала и публикация в Петрограде биографии П. Н. Милюкова, а либеральная направленность лекций делала его представителем оппозиции не только старой, но и новой власти.

После Вернадский переехал в Симферополь в качестве профессора во вновь открывшийся Таврический университет. По рекомендации П. Б. Струве с сентября 1920 г. он занял пост начальника отдела печати в администрации Врангеля. Подобная связь с белым движением была роковым шагом, после его поражения Вернадский эмигрировал, оставив на родине родных, в том числе и отца — академика

---

[23] *Г. В. Верн дский.* Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 146.

[24] Там же. С. 135.

[Содержание]

В. И. Вернадского, члена ЦК кадетов, покинувшего партию в 1918 г. Впоследствии, несмотря на кратковременный арест и продолжительные командировки с мыслями о невозвращении, В. И. Вернадский все же стал гордостью советской науки. Г. В. Вернадский действовал отлично от отца, но, судя по всему, по согласованию с ним. Он эмигрировал не только по идеологическим причинам, но и из соображений безопасности.

Покинув Крым вместе с остатками Белой армии, он с ноября 1920 г. находился в эмиграции: Константинополь, Афины, Прага, а затем Нью-Хейвен. В 1927 г. Вернадскому с женой наконец удалось перебраться в США, куда по рекомендации Ростовцева и его всяческому содействию он был приглашен на работу в Йельский университет.

Вернадский пессимистически смотрел на будущее России, отчасти поэтому и не хотел оставаться жить на родине. В этом он серьезно расходился со многими друзьями, в частности с М. М. Карповичем, а отчасти и со своим отцом. Не случайно все большее значение для него приобретала вера в Бога, которая, по его мнению, должна лежать в основании человеческого общества. По сравнению с материальными ценностями, безусловное предпочтение он отдавал «ценностям духа» и подчеркивал, что ни за что не вернется назад к большевикам[25].

Возражая другу, Карпович подчеркивал, что просто не понимает людей, «которые говорят, что все кончено, что мы никогда не вернемся в Россию, что для нас там не будет места, что Россия вообще не возродится и т.д.»[26]. Конечно, Карпович не прошел через «огненное испытание», о котором упоминал Вернадский, переживший Гражданскую войну в России, но он ясно осознавал, «что большевизм в России кончится только тогда, когда он будет изжит русским народом; что это единственный путь, хотя бы для

[25] Письма М. Карповича Г. Вернадскому 1919–1925 гг. С. 270.

[26] Там же. С. 268.

него нужны были десятилетия»; иными словами, Карпович, в отличие от Вернадского, верил и, по крайней мере, неоднократно декларировал убежденность в возможности возрождения России, избавления от советской власти и установления демократии и, по-видимому, не отрицал возможности того, что это случится на его веку[27].

Если говорить об отношении к советской власти в дальнейшем, то оба приятеля поддержали войну против гитлеровской Германии. Однако если Вернадский надеялся на эволюцию сталинского режима в демократическом направлении, то Карпович теперь оставался настороженно-скептическим в отношении перспектив дальнейшего преобразования основ коммунистического режима. Как отмечает ученик Карповича М. Раев, если Вернадский часто некритически и неразборчиво соглашался поддерживать организации и мероприятия для укрепления «русско-американского сотрудничества», то Карпович категорически отказывался от каких-либо публичных выступлений в пользу советского правительства[28]. Вернадский же регулярно выступал по радио и в местной прессе с обзорами положения в СССР и на фронте. Когда в начале 1942 г. в Нью-Хевене возник Russian War Relief, Вернадские почти сразу же включились в его работу. «А Ростовцевы не пошли. Графиня Панина на словах пообещала, но по своему кадетскому устарелому мировоззрению все боится помогать России» — писала жена Вернадского Нина Владимировна[29].

Можно заключить, что важной причиной эмиграции вышеназванных ученых было их мировоззрение, отказ от сотрудничества с советской властью, принятия новой поли-

---

27 Там же. С. 275.

28 *М. Р ев.* Комментарий // Письма М. Карповича Г. Вернадскому 1919–1925 гг. С. 260.

29 Цит. по: *М. Ю. Сорокин* . Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001: www.arran.ru/?q=ru/node/63.

тики и ценностей. Формально выезд эмигрантов из страны был добровольным актом, но подоплека у этого выбора была очень сложной. Впоследствии этот роковой шаг воспринимался эмигрантом как трагедия, он нес за собой непрекращающиеся внутренние страдания, ощущение изгнанничества и неприкаянности.

Каждый из ученых еще до революции исповедовал оппозиционные монархии взгляды: Г. В. Вернадский был сыном одного из основателей кадетской партии В. И. Вернадского, сам в ней состоял, М. И. Ростовцев принадлежал к кадетской партии и в эмиграции вошел в состав ее ЦК, а М. М. Карпович в юные годы участвовал в эсеровской деятельности. И, хотя все они не были сторонниками самодержавия, советский режим казался им принципиально неприемлемым, прежде всего, из-за отсутствия свободы мысли и творчества, не говоря о том, что он попросту нес угрозу их жизни. Подавление всяческого инакомыслия советской властью закрывало путь искренним, беспристрастным и свободным от официальной идеологии занятиям историей. Помимо собственного неприятия власти, политическое прошлое ставило их под угрозу стать «неблагонадежными».

Одной из причин оставаться за границей для каждого из ученых была и материальная несостоятельность: тяжелое экономическое положение, голодные годы в России, неустроенность быта и невозможность достаточно зарабатывать на жизнь в Европе вынудили их отправиться за «American dream» — искать счастья в Новом Свете, который, при удачном обустройстве там, сулил определенное материальное благополучие.

Особо выделяется позиция, занятая Карповичем, эмигрировавшего ранее других по времени и по возрасту. Покинув Россию раньше других в связи со служебной командировкой, которая незапланированно продлилась, он не видел ужасов Гражданской войны, а значит, и не проникся тем категоричным неприятием большевизма и Советской России,

[Содержание]

свойственным Вернадскому и Ростовцеву. Между тем его восприятие пребывания на чужбине было наиболее острым. Именно он больше всех тосковал по родине, долго не мог оставить надежду о возвращении в Россию, которую так не хотел отождествлять с большевизмом. В занятой им позиции отчасти сыграл роль молодой возраст: на момент выезда из страны Карповичу было 28 лет (1917), Вернадскому 33 года (1920), а Ростовцеву 48 лет (1918). Ростовцев и Вернадский видели себя в России только в случае смены власти, а Карпович — мечтал о возвращении, не смотря ни на что, но был скован материальными обстоятельствами. Он — не беженец, а типичный эмигрант, который менее других мог ожидать недоброжелательного отношения к себе на родине. У Карповича были неясные карьерные перспективы — его работа в посольстве была временной, и он не хотел оставаться на дипломатической стезе, Ростовцев и Вернадский же устраивались работать по профессии. Так или иначе, все трое оказались в США навсегда.

Что скрывалось за American dream?

В сентябре 1923 г. Карпович писал Вернадскому: «Если ты готов на работу не по специальности и на физический труд, то здесь всегда заработать найти можно. Найти же «интеллигентную» работу очень трудно... Боюсь, что сначала ты 5–6 долларов в день зарабатывать не будешь. Едва ли больше 3-х. На это вы сможете жить совсем прилично, но откладывать уже не удастся. Но, конечно, потом можно получать и больше»[30]. Вот такая картина могла предстать перед эмигрантом, не имевшим в научных кругах США влиятельного знакомого с хорошими связями.

Для удачного трудоустройства русских ученых-эмигрантов в США важны были не только профессиональная ре-

[30] Письма М. Карповича Г. Вернадскому. 1919–1925 гг. С. 288.

путация и научные заслуги, но и область специализации (от специфики которой зависело наличие вакансий), наличие приглашения на работу в университет (а для этого, как правило, необходимы личные связи в научном мире), владение английским языком, а также и собственная готовность приспособиться к новым условиям работы.

Устройство на работу в один из крупнейших университетов США еще не гарантировало ученому-эмигранту ни успешной карьеры, ни удовлетворенности своим положением. 27 августа 1933 г. Вернадский писал отцу: «В неудачах моих отчасти, может быть, виноват я сам, отчасти же — и я думаю главным образом — внешние обстоятельства, т. е. главным образом весь строй Department of History нашего университета. Во-первых, они себе ставят главным образом цели учебные, а не научные. Во-вторых, и учебные цели понимают очень узко. В частности, они совершенно исключают из своей нормальной программы славянство и Россию. К этому еще присоединяется, по-видимому, мнение некоторых членов Department'а о том, что мой английский язык недостаточно fluent[31]»[32]. Заметим, что языковая проблема стояла не только перед Вернадским. В начале работы в Висконсинском университете Ростовцев также упоминал о подобных трудностях в одном из писем: «Читаю с большим напряжением лекции на английском языке. Справляюсь пока, но дело это трудное»[33].

Мысль Вернадского об узости образовательных целей с определенной долей негодования подтверждал и Ростовцев: «Университет — это фабрика — штампует инженеров, лесоводов, земледельцев, докторов, учителей, банкиров, страховых агентов, даже кухарок. Здесь все включено в одно понятие университета, и graduate, т. е. окончивший универ-

[31] «Беглый» (*нгл.*).

[32] «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М. Сорокиной // Источник. 1999. № 1: www.arran.ru/?q=ru/node/64.

[33] *Г. М. Бонг рд-Левин*. Скифский роман. С. 482.

ситет человек, может быть круглым невеждой во всем, кроме, скажем, разведения свиней, это уж зато он будет знать в совершенстве... Средняя школа здесь из рук вон плоха — нет учителей, никто не идет на то нищенское содержание, которое здесь полагается учителям»[34]. В понимании русских ученых университет как высшее учебное заведение должен был готовить не только всесторонне развитую личность и образованного человека в широком понимании этого слова, но и хорошего специалиста в конкретной области. Людям, получавшим образование в лучших университетах Российской империи (Московском, Петербургском, Киевском), подобный подход казался странным, неакадемичным.

Примечательно, что после шести лет жизни Вернадского в США все еще сказывались проблемы с языком, рабочая атмосфера не всегда была комфортной, а университетские традиции порой вызывали непонимание: «Теперь-то как раз я считаю, что я языком овладел (конечно, совершенствоваться все время надо будет), и тут отчасти у моих недоброжелателей действовали воспоминания о моих первых годах, а отчасти дело в том, что я не языком не владею, а совершенно не подхожу к ним по интересам, по психологии. У них, например, почти неприлично считается говорить о науке помимо специальных разговоров по специальным appointment'ам. Попытки создать тут историческое общество не увенчались успехом»[35].

Кроме того, необходимость завоевания Америки заставляла Вернадского обращаться к темам, весьма далеким от его исследовательских интересов. От родных он никогда не скрывал вынужденного характера этих сочинений: «Пришлось писать о Троцком в Curr[ent] Hist[ory] ... Писать эту последнюю статью было, признаться, неприятно, но отказаться от предложения было нельзя, т.к. Curr[ent]

[34] Там же. С. 446.
[35] «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского.

[Содержание]

Hist[ory] создает известную марку среди более широких слоев американской публики, а мне приходится отчаянно пробиваться в Америке»[36].

Все эти проблемы скопились у ученого на фоне мирового экономического кризиса, и над Вернадским даже нависла угроза непродления контракта по истечении срока в июле 1935 г. ввиду сокращения бюджета университета. Положение его долгое время было шатким: «Почету много, а вот между тем в Yale'е мое положение так непрочно, не говоря о том, что жалованье мне платят по американским понятиям (и условиям жизни) нищенское»[37]. Дело в том, что в США большинству русских ученых-эмигрантов первой волны зачастую приходилось начинать с нуля, их ученые звания не имели существенного значения для американского научного сообщества. На протяжении 1930-х годов Вернадский преподавал, по-видимому, в самой низкой преподавательской должности — instructor, совершенно не соответствующей его квалификации и годам[38].

Вернадский не отчаивался и продолжал преподавать, хотя общий климат не благоприятствовал научной работе. «Да, еще при этом надо сказать, что занятия мои со студентами идут, по-моему, вполне благополучно (и на мой английский язык студенты не жалуются) ... Все это неопределенное положение мешает вполне отдаваться чисто научному творчеству»[39]. Вот что писал Вернадский о своих занятиях и учениках в сентябре 1933 г.: «Вчера у меня был первый meeting со студентами undergraduates, их явилось 18 человек, хотя для этого курса число участников ограничено 14-ю — но я все-таки всех принял, т. к. мне показались интересующиеся»[40].

---

[36] Цит. по: *Сорокин М. Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи».
[37] «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского.
[38] *М. Ю. Сорокин*. Георгий Вернадский в поисках "русской идеи".
[39] «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского.
[40] Там же.

Несколько иную информацию сообщал о своем преподавании Ростовцев: «Впечатление от студентов здесь очень двойственное... Нашей интеллигентской беспозвоночности у них нет и в помине, но зато они какие-то ужасно необразованные и мало чем интересуются, хотя есть и исключения. Зато много жизнерадостности и какой-то во всем избыток сил, но самых элементарных. Литературы у них нет, искусства, музыки тоже нет, да едва ли есть наука, если не говорить о технике»[41]. В октябре 1925 г. Ростовцев писал Васильеву из Йеля в Мэдисон: «У вас жизнь тихая и богоспасаемая. Студенты кроткие и не sophisticated. Здесь (в Йеле. — *Н. В.*) они знают также мало, но воображают себя цветом человечества, по крайней мере, большинство. Меньшинство есть, и меньшинство хорошее, с которым приятно заниматься»[42]. Можно заметить, что картина рисуется не самая вдохновляющая. В одном из писем августа 1922 г. Ростовцев даже выразил недовольство и подготовкой учителей: «Я имел в нынешней summer-session[43] десятка три учителей истории. Из них огромное большинство кроме учебника, по которому они преподают, ни одной книжки по истории не читали. Text-book для них — альфа и омега. Ведь это — стена. Бейся об нее лбом, расшибешь последнее, что осталось — лоб и мозги»[44].

Отношения Ростовцева с коллегами по департаменту истории были добрыми, в целом он был доволен рабочей атмосферой в университете. «Люди здесь хорошие и сердечные, напоминают мне профессоров провинциального русского университета, но без интриг и сплетен, свойственных русской провинции. Впрочем, возможно, что я еще недостаточно вошел в здешнюю жизнь и что эта сторона жизни еще

---

[41] *Г. М. Бонг рд-Левин.* Скифский роман. С. 446.

[42] Там же. С 265.

[43] Летний платный лекционный учебный цикл, предлагаемый в некоторых университетах США.

[44] *Г. М. Бонг рд-Левин.* Скифский роман. С. 488.

объявится. Городок здесь очень милый и уютный»[45]. В сентябре 1920 г. Ростовцев бодро и с удовлетворением отзывался Тырковой-Вильямс о жизни и работе в Висконсине: «Здесь в Мадисоне я чувствую себя почти как дома. Начал уже свои лекции. Студенты уверяют, что понимают. Надеюсь, что не врут. Профессора все необычайно любезны. Квартира очень милая, едим в клубе, где тоже очень хорошо и уютно. Словом, с внешней стороны все очень хорошо»[46].

Но с течением лет тон Ростовцева меняется на более критический и тоскливый. Уже в начале 1920-х гг. его мучили мысли о России, о причине его «изгнания»: «Но все-таки никак не могу фактически и исторически понять, зачем это нужно, чтобы моя собственная страна меня выгнала, когда там так много дела, и зачем несу свое русское добро, чтобы унавоживать им американскую, и без того не бедную, почву. Впрочем, это из области метафизики»[47].

Ростовцев в 1921 г. сообщил друзьям, что ему дали высший оклад — 6000 долларов, и отметил, что «это было бы ничего, если бы не безумные цены и не необходимость содержать ряд людей вне Америки». «Но такие оклады — исключение. Их дают немногим и в очень немногих университетах. В большинстве людям помоложе платят 2550, 3000, 4000. И здесь профессора в черном теле»[48]. По словам ученого, «даром денег не платят, и если взяли человека, то стараются использовать его до конца. Все, что получаю, съедают субсидии, которые высылаю своим родственникам, частью находящимся в изгнании, частью голодающим в России»[49].

В декабре 1925 г. Ростовцев с иронией писал Г. Вильямсу, другу и мужу соратницы по кадетской партии А. В. Тырковой-Вильямс, о том, как приходится ему зарабатывать

45 Там же. С. 482.
46 Там же. С. 481.
47 Там же.
48 Там же. С. 445.
49 Там же. С. 454.

деньги: «Каждую неделю езжу читать лекции попеременно в Jenesville и Fond de Lac[50]. Хороши местечки? А сюжет еще лучше — русские мужики! До чего только не доведет auri sacra fames[51]. За 50 bucks[52] будешь читать хоть об астрономии»[53]. В следующем письме он сообщил: «Через две недели еду в Carnell набивать себе цену. Так как товар не шибкий (профессор, да еще и с иностранным акцентом, т. е. с подмочкой), то приходится быть осторожным. Запросишь, а они скажут: в своем ли Вы уме, это за профессора-то такая цена, помилуйте, даже plumber[54] спрашивает немногим больше. Вот и выйдет конфуз. А набить цену надо»[55]. Ростовцев старался работать как можно больше: «Истощенный трудным учебным годом, я теперь читаю лекции ежедневно в summer session, 10 часов в неделю, при длящейся жаре в 32–35 Реомюра... Работать же для себя почти не могу и даже для газет не могу писать: жарко!»[56]

Несмотря на подработки и отсутствие детей, потребность в большем заработке ощущалась остро. Вот как описывала его жена в письме Н. П. Кондакову их бытность в Висконсинском университете в мае 1923 г.: «Мы живем в глухом захолустье. Университет большой и хороший, но по англо-американскому обычаю его запихнули в малюсенький городок, где профессора, среди которых много очень милых, умных людей, варятся в собственном соку. О том, что делается не только в Европе, но и в Америке, мы узнаем только из газет. Здесь хорошо только или богатым, или тем, кто в Европе бедны, а здесь живут в достатке, но без умственных запросов. Интеллигентам здесь не воля, так как оплачивается их труд лишь слегка выше мускульного, а потребности их куда вы-

50 Маленькие городки в штате Висконсин.

51 «Проклятая жажда золота» (*л т.*).

52 «Долларов» (*нгл.*).

53 *Г. М. Бонг рд-Левин*. Скифский роман. С. 495.

54 «Водопроводчик» (*нгл.*).

55 *Г. М. Бонг рд-Левин*. Скифский роман. С. 493.

56 Там же. С. 487–488.

ше»[57]. Конечно, женщине с аристократическими привычками подобная обстановка в типичном сельскохозяйственном штате казалась стесненной и провинциальной.

Заработок Ростовцева тратился преимущественно на содержание многочисленных бедствующих родных и близких: «Все так же живу изо дня в день, читая бесконечное количество лекций. Надоело пуще горькой редьки. Здесь читай, что хочешь, всему поверят. Развращающая среда, так как бесконтрольная... Получаю по европейским понятиям немало денег. Но все съедает содержание родственников в России и за границей и посылки голодающим коллегам и друзьям»[58].

Выводы о материальном положении делались эмигрантами и в соответствии с собственными запросами, которые сложно характеризовать как скромные и умеренные. Вот как описывала положение профессуры в Америке жена Ростовцева Н. П. Кондакову: «Вы можете видеть, что здесь профессора, особенно младшие, получающие от 3000 до 4000, принадлежат к классу «бедноты» по большевистской терминологии. Пенсий они не получают и потому вдоль и поперек страхуются, что стоит не очень дешево»[59]. Дворянские привычки сложно было соотнести с американскими реалиями, Ростовцевы удивлялись дороговизне содержания прислуги, им не хватало путешествий и выходов в свет: «Съездить куда-либо — вне бюджета профессора, живущего на жалование. В этом году мы ездили в Чикаго на шесть дней — это стоило нам 115 долларов без покупок; я была два раза в театре, Михаил Иванович — один... Съездить куда-нибудь летом — несбыточная мечта; месяц путешествия обойдется не менее 600–700 долларов»[60].

---

[57] Там же. С. 456.
[58] Там же. С. 487.
[59] Там же. С. 447.
[60] Там же. С. 448.

Отметим, что университетское руководство и департамент истории были довольны преподавательской деятельностью русского ученого (об этом можно судить, например, по официальным письмам, в которых высоко оценивалось качество лекций, семинаров и исследовательской работы Ростовцева)[61]. Именно о его научных достижениях и книгах, подготовленных в период преподавания в висконсинском университете, говорилось в очерке по истории университета как основном вкладе в развитие американского преподавания[62]. Высокую оценку Ростовцева подтверждает и история с несостоявшимся переходом ученого в корнельский университет в 1923 г., когда Висконсин, чтобы удержать известного ученого, пошел на уступки, предложив ему более выгодные условия работы и даже оплатив командировку в Европу. В письме к Г. В. Вильямсу от декабря 1923 г. есть уточнение: «После долгих переговоров я отклонил приглашение в Cornell и остался здесь. За это они увеличили несколько мое жалование, обещались давать мне один семестр из 6-ти для поездок в Европу и помогать ездить в Европе in between»[63].

Переход в другой университет для Ростовцева во многом был связан с его научными интересами, желанием больше писать и успеть в своей жизни сделать как можно больше в своей области. Позже ему удалось перейти в престижный Йельский университет, открывавший большие возможности для научной деятельности. Хотя атмосфера в Йеле и Нью-Хейвене не казалось Ростовцеву идеальной, он все же он принял решение укрепиться там, несмотря на приглашения вернуться в Висконсин в 1926 г. на новых условиях, которое отклонил после долгих колебаний. Главной причиной смены работы ученого стала острая нехватка

---

61 Там же. С. 159.

62 *M. Curti, V. Carstensen*. The University of Wisconsin. A History 1848–1925. Vol. II. Madison, 1949. P. 336.

63 *Г. М. Бонг рд-Левин*. Скифский роман. С. 495.

[Содержание]

литературы в висконсинских библиотеках, затруднявшая научную работу. По словам Ростовцева, «здешняя библиотека неимоверно бедна книгами по археологии, не говоря уж о русской, но и вообще европейской и древневосточной. Придется заняться снова экономической историей, на это легче найти издателей»[64]. Он не раз с горечью констатировал: «К сожалению, мои занятия югом России пришлось ликвидировать. Нет книг здесь»[65].

В свою очередь, Карпович замечал, что «здесь почти ни у кого нет ясного представления о самых элементарных фактах, не говоря уже об историческом значении событий». При подготовке лекции о русской церкви после революции он столкнулся с практической невозможностью поиска материалов для своих лекций в американских библиотеках, поэтому просил помощи в виде высылки литературы из Европы у Вернадского. Подобные просьбы были часты в переписке заокеанских историков с европейскими коллегами[66].

Итак, были ли ожидания свободы творчества оправданы в полной мере? Нашли ли историки в Америке материальное благополучие? Безусловно, ученые могли заниматься любимым делом, говорить и писать о волнующих их проблемах. Но в то же время они по-прежнему оставались зависимыми от различных обстоятельств и формальностей, были стеснены материально.

К преподавательской деятельности, которая была неотъемлемой частью работы в университете, был склонен не каждый, поскольку она оставляла мало времени и сил для непосредственных занятий наукой. Пожалуй, исключение составляет Карпович, который не оставил после себя крупных научных трудов, но современники и ученики которого вспоминали о нем как о блестящем лекторе и чрез-

[64] Там же. С. 443.
[65] Там же. С. 455.
[66] Письма М. Карповича Г. Вернадскому. 1919–1925 гг. С. 286–287.

вычайно отзывчивом и доброжелательном педагоге[67]. Преподавание также приносило доход, поэтому историки порой сами искали возможность читать лекции ради заработка. По той же причине приходилось писать статьи на заказ. Для серьезной работы порой не хватало материалов, нужны были командировки или запросы литературы у друзей из Европы. Приходилось много и усиленно работать, и, как можно заметить, не всегда в удовольствие.

Жизнь в США требовала немалых бытовых расходов (Вернадский, например, продал свой автомобиль за неимением средств), много денег уходило на содержание бедствующих в разных концах мира родных и знакомых. Русские интеллигенты мечтали организовать досуг как прежде, проводить домашние вечера, музицировать, посещать концерты, но этот образ жизни был малодоступен не только из-за инокультурной среды, но и в силу недостатка денег. Спектр политических свобод, дарованный американской демократией новоиспеченным гражданам США (долгое время оттягивавшим с запросом на натурализацию), ими не реализовывался, они были политически пассивны, оставались безучастными к американской политической жизни, в основном их интересовали вопросы, связанные с Россией.

[67] См.: *Р. Гуль.* Я унес Россию: Апология эмиграции. М., 2001. Т. 3. *С. Зеньковский.* Вдумчивый историк // Новый журнал. Нью-Йорк, 1987. № 168/169. *М. Р ев.* М. М. Карпович — русский историк в Америке // Новый журнал. Нью-Йорк, 1996. № 200.

Мих ил Гершзон

Последний «Иван Грозный» Сталина: проект фильма 1952–1953 гг.

О том, что в 1952–1953 гг. велись работы по созданию художественного фильма об Иване Грозном, был написан сценарий, велась активная подготовка к съёмкам, мало известно. Документы об истории создания фильма «Иван Грозный» отложились в нескольких фондах Российского Государственного архива Литературы и Искусства (РГАЛИ) в Москве: в фонде Министерства кинематографии СССР[1], Министерства культуры СССР[2], киностудии «Мосфильм»[3], а также в личном фонде И. А. Пырьева[4]. Информация об этом была относительно недавно опубликована в издании «Летопись российского кино 1946–1965»[5], а затем в сборнике «Иван Пырьев: правда творчества»[6]. В этом сборнике впервые опубликован ряд архивных документов относительно неснятого фильма. К сожале-

1 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1.
2 РГАЛИ. Ф. 2329. Описи 2 и 12.
3 РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1.
4 РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1.
5 Летопись российского кино 1946–1965. М., 2010. С. 236.
6 Иван Пырьев: правда творчества. Барнаул, 2011.

нию, это интересное издание в замечательном полиграфическом исполнении содержит, по крайней мере, одну серьёзную фактологическую ошибку. Так, публикуемый документ «Обсуждение художественным Советом Министерства кинематографии СССР литературного сценария «Иван Грозный — собиратель России» («За Великую Русь»)» — ошибочно озаглавлен как обсуждение худсоветом киностудии «Мосфильм»[7]. Существенным недостатком сборника является отсутствие в нём сценария фильма. Возникает вопрос: почему, опубликовав стенограмму обсуждения, в нём не разместили материалы литературного или режиссёрского сценария фильма, по которым читателю можно было составить собственное представление о сюжете и масштабе фильма? Нет указания о создании фильма и в двухтомнике трудов Пырьева, изданном в 1978 году[8].

Идея съёмки фильма об Иване Грозном возникла не позднее июля 1952 года — первое упоминание о создании нового фильма в материалах коллегии Министерства кинематографии датируется 23 июля 1952 года[9].

«Иван Грозный», так же как и ряд других фильмов на историко-биографическую тему, был включён в тематический план по личному указанию И. В. Сталина. Об этом в витиеватой форме сообщил министр кинематографии СССР И. Г. Большаков на коллегии, состоявшейся в сентябре 1952 года: «Мы сейчас, как вы знаете, по указанию Правительства должны подготовить ряд новых исторических и историко-биографических фильмов —«Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Иван Грозный», «Пётр I», «Кутузов»[10]. Пятнадцать лет спустя в записке ру-

---

[7] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3653. Л. 1. Или: РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 175. Л. 20; Иван Пырьев: правда творчества. С. 347.

[8] *И. А. Пырьев*. Избранные произведения. Т. 1. М., 1978.

[9] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3464.

[10] Там же. Д. 3466. Л. 36.

[Содержание]

ководству Госкино СССР Пырьев указывал на то, что было дано специальное указание ЦК партии по созданию сценария фильма «Иван Грозный»[11]. А в материале «О ходе выполнения плана подготовки сценариев художественных фильмов на 1952–1953 гг.», подготовленном заместителем министра кинематографии Н. К. Семёновым в июле 1952 года, просьба о включении в план новых фильмов, мотивировалась тем, что они «подсказаны жизнью и творческими предложениями писателей и режиссёров»[12].

На новые фильмы тогда же были утверждены авторы сценария и режиссёры: «Александр Невский», автор сценария — Л. Рахманов и режиссёр — А. Иванов; «Дмитрий Донской» — Н. Вирта и В. Петров; «Иван Грозный» — Н. Погодин и И. Пырьев; «Пётр I» — Б. Чирсков и В. Пудовкин, «Кутузов» — А. Первенцев и М. Чиаурели[13].

Надо заметить, что по четырём из пяти указанных темам ранее уже были сняты фильмы. В годы Великой Отечественной войны в эвакуации С. М. Эйзенштейн работал над первой серией фильма «Иван Грозный». Она охватывала период с момента венчания Грозного на царство (1547 год) до отъезда Грозного в Александровскую слободу. Вторая серия фильма (сказ второй, в котором действие происходит в период опричнины) была запрещена к показу и вышла на экраны только в 1958 году. Основная причина запрета согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года: «Режиссёр С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным

[11] Иван Пырьев: правда творчества. С. 361.

[12] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3464. Л. 172.

[13] Там же.

и безвольным, чем-то вроде Гамлета»[14]. Планировались, но не были осуществлены съёмки третьей серии. Интересно, что Ивана Грозного в детстве сыграл старший сын Ивана Александровича Пырьева — Эрик. В личном фонде Пырьева сохранились две фотографии Эрика из эйзенштейновского фильма[15].

С. М. Эйзенштейн в 1938 году снял фильм «Александр Невский». Режиссёр В. М. Петров в 1938 году поставил «Пётр I», а в 1943 году картину «Кутузов». Таким образом, только образ Дмитрия Донского ранее не был представлен в советском кино.

Министр кинематографии СССР И. Г. Большаков на заседании коллегии Министерства 3 сентября подчёркивал, что «Правительство считает, что мы не должны повторять фильмы об Иване Грозном, Петре Первом и т.д. Мы должны сделать эти фильмы с учётом наших новых достижений в области исторической культуры, огромного опыта, который мы накопили в деле создания историко-биографических фильмов»[16]. Согласно решению, принятому Министерством кинематографии на коллегии 12 сентября 1952 года, сценарий для фильма «Иван Грозный» должен был быть подготовлен на «Мосфильме» в январе 1953 года, для «Петра I» и «Кутузова» — в апреле того же года на той же студии[17]. Решение о съёмке полнометражных художественных фильмов в начале 1950-х гг. оформлялось постановлением Правительства. 17 ноября 1952 года Совет Министров СССР постановлением № 4807 включил картину с названием «Иван Грозный — собиратель России» в план производства фильмов[18].

---

[14] Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М., 1999. С. 601.

[15] РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 527.

[16] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3466. Л. 36.

[17] Там же. Л. 262.

[18] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 67. Л. 19.

Почему Пырьев взялся за постановку историко-биографического фильма? И почему из предложенных пяти тем он приступил к работе именно над фильмом об Иване Грозном? Ведь Пырьев до того никогда не работал в жанре историко-биографического кино. А фильмы в этом жанре снимались и до войны. К середине XX столетия Пырьев считался мэтром в области комедии[19]. После войны снял две комедии: «Сказание о земле Сибирской» в 1947 году и «Кубанские казаки» в 1949. В начале 1950-х гг. он создал документальные фильмы: «Песня молодости», «Спортивный праздник молодёжи» и «Мы за мир»[20] — две последние картины совместного производства киностудии «Мосфильм» и германской студии «ДЕФА». Картина «Мы за мир» была закончена автором в начале 1952 года и вышла на экраны кинотеатров в марте того же года.

Почему после удачных опытов съёмок комедийных фильмов И. Пырьев взялся за съёмки документалистики, а затем сам вызвался поставить картину на историко-биографическую тему? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, вкратце рассмотрим ситуацию в советском кинематографе, сложившуюся к началу 1950-х гг. Это — тяжёлое время для советского кино, период «малокартинья». В 1948 году было принято постановление, смысл которого «лучше меньше, да лучше» — было намечено снимать меньше фильмов, но лучшего качества. Антирекорд по количеству фильмов был поставлен в 1951 году, когда было снято всего 7 полнометражных фильмов (причём не все из них являлись художественными). Этот год позднее министр кинематографии назвал «тяжёлым годом» потому, что «после пересмотра Правительством плана производства картин, многие запущенные кинофильмы в процессе их съёмки были сняты с производства»[21]. Значительное место в фильмографии начала

19 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3459. Л. 174.
20 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3460. Л. 395, 397, 400.
21 Там же. Д. 3500. Л. 49.

1950-х гг. составляли историко-биографические фильмы, фильмы-спектакли и полнометражные документальные фильмы. Один из участников заседания коллегии Министерства кинематографии 7 декабря 1951 года заявил, что жанр комедии «постепенно начинает вымирать, потому что наши режиссёры боятся своей профессии»[22]. Министр кинематографии несколько ранее, в марте 1951 года, назвал комедию «вырождающимся жанром»[23]. Сам И. Пырьев говорил о том, что автор, пишущий комедийные сценарии, боится обвинений в том, что он недобросовестно написал сценарий, — пусть «лучше ругают за то, что автор не написал сценарий в срок»[24]. Красноречиво о состоянии в отечественном кино говорит и заголовок статьи самого И. Пырьева, опубликованной в «Литературной газете» 2 сентября 1952 года[25]: «Там, где нет творческой атмосферы». Часть известных режиссёров в подобной обстановке перешла в жанр документалистики, часть снимала фильмы в несвойственных им жанрах историко-биографического кино. Молодым режиссёрам в таких условиях путь в полнометражный художественный кинематограф был практически закрыт. На кризис в отрасли кинопроизводства политическое руководство страны обратило внимание в апреле 1952 года — в «Правде» вышла передовая статья «Преодолеть отставание драматургии», в которой сообщалось, что «нам нужны Щедрины и Гоголи», призывалось создавать больше фильмов на современные темы, комедий. Кинематографисты весьма активно начали дискутировать, какие именно комедии надо снимать. Обсуждению этого, в частности, было посвящено совещание в Министерстве кинематографии. И вот, на фоне возникшей полемики, летом 1952 года появляется решение сверху о включении в тематический план производства фильмов

22 Там же. Д. 3160. Л. 93.
23 Там же. Д. 3151. Л. 360.
24 Там же. Д. 3460. Л. 176.
25 *И. А. Пырьев*. Избранные произведения. Т. 1. М., 1978. С. 223–227, 431.

[Содержание]

на 1953–1954 гг. четырёх кинокартин в историко-биографическом жанре. То есть фактически существовавшая ранее тенденция нисколько не изменилась. Это констатировал и. о. начальника Главного управления по производству художественных фильмов Министерства кинематографии СССР В. Н. Сурин[26]. На заседании коллегии Министерства кинематографии СССР 23 июля 1952 года он заявил, что в плане «есть некоторый уклон в сторону историко-биографических фильмов», поскольку «из 23 фильмов 1953 года 13 на современные темы и 10 историко-биографических»[27]. Несмотря на развернувшуюся полемику о том, какие фильмы нужны и в каком стиле их надо делать, несмотря на то что в прессе зазвучали призывы снимать больше фильмов на современные темы, акценты остались прежними. На заседании коллегии И. Г. Большаков дал сотрудникам Министерства и кинематографистам следующие указания: «Нужно выделить сценарии, которые должны быть ударными. Это четыре сценария — «Великий Октябрь», «Кутузов», «Иван Грозный» и «Пётр I». Вот эти 4 сценария должны быть ударными. Тут надо очень чётко организовать работу, причём сценаристов сразу соединить с режиссёрами. Пусть с самого начала сидят и с писателями работают. Это будет серьёзный экзамен в отношении этих картин. Несомненно, что сейчас заложена основа для того, чтобы на этих картинах поднять значительно выше наше искусство. На этом можно сделать большой скачок в развитии нашего советского киноискусства. Правительство этим картинам придаёт большое значение. Сказано, что — ваша почётная задача сделать очень хорошо цветные картины на эти темы. Эти темы нужно выделить и сделать их ведущими, ударными. Также нужно установить точный срок и за этим сроком следить»[28]. Таким обра-

[26] Впоследствии занимал должность заместителя министра культуры СССР, затем продолжительное время был директором «Мосфильма».

[27] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3464. Л. 203.

[28] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3466. Л. 342.

зом, фактически приоритеты в кинопроизводстве в жанровом плане оставались теми же, что были ранее.

Пырьеву ещё в конце 1951 года при составлении плана производства фильмов на следующий год руководством министерства было поручено поставить фильм на современную тему под названием «Родные просторы». В качестве автора сценария был утверждён И. М. Котенко[29]. Начало производства было намечено на второй квартал 1952 года, а окончание — на второй квартал 1953 года. Планировалось, что будет создан «цветной фильм о том, как советский народ претворяет в жизнь Сталинский план преобразования природы. Действие будет происходить в сельском районе, расположенном вблизи одной из строек коммунизма, в Сальской степи, где развёртываются широкие оросительные работы. Орошение степей ставит перед трудящимися района задачи овладения новыми профессиями, рационального использования ресурсов воды, разведения новых ценных культур, изменения организации степного животноводства. Героями фильма явятся рядовые колхозники, агрономы, животноводы, работники МТС, которые вместе с советскими и партийными руководителями стали инициаторами коренной переделки всей жизни района»[30]. В ноябре 1951 года при обсуждении плана И. А. Пырьев сетовал на то, что он не успеет создать картину в заявленные сроки потому, что не может на протяжении нескольких месяцев встретиться с автором и обсудить сценарий новой кинокартины[31]. Кроме того, Пырьев выдвигал предложения о том, чтобы у режиссёров был резерв сценариев. Министерство кинематографии прислушалось к этому предложению и обязало руководство «Мосфильма» подготовить несколько сценариев в комедийном жанре для Г. Александрова, И. Пырьева и Ю. Райзмана. К слову, Ю. Райзман был

29 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3159. Л. 106.

30 Там же.

31 Там же. Л. 156.

удивлён, что оказался причисленным к комедиографам: «Должен сказать, что мне лестно, что я попал в маститые комедиографы, как Александров, не будучи таковым. Как известно, я никогда комедии не делал и делать их фактически не умею, причём это заявление не голословно, а я это блестяще доказал на деле, сделав, по существу, действительно плохую комедию[32]. Поэтому мне несколько удивительно, что это относится ко мне, что я включён в этот почётный список комедиографов»[33]. «Мосфильм» с просьбой о написании комедийного сценария для И. Пырьева обратился к писателю В. Катаеву, а также направил подобное предложение ленинградскому автору В. Полякову (он стал одним из авторов сценария комедии «Карнавальная ночь»). Так, к середине 1952 года И. А. Пырьев находился в подготовке к работе над комедией «Родные просторы», которая так и не была запущена в производство.

Возможно, на решение Пырьева о работе над фильмом «Иван Грозный» повлияло соперничество с С. Эйзенштейном. Косвенно этот мотив подтверждается самим Пырьевым — в его воспоминаниях[34]. А также дальнейшей творческой судьбой И. А. Пырьева. В частности, фильмы, поставленные им в середине — второй половине 1950-х и в 1960-е гг., указывают на то, что, возможно, уже в начале 1950-х гг. режиссёр тяготел к отходу от жанра комедии, несмотря на то что руководством Министерства кинематографии в 1952 году велась работа по подготовке для него комедийных сценариев. Изменения в тематическом плане производства фильмов в июле 1952 года внесли серьёзные коррективы и в планы министерства, и в творческие планы Пырьева.

Имеет смысл остановиться на моменте выбора и утверждения режиссёра и автора сценария для нового фильма.

32 Речь идёт о комедии «Поезд идёт на Восток», поставленной Ю. Райзманом в 1947 году.

33 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3160. Л. 149–150.

34 *И. А. Пырьев*. С. 68.

В начале 1950-х гг. процедура происходила так. После ознакомления с тематическим планом режиссёры обращались к руководству Министерства кинематографии с просьбой разрешить им поставить тот или иной фильм. В некоторых случаях известные режиссёры сами предлагали темы для съёмок. Министр кинематографии утверждал режиссёра, мог своим решением сменить его в процессе работы над фильмом. Это очень наглядно иллюстрирует фрагмент из выступления И. Г. Большакова во время обсуждения 26 марта 1952 года хода работы над запуском в производство фильма по роману Г. Е. Николаевой«Жатва». Режиссёром фильма был утверждён В. И. Пудовкин. Большаков был крайне недоволен ходом работы над картиной и сказал, обращаясь к Пудовкину: «Вы проявили интерес к этому роману. Режиссёр Луков предлагал свои услуги, он уже давно поставил бы фильм». А затем сообщил: «если не хотите ставить, другого режиссёра найду»[35]. В итоге Пудовкину разрешили закончить этот фильм, в прокат он вышел под названием «Возвращение Василия Бортникова».

Изначально в качестве автора сценария к фильму «Иван Грозный» планировался писатель Н. Ф. Погодин. К тому времени по его сценариям уже было снято несколько фильмов — в том числе «Человек с ружьём»; он являлся автором сценария к последней комедии Пырьева — «Кубанские казаки». Погодин был предварительно утверждён, но сначала «категорически» отказался от работы над сценарием, так как был занят другой работой. Начальник сценарного отдела «Мосфильма» К. С. Кузаков рассказывал, что «тогда режиссёр Пырьев, который подыскивал себе автора, предложил для написания сценария автора Сельвинского, который «знает материал». Мы сомневались в этой кандидатуре. Но, так как Пырьев настаивал, пришлось согласиться на эту кандидатуру»[36]. Илья Львович Сельвинский был достаточно из-

[35] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3459. Л. 325.

[36] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3469. Л. 258.

вестным автором многих пьес, романов и поэм, в том числе и на исторические темы. В 1940-х гг. он написал драму «Ливонская война». Сельвинский имел опыт работы с И. Пырьевым — написал стихи к его фильму «Сказание о земле Сибирской», снятому в 1947 году. Пырьев сначала достаточно активно сотрудничал с Сельвинским. Специально под него режиссёром был написан проект авторской заявки к фильму. Пырьев указывал, что «царствование Ивана Грозного настолько богато событиями, что вместить его в один фильм невозможно: это было бы обозрением, а не произведением искусства. Поэтому в нашем сценарии речь пойдёт об одном из наиболее важных узлов этого царствования: о борьбе Руси за выход на Восток и Запад»[37]. Необходимо было «очистить Волгу» и «пробиться к берегам Балтики» — «от благоприятного решения этого вопроса зависело не только дальнейшее развитие нашего государства, но и самая его независимость. Этой великой идее были посвящены все помыслы, вся жизнь Ивана Грозного». Первый русский царь, по мнению Пырьева, — «великий патриот, мудрый реформатор государственной жизни Руси, выдающийся полководец и образованнейший человек своего времени». Руководители соседних с Россией государств после покорения Иваном Грозным Казани и Астрахани, напуганные «растущим могуществом России,.. пытаются остановить её развитие»[38]. Грозный встречает сопротивление внутри страны — в лице Боярской думы. «Идейным вдохновителем боярства и активным организатором его сопротивления после опалы Сильвестра... становится князь Андрей Курбский»[39]. Он является «самым главным и коварным врагом Ивана». Но «чем сильнее препятствия и действия врагов, тем упорней и уверенней борется за свои убеждения Иван IV»[40]. Царская власть для того

[37] РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
[38] Там же. Л. 2.
[39] Там же. Л. 2–3.
[40] Там же. Л. 3.

времени обозначается как прогрессивная. В подтверждение этого тезиса приводится цитата К. Маркса о том, что «она была порядком в беспорядке». Начавшаяся война с Ливонией идёт победоносно. Русские войска выходят к Балтийскому морю. Но тут на помощь Ливонии приходят Польша, Дания и Швеция. По приказу турецкого султана двинул на Русь свои полчища и крымский хан, внутри страны Ивану агрессивно противостоит боярство: «кажется, нет такой силы, которая могла бы спасти от гибели Ивана и Россию». Но «воля, ум и прозорливость Ивана IV побеждают все препятствия и разрушают козни врагов». Цель фильма — «вдохнуть в зрителя чувство гордости за великие страницы отечественной истории и веру в непобедимость русского народа, каким бы суровым испытаниям ни подвергало его время»[41]. По замыслу Пырьева и Сельвинского, все монологи и большая часть диалогов должны быть написаны стихами. Пырьев писал, что «белый пятистопный ямб... впервые перейдёт на экран с классической русской сцены. Это будет способствовать романтической окрылённости и поэтичности фильма и спасёт его от опасности впадения в иллюстративность»[42].

В личном фонде Пырьева отложились два его письма к Сельвинскому: от 26 октября и от 1 ноября 1952 года. К первому Пырьев прилагает план двух сцен, а во втором вместе с частью плана особо подчёркивает, что все его «предложения, а особенно «диалоги» — если их можно так назвать — условны и необязательны»[43]. Таким образом, Пырьев активно включился в процесс создания сценария. Впоследствии он говорил, что очень увлечён эпохой и материалом: «мне это по душе и очень нравится»[44]. О тщательной предварительной работе Пырьева свидетельствуют

---

41 Там же. Л. 4.

42 Там же.

43 РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 246. Л. 2.

44 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3653. Л. 57.

материалы, собранные им в этот период. В его архиве сохранились выписки из книг отечественных историков: известных трудов Н. М. Карамзина и С. М. Соловьёва, С. Горского «Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского», А. А. Кизеветтера «Иван Грозный и его оппоненты», С. Б. Веселовского «Синодик опальных царя Ивана, как исторический источник», Р. Ю. Виппера «Иван Грозный», И. У. Будовица («Русская публицистика XVI века»)[45]. А также «Записки о Московии» барона Герберштейна, «Записки о Московии XVI века» сэра Джерома Горсея, выдержки из книг Р. Ченслера, А. Дженкинсона и других[46].

Сохранился фрагмент сценария И. Сельвинского, в котором описывалось взятие Казани, то есть начало фильма. Сценарий был озаглавлен «За Великую Русь!». Он был динамичным, подробно описывалось взятие города. Царь Иван предстаёт в образе героического молодого человека «с широкими серыми очами, в которых затаилось море»[47]. По сюжету в тяжёлый момент контрнаступления казанцев Иван лично возглавил атаку русских войск: «высоко подняв крест, он отважно двинулся вперёд. Увидя пред собой царя, вдохновлённые его бесстрашием, русские воины с новой силой кинулись на крепость[48]. В фрагменте сценария Сельвинского особо подчёркивается натуралистичность и жестокость происходящего. Перед сражением при описании местности: «убитые воины лежат в боевых позах, как бы продолжая сражаться и после смерти»[49]. Без прикрас приведены детали кровопролитного взятия Казани: «на кривых улочках резня», «город взят. Но кровь продолжает литься. Резня идёт в мечетях, в домах, в ямах. Царский двор, улицы, стены, рвы завалены мертвецами. От крепости до реки

45 РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 468. Л. 1, 6, 12, 17, 24, 53, 74, 102, 107, 113, 117, 122, 127, 129.

46 Там же. Л. 107, 113, 117, 122.

47 Там же. Д. 466. Л. 1.

48 Там же. Л. 4.

49 Там же. Л. 1.

Казанки, далее на зелёных лугах и в лесу лежали тела...»[50]. У одной из башен скопились жёны и дочери защитников Казани, которым «молодой рыжий царский юнак» Малюта Скуратов говорит: «Не горюйте, бабоньки, все мои будете!» Но вот на деревянный помост рядом с лобным местом Казани водружают царёво знамя, появляется Иван Грозный, которому в ноги падает Едигер. Иван говорит ему:

«Вставай, несчастный! Разве ты не знал
Могущества Руси?»

Затем по сценарию, обращаясь к русскому воинству, Иван говорит:

«Вы македоняне сего столетья!
Чем я могу воздать вам? Те, что пали
На поле брани, обитают ныне
В краю небесном среди ликов райских,
И наше дело — славить их вовек.
Но вы, что здесь стоите предо мною,
Сияющие ранами своими,
Что драгоценнее самих алмазов,
Внемлите мне и верьте: обещаю
Любить вас, жаловать, добра хотеть,
Затем что вы в сраженьях за отчизну
Не думали о собственном добре»[51].

Стихи, как видно из приведённого отрывка, были громоздки, тяжеловесны и весьма сложны для восприятия массовым зрителем. «Романтической окрыленности и поэтичности», о которой было сказано в первоначальном варианте авторской заявки к фильму, они вряд ли могли способствовать. По словам Кузакова, после того, как было

[50] Там же. Л. 4.
[51] Там же. Л. 5.

написано 15 страниц, «мы убедились, что написанное находится не на очень высоком уровне. И Пырьев начал сам писать сценарий параллельно»[52]. По мнению сценарного отдела «Мосфильма», в сценарии Сельвинского «образ Ивана Грозного не вышел»: «в первых сценах имеется некоторая активность царя, до столкновения с боярской думой, в дальнейшем царь совершенно пропадает»[53]. Образ Ивана Грозного становится однообразным и примитивным, а также не раскрывается «как образ великого полководца, дипломата, как собирателя России, как реформатора». Важным недостатком сценария И. Сельвинского было признано и то, что «одним из главных персонажей в сценарии становится шут царя, причём этот шут вводится,... видимо, в расчёте на развлекательность»[54]. В адрес качества стихов упрёков высказано не было.

Концепция своего сценария у Пырьева сложилась к началу сентября[55]. А к середине декабря 1952 года им было написано примерно три четверти литературного сценария. По мнению начальника сценарного отдела «Мосфильма», «вариант, написанный И. А. Пырьевым, — это доброкачественный материал в точном соответствии с заявкой, утверждённой Министерством»[56]. Кузаков просил Министерство кинематографии разрешить заключить договор с И. Пырьевым. В итоге именно его сценарий стал основой для фильма. Под свой сценарий Пырьев переписал авторскую заявку на фильм. Он, по замыслу режиссёра, должен был охватывать период с 1553[57] по 1564 г. — время «наиболее успешной и плодотворной деятельности»[58] Ивана Грозного. Эти хронологические рамки посчитал обоснованными

[52] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3469. Л. 258.
[53] Там же. Л. 259.
[54] Там же. Л. 260.
[55] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3466. Л. 332.
[56] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3469. Л. 260.
[57] Так в документе: видимо, опечатка. Должно быть — 1552 год.
[58] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2306. Л. 1.

видный советский историк Л. В. Черепнин[59], написавший отзыв на литературный сценарий.

Фильм начинается с эпизодов взятия Казани. Рост могущества России серьёзно обеспокоил глав соседних государств: турецкого султана, его вассала крымского хана, польского короля и магистра Ливонского ордена — «они пытаются остановить» развитие России. А ливонское рыцарство, «издавна захватив исконные русские земли... загородило России торговые пути на Запад». В ответ на агрессивные действия ливонского рыцарства Иван IV объявляет справедливую войну за возвращение Руси «отчих и дедовых земель, за открытие выхода к морю»[60]. Царю противостоит Боярская дума. Изначально идейным вдохновителем сопротивления был Сильвестр, а затем, после его опалы, князь Андрей Курбский, который, «ловко скрываясь под маской близкого друга царя, пользуясь славой храброго полководца,.. является самым главным и коварным врагом Ивана»[61]. По ходу сценария русские войска берут Дерпт, Нарву и выходят к морю. На пиру в Кремле по этому случаю по приказу царя в кубки разливается морская вода, причём боярство отказывается пить «поганую солёную воду»[62]. Тем временем у Ивана вместо одного появляются несколько внешних противников — Польша, Дания, Швеция, Крымское ханство и турки. Но «воля, ум и прозорливость Ивана IV побеждают все препятствия и разрушают козни врагов. Великий заговор бояр раскрыт»[63]. В финале фильма войска Ивана IV захватывают Полоцк, нанося тем самым сокрушительное поражение войскам польского короля Сигизмунда. Это — триумф Ивана IV, который в возрасте 33 лет «овладел выходом к Балтийскому и Кас-

[59] Там же. Л. 11.
[60] Там же. Л. 2.
[61] Там же.
[62] Там же. Л. 3.
[63] Там же.

пийскому морям, построил десятки городов-крепостей на юге и востоке России, ввёл новый военный строй, создал могучий арсенал артиллерии, в несколько раз увеличил государственное пространство России. Иван сломал сопротивление бояр, удельных князей и образовал новый молодой класс — дворянство. Высока была слава Ивана в эти годы. Иноземные государства и разгромленное боярство страшились его имени, а народ русский воспевал его славные дела и победы в своих песнях и былинах»[64]. Литературный сценарий был закончен И. А. Пырьевым в середине января 1953 года. Основой для сценария стали первые два тома трилогии писателя В. И. Костылева «Иван Грозный». На это указывается в заглавии сценария[65]. Костылев написал трилогию в 1940-х гг., а в 1948 году получил за неё Сталинскую премию. Писатель умер в 1950 году, то есть за два года до решения о создании нового фильма о Грозном. Таким образом, книга Костылева была очень удачным выбором режиссёра в качестве основы для сценария в нескольких смыслах. Во-первых, трилогия Костылева получила одобрение со стороны Правительства, а значит, являлась идеологически выверенной; во-вторых, автор сценария, в случае возникновения к нему претензий, мог «переадресовать» их автору романа; в-третьих, что тоже очень важно для режиссёра, — не надо было тратить время и силы на согласование сценария фильма с автором книги, поскольку автор сюжетной основы умер. Сценарий Пырьева ни в коей мере полностью не копирует книгу Костылева, но в некоторых сценах очень отчётливо прослеживается стилистика писателя. Так, в книге, в эпизоде, когда Грозному сообщают об измене Курбского, читаем: «царь сел, откинулся на спинку кресла: «Душно!» С силою разодрал он ворот кафтана и рубахи»[66]. У Пырьева в режиссёрском сценарии:

[64] Там же. Л. 4.
[65] См., например: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 12. Д. 2151.
[66] *В. И. Костылев.* Иван Грозный. Т. 2. М., 1993. С. 240.

«— Душно... Душно... — раздирая ворот кафтана и рубахи, шепчет, откинувшись на спинку кресла царь»[67]. Но в книге об измене Курбского царю сообщает Малюта, а по сценарию — Басманов в присутствии Малюты. Хронологически трилогия Костылева охватывала период с 1550-х гг. (после взятия Казани) до начала царствования сына Ивана Грозного — Фёдора Иоанновича. В эпилоге действие романа переносится в Санкт-Петербург времени Петра I.

22 января 1953 года директор «Мосфильма» С. Кузнецов направил сценарий заместителю министра кинематографии СССР Н. К. Семёнову[68] на предварительное ознакомление. Согласно представленному сценарию, предполагалось, что в фильме будет 39 основных действующих лиц. Помимо главного действующего лица — царя Ивана, — их можно условно разделить на три группы:

Первая. Лагерь сторонников царя — царица Анастасия, воеводы Михаил Воротынский (был главным воеводой в Казани) и Михаил Морозов (командовавший артиллерией при взятии Казани), дьяк Иван Висковатый (или Вихрастый), бояре-воеводы Иван Мстиславский и Данило Романович Юрьев-Захарьин — брат царицы, окольничий, герой взятия Казани Алексей Басманов, Григорий Малюта-Скуратов — приближённый царя из дворян, он «геройски взял в плен казанского царя Едигера», митрополит Макарий, постельничий Игнашка Вишняков, дьяк-инженер, ведавший Пушечным двором Иван Выродков, пушкарь-кузнец Андрей Чохов, первопечатники Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец, купцы Строганов и Калашников, мамка Варвара Патрикеевна;

Вторая. Действующие лица, которые изначально были противниками царя или по ходу действия перешли в стан его врагов и их приближённые: Сильвестр (или Сели-

[67] РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 33. Л. 185.
[68] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2306. Л. 7.

вестр) — протопоп придворного Благовещенского собора, его «сподвижник и друг» боярин Дмитрий Курлятьев (Шкурлятьев), воевода князь Андрей Курбский, князья Иван Турунтай-Пронский, Репнин, Пётр Челяднин — «градоначальник Москвы, крупный заговорщик», Владимир Старицкий — «двоюродный брат царя, претендент на царство, его мать — княгиня Ефросинья Старицкая, «изменник и предатель» дворянин «из рода Колычевых» Богдан Хлызнев, «перебежчик в Литву, агент Сигизмунда, тёмная личность» Юрий Козлов, дьяк посольского приказа, «человек Курбского» Иван Колымет, подьячий Нефедов (или Нефедка) — «служил писарем и «верной собакой» у Сильвестра, странник и «поджигатель печатного двора Зосим;

Третья. Иностранцы: султан Сулейман Великолепный, крымский хан Девлет-Гирей, польский король Август-Сигизмунд II, «польский посол в Москве и у крымского хана Довойна, Мустафа (Одноглазый) — советник Девлет-Гирея, казанский царь Едигер, советник римского папы при Сигизмунде Иезуит и посланник царя Ивана «за иностранными умельцами» саксонец Шлитте. Всего в фильме вместе с второстепенными было 77 персонажей[69].

В эпизодических ролях были представлены: молодые дворяне, посольские дьяки, московские купцы, два английских купца, стрельцы, люди князя Курбского, кат-палач и второстепенные персонажи из числа иностранцев.

Действие фильма происходило по сюжету в одиннадцати местностях[70]: Казани, Москве (в нескольких районах, в том числе в Кремле, «доме за Яузой», покоях Старицких и доме Курбского), Полоцке, Риге (зал магистра ордена), замке Тольсбург (ныне — Тоолсе, на севере современной Эстонии), Кириллово-Белозерском монастыре (келья Сильвестра), тронном зале польского короля Сигизмунда

[69] Там же. Д. 2303. Лл. 2–3.
[70] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2305. Л. 8.

и его шатре, шатре крымского хана Девлет-Гирея (место его расположения точно не указано), в приёмном зале у турецкого султана Сулеймана Великолепного и лагере русских у Оки.

Планировалось, что в фильме будет 27 павильонных декораций, 10 летних и 3 зимних натурных декораций. Литературный сценарий был утверждён руководством Министерства кинематографии, и на его основе И. А. Пырьев с незначительными изменениями создал режиссёрский сценарий. Поскольку сохранилось несколько экземпляров литературного и режиссёрского сценариев фильма с авторскими и редакторскими правками, рассмотрим сценарий фильма по экземпляру режиссёрского сценария, на котором имеется помёта Разумовского «12.05.1953»[71], то есть самый последний по дате исправления.

Действие картины должно было начинаться с эпизода взятия Казани. По приказу царя утром начинается штурм, которым руководит сам царь. Вместе с ним Андрей Курбский, Малюта Скуратов, Алексей Адашев, Владимир Старицкий и дьяк Иван Выродков. Происходит подрыв крепостной стены. Затрубили трубы, и «всё русское войско с криками «С нами бог!» лавиной ринулось на приступ»[72]. Происходит сражение русской и казанской конницы, в этом сражении участвует сам царь: «бьётся в рядах своей дружины молодой Иван»[73].

Затем действие переносится в Турцию. К султану Сулейману в поисках помощи приезжает астраханский хан Ямгурчей. Появляясь в покоях султана, хан падает перед ним вниз лицом и на мгновенье замирает...Затем быстро вскакивает на четвереньки и, «как собака, бежит по ковру» к Сулейману. «О, повелитель мира! — приблизившись» к Сулейману «и целуя его ноги, жалобно вскрикивает Ям-

[71] РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

[72] Там же. Л. 5.

[73] Там же. Л. 10.

[Содержание]

гурчей. — Я верный раб твой, припадая к божественным стопам, взываю о защите»[74]. Приближённый султана говорит, что наказать русских может только крымский хан, на что Сулейман отвечает: «Эта жирная собака плохо служит нам. Он много спит, шайтан, и пьёт молоко кобыл»[75]. Следующая после этих слов султана сцена фильма происходит в шатре Девлет-Гирея, который восклицает: «Ай, ай, какой кумыс!» Крымский хан принимает посла польского короля Довойну. Далее в своём охотничьем замке Сигизмунд встречается с папским легатом Гозиусом, Довойной и коадъютором магистра Ливонского ордена. Они обсуждают планы сдерживания устремлений Руси на Восток. Сигизмунд говорит, что «русские — это скифы, готты, гунны. Их надо навсегда отрезать от Европы и держать в невежестве»[76]. Гозиус передаёт мысль римского папы о том, что хорошо бы русских заставить сражаться с турками. В ответ на это король говорит, что не только папа, но и вся Европа мечтает об этом. Вместе с легатом он наставляет Довойну, как ему вести переговоры с русским царём, и советует обратить внимание на недовольных бояр: «старайтесь всем им быть хорошим другом»[77]. Ливонцев король призывает закрыть выход в море для московитов, а если из-за этого случится война, то Польша и Литва встанут на стороне ордена. Коадъютор обещает закрыть выход в море.

В кремлёвской палате собрались царь, Старицкий, бояре и дворяне. Иван Грозный, обращаясь к собравшимся, говорит: «ливонское рыцарство, захватив исконные земли наши ещё в ту пору, как на Руси татарская орда гуляла, чинит нам зло великое...»[78]. Царь призывает отобрать «у рыцарей обратно земли наши», в ответ бояре неодобрительно

[74] Там же. Л. 17.
[75] Там же. Л. 18.
[76] Там же. Л. 21.
[77] Там же. Л. 22.
[78] Там же. Л. 23.

молчат. Это — первое по сюжету разногласие царя и бояр. Один из участников Думы — Курлятьев после окончания её заседания спешит в келью царского духовника протопопа Сильвестра. На жалобы Курлятьева Сильвестр говорит: «К чему сидите там?». «Не слушает нас царь», — отвечает Курлятьев. «А вы перечьте! Упорствуйте! Богом заклинайте!.. Не можете вы без меня», — довольно ухмыляется Сильвестр. Всей думой не можете совладеть с Иваном»[79]. Так, Сильвестр, по сюжету фильма, является высшим авторитетом для обиженной боярской партии, а затем становится вождём оппозиции. Царский духовник обещает образумить Ивана. Тем временем царь Грозный в кругу бояр подтверждает своё намерение идти войной на Ливонский орден, против чего выступает Адашев. Курбский в этой сцене неожиданно для бояр поддерживает царя. Здесь же автор вкладывает в уста Грозного стремление приравнять дворян, верных царю, в правах с боярами: «каждый незнатный, худородный, если он к службе есть усерден и государству нашему полезен, хотя бы и дьяк он, или писец уездный, или стрелецкий сотник, или незнатный дворянин — пусть кто б он ни был, сравнён станет за свою службу окладом земли в равной доле с князьями и боярами!»[80] Бояре поражены, замерли, «смотрят на Ивана точно звери». Далее Иван в присутствии царицы порывает с Сильвестром: «ты с моей юности пугал меня страшилами, ты не давал мне как хотелось есть, пить и жить с женой. А когда опосля казанского похода зело я занемог ты аки бес неистовый тщился похитить богом данную мне власть... а сына моего сгубить подобно Ироду!...»[81]. Сильвестр просит царя о прощении, но Грозный приказывает его убрать. Сильвестра он называет невеждой, скудоумцем, «пузырём многоречивым» и говорит, что его подослали бояре. «Я царь! Царь!» — воскли-

[79] Там же. Л. 27.
[80] Там же. Л. 32.
[81] Там же. Л. 35.

цает Иван и, обращаясь к Анастасии, продолжает: «найду в себе силы непокорных раздавить. Не будет боле на Руси междоусобных браней да смут боярских. Не допущу сего я в царствие моём. Не допущу!»[82] Несмотря на то что Курбский публично поддержал намерения Грозного, на самом деле он вынашивает планы против царя. А после удаления Сильвестра становится главным противником Грозного. Адашев и Курбский обсуждают сложившуюся ситуацию. Адашев предлагает самим «убрать» царя, на что князь возражает, что одним им его не одолеть, но бороться надо: «Нет больше сил терпеть все униженья, Алёша! Кто ему дал такое право?! Он сам один и жалует, и милует, и войны учиняет. Всё сам! Он царь! Владыка! А кто же мы? Смерды да холопы?! Род Курбских, князей удельных ярославских, ничем не хуже рода Калиты, так почему же отпрыск их может унижать меня или тебя...»[83]. Царь же продолжает верить в преданность Курбского. После сообщения Малюты о том, что тот нашёл в горнице посла Довойны рукавичку Курбского, Грозный говорит: «о князе Курбском ничего позорящего мне не говори! И не слушай, что завистники его болтают. Ему я верю. Он мой друг»[84].

Тем временем в среде бояр начались измены: за попытку перебежать в Польшу был схвачен и заключён в каземат князь Семён Ростовский. Иван присутствует при пытке князя, Ростовский пытается оправдаться и говорит, что он «скуден разумом», «малоумен».

Один из центров противодействия Грозному — удельные князья Старицкие. В разговоре с княгиней Ефросиньей (матерью «хилого» князя Владимира) поп Сильвестр заявляет, что Грозным овладела «дьявольская гордыня»[85]. Он будет ещё «подлее и посвирепее» своего отца и деда.

---

[82] Там же. Л. 36.
[83] Там же. Л. 44.
[84] Там же. Л. 62.
[85] Там же. Л. 54.

Если бояре и бывшие приближённые царя выступают против него в вопросе войны с орденом, то Анастасия всегда верна царю, но не понимает, «пошто нам море»[86]. Грозный говорит, что море нужно для того, чтобы «возвеличить Русь, моя царица, чтоб от врагов её оборонять»[87], а после того, как «завоюем море — понастроим кораблей, людишек наших повезём на них учиться в иные страны... Купцы поедут в Лунд, в Антропь да Капенгород продавать товары...»[88].

Простой люд, по сценарию, положительно относится к деятельности царя. Характерно, что простолюдины (в лице стрельцов) представлены как ничего не решающий элемент. Они практически безропотно ожидают своей участи. Пропасть между народом и царём огромна и непреодолима:

«4-й: — не спит батюшко... Всё чай думы думает...

1-й: — вот бы знать, мужики, об чём он думает. А?

2-й: — Дурило, рази то можно... Царь вить!»[89]

Чтобы ввести царя в состояние ужаса, его противники подсылают к царским покоям подручного Сильвестра — Нефедку. Периодически Иван слышит «гнетущий собачий вой», «волшебство бесовское», от которого то замирает и бледнеет[90], то в «ужасе отшатывается, шепчет молитву и крестится»[91]. Нефедка получает указания от Сильвестра — он приезжает в Кирилло-Белозерский монастырь, куда удалился бывший духовник царя. Сильвестр говорит, что Нефедка «подобие пса и человека», «оборотень». Сам Нефедка в ответ испуганно крестится[92]. По сути, Нефедка

86 Там же. Л. 65.
87 Там же.
88 Там же. Л. 66.
89 Там же. Л. 70.
90 Там же. Л. 79.
91 Там же. Л. 125.
92 Там же. Л. 127.

является агентом попа, от него поп узнаёт о том, что происходит в Москве.

Наставляя в ливонский поход Висковатого, Грозный говорит: «а эстов, чудь да ливов не обижай. Не неволить идём мы их, а жить совместно. Рыцарей же поганых не щади! Громи всей силой окаянных и — в море, в море их опрокидывай»[93]. Русские войска побеждают орден при крепости Тольсбург и выходят к Балтийскому морю. По этому случаю в Грановитой палате устраивается пир, во время которого в кубки наливают солёную морскую воду. Бояре выражают своё недовольство по этому поводу.

Курбский принимает у себя посланца польского короля — Козлова, который привёз «послание да грамоты» боярству. Прощаясь с Козловым, Курбский просит передать Сигизмунду, «что до гроба верный я ему слуга»[94]. В покоях Старицкого Курбский, княгиня, «московский градоначальник» и «архиепископ Новгородский-Псковский» Пимен спорят о том, кто лучше — польский король или хан. Пимен выступает против предательства в пользу хана, но, убеждённый аргументами, произносит: «Ну что ж, татары так татары! — со вздохом соглашается Пимен. — Хоть и грех радоваться приходу изувера, но видно на то воля господа, ниспослать нам испытание за грехи тяжкие...»[95]. В доме «за Яузой» «собрались для тайного сговора московские бояре»[96]. Посланник короля Юрий Козлов говорит им, чтобы они отказывались воевать за Ивана, подстрекает бояр к переходу на сторону Сигизмунда:

«— ...Не ждите, пока палач порубит ваши головы, а вороны выклюют глаза. Бегите! Каждому, кто перейдёт под королевские знамёна, Сигизмунд-Август обещает землю, вотчину, людей...

93 Там же. Л. 87.
94 Там же. Л. 117.
95 Там же. Л. 132.
96 Там же. Л. 133.

— Не верьте, бояре! — перебивает вдруг Козлова спокойный голос от дверей.

— Обманет Жигимонд вас...

Все поворачиваются. Смотрят. На середину горенки выходит монах и откидывает капюшон — это царь! Стон ужаса проносится по рядам бояр»[97].

Козлов бросается на царя, но Малюта отшвыривает его. Начинается погоня. Козлов оказывается у дома Курбского и просит князя спрятать его. Курбский сначала говорит, куда бежать, а потом стреляет в Козлова из подаренного им же «аглицкого пистолета», а затем режет на себе рубаху ножом Козлова. В дом Курбского врываются Малюта, Грязной, Темкин и их слуги, которым князь говорит: «он и меня хотел убить»[98]. После тайного схода бояр (на котором Курбский не присутствовал), бояре были сначала заключены в каземат, а потом отпущены. Грозный говорит Малюте: «да возьми с них записи поручные, с каждого о каждом. И объяви им моё слово: коль убежит один — всем головы долой! Недосуг мне боле возиться с ними. Пусть сами доглядывают друг за другом»[99]. Отдельная встреча Козлова с Курбским, а потом с остальными боярами подчёркивает исключительное положение князя, выделяет его как главного врага царя.

В одной из следующих сцен царю сообщают о том, что в Москве пожар, а начался он с печатного двора. На замечание Курбского о том, что вся Москва может сгореть, Иван отвечает: «Москва — мир переживёт!» — и собирается на пожар[100]. Царь отдаёт приказание Курбскому отправить царицу в Коломенское. Поджигатель найден — им оказался Нефедка, которого заключают в каземат. Царь присутствует при допросе, но Нефедка отказывается сообщить имена сообщников. Тогда во время пытки Нефедка «взвыл тем

[97] Там же. Л. 135.
[98] Там же. Л. 140.
[99] Там же. Л. 143.
[100] Там же. Л. 150.

страшным собачьим воем, которого так боялся царь. Иван в ужасе отшатывается.

— Это он! Он, окаянный бес, пугал меня! — кричит царь.

— Сжечь! Сжечь его! — приказывает он и, неистово крестясь, торопливо уходит из каземата прочь»[101].

Крымский хан выступает на Москву, но в пути получает весть о том, что «донские и кубанские казаки» захватили Темрюк, Тамань и двигаются к Крыму. Хан вынужден прервать поход.

Грозному сообщают, что Анастасия умирает: «Настасьюшка... заря, — глухо стонет Иван. — Извели... Извели, злодеи, голубицу чистую мою...»[102].

Царь приказывает Курбскому выезжать к полкам, Малюта бросившись Ивану в ноги, кричит, что Курбский изменник. Царь говорит Малюте: «Молчи, пёс окаянный... Ты, ты, дьявол, бес, виновен в погибели царицы. Ты не уберёг её от лиходеев!» Царь остервенело бьёт Малюту ногами.

— Теперь в несчастии ты хочешь, сатана, отнять у меня друга! Прочь, змий ядовитый!.. Прочь!..»[103].

В одном из следующих эпизодов царь в «смиренном монашеском одеянии, сильно постаревший, сидит один в своей рабочей комнате», перебирая гусли, поёт псалом[104]. Потом появляется митрополит Макарий и приносит первую русскую печатную книгу — Апостол. Ему царь сообщает о том, что Анастасию отравил Сильвестр. Затем входят Малюта и Басманов. Последний сообщает об измене Курбского. Он «умышленно завёл войска в болото, утопил все пушки и дозволил малым польским силам на голову разбить наши полки»[105], а сам ускакал к полякам. Царь восклицает: «Я нищий! Нищий! Нет у меня ни другов, ни товарищей!»[106]

[101] Там же. Л. 153–154.
[102] Там же. Л. 176.
[103] Там же. Л. 177.
[104] Там же. Л. 181.
[105] Там же. Л. 185.
[106] Там же. Л. 187.

На это Макарий, Висковатый, Басманов, Грязной и Андрей Чохов возражают: «Вся Русь с тобой!»[107]Грозный решает ехать к войскам и лично повести их на Полоцк. Происходит взятие Полоцка русскими войсками, с башни сшибают знамя Сигизмунда и водружают стяг Ивана «Нерукотворный Спас»[108]. Воодушевлённо приветствуют царя полки. «Устремив взгляд своих огромных серых глаз вперёд, — в предбудущие времена России... молча едет среди ликующих полков...

Великий царь всея Руси.

КОНЕЦ[109]».

В сценарии было и несколько комедийных моментов. Так, например, обращаясь к Чохову, Грозный говорил: «пушки лить — не водку пить»[110]. В сцене несения караула на дворцовой площади, во время общения стрельцов между собой:

«Первый: — Одначе и морозит, ядрёна мышь? Эх, с бабой бы сейчас, да на палатах... Ух, тепло!

Второй: — Это какая попадётся, от моей вон, что от стужи, все тараканы в избе сдохли. (Стрельцы засмеялись)

Третий: — Слыхали, мужики, царь-то, бают, повелел землю поровну давать.

4-й: — Не бреши, Егор.

Третий: — Свята икона! Сам давно слышал. Указ-де царёв на то уж есть...

5-й: — О, господи! Неужто землицы дадут.

4-й: — Дадут. Кому в рыло, а кому мимо.

[*рукописн я вст вк* :

1-й: — Дворянам и служилым, может, и дадут. А нам с тобой... (безнадёжно машет рукой)]

---

[107] Там же. Л. 188.

[108] Там же. Л. 191.

[109] Там же. Л. 193.

[110] Там же. Л. 39.

2-й: — Боярину дадут куницу, дьяку лисицу, попу зайца, а нам шиш в три пальца... (Все смеются)»[111].

При наличии нескольких произведений на одну тему неизбежно возникают сопоставления. Несостоявшаяся картина Пырьева ни в коей мере не была повторением снятого в 1940-х гг. фильма. Сценарий Пырьева отличало собственное видение исторического материала, большее количество действующих лиц, введение в сценарий не обезличенных иностранных персонажей. Сюжет был очень динамичным. С учётом того, что фильм должен был быть снят «в цвете», у картины, в том виде, в котором она задумывалась автором, была собственная уникальная стилистика, свой язык. Надо отметить, что в сценарии Пырьева в сравнении с рассмотренным фрагментом сценария И. Сельвинского, нет той степени натуралистичности в описании осады и взятия Казани, а также нагнетания атмосферы ужаса. В пырьевском варианте сценария картина должна была начинаться с титров: «Более ста лет татарское казанское царство терзало Русь. В 1552-м году войска Ивана IV окружили твердыню татарского царства — Казань»[112]. Причём то, что Казанское ханство было татарским, акцентировалось на протяжении двух предложений дважды. В сценарии И. Сельвинского не было такого мощного акцента. По его замыслу, начальные титры должны быть такими: «1552. 20 сентября. Казань — столица Казанского ханства»[113].

Работа по созданию фильма шла полным ходом. 10 февраля 1953 года приказом директора «Мосфильма» С. Кузнецова был назначен старший бухгалтер кинокартины «Иван Грозный — Собиратель России»[114]. 18 февраля 1953 года состоялось заседание художественного совета Министерства кинематографии СССР, на котором обсуж-

[111] Там же. Лл. 68–69.
[112] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2303. Л. 6.
[113] РГАЛИ. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 466. Л. 1.
[114] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 54. Л. 113.

дался литературный сценарий фильма. По мнению одного из участников худсовета, показ борьбы Грозного с боярами, заговора против царя «придаёт не то что современную злободневность этому произведению, но, во всяком случае, его политическая острота имеет чрезвычайно актуальный характер»[115]. Все выступавшие подчёркивали, что фильм будет иметь «очень большое значение». Михаил Чулаки[116] сообщил, что важное значение фильма состоит в том, что «наш народ получает совершенно иной образ Ивана IV»[117], фильм развенчивает легенды, придуманные буржуазными историографами. По мнению писателя Л. М. Леонова, в представленном литературном сценарии вокруг Ивана Грозного «много людей завербованных»[118]. По мнению литературоведа В. Р. Щербины, Эйзенштейн в своём фильме показал «косматых людей»[119]. Щербина рекомендовал Пырьеву тщательно поработать над языком сценария. По словам Пырьева, поскольку фильм рассчитан на одну серию, то именно поэтому «такая лаконичность эпизодов»[120]. Он сказал, что «такого молодого царя ещё не было у нас показано. Это совсем юный, молодой государь, — и вот будет показан этот период его жизни. Вот, так, ведь, и говорится, «вот, солнышко взошло»... А потом уже, в силу целого ряда обстоятельств, с течением времени, многих лет, в результате всех этих интриг, заговоров и т. д., — появляется вот такой образ царя Ивана — «Грозного»... И будет показано, до чего был человек доведён в результате всех этих обстоятельств, а потом подведём к этому периоду опричнины. В этом, собственно,

[115] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3653. Л. 30.

[116] М. И. Чулаки — член Художественного совета при Министерстве кинематографии СССР, композитор, в 1955–1970 гг. — директор Большого театра Союза ССР.

[117] Там же. Л. 38.

[118] Там же. Л. 44.

[119] Там же. Л. 47.

[120] Там же. Л. 57.

заключается наша идея. И, конечно, всё то, что улучшает эту идею, — будет нами учтено и по возможности сделано»[121]. В выступлении на худсовете Пырьев заявил, что Курбский — предатель и изменник, «которого нужно пригвоздить к позорному столбу»[122].

13 февраля 1953 года Министерством кинематографии СССР был издан приказ, подписанный заместителем министра кинематографии СССР В. Ф. Рязановым, «о запуске в подготовительный период художественного цветного фильма «Иван Грозный — Собиратель России»[123]. Приказ определил «костяк» съёмочной группы: оператором назначен В. Е. Павлов (с ним Пырьев снял до этого шесть игровых картин), директором картины — В. В. Маслов, а звукооператором — В. И. Попов. Определялись и контрольные даты этапов создания фильма на начальном этапе: лимит затрат на постановку фильма должен был быть представлен 20 февраля 1953 года, режиссёрский сценарий — 1 апреля того же года, актёрские пробы — 30 апреля, постановочно-календарный план и генеральная смета должны были быть представлены 6 мая. Сметная стоимость подготовительного периода была определена в размере 708 000 руб. [124]

Из пяти фильмов, которые были включены летом 1952 года в план съёмки на 1953–1954 гг., по состоянию на середину весны 1953 года, помимо фильма «Иван Грозный», наиболее интенсивно велись работы по созданию цветной кинокартины «Дмитрий Донской» (режиссёр В. М. Петров). Постановка этого фильма была перенесена с «Мосфильма» на «Ленфильм» распоряжением и. о. начальника Главного управления производства художественных фильмов Министерства кинематографии СССР В. Н. Сурина[125].

[121] Там же. Л. 62–63.
[122] Там же. Л. 59.
[123] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 54. Л. 167.
[124] Или 70.800 рублей в пореформенных (с 1961 года) ценах.
[125] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 54. Л. 57.

Если «Иван Грозный» был запущен в подготовительный период 13 февраля, то «Дмитрий Донской» одиннадцатью днями позднее — 24 февраля. Режиссёрский сценарий по этому фильму должен был представлен на утверждение 15 апреля, актёрские пробы — 4 мая, а генеральная смета — 22 мая[126]. Стоимость подготовительного этапа была утверждена в размере 640 000 рублей, или почти на 10% меньше, чем по фильму «Иван Грозный». Сроки подготовительного периода у обоих фильмов были примерно одинаковыми. К началу марта 1953 года автором сценария фильма «Дмитрий Донской» Н. Виртой был представлен второй вариант литературного сценария[127]. Но и к этому варианту у Главного управления по производству художественных фильмов были серьёзные претензии. Они касались целого ряда принципиальных моментов. По мнению руководства Главного управления, Н. Вирта не отобразил трудности, в которых находилась Русь, народ выступал в сценарии «как послушная сила, он не имеет своего мнения и поэтому легко поддаётся убеждению»[128]. Претензии касались и стилистики языка — он был модернизирован, в самом сценарии имелись нелогичности, он был слишком большим — вместо одной серии — растягивался на полторы. Сценарий нуждался в научной консультации. Ни первый, ни второй вариант сценария не был прочитан историками. Руководство управления считало, что доработку сценария фильма о Донском можно было провести одновременно «с производством работ по постановке фильма»[129]. Маловероятно, что такие серьёзные коррективы можно было внести в сценарий по ходу съёмок. Скорее всего, руководители кинематографии стремились таким образом не выбиться из намеченного графика выполнения работ по производству

[126] Там же. Л. 135.
[127] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 12. Д. 122. Л. 32.
[128] Там же. Л. 30.
[129] Там же. Л. 33.

фильма. Следует отметить тот интересный факт, что в сценарии фильма о Донском одним из действующих лиц был Сергий Радонежский — историческая фигура, которая на советском экране не появлялась.

Ещё один из историко-биографических фильмов — «Пётр I» находился в стадии обсуждения работы по сценарию: приказом по «Мосфильму» режиссёр этого фильма В. И. Пудовкин был отправлен в командировку с 13 по 16 января 1953 года для встречи со сценаристом Б. Чирсковым. Автор приезжал в Москву для обсуждения работы над сценарием во второй половине марта[130]. Сведений о запуске этого фильма в подготовительный этап нет.

В марте 1953 года был представлен литературный сценарий и фильма «Александр Невский», который к тому моменту обрёл второе рабочее название — «Александр Невский — победитель тевтонских рыцарей». Руководство Главного управления по производству фильмов в своём заключении по сценарию, составленном 20 марта, сочло его «приемлемой основой для создания фильма»[131]. Но, тем не менее, в сценарии были найдены «существенные недостатки». Они касались, прежде всего, того, что не было показано тяжёлое положение Руси — раздробленность, последствия татарского нашествия. Невский показан, главным образом, как военачальник — недостаточно «раскрыты в этом образе черты мудрого и сильного вождя, умеющего предвидеть и разгадывать замыслы врагов»[132]. По мнению авторов заключения, не показано, что Новгородская земля была в то время самой передовой из русских земель, а решающая часть сценария — битва на Чудском озере — «написана конспективно»[133]. Было рекомендовано показать Невскую битву «не столь развёрнуто», а также сократить сцены, связанные с татарскими на-

[130] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 55. Л. 30.
[131] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 12. Д. 122. Л. 5.
[132] Там же. Л. 6.
[133] Там же. Л. 7.

бегами, — «сейчас они занимают настолько большое место, что создаётся впечатление в начале сценария, будто татары являются главным врагом Александра»[134]. Обращалось внимание на «вялость внутриэпизодной драматургии, растянутость отдельных сцен, ненужные длинноты...». Замечание — бывшее общим для всех трёх картин — о Невском, о Донском и о Грозном — язык героев был модернизирован. К этому сценарию не было представлено заключение экспертов-историков.

Упоминаний о работе над фильмом «Кутузов» в документах начала 1953 года не содержится. Возможно, потому что постановка фильма была передана другому режиссёру — М. Ромму, который в тот момент был занят работой по окончанию картины об адмирале Ушакове. Рабочее название фильма претерпело изменение: в проекте плана, представленном в конце 1952 года, он значился как «Кутузов и Наполеон». Изначально утверждённый режиссёр на этот фильм — М. Чиаурели — приступил к разработке картины «Октябрь» (другое название — «Великий Октябрь»). В декабре 1952 года он представил либретто к этому фильму[135].

Сценарий «Иван Грозный», написанный И. Пырьевым, отличал высокий уровень профессионализма. Это особенно видно на фоне претензий, которые выдвигались к сценариям двух других фильмов — о Невском и Донском. Из пяти фильмов, о создании которых было заявлено летом 1952 года, работа по постановке «Ивана Грозного» продвигалась самыми быстрыми темпами. В одном из экземпляров режиссёрского сценария имеются данные о съёмочной группе[136]. Всего в её составе было 32 человека. Композитором был выбран ранее сотрудничавший и с Пырьевым, и с Г. В. Александровым И. О. Дунаевский. В качестве автора стихов к песням был выбран извест-

---

[134] Там же. Л. 8.
[135] РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 3469. Л. 205.
[136] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2306. Л. 10.

ный поэт А. Сурков. Были определены также художники, гримёры и другой персонал. Планировалось, что на картине, помимо режиссера-постановщика, будет работать один режиссёр, пять ассистентов режиссёра и характерный участник съёмочных групп периода «малокартинья» — режиссер-стажер[137]. Им был назначен Ю. Вышинский, поставивший впоследствии несколько фильмов самостоятельно. Были выбраны и консультанты фильма. Всего их было пять: консультант по истории — профессор, доктор исторических наук Л. В. Черепнин, по архитектуре — член-корреспондент Академии Архитектуры СССР Д. П. Сухов, по музыке — профессор, доктор исторических наук В. М. Беляев, по бытовой культуре — старший научный сотрудник исторического музея М. М. Денисова и военный консультант — полковник И. А. Коротков[138]. Подготовительный период создания фильма «Иван Грозный» весной 1953 года был очень интенсивным и насыщенным. 17–18 марта ассистент режиссёра Л. Я. Брожовский вместе с мастером-оружейником был направлен в командировку на Тульский оружейный завод для переговоров и принятии заказа на изготовление оружия для картины[139]. Он же вместе с ассистентом художника с 21 по 27 марта командировался для консультации зарисовок, обмера и фотографирования артиллерии и оружия XVI века[140]. 23 марта оператор В. Е. Павлов и другой ассистент режиссёра А. М. Кефчиян были откомандированы в города Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Майкоп, Ставрополь, Армавир и Новороссийск для выбора натурных мест для съёмок[141]. Из этой поездки они вернулись 13 апреля[142]. В начале мая туда же для утверждения мест натурных съёмок поехали

137 Как правило, им был один из выпускников ВГИКа.
138 РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2305. Л. 3.
139 РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 55. Л. 15.
140 Там же. Лл. 26, 73.
141 Там же. Л. 26.
142 Там же. Л. 98.

постановщик Пырьев и директор картины В. В. Маслов[143]. Затем, в начале мая, Павлов, Вышинский и ассистент оператора М. И. Дятлов для выбора натуры поехали в Серпухов Московской области[144]. Были начаты актёрские пробы. Документы свидетельствуют, как минимум, о двух: из Ярославля на «Мосфильм» в апреле приезжал актёр В. П. Бросевич[145], а из Киева — актёр С. С. Петров[146]. В начале апреля режиссёр Ю. М. Вышинский и ассистент режиссёра И. Ф. Языканов были направлены во Львов для отбора костюмов, реквизита и оружия из фондов Львовского Исторического музея[147], а оттуда — в Одессу для отбора реквизитов и костюмов[148]. Эта работа длилась около месяца. Реквизит и оружие во Львове были успешно подобраны, и 17 апреля туда для организации их отправки был направлен старший администратор картины И. Л. Биц[149]. Он же вместе с художником, ассистентом режиссёра Кефчияном и тренером-инструктором по верховой езде поехал в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский края для приобретения «игровых лошадей». Один из членов съёмочной группы был направлен 6 мая в Ташкент и Самарканд для получения от Ташкентской киностудии костюмов, реквизита и материала для пошивки халатов, а 7 мая Брожовский и ассистент художника командированы в Ригу «для отбора реквизита и снятия чертежей лафетов и пушек»[150]. Таким образом, вся весна прошла в активной стадии подготовки к съёмкам фильма.

В конце января 1953 года первый литературный вариант сценария фильма был одобрен руководством «Мосфильма»

143 Там же.
144 Там же. Л. 158.
145 Там же. Л. 92.
146 Там же. Л. 98.
147 Там же. Лл. 44, 75.
148 Там же. Л. 98.
149 Там же. Л. 100.
150 Там же. Л. 158.

и направлен на рассмотрение в Министерство кинематографии. Руководство студии в письме на имя министра отмечало, что «идейная концепция и художественное решение» сценария И. Пырьева «отвечают современной исторической точке зрения»[151]. Автор учёл критику фильма «Иван Грозный» С. Эйзенштейна. Подчёркивалось, что «большой удачей сценария И. Пырьева является создание глубокого, исторически правдивого и яркого по человеческим характеристикам образа Ивана IV»[152]. В лице Курбского автору удалось показать «подлого, коварного врага, маскирующегося под друга, использующего свою былую воинскую славу. Автор убедительно показывает, как судьба Курбского, докатившегося до измены родине, и поражение бояр-заговорщиков, ставших на путь убийств и отравлений, — являются логическим концом всех реакционных сил, пытающихся остановить исторический ход событий»[153]. О царице Анастасии говорится, что её «светлый образ остался в памяти народа», Малюта Скуратов называется «преданным другом царя», Андрей Чохов — русским умельцем, «выдвинутым» царём. Литературный сценарий И. Пырьева, по мнению руководства студии, следовало отправить на окончательное заключение историков и провести литературную редакцию, в которой сценарий нуждался[154].

Выбранный в качестве эксперта-историка доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, на тот момент — заведующий сектором истории феодализма Института истории АН СССР Л. В. Черепнин написал отзыв на фильм. Известный отечественный учёный, крупнейший специалист по истории России феодального периода, побывавший в заключении в начале 1930-х гг., а позднее неоднократно подвергавший-

[151] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 3. Д. 2306. Л. 8.
[152] Там же.
[153] Там же. Л. 9.
[154] Там же. Л. 10.

ся жёсткой критике, очень осторожно и деликатно отнёсся к рецензированию сценария. Сохранилось его рукописное письмо от 12 февраля 1953 года, в котором он сразу оговорился, что отзыв — предварительный, поскольку он ознакомился с рукописью «только в общих чертах»[155]. Черепнин выделил в сценарии четыре положительных момента — обоснованные хронологические рамки, правильный показ деятельности Грозного как прогрессивной, — он был представлен «выдающимся историческим деятелем, полководцем, дипломатом» (из Постановления ЦК ВКП(б), вместе с тем хорошо показаны его противники «из числа реакционного боярства (Курбский и др.), становившиеся на путь измены Родине, переходившие в стан её врагов, являвшиеся предателями национального дела», убедительно подчёркнута актуальность внешней политики России. Вместе с тем Л. В. Черепнин считал, что автору «следует ещё работать дольше» над сценарием. У Черепнина было три принципиальных замечания по доработке сценария. Необходимо «усилить показ достижений русской национальной культуры». Не было в сценарии показано добровольное признание русского подданства народами Казанского ханства, поддержка прибалтийскими народами борьбы русских войск против «немецких феодалов»: «Фильм должна пронизывать идея дружбы *н родов*, складывающаяся исторически». Этот момент в сценариях — и литературном, и режиссёрском — практически отсутствовал. Черепнин деликатно пишет о том, что должен «быть больше показан и народ (крестьяне, ремесленники). Собственно, народные низы не были представлены в сценарии вообще. Действующие лица в главных и второстепенных ролях из числа соотечественников — это бояре, дворяне, купцы и стрельцы. Крестьян и ремесленников не было в принципе ни в литературном, ни в режиссёрском сценарии.

[155] Там же. Л. 11.

Своё заключение по литературному сценарию фильма составило и Главное управление по производству художественных фильмов. 24 февраля 1953 года и. о. начальника этого управления В. Н. Сурин направил его заместителю министра Н. К. Семёнову. В нём подтверждались основные тезисы по положительной оценке сценария, высказанные ранее в заключении от киностудии «Мосфильм». Особо подчёркивалось, что данный сценарий «является самостоятельным драматургическим произведением, ни в коей мере не повторяющим сценарий и фильм С. Эйзенштейна»[156]. И с этим утверждением нельзя не согласиться. Вместе с тем указывались, по мнению Сурина, и слабые стороны сюжета. По мнению управления Министерства кинематографии, необходимо было «несколько полнее показать развитие культуры в России», например литературные труды Макария, приезд зарубежных специалистов и художников, строительство храма Василия Блаженного. Не следовало так резко показывать суеверие и мнительность царя. Подчеркнуть, что Россия в период царствования Ивана IV становилась многонациональным государством. В сценарии «слишком большое количество действующих лиц и не все поэтому запоминаются», в связи с чем «следует подумать о возможном сокращении второстепенных персонажей». Управление считало, что следует изменить финал сценария: надо «исключить эпизод взятия Полоцка и завершить фильм победоносным выходом русских войск во главе с Иваном IV к Балтийскому морю»[157]. Собственно, последнее замечание, если бы оно было осуществлено, привело бы к кардинальному изменению сюжета картины и шло вразрез с авторской концепцией Пырьева. Поскольку ни один художественный фильм в начале 1950-х гг. не выходил на экраны без исправлений и корректировок, можно абсолютно точно

[156] Там же. Л. 19.
[157] Там же. Л. 19–20.

утверждать, что часть сцен в итоговом варианте картины подверглась бы переработке.

Последнее упоминание о фильме «Иван Грозный» в материалах коллегии Министерства культуры СССР[158] встречается 27 апреля 1953 года[159] (данные о завершении работ по созданию фильма в материалах протоколов коллегии отсутствуют). Вероятно, принципиальное решение о прекращении съёмок фильма «Иван Грозный» было принято в начале мая. «Иван Грозный» был снят с производства приказом министра культуры СССР П. К. Пономаренко № 604 от 11 мая 1953 года[160]. Во исполнение этого приказа директор киностудии «Мосфильм» своим приказом № 303 от 15 мая 1953 года распорядился все работы по картине «Иван Грозный» прекратить; съёмочную группу расформировать; «расторгнуть все договоры, заключённые с разными лицами и учреждениями, а также приостановить выполнение всех заказов»; сдать к 20 мая 1953 года все эскизы декораций, костюмов и иконографических материалов; «сдать в актёрский отдел альбомы с фотопробами»; «сдать в монтажный цех студии весь рабочий позитив»[161]. Таким образом, работы по созданию кинокартины об Иване Грозном были полностью прекращены к концу мая 1953 года. Работа над другими фильмами на историко-биографические темы, о создании которых было впервые объявлено летом 1952 года, также была полностью остановлена. И. А. Пырьев, по-видимому, очень сильно переживал решение о прекращении работ над съёмками фильма «Иван Грозный». Для того, чтобы «задобрить» режиссёра, приказом Министра культуры от 14.05.1953 ему была выписана премия в размере 35 000 рублей за успех в прокате фильма

[158] В 15 марта 1953 года отрасль кинематографии перешла в ведение вновь созданного Министерства культуры СССР.

[159] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 67. Л. 28.

[160] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 31. Л. 7.

[161] РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 1. Д. 56. Л. 43.

«Кубанские казаки»[162]. 26 мая 1953 года в план производства художественных фильмов на 1953 год были дополнительно включены 8 фильмов. Среди них «Испытание на верность» режиссёра Пырьева. Съёмки этого фильма были закончены Пырьевым в 1954 году, на экраны он вышел под названием «Испытание верности» и стал последней совместной работой И. Пырьева и М. Ладыниной. Следует заметить, что Пырьев пытался вернуться к постановке фильма об Иване Грозном в 1967 году. Он обращался к Председателю Госкино СССР А. В. Романову и его заместителю В. Е. Баскакову с просьбой разрешить создание фильма, выслал им для ознакомления свой сценарий[163].

Однако весной 1953 года, с наступлением нового этапа в истории страны, история создания фильма об Иване Грозном закончилась.

[162] РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 31. Л. 139.
[163] Иван Пырьев: Правда творчества. С. 361.

М. В. Алекс ндров

Русский военный теоретик Е. Э. Месснер как основоположник концепции сетецентрической (гибридной) войны

В последние годы, в особенности после государственного переворота на Украине в феврале 2014 г., все большее внимание в российской и зарубежной политологии, военной науке, и даже в соответствующих официальных документах, отводится проблематике так называемой «гибридной войны». Под «гибридной войной», как правило, подразумеваются военные действия, которые совмещают дозированное использование регулярных вооруженных сил, операции неформальных вооруженных формирований, акции гражданского протеста и саботажа, а также информационную войну с использованием современных компьютерных технологий.

Так, например, Полевой устав 3-0 сухопутных войск США определяет гибридные боевые действия как «многообразную и динамичную комбинацию регулярных сил, неформальных вооруженных формирований, криминальных элементов, или комбинацию этих сил и элементов под единым руководством для достижения взаимовыгодных результатов... Эти силы могут включать милицейские, террористические, партизанские формирования и уголовников».[1]

[1] FM 3-0. C1. Headquarters Department of the Army. Washington, DC, 22 February 2011. P. (1-5).

[Содержание]

В то же время сейчас в военной и политической науке отсутствует общепринятое определение «гибридной войны». Официально принимать этот термин не спешит и Министерство обороны США, ограничиваясь пока понятием «гибридная угроза». Некоторые исследователи, в том числе и в России, также ставят под сомнение обоснованность термина «гибридная война». Например, профессор МГИМО А. И. Подберезкин отдает предпочтение термину «сетецентрическая война», которая, по его словам, «заключается в использовании любых средств — политических, экономических, информационных, военных и других для достижения конечной и глобальной геополитической цели». «...Силовые и военно-силовые (вооруженные) действия ведутся системно, одновременно и скоординированно на всех уровнях», — подчеркивает он. По его оценке, «произошла серьезная переоценка значения тех или иных политических и иных средств... в пользу силовых, но не военных средств», а «средства вооруженного насилия, прежде всего традиционные отнюдь не являются единственными и решающими средствами войны».[2]

Однако, несмотря на отсутствие общепринятого определения и термина, феномен сетецентрической (гибридной) войны реально существует и признается подавляющим большинством экспертов, занимающихся военной и военно-политической проблематикой. Этот феномен наглядно проявился в ходе операции НАТО по свержению ливийского лидера Муаммара Каддафи, гражданских войн в Сирии и Йемене, а также во время государственного переворота на Украине и событий на Донбассе.[3]

---

[2] *А. И. Подберезкин, М. В. Х ркевич.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. М., 2015. С. 42–43, 60–61.

[3] Поскольку целью этой статьи не является рассмотрение терминологических вопросов, в ней по выбору автора будет в основном применяться термин «сетецентрическая война».

Впрочем, дискуссионным является не только определение и терминология, но и время возникновения феномена сетецентрической войны. Тот же полевой устав сухопутных войск США исходит из того, что «гибридные угрозы» являются относительно новым явлением. Там, в частности, отмечается, что «возникновение гибридных угроз увеличило неопределенность оперативной обстановки». И это в значительной степени предопределило необходимость принятия новой редакции полевого устава сухопутных войск.[4] Можно также сослаться на мнение американского военного эксперта майора армии США Брайана Флеминга, который отмечает, что «вторая ливанская война 2006 года и некоторые аспекты повстанческой активности против войск США в Ираке и Афганистане являются первыми проявлениями возникновения гибридной угрозы».[5]

Альтернативную точку зрения представляет, например, член Высшего консультативного совета при Верховном главнокомандующем ОВС НАТО в Европе доктор Харлан Уллман. По его мнению, «во многих аспектах гибридная война так же стара, как обычная война». Он, в частности, отмечает, что во время Первой мировой войны «можно было воочию наблюдать гибридную войну». «Кибернетическая часть была представлена взламыванием шифров и либо подслушиванием, либо разрывом подводных линий связи, ведущих из Лондона, Парижа и Берлина к их заморским базам и территориям. Экономические санкции накладывались путем неограниченной подводной войны и блокады. Пропаганда клеймила врагов варварами, совершающими бесчисленные злодеяния против невинных граждан. А бомбардировщики Цеппелин и Готта путем

---

4 FM 3-0. C1. Headquarters Department of the Army. Washington, DC, 22 February 2011. P. VII.

5 *Brian P. Fleming.* The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art. United States Army School of Advanced Military Studies. United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth. Kansas, 2011. P. 43.

ночных террористических бомбардировок наводили панику на жителей Лондона».[6]

Какая же точка зрения является правильной? Уллман, безусловно, прав в том, что различные элементы сетецентрической войны проявляли себя в далеком прошлом, причем даже гораздо раньше, чем Первая мировая война. Например, партизанские действия против армии Наполеона в 1812 году являлись прообразом сетецентрической войны. В ней использовались и действия партизанских отрядов, и рейды диверсионных групп, и жесткая пропаганда и лишение противника доступа к продовольствию, фуражу и даже теплу.

В то же время следует понимать, что никогда в прошлом элементы сетецентрической войны не были основной формой боевых действий. Они служили лишь вспомогательным компонентом, полезным дополнением к действиям регулярных войск. Победа в войне достигалась традиционными средствами и методами. Конечно, бывали случаи, когда очень слабая сторона, не имея других способов борьбы, была вынуждена вести войну исключительно партизанскими методами. И даже побеждала в такой войне. Но партизанская война не является в полной мере сетецентрической войной по целому ряду причин, и прежде всего, потому что партизанские действия могут вестись только на своей территории.

Поэтому правы те, кто считает, что сетецентрическая (гибридная) война — это относительно новый феномен. Но появился он не сейчас, не несколько лет назад и даже не в начале XXI века. Он возник в эпоху «холодной войны», на что прозорливо указал видный русский военный теоретик Евгений Эдуардович Месснер (1891–1974). В своей фундаментальной работе «Лик современной войны», изданной в 1959 году в Буэнос-Айресе, Месснер впервые сформули-

---

6 *Harlan K. Ullman*. Hybrid War: Old Wine in a New Bottle? // www.huffingtonpost.com/dr-harlan-k-ullman/hybrid-war-old-wine-in-a-_b_6 832 628.html.

ровал концепцию «мятежевойны», то есть «новой формы вооруженных конфликтов..., в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения».[7] Эта концепция получила дальнейшее развитие в двух других его работах: «Мятеж — имя третьей всемирной» (Буэнос-Айрес, 1960) и «Всемирная мятежевойна» (Буэнос-Айрес, 1971).

Объясняя причины возникновения этой новой формы ведения войны, Месснер указывал, что появление атомного оружия создало ситуацию, при которой традиционная война между ведущими мировыми державами стала чрезвычайно рискованной и опасной для всех ее участников. По его словам, в военной области установился своего рода «атомный пат». «В шахматах бывает положение «пат». США и СССР взаимно объявят атомно-стратегический «пат». Зорко следя недруг за недругом, будут воевать в тактике термоядерно, а в стратегии «психоядерно», то есть расщепляя не атомы водорода, но атомы вражеского народа, его духа, его психики. Не будет атомной войны, будет мятежевойна», — отмечал он (с. 128–129).

По словам Месснера, «чтобы понять мятежевойну, понять, что мятежевойна есть современная форма войны, надо отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война — это когда воюют, а мир — когда не воюют» (с. 144). В прежние времена, поясняет Месснер, государства или жили в мире, или воевали, «третьего положения не бывало». В современном же мире «упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями». «Можно мирное сожительство и сосуществование совмещать с тем, что в просторечии называется “холодной войной”», — отмечал он. Причем сам термин «холодная война»

[7] Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера / Под ред. В. И. Марченкова. М., 2005. С. 101. Далее ссылки на страницы этой книги даются в тексте статьи.

Месснер не признавал, называя его «глупым». По его словам, с таким же успехом такое состояние международных отношений можно было бы «столь же малоосмысленно» наименовать «горячей дипломатией» (с. 70).

Сам Месснер выделял четыре формы международных отношений, возможных в нынешнюю эпоху:

- Война — это «открытая борьба оружием». «Безразлично каким — войсковым или бандитским. Безразлично — порваны ли дипломатические отношения или нет».
- Полувойна — «это прикрытое участие в войне или междоусобице». «Они воюют тут не войсками, а диверсантами, партизанами и — в тяжелом случае — «добровольцами» наподобие тех краснокитайцев, что фигурировали в Корее».
- Агрессодипломатия — «это усиленная форма дипломатии, подобно тому, как полувойна есть ослабленная форма войны». «Разница между полувойной и агрессодипломатией очевидна: в первой применяется оружие войск, партизан, диверсионных групп, а во второй преобладают политические приемы... с помощью политических забастовок, буйных демонстраций и массовых актов насилия..., хотя случаются пистолетные перестрелки и взрывы бомб ради вящего эффекта... Радиопропаганда стала мощным средством проведения агрессодипломатических акций».
- Дипломатия — «это политическая деятельность в перчатках с применением классических приемов уговариваний и угроз, выпрашивания и вымогательства» (с. 71–72).

Причем, согласно Месснеру, каждая из этих форм может легко перетекать в другую. Он, в частности, писал: «В современных условиях дипломатия легко превращается в агрессодипломатию: не прерывая (якобы мирного) сожительства с непокладистым государством, она мобилизует в нем оппозиционеров и революционеров путем пропаганды и подкупа... Когда агрессодипломатия превращается в полувойну, стратеги от роли советников при дипломатах пе-

реходят к роли руководителей действиями. ... Дипломаты во время полувойны становятся, с одной стороны, советниками стратегов, чтобы действия последних не шли вразрез с основными дипломатическими намерениями, а с другой стороны — в согласии со стратегами продолжают руководить оппозиционной общественностью в неприятельском стане» (с. 72–73).

Рассматривая военно-политические цели сторон в мятежевойне, Месснер указывал, что они кардинально отличаются от тех целей, которые ставятся в традиционных войнах. «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве... В нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием», — отмечал он (с. 65, 109). Из этого вытекает и главная цель мятежевойны — «разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух» (с. 64). «Стратегия мятежевойны имеет своею перманентной и тоталитарной задачей «взять в полон» вражеский народ. Не физически, но психологически: сбить его с его идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение, уверить в победности наших идей и, наконец, привлечь его к нашим идеям...», — пояснял Месснер (с. 110, 132).

По его словам, «если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими». «Война издревле удары оружием по телу врага подкрепляла ударами по его психике. В классических войнах психология была дополнением к оружию», — отмечал он. Однако «в мятежевойне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения» (с. 101, 108).

При этом Месснер рассматривал психологическую войну как самостоятельную область военных действий. Он

[Содержание]

даже ввел специальное понятие «четвертое измерение войны», наряду с сушей, морем и воздухом (о космическом измерении тогда еще не задумывались). «Это измерение — духовное, информационное, морально-психологическое», — отмечал он. Причем, если в предыдущих войнах это измерение играло вспомогательную роль, то в мятежевойне оно становится главным, основным театром военных действий. По верному замечанию Месснера, «теперь к делу подходят методически и дают ему огромные размеры». По его словам, «как правило, сейчас не может быть войны, которая не была бы четырехмерной» (с. 64–65).

По мнению Месснера, иерархия целей по отношению к противнику в ходе мятежевойны должна быть следующей:

1) развал морали вражеского народа;
2) разгром его активной части (воинства, партизанства, борющихся народных движений);
3) захват или уничтожение объектов психологической ценности;
4) захват или уничтожение объектов материальной ценности;
5) эффекты внешнего порядка ради приобретения новых союзников, потрясения духа союзников врага.

По отношению к собственному государству цели мятежевойны состоят в следующем:

а) сбережение морали своего народа;
б) сбережение своей активной, воюющей силы;
в) оборона психологически или жизненно необходимых объектов;
г) избежание всего, что даст неблагоприятный отклик в государствах нейтральных, «но для нас интересных» (С. 132).

Состав сил и средств, задействованных в мятежевойне, также принципиально изменился по сравнению с обычными войнами. Месснер отмечал, что «в таких полувойнах

воюют партизанами, «добровольцами», подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами» (с. 110). «Теперь регулярное войско лишилось военной монополии: наряду с ним (а может быть, даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации», — указывал он (с. 70, 87).

Приводя сравнение со Второй мировой войной, Месснер отмечал, что у Сталина было 18,5 млн солдат и 300 тыс. партизан, то есть иррегулярные войска составляли очень малую долю военных сил. Но в будущих войнах «иррегулярные силы будут представлены в гораздо более импозантной пропорции». Регулярные же войска, согласно концепции мятежевойны, используются в основном для сдерживания противника. То есть для того, чтобы предотвратить использование им своих вооруженных сил для полномасштабного военного ответа на мятежевойну. Отсюда — термин Месснера воевать «психоядерно», то есть использовать ядерное оружие как средство сдерживания.

Согласно Месснеру, по своей композиции «иррегулярное войско делится на две части: партизанские отряды и диверсионно-террористические группы. В зависимости от топографических и политико-социальных условий театра, будет преобладать та или иная форма иррегулярства», — отмечал он (с. 87). Помимо этого, поддержка иррегулярного войска должна осуществляться «пятой колонной» на территории противника. «...Теперь даже и глупейшее правительство понимает необходимость иметь «пятые колонны» в земле враждебной и нейтральной, а пожалуй, — в союзной», — подчеркивал он. Причем, по его мнению, «пятая колонна» не должна быть многочисленной», «десять объединенных людей могут добиться того, что тысячи не объединенных будут дрожать» (с. 65, 110).

Анализируя формы и способы ведения мятежевойны, Месснер писал: «Воюющая сторона будет на территории другой стороны, создавая, поддерживать партизанское

движение, будет идейно и материально, пропагандно и финансово поддерживать там оппозиционные и пораженческие партии, будет всеми способами питать там непослушание, вредительство, диверсию и террор, создавая там мятеж. Правительство и войско этой воюющей стороны будут привлекать все население своей страны и ею оккупированных областей к борьбе против вражеских агентов мятежа» (с. 110).

В итоге Месснер выделил семь основных способов ведения мятежевойны:

- пропаганда — «идеи надо вколачивать, как вколачивают гвозди»;
- саботаж — «акция неповиновения, в которой без большого личного риска может принять участие великое множество людей обоего пола и всех возрастов»;
- вредительство — «это уже не просто невыполнение распоряжений властей, это — связанное с известным риском причинение ущерба порчею машин, продуктов и т. д.; тут нет предела изобретательности и инициативы»;
- диверсия — «это разрушение объектов военных (склады, телеграфные линии и т. п.) и невоенных (амбары с зерном, нефтеводы и т. д.)».
- террор — «это убийство из-за угла солдат на улицах и дорогах, мелких агентов власти и людей, сочувствующих противной стороне», а также «террор верховой» — удары по руководящим кадрам противника.
- партизанство — «вооруженные действия отрядов, формируемых населением»;
- восстание — «когда не отдельные партизанские отряды, но значительная часть населения берется за оружие» (С. 90–91).

Ключевую роль в ведении мятежевойны Месснер отводил пропаганде. Он отмечал, что «надо пропагандою влить эликсир жизни в свои массы и яд во вражеские, и надо про-

[Содержание]

пагандным противоядием спасти своих от неприятельского яда» (с. 83). «Задача психологического воевания заключается во внесении паники в душу врага и в сохранении духа своего войска и народа. Полезна не только паника у врага, но и его недоверие к водителям, его сомнения в собственных силах, взглядах, чувствах», — указывал он (с. 110). По его словам, «уверенные в себе диктаторы от Гитлера до Нассера подняли на такую высоту искусство пропаганды, что из вспомогательного средства стратегии, дипломатии или внутренней политики она превратилась в огромную силу» (с. 83).

Рассматривая методы пропаганды, Месснер указывал, что она должна быть правдоподобной и не походить на пропаганду, иначе в нее никто не поверит. «Пропаганда нападательная и оборонительная обречена на провал, если она похожа на пропаганду», — указывал он. Более того, «тон пропаганды должен быть подобран применительно ко вкусу, психике каждого народа». Неудачная и чрезмерная пропаганда, по мнению Месснера, может привести к обратному эффекту, к такой ситуации, что ее перестанут воспринимать вовсе, даже если она станет более адекватной и будет опираться на реальные факты. Вспоминая, как велась пропаганда в Первую мировую войну, Месснер указывал, что тогда «залили собственные страны, и вражеские, и нейтральные морями лжи». Однако это ударило бумерангом во время Второй мировой войны, когда «поняли, что сто правдивых сообщений не восстановят доверия, подорванного одной ложью». Поэтому, подчеркивал Месснер, «пропаганда должна избегать лжи — с нею «мир обойдешь, но назад не воротишься» — и предпочитать ей извращение понятий, внушение ложных представлений» (с. 84).

К тому же, отмечал Месснер, большую роль в успехе пропагандистских мероприятий имеет «пропаганда делом». Он, в частности, писал: «Пропаганде словом (радио, публичные речи, шепот), печатью, графикой, сценой, киноэкраном, выставками и т. д. должна способствовать про-

[Содержание]

паганда делом: своевременный, хотя бы и маловажный, но эффективный боевой успех дает отличные результаты в состязании нервов, в психологических сражениях, руководимых пропагандоводцами» (Там же).

Месснер высоко оценивал роль технических средств ведения пропаганды. Он отмечал, что «техника и изобретательность пропагандистов дают пропаганде огромные возможности». Во времена Месснера таким техническим средством было в основном радиовещание. «Борьба в эфире стала ожесточенной, и на радиоглушение тратят больше энергии, нежели на радиовещание», — отмечал он. Понятно, что сейчас радиовещание отошло на второй план и основная информационная борьба переместилась в интернет. Однако «глушение» интернета — задача пока невыполнимая, поэтому на первый план выходит именно «изобретательность» противоборствующих сторон.

Помимо этого, указывал Месснер, «оборонительная и нападательная пропаганды должны быть хорошо организованы и руководимы». «Верховный пропагандовец так же необходим, как верховный полководец», — подчеркивал он (Там же). В то же время Месснер считал, что, будучи главным способом ведения сетецентрической войны, пропаганда сама по себе не может обеспечить достижение полной победы над противником, так как необходима сила, которая будет в состоянии обрушить противостоящее государство или вынудить его капитулировать. Поэтому, помимо пропаганды, в мятежевойне используются другие средства, в частности диверсанты и террористы.

Он, в частности, писал: «Диверсию и террор в тылу врага выполняют специалисты, доставленные в надлежащие районы на самолетах или подводных лодках (если невозможен простой переход линии фронта или границы); такую же акцию проводят и местные диверсионные и террористические группы («пятые колонны»), а кроме того, и партизанские отряды выделяют, при надобности, небольшие партии. Все это укладывается в рамки иррегулярной

организованности и тактического, а может быть, и оперативного руководства» (с. 91).

Не менее важную роль в сетецентрической войне Месснер отводил партизанским формированиям. Партизанские отряды, по его словам, могут быть либо местными, либо «пришлыми», то есть пришедшими из других районов. «Местные отряды собираются от случая к случаю и действуют каждый в своем округе; постоянные отряды прячутся в горах или лесах и обладают некоторой подвижностью, но не отрываются от родных деревень, потому что их население доставляет им снабжение, заботится о раненых и собирает разведывательные сведения», — указывал он.

Что касается «пришлых: отрядов, то они «могут быть и подвижными, т.е. способными к переброске по распоряжению высших партизанских штабов из одного района в другой; такие отряды бывают вынуждены силою добиваться содействия населения, их чуждающегося; подобное насилие не всегда возмущает население — иной раз оно даже радуется принудительной мобилизации в партизанские отряды — факт принуждения снимает с населения круговую ответственность, а с мобилизованного — и часть личной ответственности» (Там же).

При этом Месснер особо отмечал, что иррегулярные военные действия не могут быть эффективными без поддержки извне. «Иррегулярство, не поддержанное войском (инструкторы, оружие, медикаменты, одежда, деньги), беспомощно, — подчеркивал он. — Оно становится мощным, получив и материальную поддержку войска, и моральную: успехи войск усиливают активность иррегулярных сил и увеличивают их численность... Продуктивность партизанских действий увеличивалась прикомандированием к отрядам минеров, связистов, разведчиков, офицеров Генерального штаба» (Там же).

По оценке Месснера, наиболее элементарные акции в рамках сетецентрической войны — саботаж и вредительство — могут осуществлять обычные гражданские лица,

оказавшиеся под психологическим влиянием противника. Эти акции «не требуют ни организованности, ни поддержки извне: тайные группы из членов революционно-политической партии показывают пример, заразительность которого побуждает широкие круги населения подражать увлекательным образцам». «Направлять сопротивление может, пользуясь своим опытом мирного времени, дипломатия, но, конечно, согласуясь с планами стратегии», — указывал он (с. 90).

Обобщая методику иррегулярных действий, Месснер писал: «На некоторых секторах некоторых театров будущей войны народное сопротивление создаст анархию, на иных — диверсии-террор вызовут смятение, на третьих партизанство или восстание парализует вражеское воинство, а на четвертых все вместе взятое превратит войну в ничем не сдерживаемую борьбу политических фанатизмов, безумствующих в убийствах и разрушениях...» (с. 92). Таким образом, на территории вражеской страны возникнет хаос, который приведет к обрушению государственности, что сделает добивание этой страны регулярными войсками противника делом малоопасным и не затратным.

При этом Месснер призывал отличать действия в рамках сетецентрической войны от традиционных революционных движений, имевших место в прошлом. «В старину бывали революции, а теперь местные революции поддерживают, финансируют государства», — писал он (с. 157). Таким образом, Месснер ясно дал понять, что принципиальное отличие прежних революций от мятежевойны состоит в том, что революции вызревали естественным путем на почве внутренних противоречий различных стран. А в условиях сетецентрической войны внутренние противоречия конкретных государств искусственно создаются или раздуваются внешними силами с использованием вышеперечисленных методов. А поскольку в мире нет стран, в которых не было бы внутренних проблем, то на практике любая страна может пасть жертвой сетецентрической агрессии.

[Содержание]

В ходе своего анализа Месснер выделил три характерные особенности мятежевойны — ее тотальность, системность и сетецентричность. Тотальность состоит в том, что мятежевойна охватывает всю территорию и все население противоборствующих государств, а не только линию фронта или их военную организацию и инфраструктуру. По словам Месснера, «в будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников», «происходит... отход от традиционного разделения на воинов и граждан: создается понятие «гражданин-воин»: каждый гражданин имеет право и обязанность участвовать в открытом или тайном воевании». «Теперь нет разделения на войско и население — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие — при удобном случае», — подчеркивал он (с. 70, 87, 110).

Системность мятежевойны состоит в том, что используются все компоненты национальной мощи противостоящих государств, а не только их вооруженные силы, «потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический» (с. 110). «Ныне стратегическая идея может уподобиться мячу, гоняемому футболистами из конца в конец поля: конечная цель одна, но промежуточных много, и они находятся в областях военной, дипломатической, экономической, политико-социальной и психологической», — указывал Месснер (с. 75).

Далее он писал: «В этом перемещении центра тяжести войны с полей битв в область народной борьбы национального, политического, социального, экономического характера в область психологии народных движений и заключается отличие мятежевойны от войны.... Верховный главнокомандующий и главнокомандующие на театрах войны (т. е. стратеги) не могут также обойтись без советников, авторитетных в учитывании и невоенных элементов стратегии: психологии народных масс, социальных и политических проблем, экономики и дипломатии» (с. 76, 114).

Сетецентричность мятежевойны состоит в том, что в ней задействуются разноуровневые, многообразные и независимые друг от друга силы и средства, которые не управляются из единого центра, а лишь координируются им. Основная идея, по мнению Месснера, состоит в том, что «каждая группа и соединение должны быть способны к самостоятельной боевой жизни». «Войсковая организация стремится стать весьма гибкой, самостоятельной в своих частях и поэтому живучей. Немецкий принцип «организация не терпит импровизации» сдан в архив: по требованию боевого момента импровизация строит и перестраивает отряды. Это новшество ставит высокие требования интеллекту и знаниям командного состава, штабов и солдат», — указывал он (с. 85).

Сетецентричный характер мятежевойны определяется также тем, что многие участники этой войны — партизаны, диверсанты, террористы — действуют в рамках «полувоинской дисциплины». Месснер, в частности, отмечал, что «сети разных организмов переплетаются, непрестанна текучесть людского состава из одного организма в другой под действием обстоятельств или под влиянием психологической заразительности». «Сегодня — подъем духа и люди идут в партизаны, завтра — уныние и партизаны дезертируют в саботажники; сегодня люди заразительно увлекаются вредительством, завтра их не получить ни на что большее, чем агитация шепотом», — указывал он (с. 138).

А это, по мнению Месснера, предъявляет весьма специфические требования к управлению наличными силами в ходе мятежевойны. «Мягкая гражданская дисциплина будет объединять саботажников и вредителей в толще воюющего народа. Вместо стройных колонн, направляемых волею полководца к единой тактической, оперативной или стратегической цели, будут сходиться, расходиться, сотрудничать или, враждуя, сталкиваться народные движения, разнообразные по своей идеологии, по своим интересам, по годности к борьбе, по надежности», — отмечал он (с. 110).

Подводя итог, Месснер пришел к выводу, что «стратегическое и оперативное руководство народными движениями в мятежевойне можно уподобить управлению войсками военной коалиции, где план действий нередко бывает компромиссным за невозможностью предписать партнерам выполнение воли верховного стратега» (с. 116).

Особенности мятежевойны предъявляют специфические требования и к военной организации государства. В этой связи Месснер писал: «Мятежемассы разделяются: одни на стороне правительства своего государства, другие на стороне внешнего врага, третьи — против того и другого. Власть с помощью своего аппарата и при содействии верных движений будет бороться против неверных, и таким образом одновременно с внешней войной будет вестись и внутренняя, междоусобная. Будут приложены все усилия, чтобы такую же междоусобицу вызвать и во враждебном государстве» (с. 115).

По этой причине подготовка к мятежевойне требует создания уже в мирное время соответствующих структур, что, по мнению Месснера, «сложнее, чем устройство воинства». В этой связи он указывал на то, что «в предвидении войны надо сконструировать силы для тайновоевания и партизанского воевания во вражеской стране и силы для противодействия такой же вражеской активности в нашей стране» (с. 138). «Скелетом этого фронта уже в мирное время должны быть полиция, тайная полиция, контрразведка, аппарат пропаганды и, на первом месте, войска внутренней безопасности», — подчеркивал он.

Во время войны на внутренние войска ложится обязанность «искоренения враждебного партизанства, в чем им помогают гражданские противопартизанские отряды». Далее Месснер писал: «Другого типа отряды способствуют контрразведке и полицейским органам в уничтожении групп террористических, диверсионных (как доморощенных, так и проникших из враждебной страны) и в обнаружении руководителей вредительства и саботажа, а также

в пресечении этих видов неприятельского воевания в народе. Третьего типа организмы усиливают собой кадр агитаторов, ведя разведывательную и оперативную работу: разведка состоит в уловлении слухов и лозунгов, распространяемых в народе врагом; оператика состоит в активной агитации всех видов (в том числе и в агитации шепотом, имеющей подчас большее психологическое действие, чем громкая официальная шумиха)» (с. 136).

Помимо этого Месснер указывал, что в мятежевойне надо уметь видеть общий замысел противника за разрозненными и, казалось бы, не взаимосвязанными событиями, напоминающими стихийное нарастание хаоса. «Стратеги мятежевойны избегают всего, что могло бы встревожить в народе (в народах) инстинкт самосохранения, и для этого идут по лестнице постепенности, а нарастание военных событий изображают как нагромождение происшествий, мало кого тревожащих или не глубоко тревожащих», — подчеркивал он (с. 157).

В связи с этим Месснер отмечал, что «надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами мятежевойны». «Нынешний мятеже-хаос нельзя делить на разрозненные серии «происшествий». В этом хаосе отсутствует казовая сторона классических войн — нападений и защит географических объектов, границ, городов, речных переправ... И этот хаос творится не хаотически, а весьма систематически, организованно, продуманно со стороны руководящих стратегических центров», — указывал он (с. 162–163).

Самое интересное, что Месснер вывел свою теорию мятежевойны из действий СССР и КНР против Запада. Он считал, что две эти коммунистические державы ведут против Запада мятежевойну, а последний просто не способен противостоять этой новой стратегии. Но правильно ли понимал Месснер сложившуюся тогда ситуацию? Следует ли считать политику СССР и КНР по подталкиванию мировой революции сетецентрической войной? На первой взгляд

позиция Месснера представляется обоснованной, так как многочисленные элементы сетецентрической войны действительно присутствовали в действиях СССР и КНР, так же, впрочем, как и в действиях Запада. Если, однако, проанализировать практику «холодной войны» по ключевым параметрам, то становится очевидно, что Месснер в данном случае ошибался.

Главное различие состоит в целях войны. Целью сетецентрической войны является уничтожение противника, его полное подчинение или расчленение его государства. Целью СССР не было уничтожение других стран. Москва стремилась преобразовать их в социалистические общества. Внешнеполитическая практика СССР наглядно подтверждает этот тезис. Так, например, стратегия Сталина в отношении Китая была направлена не на расчленение Китая, а напротив, на создание сильного социалистического Китая — союзника СССР. В Европе Польша была историческим соперником России и СССР. В логике сетецентрической войны было бы правильно расчленить или максимально ослабить Польшу. Однако по завершении Второй мировой войны Сталин не стал этого делать. Напротив, он создал сильную социалистическую Польшу, которой была передана часть немецких территорий.

Второе важное отличие — это методы ведения войны. На первый взгляд, особых различий не просматривается, так как и там, и там используется массированная пропаганда, внутренняя оппозиция, подготовленные отряды боевиков, информационная война, поставки вооружений и направление военных советников и даже добровольцев. Однако на самом деле различия есть, и они принципиальные. И вытекают они как раз из целей войны. Пропаганда велась с вполне конкретных коммунистических позиций, что делало невозможным использование всех слабых сторон и просчетов противника. Поддерживая мировой революционный процесс, СССР и КНР оказывали помощь только идеологически близким силам.

Например, никому в Москве не пришло в голову оказывать поддержку пронацистским партиям в Европе, хотя они могли реально дестабилизировать ситуацию внутри некоторых стран НАТО и вызвать кризис этого блока. Поддержка организаций террористической направленности также была исключена. Даже ООП и ИРА, грешившие терроризмом, поддерживались очень дозированно. В частности, поддержка именно террористических действий этих организаций не допускалась. Если бы это было не так, то им поставлялось бы соответствующее снаряжение и устройства. Тогда масштаб и эффективность их террористических атак увеличились бы на порядок.

Сетецентрическая война не ставит подобных ограничений. Если бы СССР стремился к уничтожению Запада, то он мог бы вести пропаганду с самых различных идеологических позиций, ударяя по всем болевым точкам противника. Например — призывать к обеспечению прав афроамериканцев и одновременно запугивать белое население изменением расового баланса в США. Москва могла бы тайно поддерживать и «Куклукс Клан» и «Черных пантер», снабжая их деньгами и оружием. На Ближнем Востоке СССР мог бы поддерживать радикальные шиитские организации с целью дестабилизации суннитских монархий Персидского залива, обеспечивавших Запад нефтью. Не гнушался бы СССР и сотрудничеством с латиноамериканскими наркокартелями, наводняющими США кокаином, и даже зарабатывал бы на этом. Создал бы боевые отряды американских индейцев для осуществления масштабных террористических атак на американские объекты инфраструктуры. Поддерживал бы троцкистские организации для ударов по объектам и персоналу НАТО в Западной Европе.

Этот список можно продолжать бесконечно. Но ничего такого СССР не делал, и в Кремле это даже никому не приходило в голову. Совсем другую картину можно наблюдать сейчас, в эпоху реальных сетецентрических войн. США спокойно поддерживают исламские террористические ор-

ганизации, враждебные западной цивилизации, и производство героина в Афганистане. Не гнушается Вашингтон и крышеванием пронацистских организаций на Украине. То есть стратегия кардинально изменилась, никаких идеологических ограничений на методы и способы ведения войны больше нет.

Таким образом, Месснер допустил явную ошибку в оценке характера «холодной войны», приравняв ее к сетецентрической войне. На самом деле «холодная война» со стороны СССР и КНР была войной революционной, которую сам же он призывал не путать с мятежевойной, отмечая, что «в мятежевойне военное и революционное тесно переплетено» (с. 108). И это «переплетение» затуманило понимание Месснером политики СССР по поддержке мирового революционного процесса. На это, в свою очередь, оказал влияние антикоммунизм Месснера, воевавшего в армиях Деникина и Врангеля против большевиков и затем оказавшегося в эмиграции в Югославии. А после победы коммунистов Тито в этой стране Месснеру пришлось бежать в Аргентину. Неприятие коммунизма и советской власти, безусловно, отразились на объективности его оценок политики СССР и КНР.

В то же время это никак не умаляет заслуг Месснера как основоположника теории сетецентрической войны. Обнаружив элементы такой войны в политике ведущих государств мира, он провел их доскональный анализ с военной точки зрения и правильно предсказал, как будет выглядеть война будущего. Его теория приобретает особую актуальность в настоящее время, поскольку вполне адекватно отражает то, что происходит сейчас на мировой арене в условиях разворачивающегося глобального противоборства западной цивилизации с российской и другими мировыми цивилизациями.

Errata

К «Исследованиям по истории русской мысли за 2012–2014» (М., 2015)

В публикации «Проект журнала «Литературная Москва» (1922)» в составе «Заметок по археологии русской мысли» М. А. Колерова автор просит:

исправить чтение фамилии на с. 640, строка 12 сверху:
вместо: *Л. Соболев* — читать: *Л. Собонеев [С б неев]*

и дополнить примечание, содержащее указание на архивный источник публикации на с. 638, прим. 85: *Впервые опубликов но с ошибк ми, иск жениями и пропуск ми в н зв -нии документ , имен х и прочтении ряд слов в: Изд ние художественной литер туры в РСФСР в 1919–1924 гг. / Сост. Л. М. Кресин , Е. А. Динерштейн. М., 2009. С. 155–157.*

[Содержание]

Серия «Исследования по истории русской мысли» (1996–2015)

М. А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996 (Том 1)

Исследования по истории русской мысли. [1] Ежегодник за 1997 год. СПб., 1997

Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998

Вер Проскурин . Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. СПб., 1998 (Том 2)

Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999

Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. М., 1999 (Том 4)

Евгений Голлерб х. К незримому граду: Религиозно-философская группа «Путь» (1910-1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000 (Том 3)

Л. К цис. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000 (Том 5)

[Содержание]

Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000

С. Н. Булг ков. Труды о троичности. М., 2000 (Том 6)

Русл н Хест нов. Александр Герцен: импровизация против доктрины. М., 2000 (Том 7)

Проблемы идеализма (Москва, 1902). М., 2002 (Том 8)

М. А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002 ([Без номера])

Исследования по истории русской мысли. [5] Ежегодник за 2001–2002 годы. М., 2002

Алекс ндр Койре. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2004 (Том 9)

Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004

А. С. Глинк (Волжский). Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., 2005 (Том 10)

Вл димир Белоус. ВОЛЬФИЛА: 1919–1924. В двух книгах. М., 2005 (Том 11)

Исследования по истории русской мысли. 7. Ежегодник за 2004–2005 год. М, 2007

Френсис Нэтеркотт. Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917). М., 2008. (Том 13)

Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009

С. Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I. М., 2010 (Том 14. Книга 1)

В. В. Зеньковский. Пять месяцев у власти [Воспоминания]. М., 2011 (Том 15)

Е. А. Прибытков . Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьева. М., 2011 (Том 16)

Исследования по истории русской мысли. 9. Ежегодник за 2008–2009 год. М., 2012

Исследования по истории русской мысли. 10. Ежегодник за 2010–2011 год. М., 2014

Елен Т хо-Годи. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М., 2014 (Том 17)

Национализм. Полемика 1909–1917. 2 издание. М., 2015 (Том 18)

Исследования по истории русской мысли. 11. Ежегодник за 2012–2014 год. М., 2015

Пл ны продолжения моногр фической ч сти серии:

Арон Штейнберг. Дневники (1909–1971). Ф. М. Достоевский / Составление, подготовка текста и комментарии Нелли Портновой.

С. Н. Булгаков и «Спор о Софии». Антология / Сост. А. П. Козырев.

М. А. Колеров. Индустрия идей: русские «идейные сборники» XIX–XX вв. 2-t издание, дополненное.

Русские неокантианцы в Германии: Диссертации / Сост. Н. А. Дмитриева.

М. А. Колеров. Сталин: от Фихте к Берия: Очерки по истории идейно-политического языка сталинского коммунизма.

М. А. Колеров. Революционер / контрреволюционер: Пётр Струве и его время, 1884–1917 / 1918–1925. Исследования и материалы.

Электронные версии изданий: **www.iarex.ru/books/**

Издатель Модест Колеров
115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Подписано в печать 29.07.2016. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97